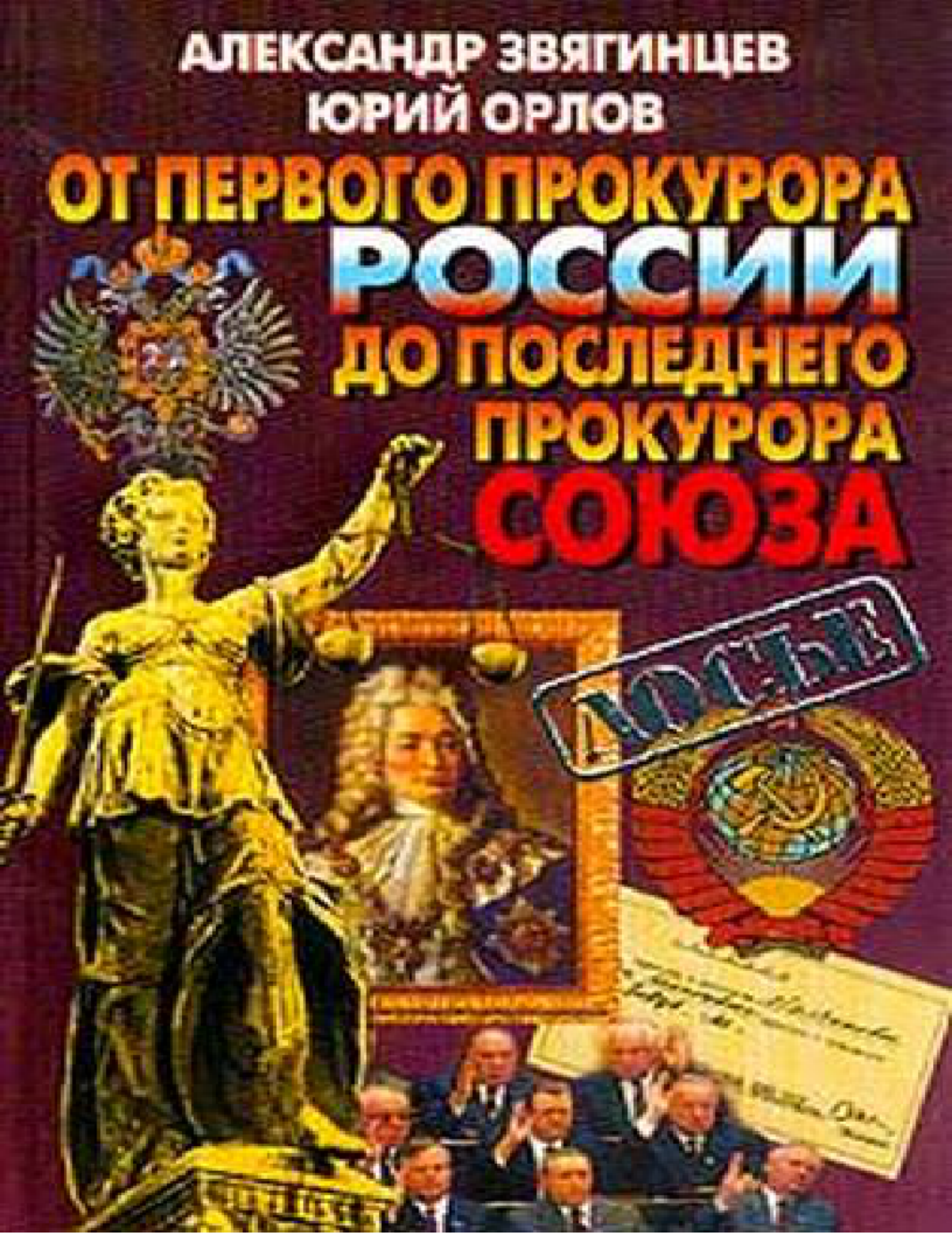
АЛЕКСАНДР ЗВЯГИНЦЕВ
ЮРИЙ ОРЛОВ

ОТ ПЕРВОГО ПРОКУРОРА РОССИИ ДО ПОСЛЕДНЕГО ПРОКУРОРА СОЮЗА



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этой книге собраны краткие биографические очерки о всех прокурорах России и Советского Союза, начиная с 1722 года, когда Петром I были образованы органы прокуратуры, и заканчивая распадом СССР.

- Александр Звягинцев
  - Галерея Российских и Советских прокуроров
  - «СЕЙ ЧИН ЯКО ОКО НАШЕ»
  - «НЕОСЛАБНОЕ СМОТРЕНИЕ ИМЕЛИ»
  - «СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ДОБРОДЕТЕЛЬ ВСЕМУ ПРЕДПОЧИТАТЬ»
  -
  - «ЛИШИЛ СЕБЯ ДОВЕРЕННОСТИ»
  - «ВАС ПОЧИТАЮТ ЗА ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА»
  - «ПРИЛОЖИТЬ ВСЕМЕРНОЕ СТАРАНИЕ»
  - «ТРЕБОВАНИЯ ПРОКУРОРОВ С НАДЛЕЖАЩИМ УВАЖЕНИЕМ ПРИНИМАТЬ»
  - «ХРАНИЛ ПРАВДИВОЕ СЕРДЦЕ»
  - «УПОДОБИЛСЯ ВЕЛИКОМУ ВИЗИРЮ»
  - «ПО СТЕЗЕ ПРАВДЫ И ЗАКОНОВ»
  - «СЛУЖИЛ СО ВСЕМ УСЕРДИЕМ»
  - «БЛЮСТИТЕЛЬ ЗАКОНОВ»
  - «ПОРУЧАЮ ВАМ УСУГУБИТЬ НАДЗОР»
  - «ЗАБЫВАТЬ СВОЙ ПОКОЙ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДРУГИХ»
  - «БЛЮСТИТЕЛЬ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ»
  - «БЫЛ ТВЕРД В СВОИХ МНЕНИЯХ»
  - «ДОБРА ДЕЛАЛ ОН МНОГО»
  - «НЕУКЛОННО ОСУЩЕСТВЛЯЛ ВОЛЮ ИМПЕРАТОРА»
  - БОЕЦ ЗА СУДЕБНУЮ РЕФОРМУ
  - «ОБЛАДАЛ БОЛЬШИМ ОПЫТОМ»
  - «ТИПИЧНЫЙ РУССКИЙ МИНИСТР»
  - «ЗАКОННИК В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА»
  - «БЫЛ ДОСТУПЕН ДЛЯ ВСЕХ»
  - «ТАЛАНТЛИВЕЙШИЙ ИЗ ПРОКУРОРОВ»
  - «ОТСТОЯТЬ В ДНИ СМУТЫ И ПОТРЯСЕНИЯ ИНТЕРЕСЫ ПРАВА И ЗАКОННОСТИ»
  - «ПОПУЛЯРНОСТИ НИКОГДА НЕ ИСКАЛ»
  - «ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАСТИ И БОРЬБЫ»
  - «ДЛЯ СЕБЯ НИЧЕГО НЕ ИСКАЛ»
  - «ЧЕЛОВЕК ТВЕРДЫХ УБЕЖДЕНИЙ»
  - «ЧЕЛОВЕК НЕБРЕГУЩИЙ СЛУЖБОЮ»

- «НЕ ОТСТУПЛЮ ОТ СВОИХ ПРИНЦИПОВ»
- «ПРИЗВАН НА ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПОСТ»
- «УКРЕПИТЬ В НАРОДЕ ЧУВСТВО ЗАКОННОСТИ И ПРАВА»
- «В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВСЕГДА ДЕРЖАЛСЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОНА»
- «ОТЧЕТЛИВО СОЗНАВАЛ БЕЗНАДЕЖНОСТЬ БОРЬБЫ»
- «ТАМ, ГДЕ ГРЕМЯТ ПУШКИ, МОЛЧИТ ПРАВО»
- «ВОИНСТВУЮЩИЙ БЕЗБОЖНИК»
- ОТ «КРАСНОГО ДИРЕКТОРА» ДО НАРКОМА
- «ПУСТЬ СУД ИСТОРИИ СУДИТ НАС…»
- «ВОЛЯ ПАРТИИ И СУДА»
- «ЧУВСТВУЮ НАПРЯЖЕННОСТЬ БОРЬБЫ»
- «ОСОБОУПОЛНОМОЧЕННЫЙ СТАЛИНА»
- «ИСПОЛНЯЮЩАЯ ОБЯЗАННОСТИ ГЕРЦОГИНИ»
- «КРЕПКИЙ БОЛЬШЕВИК»
- «СЧИТАЛ СЕБЯ ВРАГОМ ЦАРИЗМА»
- «КОЛЕБАНИЙ ОТ ЛИНИИ ПАРТИИ НЕ ИМЕЛ»
- «ВЫДАЮЩИЙСЯ И ТАЛАНТЛИВЫЙ КОМАНДИР»
- «МЕНЯ НЕ КОСНУЛАСЬ РОКОВАЯ КРУГОВЕРТЬ…»
- «НЕ ПОВТОРЯТЬ ОШИБОК ПРОШЛОГО»
- «УМЕЕТ РУКОВОДИТЬ АППАРАТОМ»
- «ВОВРЕМЯ ЗАМЕТИТЬ НЕЗАКОННЫЙ ПРИГОВОР»
- «ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНА ДОЛЖНЫ СТРОГО СОБЛЮДАТЬСЯ»
- «ЦЕНИЛ ЧЕСТНОСТЬ И ПРАВДИВОСТЬ»
- «ТРЕБОВАТЕЛЕН К СЕБЕ И ПОДЧИНЕННЫМ»
- «ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ»
- «ПОЛЬЗУЕТСЯ УВАЖЕНИЕМ ПОДЧИНЕННЫХ»
- «ПРОКУРОРЫ ОБЯЗАНЫ БЫТЬ БЛИЖЕ К ЖИЗНИ»
- «ОБАЯТЕЛЬНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК»
- ПОСЛЕДНИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Александр Звягинцев
Юрий Орлов
От первого прокурора России до последнего прокурора Союза

Галерея Российских и Советских прокуроров

В предлагаемой вниманию читателей книге впервые под одной обложкой собраны краткие очерки о жизни и деятельности лиц, когда-либо поднимавшихся на прокурорский Олимп в России и Советском Союзе на протяжении почти 300-летней истории этого государственного института. Органы прокуратуры были образованы Петром I в 1722 году. С этого времени должность генерал-прокурора в России вплоть до Октябрьской революции 1917 года занимали 35 человек. Первым среди них был сподвижник императора Павел Иванович Ягужинский, впоследствии граф и кавалер многих орденов.

После революции более четырех лет прокурорского надзора в стране не существовало. Лишь в 1922 году постановлением ВЦИК РСФСР в Советской России была воссоздана прокуратура. Первым Прокурором РСФСР стал яркий представитель победившего класса, профессиональный революционер, юрист Дмитрий Иванович Курский. В первые годы каждая советская республика имела своего прокурора. Однако с образованием Советского Союза, в целях координации их деятельности и осуществления надзора за общесоюзными органами, была введена должность прокурора Верховного суда СССР, которую занял известный юрист, активный революционер Петр Ананьевич Красиков. В 1933 году, когда была учреждена Прокуратура Союза ССР, первым союзным прокурором вновь стал человек с революционными заслугами, но далекий от юриспруденции, Иван Алексеевич Акулов. В декабре 1991 года, в связи с распадом Советского Союза, упраздняется Прокуратура СССР, а Прокуратура РСФСР получает новое наименование — Генеральная прокуратура Российской Федерации. В то время ею руководил Валентин Георгиевич Степанков.

В советский и постсоветский периоды органы прокуратуры России и Советского Союза возглавляли 29 человек. Всего, таким образом, с момента основания прокуратуры высший пост в ней занимали 64 человека. Нынешним, 65-м по счету, Генеральным прокурором Российской Федерации является Владимир Васильевич Устинов.

Если бросить даже беглый взгляд на биографии российских и советских прокуроров, то можно заметить, что каждый из них самобытен и не похож на предшественника. Многие прокуроры искренне радели о соблюдении законности в стране, боролись за

справедливость по мере своих сил и возможностей, а также таланта и способностей. Судьба была к одним более благосклонна, к другим, — может быть, менее. Кто-то поднимался на вершину прокурорской власти медленно, ступенька за ступенькой преодолевая иерархическую лестницу, кто-то взлетал быстро и стремительно. В большинстве своем люди, выдвинутые на этот пост императором или вождем, генсеком или президентом, занимали его по праву и достойно. Но были и случайные лица, попавшие на прокурорскую должность по воле случая или обстоятельств и совсем не имеющие к ней склонности.

Несколько человек руководили органами прокуратуры не один десяток лет. Среди «долгослужителей» выделяются генерал-прокурор князь А. А. Вяземский (занимал должность в течение 29 лет), Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко (27 лет), генерал-прокуроры князья В. Н. Панин (23 года) и Н. Ю. Трубецкой (20 лет). Совместный срок этих четырех государственных мужей во главе прокуратуры составляет без малого сто лет. Целый век!

Но были и такие, кто промелькнул и быстро скрылся за прокурорским горизонтом. Менее всего пришлось служить на этом поприще ставленнику Временного правительства генерал-прокурору И. Н. Ефремову — всего 11 дней. Характерно, что за короткий период существования этого правительства, с февраля по октябрь 1917 года, сменилось пять генерал-прокуроров. Такая же кадровая «чехарда» наблюдалась в предреволюционный период, с июля 1915 по февраль 1917 года, когда прокуратурой сумели поруководить три человека менее чем за два года, и в постсоветский период, с 1992 по 2000 год, когда, сменяя друг друга, на посту Генерального прокурора Российской Федерации побывало шесть человек. Например, О. И. Гайданов временно исполнял обязанности менее одного месяца, А. И. Казанник — около пяти.

В российской истории случалось, что один человек дважды занимал высший прокурорский пост. На стыке XVIII и XIX веков такой чести удостаивались генерал-прокуроры А. А. Беклешов и князь П. В. Лопухин. Князь Я. П. Шаховской, единственный из всех генерал-прокуроров, был еще и обер-прокурором Святейшего Синода. В советский период дважды становились прокурорами (вначале республики, а затем Союза) А. Я. Вышинский, М. И. Панкратьев, Н. С. Трубин. А вот В. Г. Степанков за полтора года пребывания в высокой прокурорской должности успел побывать вначале Генеральным прокурором РСФСР, а затем — Генеральным прокурором Российской Федерации.

Начиная с 1802 года (по октябрь 1917 года) все генерал-

прокуроры России были одновременно и министрами юстиции. В советский период истории такое совмещение некоторое время сохранялось. Прокуроры РСФСР Д. И. Курский и Н. М. Янсон были и наркомами юстиции республики. Затем эти должности разъединили, но вплоть до 1936 года во всех советских республиках наркомы юстиции руководили и системой прокуратуры. Вообще, у прокуратуры и органов юстиции часто были общие руководители. Например, Н. В. Крыленко и В. А. Антонов-Овсеенко вначале стали прокурорами республики, потом наркомами юстиции РСФСР. К. П. Горшенин с поста наркома юстиции РСФСР был назначен Генеральным прокурором СССР, а после министром юстиции СССР. Прокурор республики Н. М. Рычков с этой должности поставлен наркомом, а с 1946 года министром юстиции СССР. В кресло союзного министра юстиции переместился и Прокурор РСФСР Б. В. Кравцов, а его предшественники на прокурорском посту А. А. Круглов и В. М. Блинов стали: первый — председателем юридической комиссии при Совете Министров РСФСР (минюсты тогда были ликвидированы), а второй — министром юстиции республики. Генеральный прокурор СССР А. Я. Сухарев до назначения на эту должность был министром юстиции РСФСР.

Нередко бывшие генерал-прокуроры (в новейшей истории прокуроры и генеральные прокуроры) занимали самые высокие государственные посты, что свидетельствует о незаурядности этих лиц. А одному из них, А. Ф. Керенскому, даже удалось стать на короткое время главой Российского государства. Первый генерал-прокурор граф П. И. Ягужинский был кабинет-министром, Н. Ю. Трубецкой и Я. П. Шаховской — конференц-министрами. Князь П. В. Лопухин, граф Д. Н. Блудов, М. Г. Акимов и И. Г. Щегловитов возглавляли Государственный совет Российской империи. Такие же примеры есть и в советской истории. Прокурор Союза ССР И. А. Акулов стал затем секретарем ЦИК ССР, а А. Я. Вышинский — заместителем Председателя Совнаркома СССР. Бывший прокурор республики Н. М. Янсон одно время работал заместителем Председателя Совнаркома РСФСР, а возглавлявшие прокуратуру республики И. Т. Голяков и А. А. Волин долгое время руководили Верховным судом СССР.

Российским и советским прокурорам не чужда была и дипломатическая деятельность. Из царских прокуроров хорошими дипломатами зарекомендовали себя граф П. И. Ягужинский, князь Д. И. Лобанов-Ростовский, Д. В. Дашков, граф Д. Н. Блудов, граф В. Н. Панин, Н. В. Муравьев. Из советских — Д. И. Курский, В. А. Антонов-Овсеенко, А. Я. Вышинский. Последний был даже министром иностранных дел СССР.

Среди прокуроров встречалось немало профессиональных военных, офицеров и генералов, не раз участвовавших в сражениях. В дооктябрьский период — это князь Н. Ю. Трубецкой (генерал-фельдмаршал), князь Я. П. Шаховской, А. И. Глебов, князь А. А. Вяземский, А. Н. Самойлов, А. А. Беклешов, князь Д. И. Лобанов-Ростовский. В советский период — Н. В. Крыленко (Верховный главнокомандующий), В. А. Антонов-Овсеенко, В. М. Бочков, А. М. Рекунков, А. Я. Сухарев, Б. В. Кравцов (Герой Советского Союза), П. В. Баранов.

За все время существования органов прокуратуры лишь однажды их возглавляла женщина. В царское время, как известно, женщин на службу не принимали. Только незадолго до революции, 8 февраля 1917 года, по предложению генерал-прокурора Н. А. Добровольского Совет Министров утвердил закон, согласно которому женщины, имевшие свидетельство об окончании гимназии или института, могли быть определены на службу на канцелярские должности центрального и местных учреждений министерства юстиции, а также в канцелярию Правительствующего сената. В советской прокуратуре женщины стали работать помощниками прокуроров, прокурорами районов, занимали должности в аппаратах республик, краев и областей. В середине 1930-х годов Фаина Ефимовна Нюрина некоторое время исполняла обязанности Прокурора РСФСР. В последующие годы только Н. А. Горшеневой довелось быть заместителем Прокурора РСФСР. Больше ни одна из женщин в России не занимала эту высокую должность. Правда, в ряде других союзных республик на этих постах были и женщины.

Руководителями органов прокуратуры, как правило, становились люди зрелого возраста (45–60 лет). И все же иногда высшие прокурорские должности занимали достаточно молодые люди. Самым молодым прокурором России был граф К. И. Пален, ставший генерал-прокурором в 34 года. А. Ф. Керенский возглавил прокуратуру в 36 лет. В таком же возрасте К. П. Горшенин стал союзным, М. И. Панкратьев и А. А. Волин — республиканскими прокурорами, а А. Н. Ильюшенко — и. о. Генерального прокурора Российской Федерации.

Традиционно высоким был и образовательный уровень большинства прокуроров. В XVIII веке они преимущественно получали блестящее домашнее воспитание, иногда учились за границей, оканчивали кадетские корпуса. Лишь один генерал-прокурор, П. Х. Обольянинов, не получил никакого системного образования, его обучили только чтению и письму. В XIX и начале XX века (до Октябрьской революции) генерал-прокурорами становились лица, окончившие юридический факультет

университета (11 человек), либо Императорское училище правоведения (4 человека), либо иное престижное учебное заведение (гимназия, лицей, частный пансион). Только Д. П. Трощинский имел всего лишь начальное образование. В советский и постсоветский период истории большинство прокуроров (генеральных прокуроров) СССР и республики были с высшем юридическим образованием. Лишь отдельные лица (Н. М. Янсон, Н. М. Рычков, М. И. Панкратьев) имели начальное образование. При этом они, как правило, заканчивали различные юридические курсы.

Среди прокуроров немало людей, серьезно занимавшихся наукой, преподававших в вузах. Генерал-прокурор граф Д. Н. Блудов был президентом Петербургской академии наук. Его перу принадлежат несколько серьезных исторических исследований. И. Г. Щегловитов читал лекции в Императорском училище правоведения, издал капитальный труд по уголовному судоустройству. Н. В. Муравьев написал большую работу по истории органов прокуратуры — «Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности», выпустил два тома своих судебных речей и статей. Прокурор Союза ССР А. Я. Вышинский являлся академиком. Его труд «Теория судебных доказательств в советском праве» удостоен Сталинской премии 1-й степени. Докторами юридических наук, профессорами (до назначения на пост либо после) были Генеральный прокурор СССР К. П. Горшенин, Генеральные прокуроры Российской Федерации Ю. И. Скуратов и А. И. Казанник, Прокурор РСФСР И. Т. Голяков. Доктором юридических наук после ухода с должности Генерального прокурора СССР стал и А. Я. Сухарев. Все они в свое время руководили научно-исследовательскими юридическими институтами. Кандидатами юридических наук являлись прокуроры РСФСР С. А. Емельянов и В. М. Блинов, Генеральный прокурор СССР Н. С. Трубин, временно исполняющий обязанности Генерального прокурора Российской Федерации О. И. Гайданов.

Отдельные российские и советские прокуроры проявили себя и выдающимися судебными ораторами. Это в первую очередь генерал-прокурор Н. В. Муравьев, Прокурор РСФСР Н. В. Крыленко, Прокурор СССР А. Я. Вышинский, Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко. Они не только не чуждались судебной трибуны, но и любили ее. Их обвинительные речи часто публиковались в периодической печати, выходили отдельными сборниками. Но было немало и таких, которые, находясь в этой высокой должности, на трибуну ни разу не поднимались.

Некоторые прокуроры добились выдающихся успехов и на

ином поприще, весьма далеком от юридической казуистики. Прочно связаны с историей русской литературы имена знаменитых поэтов генерал-прокуроров Гаврилы Романовича Державина и Ивана Ивановича Дмитриева. Хорошо были известны в литературной среде генерал-прокуроры Д. В. Дашков и Д. Н. Блудов, создатели литературного общества «Арзамас», членом которого состоял юный А. С. Пушкин. Разносторонние интересы имел и Прокурор РСФСР Н. В. Крыленко. Он возглавлял шахматную организацию страны, взрастившую целую плеяду выдающихся гроссмейстеров, являлся признанным мастером-альпинистом, даже в одиночку покоривший горные вершины. О своих увлекательных путешествиях он рассказал в нескольких книгах.

Прокуроры иногда писали мемуары и записки о своей жизни. Среди мемуаристов можно выделить генерал-прокуроров князей Н. Ю. Трубецкого и Я. П. Шаховского, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, А. Ф. Керенского, П. Н. Малянтовича, а также бывшего Генерального прокурора Российской Федерации Ю. И. Скуратова. Работает над своими мемуарами и бывший прокурор республики А. А. Волин.

О ряде генерал-прокуроров и советских прокурорах опубликовали интересные воспоминания их современники. В частности, о П. Х. Обольянинове, Г. Р. Державине, И. И. Дмитриеве, Д. Н. Блудове, Н. А. Манассеине, И. Г. Щегловитове, А. А. Хвостове, А. Ф. Керенском, а также о Н. В. Крыленко, П. А. Красикове, Р. А. Руденко, Б. В. Кравцове и др.

В прокуроре, осуществлявшем надзор за законностью в стране, возбуждавшем уголовное преследование и обвинявшем преступников, общество всегда хотело видеть эталон честности и благородства. Как правило, так оно и было. И все же некоторым из них, порой заслуженно, а иногда и нет, самим пришлось побывать под следствием или судом по обвинению в различных преступлениях, в том числе и по службе. В подавляющем большинстве случаев обвинения потом отпадали. Находился под стражей даже самый первый генерал-прокурор граф П. И. Ягужинский, когда после смерти Петра I «верховники» намеревались захватить власть. За злоупотребления, допущенные при осуществлении деятельности, связанной с винным откупом, а также в Главном кригскомиссариате, лишился своего места, а затем попал под суд генерал-прокурор А. И. Глебов. Еще в бытность свою тамбовским губернатором Г. Р. Державин из-за происков генерал-губернатора Гудовича, с которым он не поладил, был предан суду Правительствующего сената, но его оправдали. До вступления в должность генерал-прокурора

арестовали И. И. Дмитриева вместе с его товарищем Лихачевым по обвинению в «умышлении» на жизнь императора Павла I. Отпущены молодые люди были лишь после того, как генерал-губернатор Петербурга Архаров снял с них все обвинения, отыскав доносчика.

После Февральской революции 1917 года Временным правительством в числе других высших царских сановников были арестованы генерал-прокуроры И. Г. Щегловитов, Н. А. Добровольский и А. А. Макаров. Двое первых — за злоупотребления, допущенные ими в бытность свою на высшем прокурорском посту, а последний — в должности министра внутренних дел. Все трое казнены после Октябрьской революции. Генерал-прокурора А. А. Хвостова, хотя и не арестовывали, но он находился под следствием и допрашивался. При Советской власти содержались под стражей бывшие генерал-прокуроры С. С. Манухин (осужден в 1921 году по делу В. Н. Таганцева, но вскоре амнистирован) и П. Н. Малянтович (трижды). Последний арест для него оказался роковым. Обвиненный в контрреволюционной деятельности и выдаче предписания на арест В. И. Ленина накануне Октябрьской революции, он был расстрелян. В 1990 году полностью реабилитирован.

Советские прокуроры до последнего времени подвергались аресту лишь за контрреволюционные преступления. В конце 1930-х годов в этом были обвинены и после непродолжительного суда расстреляны бывшие Прокурор СССР А. И. Акулов, прокуроры РСФСР Н. М. Янсон, Н. В. Крыленко и В. А. Антонов-Овсеенко, и. о. прокурора республики Ф. Е. Нюрина. В настоящее время все они реабилитированы.

В постсоветский период за злоупотребления по службе был арестован и длительное время содержался в следственном изоляторе бывший и. о. Генерального прокурора Российской Федерации А. Н. Ильюшенко. Хотя он освобожден из-под стражи, однако решение по его делу пока не принято. Ю. И. Скуратов был отстранен от должности Генерального прокурора Российской Федерации Президентом России после возбуждения против него уголовного дела. Теперь оно находится в стадии расследования.

Интересно добавить, что среди российских и советских прокуроров немало долгожителей. Генерал-прокуроры П. Х. Обольянинов и А. Ф. Керенский прожили почти по 90 лет, прокурор республики П. В. Баранов — 82 года, генерал-прокурор князь Д. И. Лобанов-Ростовский и Прокурор Союза ССР В. М. Бочков — по 80 лет, генерал-прокуроры граф Д. Н. Блудов, граф К. И. Пален и И. Н. Ефремов — по 79 лет. Но «рекордсменом» является бывший Прокурор РСФСР Анатолий Антонович Волин,

которому недавно исполнилось 97 лет.

Жизнь и деяния российских и советских прокуроров были тесно связаны с историей нашей Родины. Надеемся, что краткие очерки о каждом из них будут интересны и познавательны для читателей.

«СЕЙ ЧИН ЯКО ОКО НАШЕ» Генерал-прокурор ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ЯГУЖИНСКИЙ

Первый в истории государства Российского генерал-прокурор граф Павел Иванович Ягужинский родился в 1683 году в семье бедного литовского органиста. Он с молодости отличался веселым и живым нравом, был остроумным и сообразительным. Службу свою начал при фельдмаршале Федоре Головине. В 1701 году Петр I, завороженный образной красивой речью, умом и выдающимися способностями юноши, зачислил его в Преображенский полк, а затем пожаловал в денщики. С этого времени начинается стремительная и блестящая карьера П. И. Ягужинского, ставшего одним из любимцев русского царя. В 27 лет он уже камер-юнкер и капитан Преображенского полка; затем последовательно становится генерал-адъютантом, генерал-

майором и, наконец, генерал-лейтенантом.

Прекрасно владевший несколькими иностранными языками, умный и ловкий, он неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Петра I: вел переговоры с королями Дании и Пруссии, участвовал в ряде конгрессов, часто сопровождал царя в его заграничных поездках.

12 января 1722 года *(до 1 марта 1918 года все даты указаны по старому стилю)* — знаменательная дата в истории Российского государства. В этот день была учреждена прокуратура. В именном высочайшем указе Правительствующему сенату отмечалось: «Надлежит быть при Сенате Генерал-Прокурору и Обер-Прокурору, а также во всякой Коллегии по Прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-Прокурору». Спустя несколько дней были введены должности прокуроров и при надворных судах.

18 января император Петр I назначил Павла Ивановича Ягужинского первым генерал-прокурором Сената. Представляя его Сенаторам, Петр I сказал: «Вот око мое, коим я буду все видеть». Эта же мысль нашла свое отражение и в указе от 27 апреля 1722 года «О должности Генерал-прокурора»: «И понеже сей чин — яко око наше и стряпчий о делах государственных». Указ устанавливал основные обязанности и полномочия генерал-прокурора по надзору за Сенатом и руководству подчиненными органами прокуратуры.

По отзывам современников, Ягужинский был видный мужчина, с лицом неправильным, но выразительным и живым, со свободным обхождением, капризный и самолюбивый. Он был очень умен и деятелен. За один день Ягужинский делал столько, сколько другой не успевал и за неделю. Мысли свои выражал без лести перед самыми высокими сановниками и вельможами, порицал их смело и свободно. Талантливый и ловкий, он не робел ни перед кем. Не случайно светлейший князь Меншиков «от души ненавидел его».

Ближайшим помощником П. И. Ягужинского, обер-прокурором Сената, стал Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, выдвинувшийся из среды гвардейских офицеров.

Основное внимание в своей прокурорской деятельности Ягужинский сосредоточил на контроле за повседневной работой Сената, за правильностью и законностью разрешения дел, их своевременным прохождением, порядком в Сенате и т. п. Коллегиальные решения были еще чужды сознанию самолюбивых сановников, которые не привыкли считаться с чужим мнением и уважать его, поэтому в Сенатском собрании зачастую возникали ссоры, крики, брань, а иногда и драки. В связи с этим Ягужинский

вынужден был даже написать особое «предложение» Сенату, в котором просил Сенаторов воздержаться от ссор и споров, «ибо прежде всего это неприлично для такого учреждения, как Сенат».

П. И. Ягужинский довольно быстро занял ключевые позиции в государственных делах, играя по существу роль второго лица в империи после Петра I. По выражению русского историка В. О. Ключевского, генерал-прокурор становится «маховым колесом всего управления». Императора вполне удовлетворяла активная деятельность П. И. Ягужинского, и он во всем поддерживал его. Петр I не раз говорил своим приближенным: «Что осмотрит Павел, так верно, как будто я сам видел». 7 мая 1724 года, в день коронации императрицы Екатерины Алексеевны, П. И. Ягужинский был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного.

Петр I, всегда жестоко преследовавший сановников за взяточничество и воровство, часто поручал генерал-прокурору Ягужинскому ведение розыска, то есть следствия по делам. В частности, он расследовал дело обер-фискала Нестерова, который был изобличен во взяточничестве и казнен.

Когда дело касалось интересов закона, Ягужинский не боялся противостоять даже членам царской фамилии. Об этом свидетельствует такой случай. Один из служителей царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Ивана Алексеевича (брата Петра I), Деревнин как-то раз поднял и припрятал у себя оброненное фаворитом царицы Юшковым письмо. Эта пропажа очень обеспокоила царицу, так как письмо было написано ею. Вскоре Деревнин попал под подозрение и его взяли в Тайную канцелярию, где подвергли допросам. Деревнин присвоение письма отрицал, и дело продвигалось медленно, что явно не устраивало царицу. Она решила лично учинить допрос провинившемуся и однажды вечером под видом раздачи милостыни арестантам вместе со своими слугами заявилась в Тайную канцелярию. Там она подвергла колодника Деревнина самым изощренным пыткам и истязаниям. Царица самолично била его палкой, а ее слуги в это время жгли Деревнина свечами. После этого ему облили голову «крепкой водкой» и подожгли. Караульщики едва смогли сбить пламя с колодника. Боясь ответственности за содеянное царицей, которая к тому же и не думала униматься, дежурный офицер сообщил о происшествии обер-прокурору Скорнякову-Писареву, но тот отказался вмешиваться. Тогда офицер разыскал генерал-прокурора Ягужинского. Последний немедленно приехал в Тайную канцелярию. Он отобрал у царицы арестованного и велел направить его под караулом в свой дом. На требования царицы отдать ей Деревнина Ягужинский сказал: «Что хорошего,

государыня, что изволишь ездить ночью по приказам. Без именного указа отдать невозможно».

В соответствии с утвержденной Петром I должностью Ягужинский обязан был «смотреть над всеми прокурорами», сидящими в коллегиях и надворных суда х, «дабы они в своем звании истинно и ревностно поступали», а все их «доношения» предлагать Сенату и «инсигновать», чтобы «по ним исполнено было».

Никаких особых личных требований для службы в прокуратуре в то время не устанавливалось. Велено было избирать их «из всяких чинов», но только лучших.

Прокуроры назначались на свои должности Сенатом по предложению генерал-прокурора, но за те или иные проступки они могли быть наказаны лишь Сенатом. Сам же генерал-прокурор и его заместитель, обер-прокурор, были ответственны только перед императором. В указе «О должности генерал-прокурора» на этот счет отмечалось: «Генерал- и обер-прокуроры ничьему суду не подлежат, кроме нашего».

Многие прокуроры сразу же развернули довольно активную работу. Они строго наблюдали за деятельностью учреждений, при которых состояли, обращая внимание на нарушения закона, волокиту, воровство и т. п. Очень интенсивно начал свою деятельность прокурор при Московском надворном суде князь Василий Гагарин. Он направил генерал-прокурору Ягужинскому несколько донесений, в которых указывал, что надворный суд не соблюдает указов о розыске преступников, отчего, по его мнению, «чинится ворам послабление», что председатель суда Тарбеев при слушании дел допускает незаконные действия. По докладу Ягужинского Сенат поручил исследовать эти нарушения президенту юстиц-коллегии Сенатору Матвееву.

Будучи приближенным к императору и пользуясь его полным доверием, Ягужинский оказывал огромную поддержку подчиненным ему прокурорам, всячески выводя их из-под влияния учреждений, при которых они состояли. При случае он находил возможным испрашивать чины и награды для прокуроров, выставляя их перед Петром I как особенно усердных, преданных и честных слуг престола.

При преемниках Петра I П. И. Ягужинский в полной мере познал как взлеты, так и падения. Во время «заговора верховников» был даже обвинен в измене и арестован, но из кратковременного заточения вышел еще более могущественным. Именным указом от 2 октября 1730 года императрица Анна Иоанновна укрепила пошатнувшуюся было прокуратуру, подтвердив, что при Сенате должны быть генерал- и обер-

прокуроры, а при коллегиях и других судебных местах — прокуроры, действующие по данной им должности. И далее: «И для того ныне в Сенат, покамест особливый от нас генерал-прокурор определен будет, иметь в должности его надзирание из членов Сенатских генералу Ягужинскому, а в его дирекции в должность обер-прокурора быть статскому советнику Маслову, а прокуроры ж в коллегии и канцелярии, в которые надлежит, определяются немедленно».

Однако это была уже лебединая песня Ягужинского как генерал-прокурора. Вокруг императрицы стали возвышаться другие лица, набирал силу ее любимец Бирон. После нескольких ожесточенных схваток с ним Ягужинский, по свидетельству современников, «с радостью воспринял весть о назначении его послом в Берлин вместо ссылки в Сибирь».

В Пруссии Павел Иванович находился до 1735 года, после чего возвратился в Россию. Он получил графское достоинство и стал кабинет-министром императрицы. Продолжал Ягужинский носить и звание генерал-прокурора, хотя фактически от прокурорских дел уже отошел.

П. И. Ягужинский достиг чина действительного тайного советника, был пожалован в Сенаторы и обер-шталмейстеры, не раз награждался различными знаками отличия, большими имениями и крупными суммами денег.

Ягужинский был женат дважды: на Анне Федоровне Хитрово, с которой развелся в 1723 году, и на дочери канцлера Анне Гавриловне Головкиной. От первого брака он имел сына (умер в 1724 году) и трех дочерей; от второго — сына, Сергея, дослужившегося до генерал-поручика (умер в 1806 году), и трех дочерей. Вторая жена генерал-прокурора была «высока ростом, имела прекрасный стан и отличалась приятностью в обхождении». Считалось, что она танцевала лучше всех в Петербурге. Судьба ее оказалась трагичной. После смерти Ягужинского она вышла замуж за обер-гофмаршала М. П. Бестужева-Рюмина, но в 1743 году, за участие в заговоре против императрицы Елизаветы Петровны была наказана кнутом и «по урезании языка» сослана в Сибирь.

Граф П. И. Ягужинский умер 6 апреля 1736 года и похоронен в Невском монастыре.

«НЕОСЛАБНОЕ СМОТРЕНИЕ ИМЕЛИ» Генерал-прокурор НИКИТА ЮРЬЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Князь Никита Юрьевич Трубецкой родился 26 мая 1699 года. Он учился за границей, «в немецких землях», где получил блестящее образование, свободно говорил по-немецки, был умен, деятелен, начитан. В молодости входил в члены Ученой дружины, возглавляемой Феофаном Прокоповичем. Дружил с русским поэтом и дипломатом А. Д. Кантемиром и, по отзыву последнего, «сам не худые стихи составлял».

5 июня 1719 года Никита Юрьевич призывается на службу «ко двору волунтиром» и становится денщиком Петра I, а через три года получает чин сержанта Преображенского полка. В 1726 году он — камер-юнкер, а в 1730 году, в правление Анны Иоанновны, — достиг чина генерал-майора и был пожалован в подпоручики Кавалергардского полка. В военных кампаниях против Польши и Турции Трубецкой выполнял обязанности генерал-кригскомиссара, заведуя денежным и вещевым

снабжением войск.

28 апреля 1740 года Н. Ю. Трубецкой был назначен генерал-прокурором Сената и оставался в этой должности в течение 20 лет. Он встал во главе прокуратуры не в самое лучшее для нее время, так как преемники Петра I значительно ослабили этот институт. Сам Трубецкой говорил, что «в Сенатской конторе и ее многих коллегиях и прочих судебных местах, и в губерниях прокуроров почти никого нет, а в некоторых, малых, хотя и есть, токмо люди уж зело престарелые и к тому неспособные». Преодолевая большие трудности, генерал-прокурор стал подбирать себе «добрых и надежных помощников». Только после восшествия на престол дочери Петра Великого Елизаветы Петровны Н. Ю. Трубецкой получил все прежние «прерогативы верховной власти», что позволило ему значительно возвыситься.

К этому времени был назначен ближайший помощник Трубецкого — обер-прокурор Сената И. О. Брылкин. Спустя несколько лет его сменил Н. Г. Жеребцов, а затем — А. И. Глебов.

Никита Юрьевич был довольно требовательным прокурором. Он искренне радел о государственных делах и при необходимости смело опротестовывал решения Сената. От подчиненных ему прокуроров он требовал, чтобы они с «наиприлежнейшим трудом крепкое и неослабное смотрение имели» за всеми делами, решения «чинили по указам» и «безволокитно», а на все нарушения и отступления от закона делали вначале устный, а если не «возымеет действие», то и письменный протест.

Прокуроры коллегий и губерний должны были регулярно представлять генерал-прокурору ведомости о всех решенных и нерешенных делах, а также о лицах, содержащихся под караулом. Особое внимание обращалось им на то, чтобы в тех или иных местах не скапливалось слишком большое количество «колодников». За это прокуроры несли персональную ответственность. Когда, например, оказалось, что в коммерц-коллегии, Сыскном приказе и Московской губернской канцелярии скопилось подозрительно много арестантов, то генерал-прокурор Трубецкой направил троим прокурорам этих учреждений строгое предписание.

В то же время Никита Юрьевич следил и за тем, чтобы не ущемлялись права подчиненных ему прокуроров. В таких случаях он всегда был принципиален.

Генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой вносил в Сенат предложения по самым разнообразным вопросам управления и хозяйства, проявляя себя человеком государственным, болеющим за дело.

Правительствующий Сенат в то время требовал особого надзора. Нередко там не только затягивали разные дела, но и не сохраняли даже государственные и военные тайны, что крайне волновало императрицу Елизавету Петровну. 27 октября 1744 года она направила именной указ Сенаторам, генерал- и обер-прокурорам «О хранении в тайне производящихся в Сенате дел». В нем отмечалось, что многие секреты «выходят наружу и вскоре дошли не токмо до наших подданных, кому ведать не надлежит, но и до чужестранных, при дворе нашем обретающихся министров». Императрица поручила провести тщательное следствие об утечке секретных материалов. В указе отмечалось: «Сенаторам же, всем и каждому, так же генералу и обер-прокурорам объявляем, чтоб впредь с чужестранными министрами… никакого приватного обхождения и партикулярных свиданий и разговоров наедине и на ухо шептанья… никто не чинил, и от того всяк себя воздерживал; о производящихся же в Сенате секретных делах не токмо с чужестранными и своими, кому о том ведать не надлежит, но и со своими домашними и самыми ближними по родству разговоров не иметь, и все секретное, всем и каждому особливо вверенное, по учиненной о том присяге, содержать в секрете».

По поручению императрицы Н. Ю. Трубецкой выступал иногда и в роли высшего судьи в государстве. Так, он председательствовал в комиссиях, судивших Б.-Х. Миниха, А. И. Остермана, М. Г. Головкина (1741 год), А. П. Бестужева-Рюмина (1756 год).

Трубецкой являлся одним из ближайших сановников Елизаветы Петровны. 14 марта 1756 года императрица назначила его конференц-министром. За время своей долгой службы он был осыпан многими милостями и наградами. В 1740 году ему пожалован орден Св. Александра Невского, а 25 апреля 1742 года — орден Св. Апостола Андрея Первозванного. 5 сентября 1756 года за выдающиеся заслуги императрица произвела его в генерал-фельдмаршалы.

В 1760 году Н. Ю. Трубецкой покинул высший прокурорский пост. Он стал президентом Военной коллегии. Спустя три года вышел в отставку с «полным пенсионом».

По мнению современников, Никита Юрьевич «видел падение многих своих милостивцев и благоприятелей, сам нередко участвовал в гибели их и, ловко соображаясь с переменой обстановки, всегда умел своевременно оставить ослабевшую и перейти на сторону усилившейся партии». Эти качества, считали они, помогали ему в течение восьми царствований удерживать за собой посты в ряду «наиболее значительных государственных

лиц».

Трубецкой был женат дважды. В 1722 году состоялась его свадьба с дочерью канцлера графа Головкина Анастасией Гавриловной. Посажеными отцом и матерью со стороны жениха были Петр I и княгиня Меншикова, а со стороны невесты — светлейший князь, генерал-фельдмаршал Александр Меншиков и императрица Екатерина. После смерти жены, последовавшей в 1735 году, Никита Юрьевич женился на Анне Даниловне Херасковой, урожденной княжне Друцкой. От двух браков у него было 18 детей, 7 из которых умерли в младенчестве.

Князь Н. Ю. Трубецкой скончался 16 октября 1767 года и погребен в Архангельской церкви Чудова монастыря.

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ДОБРОДЕТЕЛЬ ВСЕМУ ПРЕДПОЧИТАТЬ» Генерал-прокурор ЯКОВ ПЕТРОВИЧ ШАХОВСКОЙ

Князь Яков Петрович Шаховской родился 8 октября 1705 года. С раннего детства его воспитывал дядя, гвардейский офицер Алексей Иванович Шаховской, которого Яков считал своим вторым отцом. Человек беспокойный, инициативный и честный, Алексей Иванович сумел дать своему племяннику блестящее домашнее воспитание, приучал его к справедливости. Впоследствии в своих «Записках» Я. П. Шаховской так писал о нем: «Главнейшие же и частые мне были от сего второго отца поучения, чтобы всякое дурное делать стыдиться, а справедливость и добродетель во всяких случаях всему предпочитать».

Алексей Иванович считал, что его племяннику не следует расти изнеженным барчуком и что он должен начать свою службу в армии, причем основательно потянуть солдатскую лямку. В 1719 году он определил 14-летнего Якова солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк. Выслужив за пять лет чин поручика, тот перешел в Конную гвардию. В середине 1730-х годов Яков Петрович служил непосредственно под началом своего дяди,

который управлял Малороссией, и по его поручению часто лично докладывал Анне Иоанновне и Бирону о состоянии дел на Украине. В 1738–1739 годах Я. П. Шаховской в составе лейб-гвардии Конного полка участвовал в русско-турецкой войне, был во многих сражениях, проявив незаурядное мужество.

В начале 1740 года закаленный в боях и возмужавший Я. П. Шаховской вернулся в Петербург, где неожиданно для себя был назначен советником в Главную полицию. Спустя некоторое время занял пост генерал-полицмейстера и получил чин действительного статского советника. Служба в полиции оказалась беспокойной и трудной. По выражению Шаховского, «редкий день без атак и штурмов приходился». Во время недолгого правления Анны Леопольдовны Я. П. Шаховской стал Сенатором, но в 1741 году, при восшествии на престол Елизаветы Петровны, был лишен этого звания. Вскоре Яков Петрович был назначен обер-прокурором Святейшего Синода.

В своих «Записках» Я. П. Шаховской отмечал: «Я еще с начала вступления в свет поставил в сердце моем предметом, чтоб во всех случаях, делах и поведении моих чистосердечно поступать, злоковарных же лестей и обманов употреблять гнушаться, а справедливость всему предпочитать». Постоянным стремлением к справедливости он нажил себе немало врагов среди членов Синода. Некоторые из них, по его словам, чуть ли не на коленях упрашивали Елизавету Петровну, чтобы она удалила слишком требовательного прокурора. В этой должности он прослужил более одиннадцати лет, имел чин тайного советника, получил орден Св. Александра Невского, Св. Анны и другие. 29 мая 1753 года Шаховской был назначен генерал-кригскомиссаром, то есть главным начальником по снабжению армии и флота. На этом поприще он весьма строго следил за соблюдением государственных интересов и, по собственному выражению, ему приходилось «многие патриотические дела производить». Нередко в неимоверно тяжелых условиях, по бездорожью и в распутицу он доставлял припасы в армию «без повреждения» и в «целосохранности».

15 августа 1760 года Яков Петрович становится генерал-прокурором Сената и одновременно конференц-министром. Узнав о назначении на новую должность, он воскликнул: «В оном чину наиглавнейших злодеев иметь буду». И он не ошибся. За непродолжительную (менее полутора лет) службу на этом посту честный, бескорыстный и неподкупный прокурор, пользовавшийся репутацией «строгого законника» и пристально следивший за тем, чтобы в государственных учреждениях все «чинилось порядочно и по указам», имел немало острых стычек с

приближенными к императрице сановниками.

Программой действий для генерал-прокурора стал указ Елизаветы Петровны от 16 августа 1760 года, в котором она поручала Сенату содействовать ей в восстановлении в государстве «надлежащего порядка, правосудия, благосостояния и обильного добра». Более близкое знакомство генерал-прокурора Я. П. Шаховского с судебными местами убедило его в том, что они погрязли в злоупотреблениях. Он писал: «Несытая алчба корысти дошла до того, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем лихоимства, пристрастие — предводительством судей, а потворство и упущение — ободрением беззакония».

Шаховской всегда стремился отстаивать законность и справедливость, хотя и давалось ему это с большим трудом. Он признавался, что чувствовал себя путешественником, который с «надлежащей большой дороги загнан в болото, наполненное тиною и трясиною, из коего не дорогами, но наудачу, то по колено, то глубже увязая, потеряв силы и отчаясь на твердый берег выйти, близко погибель свою ощущает».

Несмотря на невероятные козни, чинимые приближенными к императрице вельможами, вопреки их злобным происках, он во всех делах оставался честным и неподкупным. Именно по этой причине императрица Елизавета Петровна ценила его, была милостиво расположена к своему генерал-прокурору, лично принимала доклады и часто вставала на его сторону.

25 декабря 1761 года новый император Петр III отправил Я. П. Шаховского в отставку и некоторое время он «оставался не у дел». Короткое царствование Петра III закончилось дворцовым переворотом, и на Российском престоле оказалась Екатерина II. Она вновь призвала Шаховского на службу, назначив его Сенатором. В день своей коронации императрица пожаловала ему орден Св. Андрея Первозванного.

Яков Петрович часто сопровождал молодую императрицу в ее поездках по России, причем нередко сидя с ней в одном экипаже. В пути он много говорил ей о деяниях Петра Великого и проведенных им преобразованиях. В одной из таких поездок он как-то вспомнил, что по замыслу Петра I один из Сенаторов должен каждый год объезжать губернии и ревизовать производящиеся там дела, вскрывать злоупотребления и лихоимство. Эта идея понравилась Екатерине II. Тогда Шаховской тут же вызвался лично провести такую проверку в городах, которые они проезжали. И он осуществил свое намерение в Ярославле, Ростове и Переславле-Залесском, чем привел в трепет местные власти.

1 апреля 1766 года действительный тайный советник и Сенатор Я. П. Шаховской по состоянию здоровья вышел в отставку. Он поселился в Москве, а летнее время проводил в своей подмосковной деревне. Вставал по обыкновению в шесть часов утра и выходил в сад, за которым сам ухаживал. Изредка встречался со своими друзьями. Привыкший к напряженной работе, Яков Петрович и на отдыхе не мог сидеть без дела. Вскоре он принялся за написание воспоминаний о своей бурной, насыщенной яркими событиями жизни, которые озаглавил так: «Записки князя Я. П. Шаховского, полицмейстера при Бироне, обер-прокурора Св. Синода, генерал-прокурора и конференц-министра в царствование Елизаветы и Сенатора при Екатерине II». Они впервые были опубликованы в Москве в 1810 году.

Яков Петрович был женат дважды. Первой его женой была княжна Александра Алексеевна Путятина, второй — Евдокия Егоровна Лопухина (урожденная Фаминцына). От этих браков он имел четверых детей.

Князь Я. П. Шаховской умер 23 июля 1777 года и погребен в малой соборной церкви Донского монастыря.

«ЛИШИЛ СЕБЯ ДОВЕРЕННОСТИ» Генерал-прокурор АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЛЕБОВ

Александр Иванович Глебов родился в 1722 году. В 15-летнем возрасте он был определен сержантом в Бутырский пехотный полк, в составе которого участвовал в русско-турецкой войне и штурмовал крепость Очаков. 17 августа 1739 года в сражении под Славучанами в чине поручика командовал небольшим отрядом, проявив незаурядную храбрость и смекалку. В этом бою получил тяжелое ранение.

А. И. Глебов находился на военной службе до 1749 года, после чего перешел на статскую в чине коллежского асессора. Он сумел завоевать доверие важного елизаветинского сановника графа П. И. Шувалова, который взял его под свое покровительство. Сам Глебов так писал об этом периоде своей жизни: «Десять лет назад по желанию графа Петра Ивановича Шувалова был определен в Сенат обер-секретарем. Он поручал мне делать по своим мыслям разные сочинения и определил меня в места разные сверх должности моей, яко то: членом в главную межевую канцелярию и в комиссию уложенную; потом, увидев

мою к себе совершенную преданность и повиновение, с благодарностью делал мне многие поверенности».

Приблизив к себе молодого и сметливого чиновника, Шувалов хотел использовать не только его способности, но и привлекательную внешность и обаяние. К тому времени Глебов был уже вдовцом. Первая жена, Екатерина Алексеевна, урожденная Зыбина, была старше его на 12 лет. Она умерла в 1746 году. Детей от этого брака не было. Граф Шувалов, стремясь поправить свои дела при высочайшем дворе (императрица Елизавета Петровна к нему заметно охладела), решил через графиню Марию Симоновну, урожденную Гендрикову, вдову обер-гофмейстера Н. Н. Чоглокова, приходившуюся Елизавете Петровне двоюродной сестрой, «сведать все намерения и действия» двора. С этой целью Шувалов предложил своему протеже обратить внимание на «изрядную вдовушку». Глебов сумел добиться любви Марии Симоновны, и они были помолвлены. Узнав об этом, императрица Елизавета Петровна воскликнула: «Сестра моя сошла с ума, влюбилась в Глебова, как отдать ее за подьячего?»

Незадолго до свадьбы, 10 декабря 1755 года, Глебову был пожалован чин обер-прокурора Сената. Венчание состоялось в январе 1756 года в присутствии императрицы. Однако брак этот оказался кратковременным. Мария Симоновна была уже «на последнем градусе чахотки» и скончалась через полтора месяца после свадьбы.

Граф Шувалов так и не смог использовать это супружество в своих целях, но оно дало возможность Глебову приблизиться к высочайшему двору. И это, конечно, сказалось на его стремительной карьере. В ноябре 1758 года он был удостоен ордена Св. Анны, а 16 августа 1760 года назначен генерал-кригскомиссаром и получил чин генерал-майора. В отличие от князя Я. П. Шаховского, А. И. Глебов исполнял свои обязанности не столь рачительно, что особенно сказалось на снабжении армии во время войны с Пруссией.

25 декабря 1761 года только что вступивший на престол Петр III назначил Глебова генерал-прокурором Сената. Будучи очень дружен с императором, он довольно быстро занял прочное место среди приближенных к монарху вельмож. Ему была поручена подготовка целого ряда важных узаконений. В частности, Александр Иванович являлся одним из авторов известных манифестов: от 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» и от 21 февраля 1762 года «Об уничтожении Тайной канцелярии».

В феврале 1762 года Глебов был награжден орденом Св.

Александра Невского, став таким образом первым александровским кавалером в царствование Петра III.

В этот период генерал-прокурор работал много и неустанно. Каждый день в 8 часов утра он одним из первых являлся во дворец с докладом к императору. Он занял почти такое же положение, как и первый генерал-прокурор П. И. Ягужинский, став как бы посредником между государем и Сенатом. Почти все поручения Сенату, подписанные Петром III, были составлены Глебовым.

Однако время пребывания Глебова в должности генерал-прокурора оказалось весьма недолгим (немногим более двух лет) и довольно бесцветным. Оно характеризуется почти полным отсутствием «доношений» от представителей местной прокуратуры. А те немногие, которые к нему поступали, он обычно направлял в Сенат, не делая никаких предложений.

Будучи опытным царедворцем, хитрым и изворотливым (современники называли его «человеком с головой»), генерал-прокурор очень тонко оценил обстановку во время дворцового переворота 1762 года и, несмотря на привязанность к Петру III, сразу же поддержал Екатерину II. Поскольку он обладал не только исключительными способностями, но и трудолюбием, Екатерина II, знавшая о его дурных наклонностях и корыстолюбии, продолжала держать Глебова на высшем прокурорском посту. Более того, она поручила ему вместе с графом Н. И. Паниным руководство только что созданной Тайной экспедицией, расследовавшей все политические дела.

Мало занимаясь организацией работы подчиненных прокуроров, Глебов сосредоточил основное внимание на деятельности Сената, хозяйственных и финансовых вопросах, подготовке различных узаконений. Именно этого касались многочисленные поручения императрицы, которые он исполнял всегда оперативно, в считанные дни давая ответ Екатерине II. По ее предложению он, например, подготовил специальное узаконение, направленное на борьбу с лихоимством судей и чиновников.

Однако вскоре его положение при высочайшем дворе заметно пошатнулось, чему в немалой степени способствовали сомнительные коммерческие сделки, особенно связанные с винным откупом в Иркутске, в которые он втянулся еще в бытность свою обер-прокурором. После проведенного расследования Екатерина II нашла, что Глебов в этом деле оказался «подозрительным и тем самым уже лишил себя доверенности, соединенной с его должностью». 3 февраля 1764 года А. И. Глебов был смещен с поста генерал-прокурора, с

предписанием императрицы «впредь ни на какие должности его не определять».

Тем не менее Екатерина II не склонна была отказываться от толкового, хотя и корыстолюбивого, сотрудника. Поэтому А. И. Глебов сохранил за собой должность генерал-кригскомиссара, а в 1773 году был даже пожалован в генерал-аншефы. В 1775 году он получил новое назначение — стал смоленским и белгородским генерал-губернатором. Но уже в следующем году ревизия вскрыла серьезные злоупотребления и хищения в Главном кригскомиссариате, учиненные в бытность его руководства. По поручению Екатерины II была образована специальная следственная комиссия, а в июне 1776 года Глебов был вызван из наместничества в столицу и тогда же его отстранили от всех должностей «донеже по делам, до него касающихся, решение последует». А. И. Глебов оказался под судом и подвергся допросам. Окончательный приговор по делу был утвержден Екатериной II лишь 19 сентября 1784 года. Глебов был признан виновным «в небрежении должности» и исключен из службы. На имения его наложили арест.

Удаленный от всех дел Александр Иванович проживал либо в своем имении в Москве, на Ходынке, либо в подмосковном Виноградово. Незадолго до своей отставки он женился в третий раз, взяв в супруги свою экономку Дарью Николаевну Франц. Узнав о женитьбе Глебова на столь простой женщине, Екатерина II приказала не допускать ее к высочайшему двору.

А. И. Глебов скончался в июне 1790 года и погребен в своем имении Виноградово.

«ВАС ПОЧИТАЮТ ЗА ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА» Генерал-прокурор АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ

Князь Александр Алексеевич Вяземский родился 3 августа 1727 года. Он принадлежал к старинному русскому княжескому роду, ведущему свое начало от внука Владимира Мономаха — князя Ростислава-Михаила Мстиславовича Смоленского. В 20-летнем возрасте Александр Алексеевич окончил Сухопутный кадетский корпус. Во время войны с Пруссией участвовал не только в баталиях, но и выполнял специальные тайные поручения командования, едва не стоившие ему жизни. К концу Семилетней войны А. А. Вяземский занимал уже должность генерал-квартирмейстера и был хорошо известен молодой императрице Екатерине II, которая ценила его работоспособность и честность.

Когда в 1762 году начались серьезные волнения горнозаводских крестьян на Урале, без меры притесняемых владельцами заводов, Екатерина II именно ему поручила труднейшую миссию по их усмирению и улаживанию взаимоотношений с хозяевами. Князь возглавил специально созданную для этих целей следственную комиссию, получив от императрицы практически неограниченные полномочия, которыми он, как надеялась Екатерина II, сумеет распорядиться разумно и осмотрительно, не усугубит положение и не прольет

крови. И эти надежды самодержицы Вяземский полностью оправдал. Он почти год занимался этим сложным делом и немало в нем преуспел, причем, проявляя сдержанность, гуманность и благоразумие, оставался достаточно твердым и решительным. В декабре 1763 года Екатерина II отозвала его с Урала, заменив генерал-майором А. И. Бибиковым, который и закончил начатую Вяземским миссию.

3 февраля 1764 года Екатерина II, убедившись в исключительной честности князя Вяземского, назначила его генерал-прокурором Сената. Александру Алексеевичу было в то время 37 лет. Это назначение вызвало искреннее удивление у многих приближенных к высочайшему двору сановников. Вяземский не считался фаворитом императрицы и, по мнению вельмож, не мог рассчитывать на столь высокую должность в государственной иерархии. Ведь генерал-прокурор пользовался большой властью. Граф Румянцев с большой долей иронии говаривал Екатерине II по этому случаю: «Ваше величество делаете чудеса, из обыкновенного квартирмейстера у вас вышел государственный человек».

Но Екатерина II обращала мало внимания на досужие разговоры своих приближенных. При выборе генерал-прокурора для нее важнее всего были интересы государства. Избрав для генерал-прокурорской должности князя Вяземского, она уже не меняла его, всячески поддерживала и только направляла в нужное ей русло деятельность главы прокурорского надзора. Она лично написала ему «секретнейшее наставление», в котором четко определила его обязанности. Императрица напоминала А. А. Вяземскому, что генерал-прокурор должен быть совершенно откровенен с государем, поскольку «по должности своей обязывается сопротивляться наисильнейшим людям», и в этом только власть императорская «одна его подпора». Она подчеркивала, что не требует от него «ласкательства», но «единственно чистосердечного обхождения и твердости в делах». Екатерина II предостерегала генерал-прокурора от ввязывания в интриги при дворе и предлагала иметь только «единственно пользу отечества и справедливость в виду и твердыми шагами идти кратчайшим путем к истине».

А. А. Вяземский, надо полагать, строго придерживался данного ему наставления и пользовался полным доверием императрицы, что позволило ему не только удерживать высший прокурорский пост в течение почти 29 лет, но и значительно расширить свои полномочия. Если в начале своей карьеры он наблюдал только за Сенатом и руководил местной прокуратурой, то затем уже прочно держал в руках не только юстицию, но также

финансы и внутренние дела. Именно он являлся автором проекта выпуска бумажных денег (ассигнаций), впервые в России ввел строгую отчетность в финансовых делах. В 1765 году Александр Алексеевич был назначен начальником Межевой экспедиции, в 1767 году активно работал в комиссии по составлению проекта нового уложения, а с 1769 года стал членом Совета при высочайшем дворе. До 1781 года он исполнял обязанности государственного казначея и был директором Ассигнационного банка, затем заведовал всеми денежными делами за границей. К этому надо добавить, что он занимался вопросами, связанными с продажей соли и вина в империи.

Генерал-прокурор теперь почти единолично руководил всесильной Тайной экспедицией, и через его руки прошли почти все известные политические дела царствования Екатерины II: Е. Пугачева, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова и других лиц. При нем развернул свою активную сыскную деятельность главный «кнутобоец», или, как называл его А. С. Пушкин, «домашний палач кроткой Екатерины» С. И. Шешковский, имевший, по выражению императрицы, «особливый дар производить следственные дела».

А. А. Вяземский, в отличие от своего предшественника, деятельно руководил подчиненными ему прокурорами коллегий, приказов, губерний, ведя с ними обширную переписку и направляя их деятельность, путем «предложений» и «ордеров». Губернскими прокурорами работали в то время довольно активные и инициативные чиновники, некоторые из них были известными поэтами. Например, поэт и прозаик Владимир Трофимович Золотницкий, выпускник Московского университета, служил прокурором в Кременчуге и Екатеринославе. Поэт Иван Иванович Бахтин был вначале прокурором Пермского верхнего земского суда, а затем губернским прокурором в Тобольске.

Генерал-прокурор Вяземский и в своем штате нередко держал исключительно талантливых людей. Достаточно отметить, что знаменитый русский поэт Гаврила Романович Державин служил в его канцелярии. Потом он сам стал Сенатором, министром юстиции и генерал-прокурором. Первое время поэт пользовался большим доверием князя Вяземского, часто бывал у него дома, читал ему свои стихи, играл с ним в карты. Охлаждение Вяземского к Державину наступило после того, как поэт написал оду «Фелица», так понравившуюся Екатерине II. Генерал-прокурор усмотрел в ней сатиру на себя и обиделся.

При А. А. Вяземском были введены в действие учреждения для управления губерниями (1775 год), которые подробно регламентировали права и обязанности местной прокуратуры.

Разделение Правительствующего сената на департаменты в 1763 году еще более усилило власть генерал-прокурора. Теперь он стал руководить целой коллегией обер-прокуроров, находившихся при каждом департаменте.

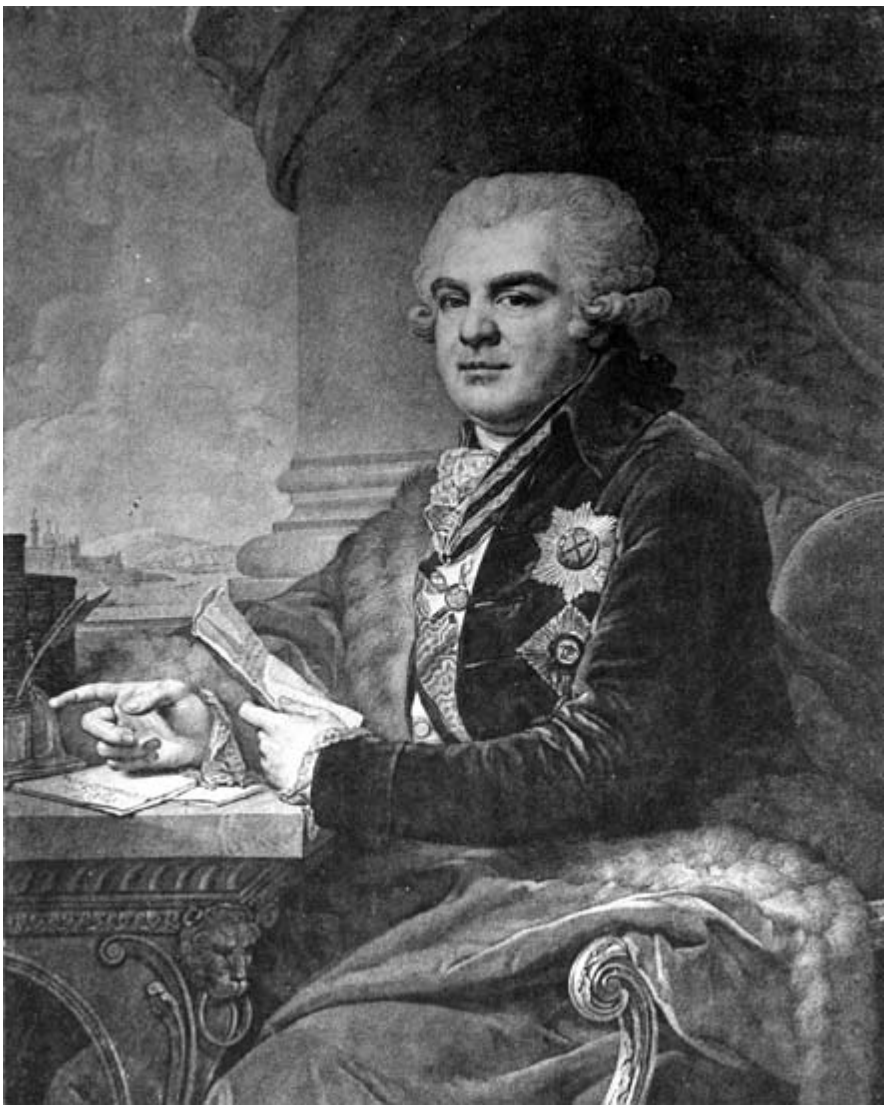
За «прилежание, усердие и ревность к пользе службы» он был удостоен множества наград, среди которых ордена Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Анны, Св. Владимира 1-й степени, Белого Орла. А. А. Вяземский носил воинский чин генерал-поручика и гражданский — действительного тайного советника.

В сентябре 1792 года Александр Алексеевич, по болезни, вышел в отставку, а выполняемые им многочисленные обязанности Екатерина II возложила на нескольких человек. Д. Бантыш-Каменский писал о нем так: «Князь Вяземский отличался верностию своею престолу, бескорыстием, был чрезвычайно трудолюбив, умел избирать достойных помощников; враг роскоши, но скуп и завистлив, как отзывались о нем современники».

Вяземский был женат на дочери елизаветинского генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого, Елене Никитичне. Супруги имели четырех дочерей.

Князь А. А. Вяземский умер 8 января 1793 года.

«ПРИЛОЖИТЬ ВСЕМЕРНОЕ СТАРАНИЕ» Генерал-прокурор АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САМОЙЛОВ



Граф Александр Николаевич Самойлов родился в 1744 году. В 16-летнем возрасте вступил рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк, в составе которого спустя несколько лет, будучи уже офицером, принимал участие в русско-турецкой войне. За «храбрые и мужественные дела при Силистрии» он получил свою первую награду — орден Св. Георгия 4-го класса.

После войны положение молодого офицера при высочайшем дворе упрочилось. В 1775 году ему был пожалован чин камер-юнкера и почти одновременно с этим он получил новое престижное назначение правителя дел Совета при высочайшем дворе и в этой должности пребывал двенадцать лет, оставаясь в то же время на военной службе. Во второй (при Екатерине II) русско-турецкой войне А. Н. Самойлов участвовал уже в чине генерал-поручика. Воинская колонна, которой он командовал, в декабре 1788 года штурмовала Очаков. Во главе ее шел на приступ и Самойлов. За эту операцию Александр Николаевич был удостоен ордена Св. Георгия 2-го класса. Баталии, в которых принимал участие генерал-поручик Самойлов, следовали одна за другой. При взятии крепостей Каушаны, Килии и Бендеры он вновь отличился, за что получил орден Св. Александра Невского, а за штурм крепости Измаил 12 декабря 1790 года его грудь украсила очередная награда — орден Св. Владимира 1-й степени.

В 1791 году, после смерти Г. А. Потемкина-Таврического, А. Н. Самойлов по поручению Екатерины II некоторое время вел (до прибытия графа А. А. Безбородко) мирные переговоры с турками в Яссах. В конце января 1792 года именно он привез Екатерине II известие о заключении выгодного для России мира. За это императрица лично «возложила» на его грудь орден Св. Андрея Первозванного и пожаловала ему 30 тысяч рублей.

17 сентября 1792 года Екатерина II назначила А. Н. Самойлова на «короткое время» генерал-прокурором Сената вместо тяжело больного князя А. А. Вяземского, а затем (20 декабря) утвердила его в этой должности, поручив одновременно управлять казначейством и Ассигнационным банком. Самойлов занимал пост генерал-прокурора четыре года. Он пользовался благосклонностью императрицы, которая находила у него «равное усердие» с прежним генерал-прокурором. Однако к гражданским делам Самойлов привыкал с трудом. Ему гораздо легче было командовать войсками, вести солдат на штурм, нежели заниматься тягостной работой в Сенате. Многие высшие сановники недолюбливали его и поговаривали, что он вследствие некомпетентности «наделает много хлопот императрице». И они были недалеки от истины. Дела в Сенате обстояли не блестяще, хотя Самойлов и прилагал усилия к их исправлению. В результате, когда Самойлов покинул генерал-прокурорскую должность, в Сенате оказались целые «завалы» нерешенных дел, которые расчищали потом его преемники в течение нескольких лет. Деятельность Самойлова по осуществлению надзора за Сенатскими определениями протекала довольно бесцветно. В основном она заключалась в объявлении именных указов,

решении конкретных дел и переписке с обер-прокурорами.

Более энергично он руководил местными прокурорскими органами, направляя прокурорам коллегий и губерний свои «ордера», требуя от них отчеты по самым разнообразным вопросам и «приложения всемерного старания» к наведению порядка. Генерал-прокурор внимательно следил, чтобы подчиненные ему прокуроры беспрекословно выполняли свои обязанности и своевременно информировали его о всех выявленных ими нарушениях закона. Особое внимание всегда уделялось соблюдению казенных интересов.

Генерал-прокурор А. Н. Самойлов постоянно докладывал императрице Екатерине II о количестве и характере дел, которые расследовались полицией и рассматривались суда ми. Для этого он истребовал соответствующие ведомости от нижестоящих прокуроров. Значительное внимание он уделял работе с прокурорскими кадрами. Все назначения, увольнения, перемещения прокуроров и стряпчих производились через него. Он предоставлял им отпуска, или, как тогда писали, «увольнения», обычно на 29 дней, а если требовалось лечение — то и на более длительный срок, представлял к награждению чинами и орденами, объявлял взыскания за нерадение и т. п.

В качестве генерал-прокурора А. Н. Самойлов, как и его предшественники, стоял во главе политического сыска и руководил Тайной экспедицией. Делами этой экспедиции ему приходилось заниматься вплотную. После Великой французской революции в России резко обострилась обстановка. Вольнолюбивые мысли проникли во все слои населения. Создавались различные общества, печатались «крамольные» книги, все чаще и чаще звучала критика самодержавного правления, все громче раздавались призывы к уничтожению крепостной зависимости крестьян. В этих условиях была усилена карательная политика Екатерины II, проводником которой стал генерал-прокурор.

После проведения процесса над А. Н. Радищевым, написавшем знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», которого Екатерина II назвала «бунтовщиком хуже Пугачева», заточения в крепость без всякого суда выдающегося русского просветителя Н. И. Новикова в Тайной экспедиции политические дела возникали одно за другим. Заниматься всеми ими приходилось А. Н. Самойлову, который глубоко вникал в их сущность, лично допрашивал арестованных вольнодумцев, докладывал о ходе расследования дел императрице.

За свою службу он был удостоен многих российских орденов, а в январе 1775 года возведен в графское достоинство. После

смерти Екатерины II император Павел I отправил Самойлова в отставку.

Граф А. Н. Самойлов умер в 1814 году.

«ТРЕБОВАНИЯ ПРОКУРОРОВ С НАДЛЕЖАЩИМ УВАЖЕНИЕМ ПРИНИМАТЬ» Генерал-прокурор АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ КУРАКИН

Князь Алексей Борисович Куракин принадлежал к старинному роду, ведущему свое начало от московского боярина Федора Кураки, служившего при дворе великого князя Василия III. Он родился 19 сентября 1759 года. Службу начал в гвардии. Однако военная карьера не прельщала князя, и вскоре он перешел на гражданскую службу — вначале был избран заседателем 1-го департамента Верхнего земского суда (1780 год), а затем попал в Сенатскую канцелярию, которой руководил генерал-прокурор князь А. А. Вяземский. Здесь он служил под началом А. И. Васильева (впоследствии графа и министра финансов). К 35 годам Алексей Куракин имел уже чин тайного советника и был награжден орденами Св. Анны и Св. Владимира 2-й степени.

Подлинный взлет карьеры А. Б. Куракина начался при императоре Павле I, который благоволил к нему и, в особенности, к его старшему брату — Александру Куракину. Оба они были щедро осыпаны милостями монарха: Александр Куракин стал вице-канцлером, а Алексей Куракин 4 декабря 1796 года занял посты генерал-прокурора Сената, главного директора Ассигнационного банка и присутствующего в Совете при высочайшем дворе. Он получил чин действительного тайного советника, а 19 декабря 1797 года — орден Св. Андрея

Первозванного. Ему были пожалованы деревни с несколькими тысячами душ и богатые рыбные промыслы на Волге. К высоким должностям Алексея Борисовича вскоре добавились новые — министр департамента удельных имений и канцлер российских орденов. По его инициативе был учрежден государственный вспомогательный банк для дворян, главным попечителем которого становится он сам.

В царствование Павла I прокуратура переживала невиданный подъем. Без генерал-прокурора не решалось, по существу, ни одно важное дело. Он занимался финансовыми, военными, административными, полицейскими, судебными делами. От него зависело назначение и увольнение многих сановников, раздача им наград и пожалований.

Князь Куракин всегда поддерживал своих подчиненных и в переписке с губернаторами предлагал им все «требования прокуроров с надлежащим уважением принимать».

Одна из основных обязанностей Куракина, как и его предшественников, заключалась в наблюдении за Сенатскими решениями. Разбираясь с делами в Сенате, генерал-прокурор не мог не заметить значительного количества накопившихся нерешенных дел как в департаментах (свыше 11 тысяч уголовных и гражданских дел), так и в общем собрании (360). Для того времени это были внушительные цифры. Куракин представил свои предложения Павлу I — об учреждении трех дополнительных временных департаментов для рассмотрения неотложных дел и о перераспределении нагрузки между существующими департаментами Сената, с которыми император согласился. Наряду с этим князь Куракин занимался рассмотрением многих финансовых и административных вопросов, проблемами управления заводами, фабриками, промыслами и т. д.

Генерал-прокурору Куракину приходилось выполнять все указания и распоряжения императора, даже самые сумасбродные. Особенно бурное негодование Павла I вызывали случаи нарушения военными лицами и чиновниками установленных правил ношения форменной одежды. По этому поводу Куракин вынужден был рассылать по губерниям строгие предписания наместникам о неустанном наблюдении за ношением «новоустановленной формы».

Триумф братьев Куракиных вследствие переменчивого нрава императора продолжался недолго. Стрелка весов их удачи вскоре резко качнулась в другую сторону. 8 августа 1798 года Алексей Куракин был смещен с должности генерал-прокурора и назначен лишь Сенатором, а затем и вовсе отправлен в отставку. Его брат

Александр Куракин также уступил место вице-канцлера В. П. Кочубею.

Алексей Куракин возобновил службу при Александре I, который вновь вернул его в Сенаторское кресло, а 4 февраля 1802 года назначил генерал-губернатором Малороссии. Там он пробыл шесть лет, оставив по себе благодарную память.

В ноябре 1807 года А. Б. Куракин встал во главе Министерства внутренних дел, но занимал этот пост непродолжительное время. Министерство, существовавшее всего лишь пять лет, только набирало силу. Оно занималось самыми разнообразными вопросами: снабжением населения продовольствием, устройством фабрик и заводов, медицинским обеспечением, борьбой с эпидемиями, почтовыми делами и т. п. Куракин сразу же обратил внимание на то, что министерство не справляется с потоком дел (в то время число входящих и исходящих дел превышало 40 тысяч). Министр занялся пересмотром штатов, перераспределением обязанностей между структурными подразделениями, созданием новых (были образованы главное управление мануфактур, почтовое отделение и др.).

За свою деятельность на посту министра внутренних дел Куракин был удостоен ордена Св. Владимира 1-й степени. В высочайшем рескрипте отмечалось, что он награждается «за благовременные распоряжения разных мер, к обеспечению продовольствия относящихся, расширение нужнейших отечеству мануфактур и удобнейший распорядок медицинской части».

В 1810 году ему было поручено присутствовать в Государственном совете, где он не раз выполнял обязанности председателя, возглавлял различные комитеты и комиссии: для пособия разоренным от наводнения жителям Петербурга, по борьбе с чумой и др. В 1826 году А. Б. Куракин был членом Верховного уголовного суда, который рассматривал дело декабристов.

Куракин первым обратил внимание на выдающиеся способности будущего «светила русской бюрократии» М. М. Сперанского, взяв его своим домашним секретарем, а затем и в Сенатскую канцелярию.

Князь Куракин так писал о своей служебной деятельности: «Около 50 лет провел я в гражданской службе: из оных более 13 занимался при генерал-прокуроре, заведовавшем в то время все по государству дела — гражданские, полицейские и финансовые. Начав тут службу с низших должностей, я обязан был сам обрабатывать и приводить к концу все дела, через что входил во всю подробность оных и приобрел практические познания о их

ходе. Потом удостоен был отправлением должности генерал-прокурора, служением в звании генерал-губернатора и возведен к занятию места министра внутренних дел, тем самым имея новый случай заниматься всеми почти частями внутреннего правления государства. Наконец, комиссия о прекращении заразы, высочайше на меня возложенная, подавала мне особенный случай видеть самому все непорядки и злоупотребления по губерниям ныне существующие».

Алексей Борисович Куракин был женат на Наталье Ивановне, урожденной Головиной. От этого брака имел сына Бориса, достигшего Сенаторского звания, и дочерей Елену и Александру.

Скончался князь А. Б. Куракин 30 декабря 1829 года и погребен в своем любимом имении Куракино Малоархангельского уезда Орловской губернии.

«ХРАНИЛ ПРАВДИВОЕ СЕРДЦЕ» Генерал-прокурор АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ БЕКЛЕШОВ

Александр Андреевич Беклешов родился 1 марта 1743 года. Он принадлежал к старинному дворянскому роду, начало которому положил Семен Беклешов, служивший еще при первом Романове. В 13-летнем возрасте Александр Беклешов поступил в Сухопутный кадетский корпус, где получил блестящее образование. Он знал несколько иностранных языков, питал склонность к науке, истории, литературе. В 18 лет Александр становится сержантом, а через два года — подпоручиком. С 1769 года он служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Молодой офицер принимал участие в русско-турецкой войне — сражался на море под командованием графа А. Г. Орлова, в частности в знаменитой морской битве в Чесменской бухте (26 июня 1770 года).

На военной службе А. А. Беклешов находился до 1783 года и достиг чина генерал-майора. Затем Екатерина II назначила его губернатором в Риге, где за шесть лет он сумел провести немало полезных мероприятий и завоевать любовь местного населения. В 1789 году Александр Андреевич получил чин генерал-поручика и новое, более высокое назначение — генерал-губернатора Орловского и Курского наместничества. Здесь он служил шесть лет, получив за труды орден Св. Александра Невского.

Вступивший на престол Павел I беспрестанно переводил А. А.

Беклешова с одной должности на другую. За непродолжительное время он был каменец-подольским и малороссийским генерал-губернатором, киевским военным губернатором и одновременно шефом Киевского гренадерского полка и инспектором украинской дивизии. Император пожаловал ему воинский чин генерала от инфантерии и гражданский — действительного тайного советника. 7 июня 1799 года Павел I зачислил А. А. Беклешова в свою свиту и ввел в Совет при высочайшем дворе.

Князь А. А. Чарторыйский писал о Беклешове: «Это был человек старорусской партии, с виду грубый, но который под весьма грубою внешностию хранил правдивое сердце, твердое и сострадательное к бедствиям других. Его репутация, как благородного человека, была прочно установившаяся. Он сумел сохранить это качество даже во время управления южными губерниями. Там он показал себя справедливым в отношении к управляемым и строгим в отношении к подчиненным. Он противодействовал, насколько мог, воровству, злоупотреблениям, обману. Он не мог терпеть, чтобы его поверенные злоупотребляли правосудием ради своего прибытка. Он вышел чистым и незапятнанным из этого испытания, окруженный признательностью местных жителей. Подобных примеров весьма мало среди высших сановников».

7 июля 1799 года А. А. Беклешов был назначен генерал-прокурором и получил очередную награду — орден Св. Иоанна Иерусалимского. Биограф Беклешова В. С. Иконников писал: «Столь частые перемещения не были участью одного Беклешова… Подобная судьба постигала тогда многих, стоящих на верху правления: награды и опалы, повышения и удаления быстро чередовали друг друга и часто казались необъяснимыми даже для лиц, близко стоящих к среде, окружающей императора».

Назначая очередного генерал-прокурора (а за непродолжительное царствование Павла I их было четверо), император сказал ему: «Ты да я, я да ты, вперед мы одни будем дела делать». Несмотря на такой солидный вексель, выданный монархом (фактическое признание генерал-прокурора вторым лицом в государстве), А. А. Беклешов занимал высший прокурорский пост чуть более полугода.

При Павле I происходит некоторое сокращение численности прокуроров. Вначале с закрытием верхних земских судов и верхних расправ, а затем и губернских магистратов были упразднены и состоявшие при них прокуроры. Беклешов как генерал-прокурор выполнял самые разнообразные функции. Административные, судебные, военные, финансовые, хозяйственные и прочие дела — все были в поле его зрения.

Хотя назначение Беклешова генерал-прокурором и воспринималось современниками положительно, недоброжелателей у него было более чем достаточно. По свидетельству современников, он был человеком светлого ума, весьма сведущим в государственном управлении, отличался безукоризненной честностью и правдивостью, но был очень «несдержан в словах и отзывах своих». Не умея укрощать пылкого своего нрава, он был тяжел и не всегда приятен в служебных отношениях, хотя гнев его никогда не был продолжительным.

В своих «Записках» русский поэт, баснописец и государственный деятель И. И. Дмитриев писал, что Беклешов, не имея опыта своих предшественников, был в то же время очень трудолюбив. Он охотно и терпеливо выслушивал доклады и объяснения обер-прокуроров и почти всегда утверждал их заключения. Другой видный сановник, М. М. Сперанский, работавший с четырьмя генерал-прокурорами павловского времени, писал: «Беклешов был их всех умнее, но и всех несчастнее — ему ничего не удавалось».

2 февраля 1800 года Павел 1 неожиданно уволил Беклешова не только с должности генерал-прокурора, но и вовсе со службы. По мнению М. М. Сперанского, причина такой перемены заключалась в том, что Беклешов «мало уважал требования случайных людей при дворе и потому часто бывал с ними в размолвке».

А вот что писал по этому поводу барон Гейкинг: «Должность генерал-прокурора есть одна из тех, влияние которой распространяется на все государство и внушает такой же страх в Камчатке, как в Курляндии или в Петербурге… Выбор нового генерал-прокурора повсюду был встречен с удовольствием. Находясь в Петербурге, я познакомился с ним, но только поверхностно, однако был очень рад его назначению, будучи убежден, что он пойдет прямою дорогою. Вдруг о Беклешове стали, как бы случайно, поговаривать в неблагоприятном смысле; а так как он показывал, что не обращает на это внимания, то опала его была решена. Стали делать ему тысячи неприятностей, и так как он, кроме того, осмелился противоречить государю по поводу судебных решений, то его стали попрекать в учительском тоне, в тяжеловесном и неприятном ведении дел».

Вступивший на престол Александр I вновь призвал А. А. Беклешова на службу и вернул ему пост генерал-прокурора (16 марта 1801 года), который тот занимал вплоть до образования министерств (8 сентября 1802 года). В день коронования Александра I он получил орден Св. Андрея Первозванного. По мнению Г. Р. Державина, в первый год царствования Александра I

именно Беклешов вместе с Трощинским, бывшим в то время статс-секретарем, и Воронцовым имели наибольшее влияние на молодого императора и «ворочали государством».

После образования министерств А. А. Беклешов остался не у дел, так как от предложенной ему должности министра юстиции и генерал-прокурора он отказался, считая что его функции значительно сократились. До апреля 1804 года он не служил, а затем был назначен генерал-губернатором Москвы. Спустя два года, по состоянию здоровья он вынужден был оставить и эту должность. Александр I пожаловал ему алмазный знак ордена Св. Андрея Первозванного. В 1807 году Беклешова избрали главнокомандующим 2-м областным земским войском, которое он сам и сформировал.

Александр Андреевич не был женат. Однако он имел приемного сына Алексея, погибшего в 22-летнем возрасте во время Отечественной войны 1812 года.

А. А. Беклешов умер в Риге в 1808 году.

«УПОДОБИЛСЯ ВЕЛИКОМУ ВИЗИРЮ» Генерал-прокурор ПЕТР ХРИСАНФОВИЧ ОБОЛЬЯНИНОВ

Петр Хрисанфович Обольянинов родился в 1752 году в обедневшей дворянской семье. До 16-летнего возраста он проживал с родителями, так и не получив приличного образования и выучившись лишь более или менее сносно читать и писать, а в 1768 году был записан кадетом в армию и начал военную службу. Не обладая прочными знаниями, П. Х. Обольянинов тем не менее резко выделялся среди сослуживцев «усердным исполнением своих обязанностей и беспрекословным и пунктуальным следованием приказаний высшего начальства». Дослужившись до премьер-майора (воинский чин 8-го класса), Петр Хрисанфович в 1780 году вышел в отставку. Некоторое время он нигде не служил, проживая в деревне. Только в 1783 году он получил должность губернского стряпчего в Псковском наместничестве, а спустя несколько лет еще более высокую должность — советника в палате гражданского суда. В 1792 году его перевели в казенную палату с чином надворного советника.

Гражданская служба не вполне соответствовала честолюбивым планам П. Х. Обольянинова, и он усиленно хлопотал о переводе в армию. В 1793 году удача сопутствовала ему — Обольянинов получил чин подполковника и попал в гатчинские войска великого князя Павла Петровича.

Дисциплинированный и энергичный офицер приглянулся наследнику престола и уже через три года «заслужил» чин генерал-майора.

В 1796 году Обольянинову была пожалована должность генерал-провиантмейстера и он получает один за другим ордена Св. Анны и Св. Александра Невского. В следующем году император Павел I награждает его богатым поместьем в Саратовской губернии с 2 тысячами душ, в 1798 году присваивает ему воинский чин генерал-лейтенанта, а в 1799 году — возводит в Сенаторское звание.

2 февраля 1800 года П. Х. Обольянинов был назначен генерал-прокурором Сената с оставлением в должности генерал-провиантмейстера. На высшей прокурорской должности он оставался чуть более года. За это время успел получить в награду большой крест ордена Св. Иоанна Иерусалимского, орден Св. Андрея Первозванного, большой дом в Петербурге, табакерку с бриллиантами и на 120 тысяч рублей различных фарфоровых и серебряных сервизов. Ему был присвоен воинский чин генерала от инфантерии.

По мнению современников, с приходом Обольянинова в прокуратуру «дела пошли хуже прежнего; произвол водворился окончательно и над людьми, и в деловых решениях. Генерал-прокурор слепо исполнял все полученные повеления и никогда не возражал». Отсутствие у Петра Хрисанфовича образования сказывалось во всем: писал он с ошибками, коверкал многие названия и слова, с сослуживцами был груб и часто ругал их, не стесняясь в выражениях. Несмотря на свой грубый нрав, Обольянинов ценил и всячески выделял талантливых сотрудников. Так, когда по указанию Павла I все чиновники Сенатской канцелярии, служившие при Беклешове, подлежали увольнению, он сумел отстоять М. М. Сперанского, разглядев в нем весьма способного человека.

П. Х. Обольянинов пользовался полным доверием Павла I. Своей близостью к монарху он вызывал трепет у самых высоких сановников. Почти все доклады императору шли только через генерал-прокурора, который, по выражению Д. Б. Мертваго, служившего вместе с ним, «уподобился великому визирю».

Время царствования Павла I было очень тяжелым. В обществе усилилась подозрительность, репрессии приняли еще более зловещий характер. По поручению императора генерал-прокурор Обольянинов организовывал слежки даже за самыми высшими сановниками, подозреваемыми в чем-либо предосудительном. В частности, Павел I санкционировал «наблюдение за поведением» сына знаменитого фельдмаршала Николая Румянцева, за

бывшими своими фаворитами — князьями Алексеем и Александром Куракиными, графами Кириллом и Андреем Разумовскими и другими лицами.

Строгий и требовательный, Петр Хрисанфович все же не страдал излишней подозрительностью. Именно этим и воспользовались участники заговора против Павла I, избрав дом генерал-прокурора местом своего сбора.

11 марта 1801 года, в ночь убийства Павла I, Обольянинов был арестован, а 16 марта отправлен в отставку. В течение последующих 17 лет он проживал в своем доме в Москве, не занимаясь ни государственной, ни общественной деятельностью. Затем московские дворяне избрали его своим предводителем. Впоследствии он еще дважды удостаивался этой чести, а в 1828 году, когда его хотели избрать на четвертый срок, категорически отказался. После 14 декабря 1825 года Обольянинов проявил известное мужество, на которое тогда не все могли решиться: он смело ходатайствовал о смягчении участи декабриста Е. П. Оболенского, приговоренного к смертной казни, замененной затем каторжными работами.

П. Х. Обольянинов был женат на Анне Александровне, урожденной Ермолаевой.

Последние годы своей жизни Петр Хрисанфович провел в селе Толожня Новоторжокского уезда Тверской губернии, где и скончался 22 сентября 1841 года, на 90-м году от рождения. Погребен в местной приходской церкви.

«ПО СТЕЗЕ ПРАВДЫ И ЗАКОНОВ» Генерал-прокурор ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН

Выдающийся русский поэт и государственный деятель Гаврила Романович Державин родился в Казани 3 июля 1743 года. Он рано лишился отца, секунд-майора Романа Николаевича. Его мать, Фекла Андреевна (урожденная Козлова) осталась почти без средств к существованию. Первое время мальчик учился дома, затем — в частной школе и Казанской гимназии. В 1762 году начал службу рядовым в лейб-гвардии Преображенском полку, в составе которого ему довелось участвовать в дворцовом перевороте. В чинах молодой Державин продвигался медленно — только через 10 лет был произведен в прапорщики, а в 1773 году — в подпоручики. В том же году состоялся литературный дебют молодого поэта — в печати появился его перевод с немецкого, а затем ода «На всерадостное бракосочетание императорских высочеств великого князя Павла Петровича с великой княгиней Натальей Алексеевной». Вскоре после этого он сумел войти в

секретную следственную комиссию А. И. Бибикова, занимавшуюся поимкой Е. Пугачева.

В 1777 году Г. Р. Державин, получив чин капитан-поручика, перешел на статскую службу. Вначале занял должность экзекутора в 1-м департаменте Сената, а затем — в экспедиции о государственных доходах. В апреле 1778 года Гаврила Романович женился на Екатерине Яковлевне Бастидон (в стихах поэт называл ее «Пленирой»), дочери кормилицы великого князя Павла Петровича.

В июне 1782 года Державину был пожалован чин статского советника. В мае следующего года появилась его ода «Фелица», принесшая поэту подлинную славу. Она очень понравилась Екатерине II, и расчувствовавшаяся императрица прислала поэту золотую табакерку и 500 червонцев. Вскоре отношения Г. Р. Державина с генерал-прокурором А. А. Вяземским, который первое время покровительствовал поэту, настолько испортились, что Гаврила Романович вынужден был выйти в отставку с чином действительного статского советника. К этому времени имя поэта «гремело» повсеместно. В печати появлялись его новые шедевры, в частности знаменитая ода «Бог».

В мае 1785 года Державин был назначен олонецким, а в декабре тамбовским губернатором. Однако административная деятельность приносила поэту лишь одни огорчения, а из-за острого конфликта с генерал-губернатором Гудовичем он даже попал под суд. Спасло поэта заступничество князя Г. А. Потемкина, которому он посвятил оду «Победитель». В июне 1789 года Екатерина II утвердила оправдательный приговор Сената, однако новую должность предоставлять ему не торопилась. По свидетельству А. В. Храповицкого, она сказала: «В третьем месте не мог ужиться; надобно искать причину в себе самом… Пусть пишет стихи».

Только 12 декабря 1791 года Г. Р. Державин получил место статс-секретаря императрицы. Он готовил для Екатерины II еженедельные доклады по Сенатским приговорам. Дела изучал всегда серьезно и скрупулезно, так что никакого отступления от закона, довольно часто тогда практиковавшегося, не допускал. Его замечания иногда шли вразрез с мнением генерал-прокурора. Не всегда они нравились и самой императрице, которой правдивость поэта основательно наскучила, и она предложила ему сообщать свои замечания непосредственно обер-прокурорам Сената.

В сентябре 1792 года Г. Р. Державин был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени, чином тайного советника и назначен Сенатором.

В январе 1794 года он стал президентом Коммерц-коллегии, некогда могучей организации, но теперь, в связи с передачей многих торговых и таможенных дел казенным палатам, несколько утратившей свое значение. Здесь поэт настолько рьяно принялся за искоренение злоупотреблений и контрабанды, что вошел в конфликт со многими людьми и это не понравилось Екатерине II. Она даже через генерал-прокурора Самойлова передала ему устный приказ никакими делами впредь не заниматься и «ни во что не вмешиваться». Заподозрив подвох, Державин попросил Самойлова дать ему письменный указ об этом, который естественно, не последовал. Тогда обиженный Державин подал рапорт об отставке, но императрица ее не приняла.

15 июля 1794 года Гаврила Романович потерял свою жену, незабвенную «Плениру». По его словам, он долго был «погружен в совершенную горесть и отчаяние». В январе 1795 года поэт женился вторично — на дочери обер-прокурора А. А. Дьякова, Дарье Алексеевне («Милена» — называл ее поэт).

При императоре Павле I Державин был вначале Сенатором, в августе — ноябре 1800 года вновь возглавлял Коммерц-коллегию, затем — Государственное казначейство и стал членом Совета при высочайшем дворе.

12 марта 1801 года новый император Александр I уволил Г. Р. Державина со всех должностей, оставив лишь Сенатором, но уже 8 сентября 1802 года в связи с преобразованием государственного аппарата назначил его первым в истории России министром юстиции с одновременным выполнением функций генерал-прокурора.

С первых же дней службы в новой должности Державин повел борьбу с беззаконием, произволом, превышением власти и взяточничеством. В «Записках» он писал, что отправлял службу «со всем усердием, честностию, всевозможным прилежанием и бескорыстием», и всегда шел «по стезе правды и законов, несмотря ни на какие сильные лица и противные против него партии». На этой почве вновь начались столкновения с вельможами и сановниками. Докладывая дела императору, Державин часто напоминал ему, что, защищая законность, он много себе «наделал новых злодеев» и что они «не преминут его всячески очернивать и приводить к нему в немилость». На это Александр I отвечал, чтобы он исправлял свою должность, не боясь никого, по законам, а он его «не выдаст». Однако на деле все происходило иначе. Беспрестанные столкновения с приближенному к государю людьми приводили к тому, что, как писал Державин, он стал скоро «приходить у императора в остуду, а у министров во вражду». Положение усугублялось тем,

что Гаврила Романович, отстаивая свои взгляды, частенько шел вразрез и с волей Александра I. Он не стеснялся открыто выражать свое несочувствие многим преобразованиям, порицал молодых советников императора. Он писал, что «держась сильно справедливости, не отступал от нее ни на черту, даже в угодность самого императора».

А вот что говорил о своем начальнике обер-прокурор Сената князь А. Н. Голицын: «В минуту желчи гений блестел в его глазах; тогда с необыкновенной проницательностью он охватывал предмет; ум его был вообще положителен, но тяжел; память и изучение законов редкая; но он облекал их в формальности до педантизма, которым он всем надоедал. Олицетворенную честность и правдивость его мало оценивали, потому что о житейском такте он и не догадывался, хотя всю службу почти был близок ко двору».

Служба принесла Державину чин действительного тайного советника и орден Св. Александра Невского. Однако, спустя год, император Александр I заметно охладел к министру юстиции и генерал-прокурору Державину и перестал принимать его с докладами. Отставка не заставила себя ждать. На прямой вопрос, за что его увольняют, император откровенно сказал: «Ты очень ревностно служишь». На это Г. Р. Державин ответил: «А как так, государь, то я иначе служить не могу. Простите».

Недруги Державина ликовали. Появились пасквили и злобные эпиграммы, вроде следующей: «Ну-ка, брат, певец Фелицы, на свободе от трудов и в отставке от юстицы наполняй бюро стихов. Для поэзьи ты способен, мастер в ней играть умом, но за то стал неугоден ты министерским пером…» Завадовский писал в то время графу Воронцову: «Общее возрадование, что князь Лопухин переменил Державина! Не дай Бог, чтоб когда-нибудь в министерстве очутился подобный поэт».

Выйдя в отставку, Г. Р. Державин всецело занялся литературным трудом: издавал сочинения, работал над «Записками» о своей бурной жизни. Он оставался все таким же беспокойным борцом за справедливость и считал себя «отставным служивым». В частности, в 1807 году Державин написал две записки императору Александру I, в которых прозорливо усмотрел опасность для России со стороны Наполеона и предлагал меры по «укрощению наглости французов» и о том, как «оборонить Россию от нападения Бонапарта». Об этом же он говорил с Александром I и при их личной встрече. Император выслушал его благосклонно, но идеи поэта его уже не интересовали.

Литератор С. П. Жихарев (впоследствии московский

губернский прокурор и обер-прокурор Сената) писал о нем: «С именем Державина соединено было в моем понятии все, что составляет достоинство человека: вера в Бога, честь, правда, любовь к ближнему, преданность к государю и Отечеству, высокий талант и труд бескорыстный…» И далее: «Это не человек, а воплощенная доброта, но чуть только коснется до его слуха какая несправедливость и оказанное кому притеснение или, напротив, какой-нибудь подвиг человеколюбия и доброе дело — тотчас оживится, глаза засверкают и поэт превращается в оратора, поборника правды…»

Г. Р. Державин скончался 8 июля 1816 года в своем имении Званка и погребен в новгородском Хутынском монастыре. Спустя 26 лет там же была похоронена и его жена, Дарья Алексеевна. После Великой Отечественной войны 1941–1945 годов прах Державина и его жены перенесли и предали земле около Софийского собора в Новгородском кремле.

«СЛУЖИЛ СО ВСЕМ УСЕРДИЕМ» Генерал-прокурор ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОПУХИН

Светлейший князь Петр Васильевич Лопухин родился в 1753 году в старинной дворянской семье. В детстве он был приписан к лейб-гвардии Преображенскому полку. Служить начал прапорщиком в 16-летнем возрасте, через несколько лет его произвели в капитан-поручики, а затем, получив чин полковника, перешел на статскую службу. Он занял должность Санкт-Петербургского обер-полицмейстера, выслужил чин бригадира и стал кавалером только что учрежденного ордена Св. Владимира 3-й степени. В 1783 году его перевели в Тверь, где он возглавил канцелярию наместника. В следующем году Лопухин в чине генерал-майора появился в Москве, и в течение последующих девяти лет «исправлял должность» гражданского губернатора, получив за труды чин генерал-поручика (в 1796 году переименован в генерал-лейтенанты) и орден Св. Владимира 2-й степени. С 1793 года и до конца царствования Екатерины II Лопухин служил ярославским и вологодским генерал-губернатором. Павел I назначил его Сенатором (в Москве), дал чин тайного советника и орден Св. Александра Невского.

Хотя перевод из генерал-губернаторов в Сенаторы в определенном смысле нельзя считать повышением по службе,

однако для Лопухина он стал предвестником стремительного взлета и необычайно щедрых милостей, оказанных ему новым императором.

Сын Лопухина, Павел Петрович, рассказывал мемуаристу А. Б. Лобанову-Ростовскому, что его отец был человек «даровитый и в особенности отличался необыкновенной легкостью и быстротою работы». Благодаря этому, выполнив несколько важных поручений императора, он и заслужил благосклонность Павла I, когда в марте — апреле 1797 года тот находился на коронации в Москве. Однако была еще одна причина, объясняющая головокружительную карьеру Сенатора Лопухина — государь обратил пристальное внимание на его дочь, Анну Лопухину, 19-летнюю красавицу с большими черными глазами.

В конце июля 1798 года Лопухин неожиданно срочно был вызван в Петербург. Здесь он впервые получил приглашение на обед в Петергоф. Павел I обошелся с ним особенно милостиво и подробно расспрашивал о службе, о семье. 8 августа Петр Васильевич Лопухин был назначен генерал-прокурором Сената, а через несколько дней император повелел ему присутствовать в Совете при высочайшем дворе. После этого на Лопухина и членов его семьи со сказочной быстротой посыпались милости монарха. Он получил чин действительного тайного советника, ордена Св. Андрея Первозванного, Св. Иоанна Иерусалимского, Св. Анны. Павел I подарил ему свой портрет, что считалось тогда признаком особого расположения. В потомственное владение ему было передано поместье в Корсуне, а в Петербурге — большой дом на дворцовой площади. Его жена, Екатерина Николаевна, была пожалована в статс-дамы. Особыми знаками внимания император удостоил его дочь (и свою фаворитку), Анну Петровну: она стала фрейлиной, получила кокарду статс-дамы, ордена Св. Екатерины и Св. Иоанна Иерусалимского. В 1799 году П. В. Лопухину вручен бриллиантовый знак ордена Св. Андрея Первозванного и он стал князем с титулом светлости (при Павле I этой чести удостоились 5 человек).

По словам поэта и государственного деятеля И. И. Дмитриева, генерал-прокурор Лопухин был более опытен и сведущ в делах, нежели его предшественник А. Б. Куракин. Он «скоро понимал всякое дело, но никаким с участием не занимался». «Не предполагаю, — писал И. И. Дмитриев, — чтобы он хотел сделать кого несчастным, но равно и того, чтобы он решился стоять за правду».

Стремительное возвышение Лопухина оказалось кратковременным. 7 июля 1799 года он был отправлен в отставку и до начала царствования Александра I никаких должностей

более не занимал.

Молодой император повелел ему присутствовать в своем Совете (преобразованном из Совета при высочайшем дворе), а в день коронации подарил богатую табакерку с собственным портретом. 8 октября 1803 года П. В. Лопухин стал министром юстиции и генерал-прокурором. Эту должность он занимал более шести лет. Одновременно он возглавил и комиссию составления законов, на которую Александр I возлагал большие надежды. Работа комиссии пошла особенно плодотворно, когда должность товарища министра исполнял М. М. Сперанский.

Отношения Лопухина как генерал-прокурора с Сенаторами складывались непросто. С некоторыми из них у него происходили острые стычки. Особенно донимал его один Сенатор — дальний родственник Иван Владимирович Лопухин, чаще других выступавший с особыми мнениями по решаемым делам.

П. В. Лопухин старался по мере своих возможностей поддерживать местный прокурорский надзор, заступаясь за губернских прокуроров, когда губернаторы уж очень откровенно прибирали их к рукам. Так, по его предложению в 1805 году Сенат направил на места разъяснение о том, что губернаторы не имеют права давать предписания прокурорам, как непосредственно подчиняющимся только генерал-прокурору.

С 1 января 1810 года начал работу новый Государственный совет. Должность председателя департамента гражданских и духовных дел в нем занял князь П. В. Лопухин. В 1812 году он возглавил департамент законов, а с 1816 года стал председателем Государственного совета и Комитета министров. В 1814 году Петр Васильевич получил чин действительного тайного советника 1-го класса, что соответствовало воинскому чину генерал-фельдмаршала (за все время существования Российской империи этот чин носили чуть более 10 человек). В 1826 году Лопухин, по указанию императора, председательствовал в Верховном уголовном суде, рассматривавшим дело о декабрьском восстании 1825 года.

2 ноября 1826 года князь Лопухин обратился к императору Николаю I с просьбой об отставке. «В службу вступил я в царствование блаженные памяти государыни Елизаветы Петровны 1760 г., марта 5-го дня, и прослужил оную как в военном, так и в гражданском звании со всем усердием верноподданного, — писал он. — Усилившаяся глухота, слабость зрения, преклонность лет моих и расстроенное здоровье делают меня ныне совершенно неспособным к службе и лишают возможности продолжать оную с желаемым усердием. Почему, припадая к священным стопам Вашего императорского величества, осмеливаюсь

всеподданнейше просить о всемилостивейшем увольнении меня от всех дел, дабы я мог остаток дней моих провести в тиши и спокойствии, моля Всевышнего о ниспослании Вам, Всемилостивейший Государь, и всей Императорской фамилии, долголетнего здравия и благоденствия». Однако император Николай I не принял отставки, и П. В. Лопухин оставался на высоких постах до конца своей жизни.

Петр Васильевич Лопухин был женат дважды: вначале на Прасковье Ивановне Левшиной, а после ее смерти — на Екатерине Николаевне Шетневой. От второго брака он имел сына, Павла Петровича. Последний участвовал в Отечественной войне 1812 года, затем был одним из основателей «Союза благоденствия», а после его распада — вступил в возобновленное тайное общество. 28 декабря 1825 года император Николай I, после личного допроса молодого Лопухина, во время которого тот откровенно рассказал о своем участии в тайных обществах, «высочайше освободил» его от всякой ответственности. После этого Павел Лопухин командовал 2-й конно-егерской и 1-й гусарской дивизиями. В 1835 году в чине генерал-лейтенанта вышел в отставку.

Князь П. В. Лопухин скончался 6 апреля 1827 года.

«БЛЮСТИТЕЛЬ ЗАКОНОВ» Генерал-прокурор ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ

Известный русский поэт и государственный деятель Иван Иванович Дмитриев родился 10 сентября 1760 года в селе Богородском Симбирской губернии, в старинной дворянской семье. Обучался в частных пансионах Казани и Симбирска, а в 14-летнем возрасте поступил в полковую школу гвардейского Семеновского полка. В 1776 году произведен в унтер-офицеры. Началась скучная, очень тяготившая его служба: строй, плац-парады, караулы… Первые поэтические опыты Ивана Дмитриева появились в печати в 1777 году (стихотворение «Надпись к

портрету князя А. Д. Кантемира»). В последующие годы поэт знакомится с Н. М. Карамзиным (1783 год), Г. Р. Державиным (1790 год), Д. И. Фонвизиным, И. Ф. Богдановичем, Н. А. Львовым, В. В. Капнистом. С 1790 года постоянно появляются стихи, оды и басни И. И. Дмитриева. Настоящую славу принесли ему стихотворные сказки: «Модная жена», «Причудница» и другие. Пользовались большим успехом у читателей и «поэтические мелочи»: эпиграммы, пародии, мадригалы. Многие лирические стихи поэта были положены на музыку и стали модными романсами. В 1795 году Иван Иванович издал свой первый поэтический сборник «И мои безделки».

В январе 1796 года И. И. Дмитриев, получив чин капитана гвардии, взял годовой отпуск, а 17 декабря он вышел в отставку с чином полковника. Однако 25 декабря 1796 года он и его полковой товарищ Лихачев были неожиданно арестованы. Обоих доставили к императору Павлу I, и тот объявил о поступившем на них доносе, в котором сообщалось, что они «умышляют» на жизнь императора. Павел I поручил разобраться во всем этом военному генерал-губернатору Н. П. Архарову. Вскоре доносчик был найден. Им оказался слуга двоюродного брата Лихачева, с которым Дмитриев даже не был знаком. О результатах следствия Архаров доложил императору и тот приказал отдать слугу под суд уголовной палаты. Дмитриев и Лихачев тем временем опять были доставлены во дворец. Император принял их в присутствии всего генералитета. Он сказал: «С удовольствием объявляю вам, что г. полковник Дмитриев и штабс-капитан Лихачев нашлись, как я ожидал, совершенно невиновными; клевета обнаружена, и виновный предан суду. Подойдите, и поцелуемся». Дмитриев и Лихачев не без смущения подошли к руке императора. Павел I поцеловал каждого из них в щеку и пригласил к обеденному столу.

В 1797 году И. И. Дмитриев был приглашен в Москву на коронацию императора Павла I. Государь осыпал его милостями и приказал своему сыну, великому князю Александру Павловичу, спросить у Дмитриева, за которого тот поручился во время ареста, чего он хочет. Иван Иванович ответил: «Ничего, кроме спокойной жизни в отставке». Когда же Александр Павлович во второй и третий раз настойчиво обратился к нему: «Скажи что-нибудь, батюшка решительно требует», тогда только Дмитриев ответил, что желает поступить на статскую службу.

Вскоре после этого он получил «хорошее» место — товарища министра уделов. Спустя три месяца его с чином статского советника перевели обер-прокурором 3-го департамента Сената. К гражданской службе Иван Иванович привыкал с трудом. По его

словам, он «будто вступил в другой мир», для него совершенно новый, незнакомый и во многом чуждый. Он отмечал, что, заняв предложенный ему пост обер-прокурора Сената, подумал прежде всего о важности своего нового звания — «блюстителя законов». По его мнению, это звание обязывало охранять законы от «умышленно кривых истолкований», «сносить равнодушно пристрастные толки и поклеп тяжущихся или подсудимых», противостоять иногда «особам, украшенным сединами, знаками отличий».

В своих воспоминаниях Дмитриев писал: «Отсюда начинается ученичество мое в науке законоведения и знакомство с происками, эгоизмом, надменностию и раболепством двум господствующим в наше время страстям: любостяжанию и честолюбию». Иван Иванович основательно изучил законы, которыми следовало руководствоваться в своей деятельности, познакомился с «внутренним положением» поднадзорного ему департамента Сената, порядком ведения там дел.

С первых же дней пребывания за обер-прокурорским столом Дмитриев стал активно отстаивать интересы законности. Это не всегда нравилось властолюбивым Сенаторам. Он вспоминал: «Едва проходила неделя без жаркого спора с кем-нибудь из Сенаторов, без невольного раздражения их самолюбия».

Служба Дмитриева продвигалась успешно. В 1798 году он получил чин действительного статского советника и орден Св. Анны 2-й степени. Однако времени для поэтического творчества практически не оставалось. «Во все это время, находясь на гражданской службе, — писал позднее И. И. Дмитриев, — я уже не имел досуга предаваться поэзии. Притом же и сам хотел на время забыть ее, чтобы сноснее для меня был запутанный, варварский слог наших толстых экстрактов и апелляционных челобитен».

В декабре 1799 года Дмитриев, неожиданно для многих сослуживцев, вышел в отставку (с чином тайного советника). Он купил в Москве дом, недалеко от Красных ворот, и «возобновил авторскую жизнь». В 1803–1805 годах Иван Иванович издал три тома своих сочинений.

С 1806 года И. И. Дмитриев вновь на службе — он стал Сенатором (в Москве) и вскоре получил орден Св. Анны 1-й степени. В 1808 году император направил его в Рязань для следствия о злоупотреблениях по винному откупу, а затем в Кострому для «исследований поступков» губернатора Пасынкова.

1 января 1810 года И. И. Дмитриев стал членом Государственного совета и получил назначение на пост министра юстиции и генерал-прокурора. 30 августа того же года император

пожаловал ему орден Св. Александра Невского. Дмитриев довольно скоро понял необходимость проведения кардинальных преобразований в министерстве. Правосудие и прокурорский надзор находились тогда не в самом лучшем состоянии. В своих воспоминаниях он писал по этому поводу: «При первом обзоре всех частей моего министерства я уже видел, что многого недостает к успешному ходу этой машины: излишние инстанции, служащие только проволочке дел и в пользу ябеднических изворотов; недостаточность в назначении сумм на содержание судебных мест, особенно ж палат гражданской и уголовной; определение чиновников к должности большею частью наудачу, по протекции или через покровительство; неравенство в жалованье и производстве в чины».

Дмитриев энергично принялся за работу. Он сумел провести ряд важных узаконений. Как руководитель органов юстиции и прокуратуры, Иван Иванович был достаточно доступен и доброжелателен, своих подчиненных всегда поддерживал и поощрял. У него было много хороших идей о наилучшем устройстве судебной и прокурорской частей. Но не по его вине до их осуществления дело, как правило, не доходило. Одни прогрессивные идеи не нашли поддержки у императора, другим — противились приближенные в высочайшему двору сановники. Да и время оказалось тревожным — надвигалась война с Наполеоном. Правительству было не до преобразований.

Дмитриев, например, признавал весьма полезным учреждение в России училищ законоведения, куда можно было бы принимать не только дворянских, но и купеческих, и мещанских детей. По его мнению, уже через десять лет после этого можно было бы установить правило, чтобы «никого из стряпчих не допускать к хождению по делам без одобрительного свидетельства от одного из сих училищ. Таким образом, — писал он, — невежество и ученичество мало по малу истребилось бы между судьями и приказными служителями, да и самые стряпчие были бы поставлены в необходимость усовершенствовать себя в законоведении и учиться грамматическим правилам отечественного языка».

Доклады министра юстиции и генерал-прокурора Дмитриева императору по конкретным делам, которые он часто практиковал, заставляли иногда содрогаться Александра I. Так, однажды Дмитриев принес на утверждение приговор по делу о жестоком обращении одной помещицы с крепостной девушкой, которая, не выдержав изощренных истязаний, умерла. Слушая генерал-прокурора, император воскликнул: «Боже мой! Можем ли мы знать все, что у нас делается! Сколько от нас закрытого, мы и

вообразить этого не можем!» И государь утвердил приговор, даже не смягчив его, как он обыкновенно делал.

Особенно тяжело было работать во время Отечественной войны 1812 года. Вследствие принципиальной позиции, занятой им по многим вопросам, он нажил себе немало врагов среди членов Комитета министров, которые стали почти открыто ему противодействовать. Когда же и Александр I выразил ему свое «неблаговоление», тогда И. И. Дмитриев подал в отставку, которая 30 августа 1814 года была принята.

Поэт снова поселился в Москве. Недалеко от Тверского бульвара, на Спиридоновке, выстроил себе дом (по проекту архитектора А. Л. Витберга). В 1816 году он вернулся на некоторое время на службу — председателем комиссии для рассмотрения просьб, подаваемых на высочайшее имя от жителей, разоренных неприятелем. В 1818 году ему был присвоен чин действительного тайного советника, а в 1819 году — пожалован орден Св. Владимира 1-й степени. Вскоре после этого Дмитриев отошел от государственных дел и занимался исключительно литературным трудом. В 1825 году поэт завершил работу над своими мемуарами «Взгляд на мою жизнь» (впервые опубликованы в 1866 году).

Иван Иванович был холост, но с молодых лет «питал нежные чувства» к жене сослуживца П. И. Северина, Анне Григорьевне, которой посвятил несколько своих стихотворений.

И. И. Дмитриев умер 3 октября 1837 года и похоронен в Донском монастыре.

«ПОРУЧАЮ ВАМ УСУГУБИТЬ НАДЗОР» Генерал-прокурор ДМИТРИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ТРОЩИНСКИЙ

Дмитрий Прокофьевич Трощинский родился в 1749 году в Глухове Черниговской губернии в семье войскового писаря. Родители не смогли дать ему какого-либо образования. По его собственному признанию, «русской грамоте» он обучался у приходского дьячка. В 16-летнем возрасте он поступил на военную службу — полковым писарем. Юноша много читал, занимался самообразованием, к тому же был от природы умен и

сообразителен. По службе проявлял большое старание и рвение. Именно благодаря этим свои качествам он приглянулся генерал-аншефу князю Н. В. Репнину, который взял его секретарем, а затем сделал правителем своей канцелярии.

В 1781 году Д. П. Трощинский оставил по болезни военную службу. На гражданском поприще его ожидала более успешная карьера. Он сумел попасть в канцелярию к своему земляку и набиравшему силу вельможе графу А. А. Безбородко и вскоре выдвинулся в число лучших его сотрудников. В 1784 году он становится правителем дипломатической канцелярии. В отсутствие графа Дмитрий Прокофьевич часто докладывал дела лично императрице и заслужил ее благосклонность. Екатерина II подарила ему богатые поместья в Киевской и Полтавской губерниях. В 1793 году императрица назначила его своим статс-секретарем и одновременно членом почтового управления. В награду за труды Трощинский получил орден Св. Владимира 2-й степени.

В обязанности Трощинского входило принятие докладов генерал-рекетмейстера, внутренней почты и частных прошений, подаваемых на высочайшее имя, и подготовка по ним ежедневных докладов Екатерине II. В этих вопросах он оказался очень искусным.

При императоре Павле I Д. П. Трощинский получил новые должности и награды. Оставаясь статс-секретарем, он назначается председателем главного почтового управления и ему поручается присутствовать в Совете при высочайшем дворе, жалуется 1200 душ крепостных крестьян, ордена Св. Анны, Св. Александра Невского и Мальтийский командорский крест. Однако вскоре он попадает в опалу и отправляется в отставку.

Следующий взлет карьеры Д. П. Трощинского приходится на царствование нового императора. В ночь с 11 на 12 марта 1801 года его вызвали во дворец, где он составил манифест о восшествии на престол Александра I. Император вернул ему звание Сенатора и должность главного директора почт. 26 марта 1801 года был упразднен Совет при высочайшем дворе и взамен его создан новый Совет «важнейших государственных дел», получивший название Государственного. Дмитрий Прокофьевич стал одним из членов этого Совета и главным начальником его канцелярии, сохранив за собой все прежние должности. 15 сентября 1801 года он получил чин действительного тайного советника.

Хотя Трощинский и был опытным сановником, но «воспитанный в старых идеях», не смог поддержать реформы молодого императора и был ярым противником преобразований.

Поэтому Александр I довольно скоро охладел к нему. После образования министерств Д. П. Трощинский занимал довольно скромный пост министра уделов и продолжал руководить почтовым ведомством, а 9 июня 1806 года вообще оставил службу и поселился в полтавском имении Кибинцы.

В 1812 году дворяне избрали его своим предводителем, и по их поручению он в 1814 году, встречал возвращающегося из-за границы императора. Александр I вновь «заметил» старого вельможу и 30 августа 1814 года назначил его министром юстиции и генерал-прокурором. На этом посту Дмитрий Прокофьевич пробыл три года, с присущей ему энергией занимаясь многочисленными делами судебного ведомства, прокуратуры и Правительствующего сената. В одном из своих писем он сообщал: «Без отдыха сижу за делами по своему департаменту, о коем можно сказать с Давидом: сие море великое и пространное, в нем же гадов несть числа».

Один из первых биографов генерал-прокурора П. И. Иванов писал о нем: «Трощинский хотя и не получил классического образования, но, имея светлый ум, наблюдательность, сам себя образовал в школе практических деловых упражнений, так что его проекты, мнения, министерские бумаги носят на себе отпечаток ясного понимания предмета, строгой отчетливости в изложении и, наконец, в них всегда преобладает практическая сторона относительно приведения в исполнение предполагаемого, которая приобретается только долговременным упражнением в делах. Он, как известно, много писал проектов по разным предметам, подавая замечательные мнения».

Трощинский умел безукоризненно докладывать дела. Он любил повторять одну фразу: «Дело не в докладе, а в докладчике», подчеркивая тем самым, что умный и ловкий чиновник всегда сумеет доложить любое дело в нужном ему ракурсе и провести выгодное решение. И он действительно умел убеждать императора. От своих подчиненных он требовал простоты и ясности при изложении обстоятельств дела, без каких-либо собственных заумных рассуждений. Когда же обер-прокуроры, особенно из молодых, по свойственной их возрасту запальчивости, позволяли себе неуместные замечания, Дмитрий Прокофьевич неизменно останавливал их словами: «Да уж, пожалуйста, не забегайте вперед воображением вашим».

Однако и на посту министра юстиции и генерал-прокурора он продолжал оставаться таким же непримиримым противником реформ, считая, что устоявшееся годами гораздо лучше нового и неизвестного. Особенно наглядно это проявилось при обсуждении в Государственном совете проекта Гражданского уложения,

представленного комиссией составления законов. Трощинский считал его лишь «испорченным переводом кодекса Наполеона».

Со временем ему становилось все труднее и труднее исполнять текущие дела по Министерству юстиции и Правительствующему Сенату. К тому же император почти перестал принимать министров с личными докладами. Все их представления направлялись к государю только через графа Аракчеева. Поэтому министры вынуждены были с четырех часов утра топтаться в приемной этого всесильного временщика, ожидая, когда он удостоит их своим вниманием. В таких условиях провести какое-либо решение было крайне затруднительно.

К служебным затруднениям прибавились и личные. Дмитрий Прокофьевич все чаще и чаще прихварывал. В апреле 1816 года он занемог так сильно, что вынужден был уйти в продолжительный отпуск.

К концу лета Трощинский несколько оправился от болезни. 5 августа 1816 года император Александр I направил ему следующий рескрипт: «Дмитрий Прокофьевич! По настоящем выздоровлении вашем от болезни, Я желаю чтобы вы скорее заняли прежнее свое место и продолжали с прежнею деятельностью отправлять должность вашу. Я в полной к вам доверенности поручаю вам усугубить надзор, дабы дела как в Правительствующем сенате, так и во всех подчиненных ему местах, имели успешнейшее течение, чтобы законы и указы повсюду исполнялись неизменно, чтобы бедные и угнетаемые находили в суда х защиту и покровительство, чтобы правосудие не было помрачено ни пристрастием к лицам, ни мерзким лихоимством, Богу противным и Мне ненавистным, и чтобы обличаемые в сем гнусном пороке нетерпимы были по службе и преследуемы со всею строгостию законов. В чем вы, по долгу звания вашего, неослабно наблюдать и о последствиях Меня в откровенности извещать не оставьте, донося равномерно и о тех отличных чиновниках, которых за усердную и беспорочную службу найдете достойными особенного Моего воздаяния».

Спуся год, 25 августа 1817 года, Д. П. Трощинский вышел в отставку с пенсией в 10 тысяч рублей. Первое время он проживал в Петербурге, а затем уехал в свое имение Кибинцы.

В имении Трощинского в детстве часто бывал Н. В. Гоголь (его отец, Василий Афанасьевич, одно время служил у вельможи) и пользовался его богатейшей библиотекой. Здесь же нередко проживали и будущие декабристы — братья М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, М. П. Бестужев-Рюмин и другие.

Дмитрий Прокофьевич не был женат, но имел дочь, Надежду. По отзыву его современника Сенатора И. В. Лопухина,

Трощинский был министром «отличною твердостию и редким в делах государственных искусством одаренным».

Д. П. Трощинский умер 26 февраля 1829 года.

«ЗАБЫВАТЬ СВОЙ ПОКОЙ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДРУГИХ»
Генерал-прокурор ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский родился 20 сентября 1758 года в богатой и родовитой дворянской семье. Он

получил прекрасное домашнее образование и с 14-летнего возраста был записан в лейб-гвардии Семеновский полк. Службу начал в 1779 году в чине прапорщика. В 1783 году, будучи подполковником, он вступил в действующую армию: в войсках князя Г. А. Потемкина участвовал в покорении Крыма, а затем и в русско-турецкой войне. Молодой офицер, командуя батальоном, а позднее и полком, отличился при взятии крепостей Очаков (1788 год) и Измаил (1790 год), а также в сражении при Мичине (1791 год). В боях был дважды тяжело ранен: в голову и бедро (турецкую пулю князь носил в своем теле всю жизнь). За «отменное искусство и храбрость» получил боевые награды: ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степеней и чин полковника. Во время польской кампании Д. И. Лобанов-Ростовский за отвагу, проявленную при штурме Праги (1794 год), был представлен А. В. Суворовым к ордену Св. Владимира 3-й степени и чину бригадира, а также получил от главнокомандующего золотую шпагу с надписью «За храбрость».

Успешная военная карьера Лобанова-Ростовского продолжалась и при императоре Павле I. Государь произвел его в генерал-майоры, наградил орденом Св. Анны, поместьем в Московской губернии и назначил командиром Псковского мушкетерского полка, а позднее — военным генерал-губернатором в Архангельске (1797 год). Вскоре после этого князь вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта и почти восемь лет нигде не служил.

С конца 1806 года Д. И. Лобанов-Ростовский вновь на военной службе, командует дивизией. Затем на него были возложены переговоры с Наполеоном, которые закончились Тильзитским мирным договором. За эту дипломатическую миссию император произвел его в генералы от инфантерии и вручил орден Св. Александра Невского. Наполеон же, с согласия русского монарха, наградил князя орденом Почетного легиона большого креста и подарил ему богатую табакерку с собственным портретом. По возвращении в Петербург в 1808 году Лобанов-Ростовский становится военным генерал-губернатором столицы. На этом поприще он заслужил алмазный знак ордена Св. Александра Невского. 2 февраля 1809 года по состоянию здоровья князь оставил военную службу, но уже через три месяца возвратился в войска, а в декабре 1810 года стал военным губернатором Риги и генерал-губернатором Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. В 1812–1813 годах Лобанов-Ростовский занимался формированием резервной армии, которой затем и командовал, за что 26 марта 1813 года получил орден Св. Владимира 1-й степени. Вместе с резервной армией Дмитрий

Иванович находился в Варшаве, где заслужил любовь местного населения тем, что добился высочайшего прощения нескольких поляков, приговоренных военным судом к смертной казни.

В конце 1813 года Д. И. Лобанов-Ростовский становится членом Государственного совета, а 27 апреля 1814 года удостаивается ордена Св. Андрея Первозванного. 27 августа 1817 года он вступил в должность министра юстиции и генерал-прокурора. В специальном рескрипте Александр I отметил: «Удостоверен в полной мере, что вы оправдаете в строгом смысле название, присвоенное инструкциею Генерал-прокурору: око императорское».

Князю в это время было почти 60 лет, и он уже не мог с прежней энергией заниматься делами. Давали о себе знать и старые раны, полученные во время походной жизни. И тем не менее с присущим ему трудолюбием Дмитрий Иванович в течение десяти лет выполнял свои обязанности по надзору за Сенатом и судебными местами, руководству обер-прокурорами и прокурорами губерний и провинций. Когда требовалось защитить человека, по его мнению, невиновного, князь не считался ни с какими трудностями, без боязни говорил правду любому, даже императору.

В то же время сказывались привычки, выработанные за многие годы военной службы, а гражданское поприще требовало иных методов руководства. Поэтому Лобанов-Ростовский не вступал в столь жаркие схватки с Сенаторами, как это делали некоторые прежние генерал-прокуроры, не мог он добиться и беспрекословного исполнения своих заключений. Почувствовав некоторое послабление со стороны прокурорской власти, Сенаторы стали все чаще и чаще «оговаривать» не только обер-прокуроров, но и самого генерал-прокурора. Для того, чтобы поставить их на место, потребовалось даже вмешательство императора.

В 1822 году Александр I предложил Д. И. Лобанову-Ростовскому пост военного министра, но тот, объективно оценив свои силы, отказался. В 1826 году он выполнял прокурорские обязанности в Верховном уголовном суде по делу декабристов. В день своего коронования Николай I наградил его алмазным знаком ордена Св. Андрея Первозванного.

При Николае I Лобанов-Ростовский оставался министром юстиции и генерал-прокурором еще два года. Ему было предписано ежемесячно представлять императору донесения губернских прокуроров о всех замеченных ими упущениях и халатности при производстве дел. Особое внимание государь потребовал обратить на Сенат. Это произошло после того, как

однажды Николай I лично явился в Сенат утром и никого из Сенаторов не застал на месте, что вызвало его справедливое негодование. Да и само здание Сената, служебные помещения повергли его в уныние. Он приказал Дмитрию Ивановичу навести надлежащую дисциплину в Сенате и систематически докладывать ему, кто из Сенаторов отлынивает от работы. Были выделены также средства на реконструкцию Сената.

18 октября 1827 года Лобанов-Ростовский получил долгожданную отставку, оставаясь однако до конца своей жизни членом Государственного совета.

Дмитрий Иванович детей не имел. По отзывам современников, отличался вспыльчивым, горячим характером и отвагой, но был добрым, правдивым и сострадательным человеком. Он содержал детей некоторых своих боевых товарищей и семью капитана Бордукова, спасшего ему жизнь в одном из сражений, а капитану Сухотину выплачивал от себя пенсию.

По свидетельству Д. Н. Бантыш-Каменского Лобанов-Ростовский «в малом теле вмещал душу великую». Основным его девизом было «забывать свой покой для пользы других».

Князь Д. И. Лобанов-Ростовский скончался 25 июля 1838 года и был похоронен на берегу Невы, недалеко от Петербурга.

«БЛЮСТИТЕЛЬ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ» Генерал-прокурор АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДОЛГОРУКОВ

Князь Алексей Алексеевич Долгоруков родился 14 мая 1767 года в знатной дворянской семье. В 9-летнем возрасте его записали на службу в артиллерию, а затем в гвардию. В 1791 году он получил чин прапорщика, в 1795 году — премьер-майора, а на следующий год — подполковника. Служба принесла молодому

князю первые награды: ордена Св. Анны 3-й степени и Св. Иоанна Иерусалимского. В 1803 году А. А. Долгоруков, будучи полковником, оставил военную службу и перешел на гражданскую с чином действительного статского советника. Первое время он занимал скромную должность при департаменте герольдии, а затем был назначен прокурором в капитуле Мальтийского ордена.

Постепенное возвышение Долгорукова началось только в 1808 году, когда он получил место симбирского гражданского губернатора. Хозяйственные инициативы князя были вознаграждены орденом Св. Анны 1-й степени. Во время Отечественной войны 1812 года Долгоруков сформировал в своей губернии народное ополчение, которым и командовал до выступления его в поход.

17 мая 1815 года Алексей Алексеевич был переведен губернатором в Москву, а в следующем году — произведен в тайные советники. 26 мая 1817 года Александр I назначил его Сенатором. В этом звании в июне 1824 года он ревизовал Вятскую губернию, а в 1826 году — Воронежскую, Курскую, Пензенскую и Симбирскую, обращая внимание не только на соблюдение законности при управлении губерниями, но и на причины частого побега крепостных крестьян. За свою Сенаторскую деятельность князь Долгоруков получил орден Св. Владимира 2-й степени, алмазный знак ордена Св. Анны 1-й степени, а 2 апреля 1827 года — Александровскую ленту.

27 апреля 1827 года А. А. Долгоруков был назначен товарищем министра юстиции, а через три дня, «по случаю тяжелой болезни» князя Д. И. Лобанова-Ростовского, временно «вступил в права и обязанности министра юстиции». 18 октября того же года, после выхода в отставку министра, за Долгоруковым «впредь до особого назначения» было оставлено управление министерством. Впоследствии император утвердил его в должности министра юстиции и генерал-прокурора.

При Долгорукове завершилась подготовка Полного собрания законов Российской империи и систематического Свода законов. Печатание многотомного издания началось в 1828 году. Полное собрание законов открывалось Уложением царя Алексея Михайловича и было доведено до вступления на престол императора Николая I, охватывая почти 200 лет. Свод законов состоял из 15 томов и заключал в себе 42 тысячи статей. На генерал-прокурора была возложена обязанность тщательного просмотра всего Свода, чтобы удостовериться в точности приведенных в нем законодательных актов. Для этого создали специальный комитет под его председательством. Трудоемкая и

кропотливая работа была выполнена менее чем за год.

А. А. Долгоруков заботился о независимости прокурорского надзора от местного начальства. В 1828 году произошел такой случай. Олонецкий губернатор, ссылаясь на указ Сената от 12 июля 1813 года, которым предписывалось представлять в герольдию послужные списки на чиновников, решил также составить аттестацию и на губернского прокурора. Последний сообщил об этом Долгорукову. Генерал-прокурор посчитал, что представление аттестации на прокурора является вмешательством губернатора в прокурорские дела и вынес этот вопрос на рассмотрение Сената. В обоснование своего возражения он сослался на высочайше утвержденное 1 февраля 1819 года положение Комитета министров. В нем отмечалось: «Польза службы требует, дабы прокурор, как блюститель за точным исполнением законов, и как чиновник, ни в чем губернатору неподчиненный, никогда с ним в тесной дружественной связи не был, ибо в сем последнем случае Верховное Правительство ни чрез кого уже по обязанности ни о каких беспорядках в губернии и узнавать не будет иметь способа».

28 сентября 1828 года Правительствующий Сенат рассмотрел этот вопрос и полностью поддержал генерал-прокурора. В Сенатском указе, направленном всем министрам и начальникам губерний, отмечалось, что «губернские прокуроры, на основании узаконений, везде смотрят и бдение имеют, дабы в губерниях ничего противного закону и общей пользе не происходило, а в случае их упущений или преступлений должности, они подвергаются ответственности пред министром юстиции, или суждению Правительствующего сената».

Сенат полагал, что губернский прокурор и стряпчий не могут находиться в зависимости от губернского начальства, так как «в случае каких-либо по делам службы несогласий его с начальниками губерний, или в случае представления начальству о неправильном действии губернатора, может навлечь к себе со стороны его нерасположение, а следовательно, если бы аттестация таковых чиновников зависела от губернатора, они могли бы, при всей похвальной своей службе, лишиться справедливого по оной удостояния».

В другом определении, вынесенном по инициативе князя, Сенат указал на безусловную необходимость предоставления прокурорам всех постановлений и решений губернских правлений для проверки соответствия их указам.

20 сентября 1829 года Долгоруков был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора с чином действительного тайного советника. Вскоре он стал членом

Государственного совета.

Алексей Алексеевич Долгоруков был женат дважды. От первого брака, с Маргаритой Ивановной, урожденной Апайщиковой, он имел четырех сыновей: Ростислава, Юрия (тайный советник, Сенатор), Сергея (статс-секретарь императора) и Григория (участник штурма Варшавы в 1831 году и Кавказской экспедиции против горцев). От второй жены, статс-дамы Варвары Николаевны, урожденной Текутьевой, у него было три сына: Алексей, Николай (гофмейстер двора его величества) и Дмитрий.

Князь А. А. Долгоруков скончался 11 августа 1834 года и погребен в церкви Святого Духа Александро-Невской лавры.

«БЫЛ ТВЕРД В СВОИХ МНЕНИЯХ» Генерал-прокурор ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ДАШКОВ

Дмитрий Васильевич Дашков родился 29 декабря 1788 года в дворянской семье. Образование получил в Московском университетском благородном пансионе, где учился вместе с В. А. Жуковским и братьями А. И. и Н. И. Тургеневыми. В 1801 году поступил юнкером в Коллегию иностранных дел и служил там девять лет. В эти годы появляются в печати его первые литературные опыты (в основном переводы с французского), которые привлекли внимание такого взыскательного поэта, как И. И. Дмитриев. Получив в январе 1810 года чин коллежского

асессора, Д. В. Дашков вышел в отставку, но уже в марте генерал-прокурор И. И. Дмитриев берет его в свое ведомство. Дмитрий Васильевич быстро выдвинулся в число лучших сотрудников министерства, получил чин надворного советника и орден Св. Владимира 4-й степени (3 июня 1815 года). На литературном поприще ему также сопутствовал успех. В середине 1810-х годов он уже пользовался репутацией лучшего литератора столицы и блестящего полемиста. Вместе с В. А. Жуковским и Д. Н. Блудовым он основал литературное общество «Арзамас», членами которого были многие известные поэты и писатели, в их числе и молодой А. С. Пушкин.

27 сентября 1816 года Д. В. Дашков вернулся в лоно Коллегии иностранных дел, где получил чин статского советника и был прикреплен к русской миссии в Константинополе (второй советник при русском посольстве). В Константинополе Дашкову пришлось находиться в самые трагические моменты греко-турецких столкновений. Молодой советник проявил не только большие дипломатические способности, но и личное мужество. Он сумел спасти от верной смерти многие греческие семейства. Русский посланник граф Строганов использовал сметливость и расторопность Дашкова в самые критические минуты столкновений.

Находясь в Константинополе, Дмитрий Васильевич серьезно занимался изучением греческой истории и литературы, совершил большую поездку по Греции, посетил Иерусалим. Свои впечатления от этого путешествия он описал в двух больших путевых очерках.

После возвращения в Россию Дашков был направлен на службу в комиссию по составлению законов, получил чин действительного статского советника и орден Св. Владимира 2-й степени. 5 декабря 1826 года он стал статс-секретарем императора и одновременно товарищем министра внутренних дел. Ему вручили орден Св. Анны 1-й степени. Дмитрий Васильевич сопровождал императора в его поездке в войска, которые вели боевые действия против турок. Вскоре после этого, 26 марта 1829 года, он был назначен товарищем министра юстиции и получил чин тайного советника, а 20 сентября — вступил в управление министерством. 2 февраля 1832 года Николай I утвердил его в должности министра юстиции и генерал-прокурора. Тогда же он был награжден орденом Белого Орла.

При Д. В. Дашкове была завершена «монументальная», по выражению Николая I, работа по составлению Свода законов. В связи с этим 19 января 1833 года состоялось чрезвычайное

собрание Государственного совета. Посреди зала на специальном столике лежали 56 томов Полного собрания законов Российской империи и 15 томов Свода законов. На заседании с большой речью выступил император.

5 декабря 1835 года в Петербурге произошло одно достопамятное событие: в этот день было торжественно открыто Императорское училище правоведения, которое дало России многих выдающихся юристов, ставших подлинным украшением русского суда, прокуратуры и адвокатуры.

Современник Дашкова М. А. Дмитриев (племянник И. И. Дмитриева) в своих воспоминаниях дал ему такую характеристику: «Имея важную наружность от природы, он никогда не важничал, был разговорчив и охотно сообщал замечания светлого ума своего о предметах и важных и легких, но был тверд в своих мнениях: ибо мнения его были плодом зрелого убеждения».

На посту генерал-прокурора Д. В. Дашков стойко отстаивал идеи законности, даже если ему приходилось идти против воли императора. Однажды, после вынесения Сенатом оправдательного приговора лицам, обвинявшимся в совершении государственных преступлений, Дашков, зная мнение императора, пошел ему наперекор и потребовал такого же решения и в Государственном совете, куда самодержец перенес слушание дела, будучи неудовлетворенным приговором Сената. Когда острота момента прошла, Николай I пригласил к себе Дмитрия Васильевича и, как бы пытаясь снять возникшее напряжение между ними, сказал: «Ну, Дашков, мы с тобой поспорили, но я надеюсь, что это нашей дружбе не повредит».

14 февраля 1839 года Дашков оставил свой высокий пост и сразу же был назначен членом Государственного совета и председателем департамента законов. Он возглавил и 2-е отделение собственной его императорского величества канцелярии (занимавшееся подготовкой законопроектов). За свои заслуги получил чин действительного тайного советника и орден Св. Александра Невского.

Дмитрий Васильевич Дашков скончался 26 ноября 1839 года и похоронен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры.

Один из сыновей Д. В. Дашкова, Дмитрий Дмитриевич, был известным земским деятелем, а его племянник, Василий Андреевич, — выдающимся русским этнографом.

«ДОБРА ДЕЛАЛ ОН МНОГО» Генерал-прокурор ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ БЛУДОВ

Граф Дмитрий Николаевич Блудов родился 5 апреля 1785 года в родовом имении Романово Владимирской губернии. Получив прекрасное домашнее образование (с ним занимались профессора Московского университета) и зная несколько иностранных языков, он в 15-летнем возрасте начал службу в Московском архиве Коллегии иностранных дел под руководством известного историка Н. Н. Бантыш-Каменского. В 1801 году способный «архивный юноша» переводится в Петербург, в Коллегию иностранных дел, а в 1807 году по рекомендации Н. М. Карамзина, с которым был очень дружен, попадает на дипломатическую работу. Первое время Дмитрий Николаевич исполнял должность секретаря русского посольства в Голландии, а в 1810 году стал правителем дипломатической канцелярии главнокомандующего Дунайской армией графа Н. М. Каменского. Позднее он был советником посольства в Швеции. Министр иностранных дел граф И. А. Каподистрия очень ценил его и называл «перлом русских дипломатов».

В 1820 году Д. Н. Блудов вернулся в Петербург и, получив чин действительного статского советника, стал подумывать об отставке, так как не мог ужиться с новым министром Нессельроде.

Покинув министерство иностранных дел, Дмитрий Николаевич в январе 1826 года становится делопроизводителем

следственной комиссии, созданной по делу декабристов. По материалам расследования он подготовил доклад государю «О злоумышленных обществах», который был одобрен Николаем I и напечатан в приложении к русским газетам. Доклад фактически послужил основой для приговора Верховного уголовного суда.

Как-то раз император Николай I, обращаясь к своему придворному историографу Карамзину, сказал: «Представьте себе, что вокруг меня никто не умеет написать двух страниц по-русски, кроме одного Сперанского». Карамзин порекомендовал ему присмотреться к двум хорошо зарекомендовавшим себя на дипломатическом поприще молодым людям — Дмитрию Николаевичу Блудову и Дмитрию Васильевичу Дашкову. Этот совет оказался как нельзя более кстати. Оба друга были пожалованы в статс-секретари. Указ в отношении Блудова был подписан императором 11 июля 1826 года, а 25 ноября того же года он одновременно становится и товарищем министра народного просвещения. 6 декабря 1828 года Блудов был «награжден» чином тайного советника и стал главноуправляющим делами иностранных исповеданий. В 1830 году Дмитрий Николаевич получил орден Св. Анны 1-й степени.

Блудов обладал исключительной работоспособностью и какой-то неудержимой страстью довести до совершенства любой документ. Работавший под его началом мемуарист А. И. Кошелев вспоминал: «Добра делал он очень много, был доступен для всякого и готов выслушивать каждого, кому он мог чем-либо быть полезным».

Вскоре Д. Н. Блудов был назначен товарищем министра, а в 1832 году — министром внутренних дел и членом Государственного совета. В феврале 1839 года Дмитрий Николаевич стал министром юстиции и генерал-прокурором и пробыл на этом посту до конца года. Он занимался всеми делами Правительствующего сената, руководил местными прокурорскими органами, направив им несколько важных циркуляров, касающихся содержания арестантов. В одном из них он писал: «Замечено, что в тюрьмы помещаются иногда арестанты без должного внимания к их возрасту и степени преступления. В отвращение зла, от сего произойти могущего, строжайше предписываю всем губернским, областным и прочим прокурорам всемерно наблюдать в губернских городах лично, а в уезде чрез уездных стряпчих, чтобы предписанные правила размещения арестантов были исполнены в точности, под опасением за отступление от оных взыскания с виновных по всей строгости законов».

31 декабря 1839 года Блудов занял место своего умершего

друга Д. В. Дашкова — председателя департамента законов Государственного совета и главноуправляющего 2-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. На этих ответственных постах в полной мере проявилось огромное дарование Дмитрия Николаевича как государственного деятеля. В 1842 и 1855 годах под его редакцией вышли два новых издания Свода законов Российской империи, а в 1845 году было подготовлено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (первый Уголовный кодекс России). Понимая необходимость коренных преобразований судебной системы в империи, Блудов еще в 1840-х годах начал подготовку к проведению реформы. Был собран огромный фактический материал, который впоследствии использовали составители Судебных уставов. Он принимал участие в составлении документов крестьянской реформы, а 19 февраля 1861 года, уже в ранге председателя Государственного совета и Комитета министров, скрепил своей подписью акты об освобождении крестьян от крепостной зависимости. В 1855 году Блудов возглавил Петербургскую академию наук.

Напряженная деятельность действительного тайного советника Д. Н. Блудова была щедро вознаграждена государем. В 1842 году он стал графом, а в 1845 году получил в награду орден Св. Андрея Первозванного (спустя два года ему вручили и алмазный знак этого ордена). В 1851 году Николай I пожаловал ему перстень с алмазами, а в 1852 году — собственный портрет с бриллиантами для ношения в петлице. В 1856 году уже новый император, Александр I, преподнес ему свой портрет с алмазами для ношения на Андреевской ленте.

С юношеских лет Дмитрий Николаевич занимался литературным творчеством: писал статьи, критические разборы и даже эпиграммы. Он был тонким ценителем литературы, обладавший большим вкусом. Его остроумия побаивались многие. Он являлся одним из основателей литературного общества «Арзамас». Всю жизнь поддерживал связи со многими известными поэтами и писателями. В. А. Жуковский писал ему: «Ты друг и брат певца Людмилы, ты другом был Карамзина». Впоследствии, занятый государственными делами, Блудов писал все меньше и меньше, хотя все же издал несколько интересных исторических очерков и статей: «Записки об известной самозванке Таракановой», «Дневные записки князя Меншикова», «Заговор и казнь Мировича» и другие. В 1866 году был напечатан своеобразный дневник Д. Н. Блудова «Мысли и замечания».

Дмитрий Николаевич был женат на княжне Анне Андреевне Щербатовой и имел большое семейство. Одна из его дочерей,

Антонина Дмитриевна, добилась широкой известности как писательница.

Скончался граф Д. Н. Блудов 19 февраля 1864 года и погребен на кладбище Александро-Невской лавры.

«НЕУКЛОННО ОСУЩЕСТВЛЯЛ ВОЛЮ ИМПЕРАТОРА»
Генерал-прокурор ВИКТОР НИКИТИЧ ПАНИН

Граф Виктор Никитич Панин родился 28 марта 1801 года в Москве. Он был пятым сыном графа Никиты Петровича Панина от брака с Софьей Владимировной, урожденной графиней Орловой. Детские годы мальчик провел большей частью в усадьбе родителей Дугино в Смоленской губернии. Его воспитанием занимался отец, образованнейший человек своего времени.

Свою учебу юноша завершил за границей, в Йене. Он великолепно знал древние и многие иностранные языки. В 1819 году, выдержав экзамены в Московском университете, Виктор Панин поступил актуариусом (регистратором) в Коллегию иностранных дел. В 23-летнем возрасте с чином титулярного советника он становится вторым секретарем русской миссии в Мадриде. Направляясь к месту службы, начинающий дипломат посетил Веймар, где встретился с великим немецким поэтом Гёте.

Затем побывал в Париже, блеснув там своей светскостью и образованностью. В Россию Виктор Никитич вернулся уже при новом императоре, в феврале 1826 года, и сразу же получил звание камер-юнкера и чин надворного советника. В апреле 1828 года В. Н. Панин попадает в Военно-походную канцелярию самодержца, отправлявшегося в действующую армию. С 1829 по 1831 год исправляет обязанности поверенного в делах при греческом правительстве. За успехи на дипломатическом поприще получает чин статского советника и почетное звание камергера двора его величества.

В ноябре 1831 года Панин становится помощником статс-секретаря Государственного совета, а в апреле 1832 года — товарищем министра юстиции. Виктор Никитич отнесся к последнему назначению очень ответственно. Он выхлопотал продолжительный отпуск, уехал в свое подмосковное имение Марфино и основательно проштудировал весь многотомный Свод законов, великолепно усвоив нормы уголовного и гражданского законодательства и даже выучив наизусть многие статьи. В том же году Панин был одновременно назначен и статс-секретарем государя. Вскоре он получил орден Св. Анны 1-й степени и чин действительного статского советника.

31 декабря 1839 года В. Н. Панин вступил в управление Министерством юстиции, а 16 апреля 1841 года император утвердил его в должности министра юстиции и генерал-прокурора.

По свидетельству современников, состояние правосудия в России в середине XIX века находилось в удручающем состоянии. Панину сразу же пришлось столкнуться с целым рядом проблем, главными из которых являлись косность судопроизводства, медлительность в рассмотрении дел, почти поголовное взяточничество и поборы в присутственных местах. Генерал-прокурор направил на места ряд строгих предписаний, требуя от председателей судебных палат и губернских прокуроров скорейшего решения дел, но это помогало очень мало. В 1841 году петербургские суды были обревизованы гражданским губернатором В. А. Шереметевым. Была раскрыта потрясающая картина беспорядков и злоупотреблений. В департаментах оставалась почти тысяча нерешенных дел, иногда тянувшихся годами. Панин доложил о результатах ревизии Государственному совету и внес некоторые предложения по улучшению делопроизводства. Совет одобрил их, но вместе с тем вменил в обязанность генерал-прокурору удостовериться, «были ли со стороны губернского правления и губернского прокурора употреблены должные настояния к прекращению беспорядков и в

случае безуспешности таких настояний ограждали ли они себя от ответственности надлежащими донесениями начальству».

Когда императору Николаю I стали известны результаты ревизии, он собственноручно написал следующую резолюцию: «Неслыханный срам; беспечность ближнего начальства неимоверна и ничем не извинительна; Мне стыдно и прискорбно, что подобный беспорядок существовать мог почти под Моими глазами и Мне оставался неизвестным».

После этого Панин принял решение «обозреть» все подведомственные судебные места. Проверку в столичных суда х он проводил лично, а в девяти центральных губерниях — Василий Александрович Шереметев, ставший к этому времени его заместителем.

Граф В. Н. Панин отлично знал законы и был умелым руководителем. Он тщательно подбирал чиновников в свой аппарат, а также прокуроров и судей на местах. Однако работать с ним было исключительно тяжело, особенно лицам с независимыми взглядами. По отзывам современников, он «в служебных отношениях являлся совершенным деспотом». Аристократ по происхождению, граф Панин свысока смотрел на тех, кто не принадлежал к высшему свету. Если первые десять лет руководства министерством он еще как-то общался с подчиненными и принимал от них доклады, то впоследствии находился в «искусственно замкнутой сфере», осуществляя все контакты исключительно через директора департамента. Воля императора была для него священна, поэтому и служебный долг своих подчиненных граф понимал однозначно — беспрекословное исполнение его повелений. Панин никогда не отменял своих резолюций, если даже сам убеждался в их нелепости. Как министр юстиции и генерал-прокурор, он безусловно заботился о правильной организации работы суда и прокуратуры, боролся с волокитой. Ему удалось преобразовать межевую часть министерства, образовать консультацию, учредить в Москве архив Министерства юстиции. Отличаясь исключительным консерватизмом взглядов, он являлся решительным противником реформ судебной системы. И все же при нем было отделено следствие от полиции и создан институт судебных следователей.

В конце 1850-х годов В. Н. Панин вошел в комитет, занимавшийся крестьянским вопросом, а в 1860 году — возглавил редакционную комиссию, вырабатывавшую Положение об освобождении крестьян. 21 апреля 1861 года «за огромные и полезные труды» на этом поприще он получил орден Св. Андрея Первозванного.

21 октября 1862 года, ко всеобщей радости всех чиновников,

Панин был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора, но остался членом Государственного совета. В феврале 1864 года он стал главноуправляющим 2-м отделением собственной его императорского величества канцелярии и занимал эту должность до 16 апреля 1867 года, пока не был уволен по болезни. Император вручил ему бриллиантовый знак ордена Св. Андрея Первозванного. 14 мая 1872 года Виктор Никитич оставил пост члена Государственного совета.

Виктор Никитич был женат на Наталье Павловне, урожденной графине Тизенгаузен. От этого брака имел сына и четырех дочерей.

Граф В. Н. Панин скончался в Ницце 12 апреля 1874 года и погребен в Троице-Сергиевой пустыне, недалеко от Петербурга.

БОЕЦ ЗА СУДЕБНУЮ РЕФОРМУ Генерал-прокурор ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗАМЯТНИН

Дмитрий Николаевич Замятнин родился 31 января 1805 года в родовом имении Пашигорове Горбатовского уезда Нижегородской губернии. В январе 1816 года 11-летний Дмитрий был принят в пансион при Царскосельском лицее, а со следующего года стал учиться непосредственно в лицее, который и окончил с серебряной медалью. В августе 1823 года он был зачислен на службу в комиссию по составлению законов, а в 1826 году перешел в только что созданное 2-е отделение собственной его императорского величества канцелярии, занявшееся

кодификацией законодательства.

С 1 января 1841 года Д. Н. Замятнин стал служить в министерстве юстиции в должности герольдмейстера. К этому времени он приобрел большой опыт в делах и уже обладал довольно обширными познаниями в самых различных отраслях права. Его записки по многим законодательным вопросам получали благожелательную оценку в Государственном совете и Правительствующем сенате. В 1848 году он назначен членом консультации, учрежденной при Министерстве юстиции, а затем — обер-прокурором 3-го и 2-го департаментов Правительствующего сената. В 1852 году Дмитрий Николаевич стал Сенатором.

Новый виток служебной карьеры Д. Н. Замятнина начался с назначения его в мае 1858 года товарищем министра юстиции. Эту должность он занимал в течение четырех лет, причем почти два года из них фактически управлял Министерством юстиции во время частых и длительных отлучек В. Н. Панина. Замятнин внес живую струю в тяжелую и затхлую атмосферу министерских кабинетов панинского времени. Он был полной противоположностью своему чванливому, высокомерному начальнику и сумел быстро завоевать расположение подчиненных простотой общения, доброжелательностью, доступностью, спокойным и рассудительным тоном.

В октябре 1862 года после отставки графа В. Н. Панина Д. Н. Замятнин был назначен управляющим Министерством юстиции, а 1 января 1864 года утвержден в должности министра юстиции и генерал-прокурора. Таким образом в судьбоносные для России годы, в период подготовки и проведения судебной реформы, во главе министерства встал человек прогрессивных взглядов, обладавший большой эрудицией и высокими нравственными качествами. Перемены в министерстве не заставили себя ждать. Замятнин хорошо знал все тонкости и особенности ведомства, все его сильные и слабые стороны, и это очень помогало в работе.

Г. А. Джаншиев писал, что «с назначением Замятнина в министерстве юстиции стал носиться иной дух, выработались иные порядки. После такого черствого, безжизненного бюрократа, чиновника до мозга костей, каким был граф Панин, служивший истинным олицетворением бездушного формализма, вдруг занимает министерский пост человек мягкий, ласковый, приятный в обращении, доступный для всех».

Замятнин сразу же упростил взаимоотношения с подчиненными и просителями. Он ввел приемные часы «для личных объяснений», а правитель его канцелярии вообще принимал просителей в любое время, докладывая наиболее

важные просьбы министру уже на следующий день. Дмитрий Николаевич любил напоминать сотрудникам, что «просителю, как бы больному, нужна помощь немедленная или объяснение, что ему помощь невозможна». Лично сам он никому и никогда не давал пустых «широковещательных обещаний». Но если же решение вопроса зависело от него, то он делал все возможное, чтобы помочь человеку.

Служивший под началом Замятнина правитель канцелярии министерства, впоследствии Сенатор, Дмитрий Борисович Бер писал о нем: «Всегда спокойный, хладнокровный, чуждый мелочного самолюбия, он требовал серьезного отношения к делу. Он обладал особым умением выслушивать своих подчиненных. Исполнитель, которому была поручена какая-либо работа, был уверен, что он всегда придет вовремя к своему начальнику и будет выслушан им без малейшей тени недовольства и досады, хотя бы он представлял свои соображения о невозможности исполнить данное приказание. Каждое малейшее сомнение обсуждалось, подвергалось строгой критике, весьма часто коллегиально, и дело от таких приемов выигрывало, притом же начальник этим приемом узнавал своих подчиненных. Это не было нерешительностью, а было, напротив, желанием отыскать правду, наилучшим образом осуществить ее и поставить дело на законную твердую почву».

Дмитрий Николаевич умело подбирал в свой аппарат толковых и инициативных работников. При этом он не принимал во внимание ни возраст, ни занимаемое тем или иным заинтересовавшим его человеком положение в судебной иерархии. Главные качества, которые он ценил в людях — это отношение к делу, профессионализм и искреннее желание служить Отечеству. Он сумел сгруппировать вокруг себя способных людей, прозванных в министерстве «могучей кучкой».

Д. Н. Замятнин стал руководить Министерством юстиции и органами прокуратуры в то время, когда после обнародования Манифеста 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян от крепостной зависимости в Российской империи резко обострилась политическая ситуация. Волнения, начавшиеся в низах еще накануне издания Манифеста, не только не прекратились, но еще более нарастали. Они широко поддерживались революционными демократами, которые рассчитывали приблизить «аграрную революцию». В эти же годы разрасталось национально-освободительное движение в Польше, Литве, Белоруссии. Серьезно беспокоили правительство становившиеся все более массовыми студенческие выступления. В Россию проникали из-за границы запрещенные издания, широко

распространялись листовки, прокламации и воззвания.

В борьбе с революционно-освободительным движением правительство Александра II не могло опираться только на III Отделение. В отличие от царствования Николая I в орбиту борьбы с политическими преступниками все более вовлекались Министерство юстиции и органы прокуратуры. В мае 1862 года с высочайшего соизволения была учреждена следственная комиссия по делам о распространении революционных воззваний. Ее возглавил А. Ф. Голицын, которого А. И. Герцен за жестокость к политическим противникам назвал «отборнейшим инквизитором». В комиссию входили представители министерства внутренних дел, Военного министерства, III Отделения, санкт-петербургского военного губернатора, столичный обер-полицмейстер. От Министерства юстиции Замятнин направил туда обер-прокурора 4-го департамента Правительствующего сената М. Ф. Гедда. Комиссия начала свою работу довольно интенсивно. Только за первые четыре месяца своего существования она расследовала материалы в отношении 112 человек. Дела, законченные комиссией, подлежали рассмотрению в суда х в первую очередь, «дабы виновные получили следующее им по закону наказание сколь возможно скорее». С 1864 года комиссию возглавил П. П. Ланской. Всего за девять лет существования она рассмотрела материалы на 3 тысячи человек, в том числе занималась делами Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунова, Д. И. Писарева и многих других революционных демократов. В бытность свою министром юстиции и генерал-прокурором, Замятнин постоянно контактировал с этой комиссией, высказывал свои мнения по различным делам.

Заботы по наведению порядка в деятельности судебных и прокурорских органов, организация политических процессов все же не могли заслонить собой главное дело его жизни, которому Д. Н. Замятнин отдавал всю свою энергию и весь пламень своего сердца — участие в подготовке и проведении судебной реформы.

Еще в начале октября 1861 года, возвратившись из Ливадии, император Александр II поинтересовался, как идут дела по выработке законов о судоустройстве и судопроизводстве. 23 октября 1861 года по докладу государственного секретаря Владимира Петровича Буткова он утвердил указ «Основные положения преобразования судебной части в России», который определял последовательность разработки и рассмотрения документов судебной реформы. В первую очередь предстояло изложить в общих чертах главные начала судоустройства и судопроизводства. После этого намечалось подготовить и сами

Судебные уставы. Работа проводилась Государственной канцелярией с участием лучших юристов страны: В. П. Буткова, С. И. Зарудного, Н. И. Стояновского, Д. А. Ровинского, Н. А. Буцковского, К. П. Победоносцева и других.

В декабре 1863 года Бутков официально направил Д. Н. Замятнину проекты Судебных уставов. В соответствии с высочайшим повелением, министерство должно было представить все имеющиеся замечания по проектам в Государственный совет. Со своей стороны Замятнин получил согласие императора на то, чтобы направить в Государственный совет как письменные, так и устные замечания, чтобы все материалы поступили также на заключение обер-прокуроров и Сенаторов, как «лиц, обладающих обширными юридическими познаниями и практическою в судебных делах опытностью», и, наконец, чтобы его товарищ Стояновский присутствовал на всех заседаниях Государственного совета и имел право «представлять свои объяснения по проектам».

Д. Н. Замятнин близко к сердцу принял дело великой реформы. Вот что писал по этому поводу А. Ф. Кони: «Когда повеяло новым духом и вокруг Замятнина заговорили о необходимости реформы, он чуткой совестью почувствовал и здравым умом ясно представил себе, в чем должна состоять его задача, и, несмотря на влиятельные предостережения из среды «умеренности и аккуратности», решительно склонился в сторону смелого проведения в наш суд широких и новых начал… По трудным и новым вопросам реформы он прямодушно пользовался советами и указаниями счастливо сгруппированных им около себя честных и знающих подчиненных и сотрудников. Далекий от ложного самолюбия и не боясь уронить свое официальное достоинство, он, действуя таким образом, давал своим противникам повод злобно заявлять, что он «дает себя начинять департаментским либералам». В этом умалении своего министерского «я», в готовности участия, как надо служить делу, благому значению которого веришь, состоит высокая заслуга Замятнина пред выработкою основоположений русского правосудия».

Проекты Судебных уставов и замечания на них рассматривались в Государственном совете до 2 октября 1864 года. В начале ноября уставы были одобрены общим собранием Совета. 20 ноября 1864 года последовал высочайший указ об их утверждении.

Судебные уставы включили в себя 4 основных закона: Учреждение судебных установлений, определяющее порядок судоустройства; Устав гражданского судопроизводства; Устав

уголовного судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, — своеобразный кодекс о незначительных уголовных и административных правонарушениях.

19 октября 1865 года император подписал указ Правительствующему Сенату о введении уставов в округах Санкт-Петербургской и Московской судебных палат в течение 1866 года. Наряду с этим он утвердил Положение о введении в действие Судебных уставов, а также временные штаты кассационных департаментов Правительствующего сената и судебных установлений в тех же округах.

Судебная реформа коренным образом изменила судоустройство, процессуальное и, в определенной части, материальное право Российской империи. Составной частью реформы стало и преобразование прокурорского надзора.

В Учреждении судебных установлений прокуратуре посвящен третий раздел, озаглавленный «О лицах прокурорского надзора». Статья 124 устанавливала: «Прокурорский надзор вверяется обер-прокурорам, прокурорам и их товарищам под высшим наблюдением министра юстиции как генерал-прокурора». Прокуроры учреждались при всех судебных палатах и окружных суда х. Обер-прокуроры состояли при кассационных (уголовном и гражданском) департаментах Правительствующего сената и общем собрании Сената. Закон устанавливал, что «при заявлении судебным местам своих по делам заключений лица прокурорского надзора действуют единственно на основании своего убеждения и существующих законов».

Не все прогрессивные юристы были согласны с ликвидацией губернской прокуратуры. Вот что писал по этому поводу А. Ф. Кони: «Должность эта (губернского прокурора. — *Авт.*), составляя наследие петровских времен и одно из лучших украшений екатерининских учреждений, имела огромное значение в нашем дореформенном строе. Упразднение связанных с нею прав и обязанностей по надзору за ходом несудебных дел следует признать большою ошибкою составителей Судебных уставов. Совершенное изменение в характере деятельности прокурора, придавая ему «обвинительную обособленность», может быть, и выходило красивым с теоретической точки зрения, но противоречило условиям нашей административной жизни и шло вразрез с внутренними потребностями нашего губернского строя. В торопливом осуществлении страстного желания поскорее расчистить для новых насаждений место, поросшее бурьяном и полусгнившими деревьями, был срублен дуб, стоявший на страже леса…»

Д. Н. Замятнин сумел подобрать на новые должности,

особенно председателей судов и прокуроров, значительное число квалифицированных юристов, и что самое главное, — людей с высокими нравственными качествами, беззаветно преданных делу судебной реформы. Многие из них стали украшением российской юстиции. Обер-прокурорами кассационных департаментов Правительствующего сената одними из первых были назначены М. Е. Ковалевский (уголовного), Д. Г. Дервиз (гражданского). Первым прокурором Санкт-Петербургской судебной палаты стал Я. Я. Чемадуров, а Московской судебной палаты — Д. А. Ровинский.

…К весне 1866 года все подготовительные работы по устройству новых судов были завершены. 14 апреля император Александр II лично посетил здание Санкт-Петербургской судебной палаты. Замятнин представил ему недавно назначенных судебных деятелей. После осмотра здания, на встрече с судьями и прокурорами, император сказал: «Я надеюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вам доверие и будете исполнять новые ваши обязанности добросовестно, по долгу чести и верноподданической присяги, что, впрочем, одно и то же. Итак, в добрый час, начинайте благое дело».

Через два дня здание Санкт-Петербургских судебных установлений было освящено. 17 апреля 1866 года в столице состоялось торжественное открытие новых судов. Впоследствии Дмитрий Николаевич не раз повторял, что это был лучший день в его жизни.

23 апреля 1866 года в торжественной обстановке были открыты и Московские судебные установления, а в ноябре и декабре того же года — все 14 окружных судов Санкт-Петербургской и Московской судебных палат. Новые суды почти сразу же завоевали доверие и уважение самой широкой общественности. Многие газеты с восторгом писали об их деятельности, рассказывали о первых гласных судебных процессах. Публика забивала залы судебных заседаний до отказа.

После открытия новых судов в Петербурге и Москве Замятнин не смог долго удерживать за собой пост министра юстиции и генерал-прокурора. Самостоятельный и независимый суд устраивал далеко не всех в правительстве Александра II. Переход от старых порядков к новым оказался слишком резким и крутым. Исподволь начались нападки не только на недавно зародившиеся судебные установления, но и на одного из активнейших проводников судебной реформы — Д. Н. Замятнина. По мнению Г. А. Джаншиева деятельность Замятнина стала «неприятной и даже ненавистной» для партий, враждебных реформам.

В самом начале 1867 года неожиданно для Замятнина у него

забрали надежного помощника и единомышленника, товарища министра юстиции Н. И. Стояновского. На его место был назначен псковский губернатор граф К. И. Пален, известный своими консервативными взглядами, один из противников судебной реформы. При этом Замятнину было недвусмысленно заявлено, чтобы он готовил Палена в министры.

Когда А. Н. Куломзин (зять и будущий биограф Замятнина), узнав об этом, сказал, что не следовало ли бы ему немедленно подать рапорт об отставке, Дмитрий Николаевич возразил: «Я воспитан в старых правилах и буду служить моему государю, доколе это будет ему угодно, но, не беспокойся, к Пасхе Пален будет готов».

И действительно, в марте 1867 года Замятнин доложил императору, что граф Пален подготовлен к занятию должности министра юстиции. Однако рапорт об отставке не подавал. Своей принципиальностью он все более и более раздражал Александра II. Однажды императору не понравилась позиция по одному делу Сенатора Любошинского. Государь потребовал от Замятнина его увольнения. На это Дмитрий Николаевич спокойно сказал, что члены судов, в том числе и Сенаторы, пользуются правом несменяемости. «Но не для меня», — резко оборвал его Александр II. Указ был составлен и подан императору, однако тот вернул его неподписанным.

Властями делалось все возможное, чтобы вынудить Замятнина подать в отставку. Но он стойко противостоял этому. Тогда придумали соединить две должности: министра юстиции и главноуправляющего 2-м отделением собственной его императорского величества канцелярии. Замятнин отказался принять эти две должности и подал в отставку. 16 апреля 1867 года Александр II уволил его с должности министра юстиции и генерал-прокурора и назначил членом Государственного совета. Одновременно ему был пожалован орден Св. Александра Невского с бриллиантами.

В 1877 году Замятнина наградили орденом Св. Владимира 1-й степени, а в 1881 году назначили председателем департамента гражданских и духовных дел Государственного совета.

Дмитрий Николаевич был женат на фрейлине двора ее императорского величества Екатерине Сергеевне Неклюдовой. От брака он имел пятерых детей: сына Сергея и дочерей Варвару, Екатерину, Ольгу и Анну.

Скончался Д. Н. Замятнин 19 октября 1881 года.

«ОБЛАДАЛ БОЛЬШИМ ОПЫТОМ» Генерал-прокурор СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ УРУСОВ

Сергей Николаевич Урусов родился в 1815 году. Он принадлежал к старинному княжескому роду. Получив превосходное домашнее образование, 17-летний С. Н. Урусов в 1832 году начал службу в канцелярии московского губернатора. Вскоре он выдержал испытания в Московском университете «в науках, составляющих курс учения словесного факультета» и получил право на производство в первый чин по гражданскому ведомству. После этого он продолжал служить в канцелярии губернатора, причем молодого и бойкого чиновника нередко использовали для «производства следствия» по уголовным делам. В 1838 году, получив чин губернского секретаря, он переводится во 2-е отделение собственной его императорского величества канцелярии, где прослужил на младших чиновничьих должностях пять лет, а затем был причислен к департаменту министерства юстиции, занимаясь непосредственно делами Московского Сенатского архива.

В 1845 году 30-летний князь Урусов получил наконец-то более или менее солидное назначение — исправляющего должность обер-секретаря 8-го департамента Правительствующего сената. В феврале 1852 года его утвердили в этой должности, а заодно и пожаловали в камер-юнкеры двора его величества. Всеми чиновничьими навыками Урусов овладел в совершенстве и, по словам А. Ф. Кони, «умел с одинаковой ловкостью излагать по одному и тому же делу мнение большинства и меньшинства Сенаторов и согласительное предложение обер-прокурора».

С этого времени Урусов начинает быстро продвигаться в чинах и должностях. Через несколько лет сметливого чиновника определили за обер-прокурорский стол, и он даже некоторое время исполнял обязанности обер-прокурора в 7-м департаменте Сената.

В 1858 году, когда начались подготовительные работы по освобождению крестьян от крепостной зависимости, князь С. Н. Урусов, с разрешения Министерства юстиции, был включен (по выбору от дворянства) в члены комитета по улучшению быта помещичьих крестьян в Московской губернии.

Вслед за этим император Александр II назначил его директором духовно-учебного управления при Святейшем Синоде. Свои директорские обязанности Сергей Николаевич совмещал с членством в главном управлении цензуры духовного ведомства. Вместе с новым назначением ему был пожалован чин действительного статского советника, а спустя несколько месяцев — и звание камергера двора его величества.

В 1861 и 1862 годах князь Урусов временно исполнял должность товарища обер-прокурора Святейшего Синода; тогда же он стал и статс-секретарем императора, а в 1864 году произведен в тайные советники и утвержден в должности товарища обер-прокурора Святейшего Синода. Наряду с этим он продолжал руководить духовно-учебным управлением. В том же году С. Н. Урусов становится Сенатором, а в 1865 году — и государственным секретарем. Он также временно исполнял и должность главноуправляющего 2-м отделением.

Несмотря на чрезвычайную занятость и постоянное совмещение ответственных постов, князь Урусов успевает много и плодотворно трудиться в целом ряде обществ и комитетов. Трудоспособность его была поразительной. В частности, он являлся членом совета так называемого императорского человеколюбивого общества, которое занималось обширными благотворительными делами. Общество содержало большое количество школ, богаделен, приютов, больниц, институтов слепых, домов дешевых квартир, столовых, мастерских и тому подобных учреждений в Петербурге, Москве и других городах империи. Кроме того, Урусов состоял также членом комитета призрения заслуженных гражданских чиновников, ведавшим назначением пенсий и пособий отставным чиновникам, «впавшим на службе в неизлечимую или тяжкую болезнь», а также их вдовам и детям.

В 1867 году С. Н. Урусов был назначен главноуправляющим 2-м отделением собственной его императорского величества канцелярии.

В апреле 1867 года министр юстиции и генерал-прокурор Д. Н. Замятнин был освобожден от занимаемой должности, а на его место император временно поставил князя Урусова, продолжавшего одновременно руководить и 2-м отделением.

Замена министра произошла в то самое время, когда судебная реформа только-только начинала набирать обороты, и были открыты лишь два новых судебных округа — Санкт-Петербургский и Московский. Это, конечно, не могло не отразиться на темпах судебных преобразований в России. Князь Урусов, хотя и слыл человеком высокоэрудированным и умным, прекрасно разбиравшемся в уголовном, гражданском и процессуальном законодательстве, все же не обладал той широтой кругозора, которая была присуща Д. Н. Замятнину. Главное же — он был человек консервативных взглядов. А. Ф. Кони писал, что С. Н. Урусов «один из вреднейших людей царствования Александра II, тормозивший всю законодательную деятельность». Он называл его «хитрым и умным российским Полонием».

Свою деятельность в министерстве юстиции Урусов начал с разработки плана и порядка введения Судебных уставов в Харьковском округе и других местностях России. Приходилось решать и другие вопросы. В тех губерниях, где уже была проведена реформа, наряду с новыми судебными установлениями продолжали действовать и прежние суды, рассматривавшие старые дела. Одновременное существование различных судов создавало неудобства, так как в одной и той же местности дела, в зависимости от времени их возникновения, решались по совершенно различным процессуальным правилам. Поэтому еще Д. Н. Замятнин предпринял попытку несколько сократить число уездных судов, а также стал объединять палаты уголовного и гражданского судов. С. Н. Урусов продолжил работу в этом направлении, однако серьезных успехов так и не достиг. Суды оказались заваленными старыми делами. Было очевидно, что необходимо провести коренное изменение порядка разрешения старых дел в местностях, где действовали новые суды. Для этих целей князь Урусов образовал при Министерстве юстиции специальную комиссию. Она пришла к мнению, что для разбора завала старых дел нужно командировать, до открытия новых судов, «ревизующего Сенатора», предоставив в его распоряжение тех лиц, которые подлежали назначению в новые суды. Поскольку на повестке дня стояло открытие Харьковской судебной палаты, то князь Урусов направил туда тайного советника барона Торнау. В его распоряжение был передан весь личный состав будущего судебного округа. Хотя ревизия Торнау и не решила всех проблем

(старых дел оставалось еще очень много), она все же в значительной мере подготовила почву для «развязки» этого вопроса в будущем.

По наиболее актуальным проблемам надзора генерал-прокурор С. Н. Урусов направил подчиненным ему прокурорам несколько циркулярных распоряжений. Он произвел некоторые назначения высших чинов прокурорского и судебного ведомств. В трех новых судебных округах (Петербургском, Московском и Харьковском) в 1867 году значилось 150 прокурорских работников. Министерство юстиции пополнилось 24 выпускниками Императорского училища правоведения. Всего там обучалось 247 воспитанников в основных и 71 — в подготовительном классах.

15 октября 1867 года последовал высочайший указ Правительствующему Сенату: «Главноуправляющего II отделением Собственной Нашей Канцелярии, Статс-секретаря, Тайного советника Князя Урусова Всемилостивейше увольняем от временно возложенного на него управления Министерством юстиции, с оставлением его во всех прежних должностях и званиях». Другим указом государь объявил С. Н. Урусову «душевную свою признательность за временное отличное управление означенным Министерством».

В своих воспоминаниях А. Ф. Кони так писал о нем: «Тщедушный с виду, очень любезный в личных отношениях, обладавший большим опытом в кодификации, «хитроумный» и уклончивый, он был выдающимся представителем тех влиятельных «государственных людей», которые умели тормозить движение нашего законодательства по самым назревшим и жизненным нуждам страны под предлогом «преждевременности». Признавая по большей части тот или другой проект в существе правильным, он усматривал, однако, в нем лишь звено к целой цепи преобразований и нововведений, отлагаемых «до неопределенного времени», и так называемым «деловым языком» доказывал его неприемлемость «в настоящее время». Этим языком, вытравлявшим своими бесцветными оборотами живое чувство и яркое убеждение, он обладал в совершенстве».

В 1872 году С. Н. Урусов был произведен в действительные тайные советники и одновременно назначен (без освобождения его от обязанностей главноуправляющего 2-м отделением) председателем департамента законов Государственного совета. Это была очень высокая и ответственная должность. В этом звании он оставался до конца своей жизни.

В 1879 году на князя Урусова было возложено председательствование в Верховном уголовном суде,

учрежденном для рассмотрения дела А. К. Соловьева, покушавшегося на жизнь государя. А. Ф. Кони, особенно не жаловавший «лукавого председателя департамента законов», вспоминал, что Урусов тогда обратился к нему с просьбой назначить к слушанию ряд дел с присяжными заседателями под своим председательством, так как ему никогда не приходилось ранее участвовать в судебных заседаниях.

А. Ф. Кони выполнил эту просьбу, и С. Н. Урусов внимательно прослушал одно из дел. Это во многом помогло ему, когда он сам сел в председательское кресло в Верховном уголовном суде. Вел он процесс довольно уверенно и твердо.

24 июля 1879 года князь Урусов писал Кони: «По окончании Верховного уголовного суда я вменяю себе в обязанность благодарить Вас за практическое назидание, которое я вынес из судебного заседания, бывшего под Вашим председательством. Я старался идти по вашим следам по трудной тропе беспристрастного и нелицемерного правосудия. Не знаю, достиг ли я своей цели».

В ответном письме А. Ф. Кони не мог не выразить своего «особого удовольствия» по поводу того, что Урусову пришлось на собственном опыте убедиться, насколько трудна «тропа беспристрастного и нелицемерного правосудия» и как необходимо самому пройти по ней, чтобы правильно судить о «других, избравших тот же путь».

В 1881 году по состоянию здоровья князь Сергей Николаевич Урусов был освобожден от должности главноуправляющего 2-м отделением, продолжая, однако, сохранять за собой пост председателя департамента законов Государственного совета.

Умер князь С. Н. Урусов 13 января 1883 года.

«ТИПИЧНЫЙ РУССКИЙ МИНИСТР» Генерал-прокурор КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ ПАЛЕН

Граф Константин Иванович Пален родился в 1833 году и принадлежал к старинному дворянскому роду. Он получил хорошее домашнее образование, а в 1854 году окончил Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата прав. Впоследствии он всегда особенно ценил то, что учился в этом университете и входил в члены «немецкой корпорации»; до самой смерти он сохранял, по словам Н. С. Таганцева, «нежные отношения» к своей Alma mater. К. И. Пален неизменно присутствовал на сборах, которые ежегодно, 8 февраля, устраивали выпускники, а иногда даже посещал и общие обеды бывших студентов.

Служебная деятельность графа Палена началась в департаменте министерства народного просвещения, но уже в следующем году молодой чиновник перевелся в Государственную канцелярию. В июне 1855 года его откомандировали в Севастополь, в распоряжение графа Виельгорского-Матюшкина. Затем он попадает в Симферополь, где состоял в комиссии «О сборе приношений в пользу раненых при защите Севастополя и семейств убитых». К. И. Пален занимался порученным ему делом с исключительным усердием, что и было вознаграждено изъявлением монаршей признательности и орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1860 году граф возвратился в Петербург и занял пост экспедитора в Государственной канцелярии, а в конце следующего года становится исправляющим должность вице-директора полиции исполнительной. В 1864 году Пален назначается Псковским

губернатором.

В начале 1867 года граф Пален сменил Н. И. Стояновского на посту товарища министра юстиции, а в октябре занял пост статс-секретаря его императорского величества и одновременно вступил в управление Министерством юстиции. 31 марта 1868 года император Александр II утвердил его в должности министра юстиции и генерал-прокурора. С этого времени в течение десяти лет он бессменно руководил судебными и прокурорскими органами Российской империи.

Конечно, отношение графа Палена к судебной реформе, к проблемам судоустройства и судопроизводства было совершенно иное, нежели у его предшественника Д. Н. Замятнина. Отсюда проистекало и то «коверканье» уставов, которое при нем началось. Однако нельзя все сводить только к личным качествам министра. Как правильно подметил А. Ф. Кони, чтобы оценить деятельность лиц ушедшей эпохи, надо «установить в себе угол зрения того времени, понять взгляды той эпохи».

Время вступления графа К. И. Палена в управление Министерством юстиции падает на труднейший период русской истории. С большим размахом начавшиеся в стране преобразования после выстрела Д. В. Каракозова и наметившегося крена в сторону реакции стали явно буксовать. Сфера действий Судебных уставов, не успевших распространиться на большей части империи, постепенно сужалась. В таких условиях Министерству юстиции приходилось организовывать работу судебных и прокурорских органов. Первое время министр еще придерживался либерального направления, взятого Д. Н. Замятниным. Но чем глубже он вникал в суть дела, тем все явственнее и откровеннее принимал сторону наиболее реакционных и консервативных сил из окружения императора.

По мнению Г. А. Джаншиева, граф Пален, «чуждый кружку славных деятелей Судебной реформы», призванный к власти для того, чтобы «подчинить деятельность новых судов административно-полицейским целям», старался оправдать возложенные на него надежды. суд общественной совести, несменяемость магистратуры, мировой институт, независимость адвокатуры — все это, отмечает Джаншиев, было взято под подозрение и «держалось в черном теле». «Один только непосредственно подчиненный министру юстиции прокурорский надзор, содержимый в духе спасительной дисциплины, пользовался благоволением нового министра и представлял единственно благонадежные кадры для пополнения судебного персонала.»

И все же главной заботой К. И. Палена оставалось введение

уставов на той территории России, где все еще существовали старые судебные порядки. Однако остро вставали многие вопросы: как дальше проводить реформу, что делать со старыми уголовными и гражданскими делами в тех местностях, где уже действуют новые суды и т. п.

Для разрешения всех этих проблем по инициативе Палена была образована из авторитетных юристов специальная комиссия. Она пришла к твердому убеждению, что повсеместное введение в короткие сроки Судебных уставов невозможно — государственная казна просто не выдержала бы колоссальных расходов. С другой стороны, для многих было совершенно очевидно, что радикальные изменения в суда х нужны и, в первую очередь, для рассмотрения мелких, обыденных уголовных и гражданских дел. По Судебным уставам такие дела относились к компетенции мировой юстиции.

Комиссия считала, что для образования мировых судов не потребовались бы значительные ассигнования, поэтому ввести их на большей территории России можно было бы без промедления.

Комиссия выработала также принципиальные положения о порядке окончания дел в связи с ликвидацией старых и открытием новых судебных установлений. Предлагалось прекратить все гражданские дела, по которым решения еще не приняты, а также уголовные — если закон допускал примирение сторон. Все остальные дела передавались в новые суды.

Поскольку судопроизводство по уставам 1864 года было значительно демократичнее прежнего, комиссия рекомендовала внести изменения в процессуальные порядки, существовавшие в дореформенных суда х. В частности, по уголовным делам допускались публичное обвинение и защита, было отменено пресловутое правило старого судопроизводства — оставление в подозрении лица, привлеченного к уголовной ответственности и не осужденного вследствие недостаточности улик. Для поддержания обвинения и наблюдения за производством следствия, учреждались специальные должности товарищей губернских прокуроров.

Предложения, выработанные комиссией, министр юстиции граф Пален направил в Государственный совет, который их одобрил, а в начале 1869 года утвердил и император Александр II.

Одновременно с этим в министерстве шла усиленная работа по подготовке к введению Судебных уставов в полном объеме в ряде губерний России. В 1869 году новые суды были учреждены в Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Бессарабской губерниях, вошедших в округ Одесской судебной палаты, а также

в Полтавской и Нижегородской губерниях. В 11 губерниях России, в которых имелись земские учреждения, были избраны мировые судьи, образованы съезды мировых судей и одновременно упразднены старые уездные суды. В мае 1870 года мировые суды были образованы и в обширной области Войска Донского.

В течение последующих двух лет были открыты еще два новых судебных округа — Казанской и Саратовской судебных палат, включавших в себя 6 губерний: Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую, Пензенскую и Тамбовскую. Судебные уставы были распространены также на Смоленскую и Костромскую губернии, а в дальнейшем в полном объеме были введены в Пермской, Вологодской (за исключением 5 северо-восточных уездов), Черниговской и Вятской губерниях. С 1 июля 1876 года новые суды открылись в так называемых привислинских губерниях, составивших округ Варшавской судебной палаты. К середине 1878 года мировые судебные установления были дополнительно образованы в 9 западных губерниях России.

Таким образом, при графе Палене судебные преобразования (полностью или частично) охватили значительную часть Российской империи. В своих первых отчетах императору министр юстиции отмечал, что новые судебные порядки «повсеместно встречены живейшим сочувствием населения». Он подчеркивал, что наиболее хорошие результаты достигнуты введением мировых судей, которые оказались близки населению, благодаря «быстрому и нестеснительному формальностями разбирательству».

Граф Пален, по мнению А. Ф. Кони, был «лучшим администратором» из всех министров юстиции. Поэтому не случайно знаменитый юрист, расходясь с ним в некоторых существенных вопросах судоустройства и судопроизводства, всегда уважительно относился к «личным свойствам» министра. Огромное значение К. И. Пален придавал подбору кадров для органов прокуратуры и суда. Он очень чутко прислушивался и «причитывался» ко всем слухам и судебным отчетам о талантливых представителях обвинения и судьях в провинции, переводя их при первой же возможности на более высокие должности, в том числе в Москву или Петербург. Именно при графе Палене заблистали на судебной трибуне многие молодые прокуроры, только недавно окончившие университет или училище правоведения. Выдвигая того или иного чиновника, он руководствовался исключительно личными качествами человека. А. Ф. Кони подметил, что при нем «протекции были немыслимы». Если графу Палену доводилось слышать лестные отзывы о ком-

либо из судебных деятелей, то он не считал зазорным лично приехать и познакомиться с ним.

При министре юстиции графе Палене ярко взошла звезда наиболее выдающегося русского юриста, почетного академика, литератора и общественного деятеля Анатолия Федоровича Кони. При нем громко заявили о себе и такие выдающийся представители прокуратуры, как Михаил Федорович Громницкий, Петр Акимович Александров, Сергей Аркадьевич Андреевский.

Начало министерской деятельности графа Палена совпало с подъемом новой волны революционного движения в России. Неотвратимо нарастал стихийный протест низших слоев общества, усилилось брожение среди рабочих, что подтолкнуло русскую интеллигенцию к более активному участию в нем. По Судебным уставам дела о государственных преступлениях должны были производиться «общим порядком уголовного судопроизводства», с соблюдением некоторых особенных правил. В частности, судебное преследование возлагалось на прокуроров, а предварительное следствие — на членов судебных палат. Дела рассматривались, как правило, уголовными департаментами этих палат. Однако уже первые политические процессы, проведенные по таким нормам, не удовлетворили государя. Поэтому срочно готовились изменения в законах. Активную роль здесь играл граф Пален. Именно по его инициативе чувствительные удары были нанесены вначале по дознанию, которое отобрали у полиции, затем по предварительному следствию, которое становилось необязательным, а затем и по суду.

Министру юстиции пришлось срочно разрабатывать упрощенную процедуру судопроизводства по политическим делам. В марте 1872 года он внес в Государственный совет предложение о некотором изменении статей Судебных уставов. Проект предусматривал передачу политических дел на рассмотрение Особого присутствия Правительствующего сената с участием сословных представителей. Это предложение прошло легко, и 7 июня 1872 года Александр II утвердил соответствующий закон.

30 мая 1878 года граф Пален был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора, с оставлением его членом Государственного совета и статс-секретарем. Одновременно с этим он был произведен в действительные тайные советники. Одна из основных причин отставки — оправдание судом присяжных В. И. Засулич, стрелявшей в Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова.

Скончался граф К. И. Пален в 1912 году.

«ЗАКОННИК В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА» Генерал-прокурор ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ НАБОКОВ

Дмитрий Николаевич Набоков родился в 1827 году, в старинной дворянской семье. В юношеском возрасте он поступил в Императорское училище правоведения, которое окончил в 1845 году. Тогда же был определен на службу — вначале на довольно незавидную чиновничью должность в 6-м департаменте Правительствующего сената. В следующем году сметливый и расторопный юноша попал в Министерство юстиции.

Новое назначение открывало для него более широкие перспективы. Вскоре он получает довольно приличную, а самое

главное, самостоятельную должность — симбирского казенных дел стряпчего. В 1848 году Д. Н. Набоков становится товарищем председателя Симбирской палаты гражданского суда. За несколько лет службы Дмитрий Николаевич из застенчивого юноши превратился в высокоэрудированного юриста, великолепно знающего российское законодательство и особенно сведущего в гражданском праве. Благодаря этому, а также вследствие хороших связей в Петербурге, он сумел заслужить благосклонность министра юстиции графа Панина, который взял его в центральный аппарат. Первое время он служил чиновником для особых поручений при директоре департамента, а затем, короткое время, исполнял должность товарища председателя Санкт-Петербургской палаты гражданского суда. В 1851 году Д. Н. Набоков был назначен редактором 3-го (гражданского) отделения департамента Министерства юстиции, а затем — начальником законодательного отделения.

В 1853 году он оставил службу в Министерстве юстиции и перешел в комиссариатский департамент Морского министерства, где исполнял должность вице-директора. Хотя его занятия были довольно далеки от юриспруденции, он продолжал внимательно следить за законодательством и был в курсе всех дел судебного ведомства.

В 1854 году Д. Н. Набоков командируется в крепость Свеаборг «для изыскания местных средств к довольствию судов 3-й флотской дивизии провиантом». Потом по делам службы его направили за границу, где он пробыл два года. Вернувшись в 1860 году в Морское министерство, Набоков стал управлять комиссариатским департаментом. Одновременно он заведовал эмеритальной кассой, капитал которой, образуемый путем обязательных вычетов из жалованья сотрудников, шел на выдачу им дополнительных пенсий и пособий.

В 30-летнем возрасте Дмитрий Николаевич женился на дочери барона Ф. Корфа, Марии Фердинандовне, которая была моложе его на 15 лет. У них родилось девять детей — четверо сыновей и пять дочерей.

Подлинный и стремительный взлет карьеры Д. Н. Набокова начался в 1862 году. Великий князь Константин Николаевич, назначенный наместником Царства Польского, взял его с собой в Варшаву. Тогда же он был пожалован в гофмейстеры двора его величества.

В 1864 году Набокову было повелено присутствовать в Правительствующем сенате. Он стал Сенатором только что образованного в соответствии с Судебными уставами гражданского кассационного департамента. Однако участвовать в

первых шагах практического осуществления судебных преобразований ему пришлось недолго. Через два года император назначил его своим статс-секретарем, а в 1867 году, благодаря протекции великого князя Константина Николаевича, поставил на ответственный пост — главноуправляющим собственной его императорского величества канцелярии по делам Царства Польского. В этой должности он пребывал девять лет, много и деятельно занимаясь вопросами гражданского преобразования в Польше.

В 1876 году Дмитрий Николаевич был назначен членом Государственного совета и произведен в действительные тайные советники. Он всегда был истинным приверженцем судебных преобразований в России и одним из лучших знатоков Судебных уставов. По свидетельству журналиста С. Ф. Либровича, про Д. Н. Набокова говорили, что «это не человек, а ходячий свод законов». Однако он не столько признавал букву закона, сколько его дух и внутренний смысл.

30 мая 1878 года Д. Н. Набоков занял пост министра юстиции и генерал-прокурора. Некоторые его недоброжелатели злословили по этому поводу, говоря, что он получил портфель министра «по протекции Веры Засулич», намекая на причины освобождения графа Палена.

От Набокова ждали многого. В высших правительственных сферах надеялись, что он сумеет «подтолкнуть» суд присяжных, сделает в нем крупные изменения и вообще придаст ему другую, более «желательную окраску». Прогрессивные юристы, наоборот, зная профессионализм нового министра, ожидали от него защиты основных начал Судебных уставов.

Третий министр «по Судебным уставам», по мнению современников, был «законником в полном смысле слова». Принимая высокий пост, он заявил, что «если для всех граждан, то для министра юстиции в особенности, закон, пока он существует и не отменен, должен быть свят». Эти слова он потом повторял много раз, и они стали его своеобразным девизом. Поэтому к Набокову не часто решались обращаться за протекцией или ходатайствовать о каком-либо исключительном порядке решения уголовного или гражданского дела.

Начавшиеся с большим размахом судебные преобразования в Российской империи теперь несколько застопорились из-за серьезных финансовых затруднений. Работы по введению Судебных уставов были фактически приостановлены. В 1879 году мировые суды получили право гражданства дополнительно лишь в 3 губерниях: Уфимской, Оренбургской и Астраханской. Тогда же были преобразованы суды и на присоединенной к России

территории Бессарабии, а также в областях Батумской и Карсской.

После этого Набоков внес в Государственный совет «представление» об открытии в 1880 году новых судов в Киевской, Подольской и Волынской губерниях, которые должны были составить округ Киевской судебной палаты. Это предложение Советом было одобрено и утверждено императором 11 декабря 1879 года. Затем он приступил к проведению судебных преобразований в Западном крае. В 1883 году был открыт округ Виленской судебной палаты. 26 апреля 1883 года именным высочайшим указом о преобразовании управления Кавказского края на министерство юстиции было возложено руководство и этой судебной частью. Ранее суды, как и другие учреждения, подчинялись непосредственно наместнику Кавказа. Тифлисская судебная палата была открыта еще в 1867 году, однако все работы по введению Судебных уставов осуществляло до последнего времени Главное управление наместника Кавказа.

Д. Н. Набоков считал, что проводить судебную реформу в Сибири, Степных областях и Туркестанском крае преждевременно, так как там «слишком разноплеменное и редкое население», находящееся к тому же на «весьма низкой степени культуры». Однако и оставлять все по-старому было нельзя. Поэтому Министерство юстиции приступило к последовательному изменению судоустройства и судопроизводства первоначально в Тобольской и Томской губерниях и Приамурском крае. Большое внимание при этом уделялось организации прокурорского надзора, который призван был обеспечить соблюдение законов всеми судебными установлениями и полицией.

Дмитрий Николаевич Набоков внимательно относился к лицам судебного ведомства и их нуждам. Он «трогательно гордился», когда встречался с талантливыми судьями и прокурорами, охотно прислушивался к их мнению по самым сложным вопросам юриспруденции. При необходимости он не останавливался перед «опасением неизбежных личных неприятностей», если считал, что это принесет пользу судебному делу. Он мог безбоязненно заступиться и защитить оклеветанного судебного работника. Со своими подчиненными он был неизменно доброжелателен, хотя и любил, что называется, «напускную суровость».

Как министр юстиции и генерал-прокурор Д. Н. Набоков, конечно, не оставался в стороне от борьбы с разраставшимся и принимавшим все более жесткие формы революционным движением, хотя первые роли здесь играли уже другие лица. 9

августа 1878 года, в связи с убийством шефа жандармов Н. В. Мезенцева, по докладу министра внутренних дел Л. С. Макова и исправлявшего должность шефа жандармов Н. Д. Селиверстова, был принят закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленному для военного времени». В своем докладе императору они писали: «Зло растет ежечасно. суд уже не властен остановить разнузданные страсти… Нужны меры чрезвычайные».

Так в мирное время началась активная военизация судебно-карательной системы. По закону 9 августа 1878 года в ведение военных и военно-полевых судов передавались дела о государственных преступлениях, сопряженных «с вооруженным сопротивлением власти», а также «преступления, связанные с нападением на чинов войска и полиции, коль скоро нападения эти сопровождались убийством, нанесением ран, увечий и тяжких побоев».

2 апреля 1879 года отставным коллежским секретарем А. К. Соловьевым было совершено покушение на жизнь императора. В связи с этим была образована следственная комиссия, которую возглавил Сенатор С. И. Леонидов. Следствие было закончено быстро. Для рассмотрения дела по высочайшему указу был образован Верховный уголовный суд. Заседание суда открылось 25 мая 1879 года в 11 часов 10 минут. Председательствовал на нем князь С. Н. Урусов, бывший тогда руководителем департамента законов Государственного совета. В состав суда входили члены Государственного совета действительные тайные советники А. А. Абаза, Д. Н. Замятнин, И. Д. Делянов, первоприсутствующие Правительствующего сената В. Г. Черноглазов и М. Е. Ковалевский. Обязанности секретаря выполнял статс-секретарь Государственного совета И. И. Шамшин. Обвинение поддерживал министр юстиции и генерал-прокурор Д. Н. Набоков. Защиту А. К. Соловьева осуществлял выделенный судом адвокат А. Н. Турчанинов. Верховный уголовный суд лишил А. К. Соловьева всех прав состояния и приговорил его к смертной казни через повешение. В окончательном виде приговор был оглашен 26 мая 1879 года. Через день, 28 мая 1879 года, в 10 часов утра, на Семеновском плацу, приговор был приведен в исполнение.

12 февраля 1880 года, спустя несколько дней после очередного покушения на императора — взрыва в Зимнем дворце, правительство образовало верховную распорядительную комиссию по охране государственного порядка и общественного спокойствия. В нее вошли 10 высших сановников империи.

Главным начальником комиссии был поставлен граф М. Т. Лорис-Меликов, фактически наделенный полномочиями диктатора. Он развернул активную работу. За 14 месяцев, когда он руководил комиссией и Министерством внутренних дел, было организовано 32 судебных процесса с вынесением 18 смертных приговоров. Многие причастные к революционной деятельности лица высылались административно. При этом не соблюдались никакие законы.

Обстановка в стране с каждым днем все более накалялась. В таких условиях даже приближенные к императору лица стали поговаривать о конституции, как единственном средстве против революционной стихии. Особенно часто такие разговоры возникали среди интеллигенции, в различных литературных кружках и, в частности, среди людей, собиравшихся у известного в Петербурге издателя и книгопродавца Вольфа, куда часто заглядывали министры и сановники. Обращались с таким вопросом и к Д. Н. Набокову. Последний всегда резко возражал: «Те, которые так думают, заблуждаются; революционерам даже конституции было бы мало: они стремятся к анархии». Набоков видел конституцию, как результат некоего великого и добровольного жеста монарха, нечто вроде того, что император сделал при введении Судебных уставов. По его мнению, это должен быть дарованный монархом «государственный акт», а не какая-то уступка, сделанная под давлением «горсти преступников».

Для смягчения обстановки граф Лорис-Меликов 28 февраля 1881 года представил императору Александру II свой проект реформ. По нему при Государственном совете предполагалось образовать в качестве совещательного органа комиссию из чиновников и выборных «от общества». 1 марта, за несколько часов до своей гибели, Александр II одобрил эти предложения и назначил заседание Совета Министров для их рассмотрения на 4 марта. События, происшедшие после убийства императора Александра II, начавшаяся реакция сразу же положили конец всем рассуждениям о конституции. В Манифесте, составленном Победоносцевым, подчеркивалась незыблемость самодержавия. Наступила пора какого-то всеобщего уныния, молчания, страха. Набоков, вопреки ожиданиям некоторых близких к императору лиц, сохранил за собой портфель министра юстиции. Он активно занимался подготовкой и проведением процесса над участниками цареубийства А. И. Желябовым, С. Л. Перовской, Т. М. Михайловым, Н. И. Кибальчичем, Н. И. Рысаковым и Г. М. Гельфман. При слушании дела Д. Н. Набоков, под влиянием двора, оказывал давление на председателя Особого присутствия

Э. Я. Фукса, вызывал его к себе, давал указания и т. п. Он поручил поддержать обвинение молодому талантливому прокурору Н. В. Муравьеву, который впоследствии стал министром юстиции.

Деятельность Д. Н. Набокова по руководству судебными и прокурорскими органами не вполне удовлетворяла власти, и 6 ноября 1885 года он был освобожден от должности министра юстиции и генерал-прокурора. Публицист и редактор «Русского вестника» М. Н. Катков, известный своими реакционными взглядами, имея в виду отставку Набокова, сказал как-то Александру III: «Хорошие министры не даются Вашему Величеству». На это император ответил: «Вот это верно».

Совсем по иному оценивали деятельность Дмитрия Николаевича прогрессивные юристы. А. Ф. Кони писал: «Что же, однако, сделал Набоков?» — спросят нас, быть может… — «Где следы его созидательной работы, где его победы и завоевания в области судебного устройства?» — На это можно ответить указанием, что не только в военном деле, но и в гражданской, мирной с виду, деятельности бывают времена, когда нечего думать о завоеваниях и покорениях. Если ожесточенный неприятель силен числом, разнородным оружием и средствами разрушения, то приходится иногда переживать долгую и трудную осаду, замыкаясь в тесные окопы, сплотившись около цитадели и не растрачивая сил на бесполезные и даже пагубные для осажденных вылазки. Такую осаду пришлось выдержать Набокову за время его министерства, и, уходя со своего поста, он имел право сказать, что отсиживался стойко и с терпеливым достоинством, не пожертвовав ничем существенным, оберегая честь и спокойствие воинства, во главе которого он был поставлен».

После отставки Д. Н. Набоков оставался статс-секретарем императора. Дмитрий Николаевич имел многие высокие награды Российской империи и среди них — орден Св. Андрея Первозванного.

Д. Н. Набоков скончался 15 марта 1904 года.

Один из сыновей Д. Н. Набокова, Владимир Дмитриевич, был известным юристом, публицистом и политическим деятелем. После установления Советской власти он эмигрировал. Погиб в Берлине в марте 1922 году от руки террориста.

«БЫЛ ДОСТУПЕН ДЛЯ ВСЕХ» Генерал-прокурор НИКОЛАЙ АВКСЕНТЬЕВИЧ МАНАССЕИН

Николай Авксентьевич Манассеин родился в 1835 году в Казанской губернии, в дворянской семье. Первое время Николай Манассеин учился в частном пансионе, а затем в Казанской гимназии, по окончании которой поступил в Императорское училище правоведения. Первая должность Николая Авксентьевича после окончания училища была столь неприметной, что, казалось, не сулила ему в дальнейшем никаких перспектив. Он занял место младшего помощника секретаря 6-го департамента Правительствующего сената.

В то время многие молодые и способные люди надолго застревали за канцелярскими столами. Надо было иметь очень знатных покровителей или же обладать недюжинными способностями, чтобы достичь верхов служебной иерархии. Благодаря своей энергии, способностям, трудолюбию, строгой личной организованности, Н. А. Манассеин не затерялся в канцелярской среде. Через несколько лет он был назначен секретарем общего собрания московских департаментов Сената. Однако рутинная работа не прельщала энергичного чиновника, и в 1860 году он вышел в отставку.

Только спустя три года Манассеин возвратился на службу, став исправляющим должность мирового посредника в Мещевском уезде Калужской губернии. Вскоре его приметил прокурор Московской судебной палаты Д. А. Ровинский и 7 июля 1866 года назначил товарищем прокурора окружного суда. В то время, по словам А. Ф. Кони, Манассеин был «блестящий, страстный и одаренный громадной энергией» чиновник. Именно

эти качества нравились Ровинскому и, спустя три месяца, он направил Николая Авксентьевича в Калугу, прокурором окружного суда. В 1869 году преемник Ровинского — Г. Н. Мотовилов перевел Манассеина в Московскую судебную палату, назначив своим заместителем.

2 июня 1870 года 35-летнему Манассеину был доверен ответственный пост прокурора Московской судебной палаты. На этой многотрудной и беспокойной должности в полной мере раскрылся организационный талант Николая Авксентьевича. По отзывам современников, он был «безупречно чистым» человеком, умел ценить свое достоинство, отличался «идеальной ревностью к службе» и «гуманным отношением к людям». Он знал все тонкости прокурорской работы, умело находил себе способных помощников, блестяще организовывал судебные процессы. А. Ф. Кони отмечал, что Манассеин во главе московской прокуратуры проявил «огромное трудолюбие и энергию, направленные на служение Судебным уставам верой и правдой». По его мнению, это был «настоящий человек на настоящем месте».

Н. А. Манассеин не был «кабинетным» прокурором. Его часто можно было встретить на заседаниях суда или же просто прохаживающимся по коридорам и заглядывающим в кабинеты судей и прокуроров. При этом он зорко следил за всеми делами — никакая мелочь не ускользала от его пристального взгляда. Прокуроры знали, что ни одно допущенное ими нарушение не пройдет незамеченным строгим начальником. Старейший судебный репортер Е. И. Козлинина, хорошо знавшая Манассеина, писала, что он был «в высшей степени доступен для всех, у кого встречалась к нему надобность. Простота обращения Н. А. Манассеина была отличительной его чертой».

Манассеин занимал должность прокурора Московской судебной палаты более семи лет. В декабре 1877 года он был назначен директором департамента Министерства юстиции, сменив на этом посту А. Ф. Кони, а в сентябре 1880 года ему было повелено присутствовать в Правительствующем сенате. Наиболее впечатляющий след на этом поприще оставила его «стремительная и разрушительная», по выражению А. Ф. Кони, ревизия Лифляндской и Курляндской губерний. Проверка продолжалась 15 месяцев и потребовала от Николая Авксентьевича огромного напряжения всех духовных и физических сил. Вскоре после ее окончания он тяжело заболел. В письме от 14 января 1884 года он писал своему другу: «Мое молчание объясняется долгою и серьезною болезнью; теперь хотя и поправляюсь, но медленно. Я едва не отправился на тот свет (было такое опасение 3–4 дня); началось с конца ноября с

брюшного тифа, но я, не зная, что со мною делается, думал, что меня так себе ломает и лечил себя сам большими приемами хины, за то, потом, свалился как пласт… Спасибо докторам (мой брат с Генрихсен), занялись мною преусердно, и вот теперь, спустя месяц, поставили меня на путь, по-видимому, благополучного выздоровления, за исключением только головы, которая пока никуда не годится, и потому никакая умственная работа для меня невозможна; при этом доктор строжайше требует, чтобы я, по крайней мере, месяц еще ничего не делал. Чувствую, что он прав, а между тем именно теперь-то мне до зарезу нужно приниматься за серьезную работу, потому что болезнь задержала мой Всеподданнейший рапорт и все другие исполнительные труды для разных министерств (по ревизии)».

В 1884 году Н. А. Манассеин представил императору Александру III Всеподданнейший доклад о результатах ревизии в Прибалтийском крае, который был полностью одобрен, а также массу записок, предназначенных для различных ведомств. Этот труд послужил основанием для осуществления в Прибалтике целого ряда реформ.

В ноябре 1885 года Николай Авксентьевич был назначен министром юстиции и генерал-прокурором. Этот пост он занимал более восьми лет, многое сделав для укрепления судебных и прокурорских органов. Его деятельность пришлась на трудные годы, когда после убийства Александра II и усиления революционной борьбы Судебные уставы стали явно мешать правительству. А. Ф. Кони писал, что судебному ведомству приходилось «переживать на себе взгляды, исполненные недоверия и отчуждения». Поэтому не случайно деятельность Манассеина на посту министра вызывала много нареканий, причем с совершенно противоположных сторон. Одни считали его слишком либеральным, другие же, наоборот, — чересчур консервативным. Однако сам Николай Авксентьевич работал в присущей ему манере — страстно, энергично, и в то же время кропотливо, въедливо. Первостепенной задачей его в первые годы руководства Министерством юстиции стало распространение Судебных уставов на Прибалтийские губернии. В течение двух лет, на основании материалов ревизии, разрабатывалась специальная программа преобразования этого края. В декабре 1887 года соответствующий проект был одобрен Государственным советом, а затем утвержден императором.

При Манассеине частичные судебные преобразования коснулись также Туркестанского края, Степных областей России и Архангельской губернии. Здесь был введен институт мировых судей, с нескольким расширением их компетенции при

рассмотрении уголовных и гражданских дел и возложением на них функций судебных следователей.

Продолжался пересмотр и самих Судебных уставов. Значительно сузилась категория дел, подлежащих рассмотрению судом присяжных. Манассеин считал, что присяжные, принадлежащие большей частью к мещанской и крестьянской среде, лучше всего справляются с простейшими делами. Что же касается сложных дел, требовавших углубленного анализа доказательств, проведения многочисленных экспертиз, то в них они испытывали серьезные затруднения. Поэтому он предложил устранить присяжных заседателей от рассмотрения всех дел о сопротивлении властям, о насильственных посягательствах на представителей власти, о преступлениях по службе и т. п. В 1889 году проект Н. А. Манассеина удостоился высочайшего утверждения, с поправкой на то, что изъятые из ведения присяжных заседателей дела подлежат рассмотрению не особыми присутствиями окружных судов, а судебными палатами с участием сословных представителей. Манассеин предложил также ограничить число дел, подлежащих публичному рассмотрению.

Современники отмечали, что Н. А. Манассеин постом министра юстиции дорожил, но не как атрибутом власти, а как знаком высочайшего к нему доверия монарха. Поэтому в делах управления вверенного ему министерства, «имея в помышлении интересы одного лишь государя», был довольно решителен. Свое высокое положение министра и генерал-прокурора он понимал, как положение «старшего между равными». Однако к вопросам соблюдения служебной дисциплины относился строго и требовательно.

Будучи человеком прямым, Манассеин любил, чтобы и ему говорили все начистоту; он легко распознавал малейшее лукавство. К мнению других лиц, юристов-профессионалов, как правило, прислушивался, хотя, с другой стороны, был не лишен самолюбия и не терпел, когда ему подсказывали то, что он сам лучше других знал.

Н. А. Манассеин и в звании министра оставался непримиримым врагом подхалимажа и «прихвостничества», холоден был к заискиванию и проявлениям раболепства. Он не любил, чтобы чиновники судебного ведомства встречали его на станциях во время поездок по России. В сотрудниках он ценил прежде всего ум, энергию, способность к самопожертвованию. С приезжающими в Петербург по делам судьями и прокурорами встречался всегда приветливо, часами беседовал с ними. Доступ просителей к нему был свободен. Однако по служебным делам он

не любил ходатайств «сторонних лиц», в особенности посредничества «дам высшего общества».

При Н. А. Манассеине было проведено не столь много политических процессов, всего 37. Наиболее важный из них, покушение на государя, получивший название «Второе 1-е марта», происходил 15–19 апреля 1887 года. Дело слушалось при закрытых дверях. В зал допускались только члены Государственного совета, министры, их товарищи, Сенаторы и другая избранная публика. Все 15 подсудимых были приговорены к смертной казни; в отношении 8 человек о смягчении наказания ходатайствовало даже Особое присутствие. Александр III утвердил смертную казнь для 5 подсудимых: А. И. Ульянова, П. И. Андреюшкина, В. Д. Генералова, В. С. Осипанова и П. Я. Шевырева. Они были казнены 8 мая 1887 года в Шлиссельбургской крепости.

В начале 1890-х годов «служебная прочность» Манассеина несколько поколебалась. Все чаще и откровеннее государь выражал ему свое неблаговоление. В ноябре 1893 года вконец измученный Манассеин писал своему другу: «Изнемог я донельзя и телом и еще более духом; — мои несчастные, давно расшатанные нервы стали совсем никуда не годными. Еще в сентябре я доложил государю, что по совершенному расстройству моего здоровья у меня нет более сил нести лежащих на мне обязанностей, но тогда никакого ответа не получил, а потому теперь решился, какие бы тяжелые последствия ни произошли для меня от этой решимости, — отнюдь не оставаться в министерстве долее наступающего нового года…» И далее: «Я, право, боюсь, что меня от непрерывного ежечасного волнения того и гляди хватит нервный удар… Жизнь наша, конечно, в руке Божьей, но когда на руках больная, без движения, жена да сынишка, которого еще надо поставить на ноги, то непозволительно самому укорачивать свою жизнь и себя убивать…»

1 января 1894 года Н. А. Манассеин был отправлен в отставку и покинул пост министра юстиции и генерал-прокурора. Его назначили членом Государственного совета. Однако из-за болезни он не смог долго выполнять свои новые функции.

16 сентября 1895 года Н. А. Манассеин скончался. На его похоронах присутствовали молодой император Николай II и члены царской фамилии.

Брат Н. А. Манассеина, Вячеслав Авксентьевич, был знаменитым врачом, профессором, начальником Военно-медицинской академии.

«ТАЛАНТЛИВЕЙШИЙ ИЗ ПРОКУРОРОВ» Генерал-прокурор НИКОЛАЙ ВАЛЕРИАНОВИЧ МУРАВЬЕВ

Николай Валерианович Муравьев родился 27 сентября 1850 года в Новгородской губернии и принадлежал к родовитой дворянской семье. Детские годы его прошли в Костроме, Петрозаводске и Пскове, где отец служил губернатором. Когда Николаю исполнилось 14 лет родители определили его в 3-ю московскую гимназию, которую он окончил с золотой медалью. В 1868 году Муравьев поступил на юридический факультет Московского университета, но уже на следующий год оставил учебу и отправился за границу, где намеревался самостоятельно подготовиться к сдаче экзаменов на степень кандидата прав. Эти испытания он блестяще выдержал в мае 1870 года на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Познания 20-летнего юноши были так основательны и глубоки,

что ему предложили остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. Это предложение было очень заманчиво, поскольку научная и творческая деятельность привлекали молодого юриста. Однако он его все же отклонил.

Муравьев, как и многие честолюбивые юристы того времени, очарованные и завороженные открывшимися после проведения судебной реформы грандиозными перспективами, всей душой рвался к практической деятельности. Его очень заинтересовала возможность стать одним из представителей «ока его императорского величества». Поэтому он не соблазнился возможностью занять теплое место где-нибудь в канцелярии Правительствующего сената, а поступил 25 августа 1870 года на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Московской судебной палаты, каковым был в то время Н. А. Манассеин. Через несколько месяцев он был командирован в распоряжение прокурора Владимирского окружного суда, где временно исполнял обязанности товарища прокурора. В сентябре 1871 года он становится коллежским секретарем, а спустя два месяца после этого получает направление в Рязанский окружной суд. Там он оставался менее двух лет, выслужил чин титулярного советника и приглянулся прокурору Московской судебной палаты, который и перевел его в старую столицу.

В 1873 году Муравьев уже в Москве в должности товарища прокурора окружного суда. В этом звании он служил почти пять лет, быстро выдвинувшись в число лучших обвинителей московского суда. Он любил выступать в судебных процессах и умел хорошо их организовывать. Его речи всегда были безукоризненными: юридически обоснованные, грамотно построенные, страстные, красиво звучащие, — они прочно захватывали внимание слушателей и держали его до конца.

В 1874 году Н. В. Муравьев выдержал в университете экзамен на степень магистра и стал читать публичные лекции по курсу уголовного судопроизводства. Студенты очень ценили его выступления, так как товарищ прокурора обладал не только глубокими познаниями в теории права, но и получил хорошую практическую подготовку.

Одним из самых громких процессов этого периода деятельности Н. В. Муравьева был процесс по делу «Клуба червонных валетов», проводившийся в Москве в феврале — марте 1877 года. Судебное заседание Московского окружного суда по этому делу открылось 8 февраля 1877 года. Председательствовал на нем товарищ председателя Московской судебной палаты С. Я. Орловский. Суду были преданы 47 лиц, из которых только 11 человек оставались на свободе. Среди защитников было

несколько выдающихся юристов: Ф. Н. Плевако, В. М. Пржевальский, А. В. Лохвицкий и другие.

Накануне открытия судебного заседания к Муравьеву явился полицейский и предупредил, что, по их сведениям, невеста одного из подсудимых, некая Жардецкая, намерена явиться на процесс с револьвером и выстрелить в прокурора. На это Муравьев ответил: «Благодарю вас, можете быть уверены, что я теперь более, чем когда-либо спокоен за свое существование; уж если об этом намерении дошли слухи до сведения нашей московской полиции, то я уверен в том, что мадемуазель Жардецкая этого ни за что не хотела сделать».

Судебное следствие продолжалось три недели. Затем начались судебные прения. Слово было предоставлено товарищу прокурора Московского окружного суда Н. В. Муравьеву. Вот как описывает свое впечатление от этой речи Е. И. Козлинина: «Удачно скомбинировав все данные, в связи с личностью каждого из обвиняемых, ярко определившегося в течение трех недель, Н. В. Муравьев и начал свое обвинительное слово. Почти два дня длилась эта замечательная речь. Сильная и эффектная, она до такой степени захватывала внимание слушателя, что когда он яркими красками набрасывал какую-нибудь картину, так и казалось, что воочию видишь ее.

Несомненно, что ни раньше, ни потом публике не удалось слышать ничего подобного. Массу прекрасных речей этого талантливого оратора слышали его современники, но по силе впечатления с речью по делу «валетов» не могла сравниться ни одна».

5 марта 1877 года Московский окружной суд вынес приговор по этому делу. Главные организаторы преступлений были лишены всех прав состояния и сосланы в Сибирь.

Вскоре после процесса Муравьев был назначен прокурором Ярославского окружного суда. Там талантливый прокурор задержался чуть более года. В январе 1879 года он становится товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты. В Петербурге Муравьев сумел быстро завоевать признательность и уважение. Он был смел, инициативен и в те годы еще довольно либерален. В октябре 1880 года Муравьев временно исполнял должность прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты.

1881 год, обагренный царской кровью, стал судьбоносным в служебной карьере Н. В. Муравьева. Именно ему талантливому, задиристому, блистательному 30-летнему судебному деятелю было доверено исполнять прокурорские обязанности в Особом присутствии Правительствующего сената по «Делу о злодеянии 1 марта 1881 года, жертвою коего пал в Бозе почивший император

Александр Николаевич».

Заседание Особого присутствия Сената по делу «1-го марта» открылось 26 марта 1881 года в 11 часов дня. Председательствующим был назначен Сенатор Е. Я. Фукс. Суду были преданы 6 человек, 5 из них имели адвокатов. Софью Перовскую защищал Кедрин, Николая Кибальчича — Герард, Тимофея Михайлова — Хартулари, Николая Рысакова — Унковский и Геси Гельфман — Герке. Андрей Желябов от адвоката отказался.

Н. В. Муравьев произнес длинную, длившуюся почти пять часов, довольно страстную обвинительную речь. С точки зрения революционных демократов, его речь была «напыщенной» и «вычурненной», наполненной «небылицами». Такие отзывы сделали как сами подсудимые, так и демократические издания. Муравьев не щадил в своем выступлении даже женщин. Софью Перовскую он выставил как олицетворение безнравственности и жестокости, свойственной будто бы всем революционерам. Он говорил, что она с «циничным хладнокровием» распоряжалась «злодеянием». И никакие воспоминания детства здесь уже не имели для него значения. А ведь обвинителю было что вспомнить. Еще мальчиком, в 1856–1859 годах, когда его отец был губернатором в Пскове, а отец Перовской — вице-губернатором, он играл вместе с Софьей, а однажды она вместе со своими братом и сестрой даже вытащила будущего прокурора из глубокого пруда, в котором он чуть было не утонул.

В заключении своей большой речи Муравьев сказал: «С корнем вырвет русский народ адские плевелы из русской земли и тесней, дружней сомкнувшись несчетным рядом благомыслящих граждан, бодро последует за своею несокрушимою, единою священной родиной, за своим ныне вступившим на царство августейшим вождем». Прокурор внес предложение приговорить всех подсудимых к смертной казни.

Особое присутствие Правительствующего сената приговорило всех подсудимых к повешению. Только Рысаков и Михайлов подали прошения о помиловании, которые были отклонены. Пятеро подсудимых были казнены. И только Гельфман, оказавшейся беременной, смертную казнь заменили каторгой. Однако вскоре после родов она умерла в крепости.

После завершения судебного процесса Муравьев некоторое время оставался товарищем прокурора палаты, затем исполнял должность прокурора, а 16 января 1882 года был утвержден прокурором Санкт-Петербургской судебной палаты. К этому времени он имел уже награды: ордена Св. Анны 1-й степени и Св. Владимира 3-й степени.

В 1884 году Н. В. Муравьева назначили прокурором Московской судебной палаты. Он всегда любил комфорт и лоск во всем: в жизни и в работе. Он сразу же занял роскошную, состоящую из 20 комнат, служебную квартиру в здании судебных установлений в Кремле. С таким же размахом устроил и других служащих прокуратуры. От своих подчиненных Муравьев требовал не только соблюдения строгой дисциплины и ответственного отношения к делу, но и внешней опрятности, достойного поведения. Современники вспоминали, что он в буквальном смысле муштровал прокуроров, особенно придирчиво относясь к наиболее способным из них. Не случайно, лица, прошедшие его суровую школу, быстро продвигались по службе, становились председателями судов, прокурорами палат и окружных судов.

Состав тогдашней московской прокуратуры, хотя и включал много хороших, талантливых сотрудников, не в полной мере удовлетворял требовательного к себе и к сослуживцам прокурора палаты. Твердый, энергичный и решительный, обладавший бойцовскими качествами, Муравьев иногда говорил, что его помощники «не в меру корректны», «недостаточно задиристы», а то и просто «мягки». Поэтому он стремился привлекать в прокуратуру таких обвинителей, как М. Ф. Громницкий, который был настоящей грозой подсудимых.

Н. В. Муравьев всегда стремился привить молодым людям любовь к прокурорской и судебной деятельности. Выступая перед кандидатами на судебные должности, он говорил: «Среди нас больше чиновников судебного ведомства, ремесленников судебной профессии, даже дилетантов судебного дела, чем настоящих судебных деятелей. Многие из нас служат и действуют иногда сами не зная зачем, как придется и машинально, не проникаясь животворным духом нашего дела, не чувствуя к нему любви или даже просто охоты и потому мало заботясь о том, что выйдет из нашей деятельности. А между тем великое дело правосудия требует, кроме специальных познаний и опытности, еще ревностного и сознательного ему служения, которое, в свою очередь, немыслимо без ясного и чуткого разумения, крепкой воли, развитого чувства правды, твердых принципов и стойких убеждений».

Занимался Муравьев и творчеством. Он издал капитальный труд по истории прокурорских органов в России — «Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности». Затем опубликовал обширную работу о современной ему прокуратуре — «Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора».

5 июня 1891 года А. Ф. Кони, занимавший должность обер-прокурора, был назначен Сенатором уголовного кассационного департамента. На освободившееся место министр юстиции Н. А. Манассеин поставил Н. В. Муравьева. Для Николая Валериановича открывались новые перспективы, которыми он не преминул воспользоваться, благодаря поддержке влиятельных лиц при дворе. Впоследствии А. Ф. Кони вспоминал: «Я должен признать, что в новом звании Муравьев был весьма на месте и не уронил его с той высоты, на которую мне удалось его поставить. Его практическая подготовка, умение разобраться в научных материалах и несомненный дар слова нашли себе применение в его заключениях».

Несмотря на несомненные успехи, Муравьев все же «тяготился этой деятельностью и скромным материальным положением». Работа не давала удовлетворения его «ненасытному честолюбию и жадному властолюбию». Кони подмечал, что Муравьев «грыз удила, как скаковой жеребец, поставленный в оглобли закона».

Не прошло и года, как «изнывающий в обер-прокуратуре» Муравьев был назначен государственным секретарем, а обер-прокурором снова стал А. Ф. Кони, соединивший с этой должностью и звание Сенатора.

1 января 1894 года Н. В. Муравьев был поставлен управляющим Министерством юстиции, а 17 апреля того же года утвержден в должности министра юстиции и генерал-прокурора. В то время это был действительно достойнейший кандидат на столь высокий пост. Приведем свидетельство человека, знавшего Муравьева на протяжении длительного времени.

Е. И. Козлинина в своей книге «За полвека» писала: «Но и теперь, когда старые судебные деятели уже стали составлять меньшинство, спросите, кто за все это время был талантливейшим из прокуроров за все эти 45 лет. Вам скажут: Н. В. Муравьев, сначала состоявший в Москве товарищем прокурора, затем, через сравнительно короткий промежуток, уже занимавший пост прокурора судебной палаты, и едва достигнув 46 лет, исключительно благодаря своим выдающимся способностям, занявший пост министра юстиции».

Министром юстиции и генерал-прокурором Н. В. Муравьев оставался 11 лет. На этом посту наиболее полно раскрылись его выдающиеся способности, но и особенно резко проявились его негативные качества: властолюбие, нетерпимость к чужому мнению, резкость и даже грубость, склонность к внешним эффектам, угодничество перед власть имущими, недостаточно высокие нравственные качества.

Желая придать единообразие и стройность системе прокурорского надзора, Муравьев издал в 1896 году Наказ чинам прокурорского надзора судебных палат и окружных судов. В нем впервые подробно и основательно были изложены все основные функции прокуроров при исполнении обязанностей, возложенных на них законом.

Первое время Муравьев использовал свои широкие полномочия с большой осторожностью. Он любил говорить, что работает «на два фронта», так как не хотел ссориться ни с властями, ни с лицами, стоявшими у истоков судебной реформы. Но в дальнейшем, по выражению А. Ф. Кони, он «снял маску» и «стал подкапываться под главные устои нового суда, под суд присяжных, несменяемость судей, единство кассации, предварительное следствие». Все чаще и чаще у него возникали конфликты и трения с независимо держащимися судебными деятелями. В угоду приближенным к императору вельможам требовал от своих подчиненных того или иного решения судебных дел. В таких случаях голосом, не терпящим возражений, он говорил: «На это дело обращено о с о б о е внимание».

В 1895 году Н. В. Муравьев присоединил к Министерству юстиции главное тюремное управление, ранее находившееся в ведении Министерства внутренних дел. Некоторые государственные деятели, например, А. Ф. Кони и С. Ю. Витте, считали такое решение Муравьева серьезной ошибкой.

Когда Н. В. Муравьев занял пост министра юстиции, прошло почти 30 лет с памятного дня утверждения Судебных уставов. Однако «благами» реформы пользовались в России далеко не все. 23 губернии и области, в том числе обширные территории Сибири, Степного и Туркестанского краев продолжали жить по дореформенным судебным порядкам. Наиболее были подготовлены к открытию новых судов Олонецкая, Оренбургская и Уфимская губернии. Этим Муравьев и занялся. В мае и июне 1894 года он лично открыл суды в этих губерниях, а заодно ближе познакомился и с судебными деятелями, которым предстояло проводить в жизнь реформу.

Меры по улучшению правосудия в обширном Сибирском крае принимались еще с 1885 года. Однако ожидаемых успехов достигнуто не было. Муравьев, тщательно изучив состояние судебной части в Сибири, пришел к твердому убеждению, что никакие частные изменения здесь не помогут. Необходимо было все изменить коренным образом на началах Судебных уставов 1864 года, приспособив их к местным условиям. Открытие Иркутской судебной палаты состоялось 2 июля 1897 года в присутствии Н. В. Муравьева.

К концу XIX века были открыты также новые судебные установления в Туркестанском крае, Степных и Закаспийских областях Российской империи, затем в северо-восточных уездах Вологодской губернии. 1 июля 1899 года на имя Муравьева был дан высочайший рескрипт, в котором отмечалось: «В вас, как в Министре юстиции, Я нашел отменно деятельного, даровитого и всесторонне подготовленного исполнителя Моих предначертаний. Сегодня, когда за введением Судебных уставов в северо-восточных уездах Вологодской губернии, на пространстве России нет уже более местности, которая бы не пользовалась благами присущих сим Уставам вечных начал правды, милости и равенства всех перед законом, Я с чувством живейшего удовольствия выражаю вам душевную Мою признательность за оказанное вами многополезное сотрудничество».

Вступив в должность министра юстиции, Н. В. Муравьев начал грандиозную работу по пересмотру законодательства по судебной части. За 30 лет со дня их введения было разновременно принято уже около 700 различных законов, в той или иной степени изменяющих, дополняющих, а то и вовсе ликвидирующих некоторые статьи уставов. Все это мешало практическим работникам, вносило путаницу, и даже опытные юристы иногда с трудом продирались сквозь законодательные дебри. Комиссия под председательством Муравьева работала пять лет. В результате были подготовлены новые редакции Учреждения судебных установлений, уставов гражданского и уголовного судопроизводства, включающих в себя около 4,5 тысячи статей. Однако в связи с надвигавшейся войной с Японией, а затем и обострением революционной ситуации, они так и не были приняты.

Начало XX века Н. В. Муравьев встретил в расцвете своей славы. К этому времени он имел чин действительного тайного советника, был награжден многими высшими орденами Российской империи. В России резко обострилась обстановка, один за другим совершались террористические акты на высших царских сановников. Революционеры готовили покушение и на Муравьева. Усиливалась и репрессивная направленность деятельности правительства. В такой ситуации Николай Валерианович не посчитал возможным оставаться далее на посту министра юстиции и генерал-прокурора. Он попросил об отставке. В конце 1904 года Муравьев стал усиленно добиваться места посла в Париже, но такой возможности ему не представилось. Однако вскоре посол в Риме князь Урусов был переведен в Вену, а на открывшуюся вакансию назначен Н. В. Муравьев.

Николай Валерианович выехал для работы в Рим. Он занимался дипломатическими делами с такой же энергией, как и в министерстве.

Н. В. Муравьев был женат три раза. Последней его женой была Евгения Ивановна Аккерман — женщина волевая, державшая Муравьева «в большом респекте». Она была единственным человеком, которого «боялся и слушался» Муравьев. Николай Валерианович удочерил ее девочку, и к ее взрослому сыну относился, как к родному. «Такая деликатность и любовь к сыну Аккермана со стороны Муравьева, — вспоминал Витте, — в то время как г-жа Муравьева не хотела его видеть и не принимала — довольно трогательна». От этого брака у него были две дочери и один сын.

Скончался Н. В. Муравьев 1 декабря 1908 года в Риме.

«ОТСТОЯТЬ В ДНИ СМУТЫ И ПОТРЯСЕНИЯ ИНТЕРЕСЫ ПРАВА И ЗАКОННОСТИ» Генерал-прокурор СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ МАНУХИН

Сергей Сергеевич Манухин родился в 1856 году в потомственной дворянской семье. После окончания гимназии он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Служить начал в 20-летнем возрасте кандидатом на судебные должности при прокуроре Петербургского окружного суда. Спустя некоторое время его направили в Орловскую губернию, где при местном прокуроре он выполнял обязанности секретаря.

Через несколько лет, благодаря связям, он сумел попасть на службу в Министерство юстиции. Там Манухин первое время занимался вопросами систематизации законодательства и руководил библиотекой. Только в 1884 году он получает более или менее солидную должность — чиновника по особым

поручениям при директоре департамента Л. В. Безродном. Здесь трудолюбивый молодой юрист сумел обратить на себя внимание начальства, поэтому дальнейшее продвижение его по службе было быстрое и вполне удачное. Вскоре Манухин исполняет обязанности помощника начальника законодательного отделения и состоит одновременно за обер-прокурорском столом в одном из департаментов Правительствующего сената.

При министре юстиции Н. А. Манассеине началась серьезная реорганизация центрального аппарата министерства. В частности, была учреждена юрисконсультская часть. С. С. Манухин был назначен на должность юрисконсульта. Одновременно он управлял и законодательным отделением департамента. В 1890 году его назначили товарищем обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. Работать здесь оказалось для него намного сложнее — сказывалось отсутствие опыта практической деятельности. Поэтому уже через несколько месяцев Манухин счел за благо возвратиться в центральное управление Министерства юстиции, где занял должность старшего юрисконсульта.

С приходом в Министерство юстиции Н. В. Муравьева Манухин стал одним из ближайших и самых деятельных сотрудников нового министра. Он получает вначале должность вице-директора, а затем и директора 1-го департамента. Манухин стал руководить делопроизводством особой комиссии по пересмотру законоположений по судебной части, этой работе Муравьев придавал исключительно важное значение. Он неоднократно сопровождал министра в его поездках по империи и, в частности, был на открытии новых судов в Иркутской губернии, активно занимался руководством подведомственных отделений, кадровыми вопросами и пр.

С. С. Манухин великолепно ориентировался в «бумажном царстве», был активен и энергичен, успевая выполнять множество различных дел. Его инициативность по достоинству оценил министр Н. В. Муравьев и 1 января 1901 года назначил своим заместителем. На этом посту Манухин заменил П. М. Бутовского, ставшего членом Государственного совета.

Во время отсутствия Н. В. Муравьева Сергей Сергеевич часто управлял Министерством юстиции, неоднократно представлял интересы России на различных международных конгрессах: по криминалистической антропологии в Брюсселе, по вопросам частного международного права в Гааге и на других.

14 января 1905 года Н. В. Муравьев был назначен послом при короле Италии, а 21 января, последовал именной высочайший указ Правительствующему Сенату: «Товарищу Министра юстиции,

Сенатору, Тайному советнику Манухину — Всемилостивейше повелеваем быть Управляющим Министерством юстиции, с оставлением в звании Сенатора». Впоследствии он был утвержден в должности министра юстиции и генерал-прокурора.

Министром юстиции С. С. Манухин оставался менее года. Конечно, за столь короткий срок он не сумел провести сколько-нибудь значительных преобразований в судебном ведомстве. К этому не располагала также и внутренняя обстановка в империи. Он вступил в должность министра в то время, когда, по выражению Е. И. Козлининой, «все кругом бурлило, и волны общественной жизни рвались вон из берегов».

Многих приближенных к императору лиц С. С. Манухин на посту министра юстиции явно не устраивал. Активное противостояние революционеров, поддерживаемых широкими слоями населения, и правительства усиливалось с каждым днем, и поэтому консервативно настроенные сановники, не считавшиеся с обстоятельствами и ни при каких условиях не желавшие ни реформ, ни ослабления самодержавной власти, хотели бы видеть во главе Министерства юстиции не столь либерального деятеля.

Стремясь приглушить революционное брожение, царское правительство лихорадочно принимало законы, которые часто противоречили один другому. 12 декабря 1904 года был объявлен высочайший указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который даже некоторые царские вельможи считали «малополезным».

Начавшееся после январских событий 1905 года мощное наступление трудящихся привело правительство в полное замешательство. В феврале 1905 года императору пришлось заговорить о создании представительного органа с законосовещательными функциями. При обсуждении этого вопроса в Совете Министров Манухин был одним из самых активных сторонников привлечения населения к выработке законов. На заседании Николай II поручил министру внутренних дел А. Г. Булыгину составить проект рескрипта по вопросу «привлечения выборных к законодательству».

В августе 1905 года был опубликован манифест об избрании Государственной думы с совещательными функциями. Это был так называемый булыгинский проект. Однако остановить нарастание революции царизм уже не мог. Не имея возможности подавить революционные выступления силой (основная часть войск находилась еще на Дальнем Востоке), царское правительство пошло на некоторые уступки. Этим в основном и

было вызвано появление манифеста от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка». В нем император возложил на правительство обязанность выполнить его волю о том, чтобы «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Согласно манифесту Государственная дума должна была стать законодательным органом. Несколько расширялись избирательные права народа.

На следующий день после опубликования манифеста, выступая в Совете Министров, император Николай II сказал, что новый закон должен вызвать «значительное уменьшение области применения административных взысканий и соответственно расширяет деятельность судебных установлений». Исходя из этих требований, 25 ноября 1905 года С. С. Манухин направил прокурорам циркулярное распоряжение за № 54451. В нем он писал: «Во исполнение высочайшего повеления, я признаю нужным указать чинам прокурорского надзора, что, в целях осуществления возвещенной в высочайшем Манифесте 17 октября сего года Монаршей воли о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы, правительством поставлена первейшею своею задачею изготовление законов временного характера, которые укрепляли бы признанную за населением свободу личной неприкосновенности, совести, слова, собраний и союзов, наряду с законными ограничениями, необходимыми для ограждения прав отдельных лиц, общего спокойствия и интересов государственных…» С. С. Манухин выразил уверенность, что прокуроры смогут «отстоять в дни смуты и общественного потрясения высокие интересы права и законности».

Через два дня после опубликования манифеста Николай II повелел С. Ю. Витте «принять меры к объединению деятельности министров, впредь до утверждения законоположений о Совете Министров».

Витте стал спешно создавать свой кабинет. Что касается участия в нем Манухина, то у премьера на этот счет не было никаких сомнений. Министр устраивал его во всех отношениях. В своей книге «Воспоминания» С. Ю. Витте писал: «Министром юстиции был Манухин, человек весьма дельный и умный, прекрасный юрист и, безусловно, порядочный и честный человек. Я не только против него ничего не имел, но очень дорожил, чтобы он был в моем министерстве».

С. Ю. Витте возглавлял Совет Министров полгода. Манухин сумел продержаться в нем лишь два месяца. Для многих это был очень неудобный министр, поэтому вопрос о его отставке витал в

воздухе. Даже Витте не смог его отстоять. Главными недоброжелателями Манухина были Д. Ф. Трепов (вначале петербургский генерал-губернатор и товарищ министра внутренних дел, затем дворцовый комендант) и П. Н. Дурново (министр внутренних дел). С ними он довольно часто расходился во взглядах на происходящие события и не раз отказывал в удовлетворении их незаконных требований по различным вопросам.

Трепов обвинял Манухина в бездействии, при котором «невозможно подавить революцию». Со своей стороны, министр говорил, что вся беда заключается в Трепове и ему подобных, что тот своей «полнейшей политической невоспитанностью и невежеством» спровоцировал события 1904 и 1905 годов, расшатавшие власть. «Пока он будет, — говорил С. С. Манухин, — будут вечные неожиданности».

Говоря о предпосылках отставки министра юстиции, С. Ю. Витте отмечал: «Манухин представляет собою в высшей степени порядочного человека, принципиального государственного деятеля, прекрасного юриста, отлично знающего судебную часть, и несколько доктринерски славянофильского направления. Он был прекрасным министром юстиции, хотя, может быть, тогда смотрящим на практические вопросы теоретически, не считался со временем, которое, конечно, было в высшей степени безалаберно-революционное».

7 ноября 1905 года С. Ю. Витте получил записку от Николая II, в которой сообщалось, что он назначает заседание Совета Министров под своим личным председательством на 9 ноября. По предложению государя заседание должно было начаться с «личного доклада министра юстиции в присутствии Совета».

Заседание открыл сам император. Он сказал, что существуют нарекания на действия юстиции и что ввиду этого он «счел нужным выслушать по этому предмету в присутствии приглашенных министра юстиции». С. С. Манухин, по словам Витте, с «большим достоинством защищал подчиненное ему ведомство, указывая на то, что чины этого ведомства держатся тех оснований, на которых зиждутся новые суды; что за некоторыми исключениями действия судебных чинов совершенно правильны, а в тех случаях, когда действия неправильны, то принимаются меры, законом установленные». Министр напомнил, что новые суды основаны на таких принципах, как гласность, независимость судей, и что «лучше простить несколько виновных, нежели осудить одного невиновного».

Министр внутренних дел Дурново нападал на Манухина, обвиняя судебное ведомство чуть ли не в саботаже. С позицией

Сергея Сергеевича не согласились граф К. И. Пален и некоторые другие сановники. Витте высказался осторожно, в том плане, что в деятельности министерства есть отдельные негативные явления, но что на этом основании было бы ошибочно «подрывать одно из наиболее культурных ведомств в империи».

При первом же личном докладе Николаю II после заседания Совета Министров С. С. Манухин сказал, что после происшедшего он не считает возможным оставаться министром юстиции, так как не может изменить своих взглядов, которые, видимо, не одобряются государем.

Император воспринял это предложение сухо и предложил Манухину сообщить о своей отставке С. Ю. Витте. 16 декабря 1905 года указ об отставке С. С. Манухина был подписан. Он был оставлен в звании Сенатора и назначен, «не особенно охотно», членом Государственного совета.

В апреле 1906 года произошла серьезная реорганизация многих центральных государственных органов. Был преобразован и Государственный совет. С. С. Манухин стал членом 1-го департамента Совета. В 1910 году его избрали председателем комиссии законодательных предположений.

Сергею Сергеевичу Манухину довелось заниматься расследованием обстоятельств одного из наиболее кровавых событий — Ленского расстрела рабочих в 1912 году. О результатах его Манухин представил императору Всеподданнейший доклад и подробный отчет. В нем довольно объективно излагались как обстоятельства забастовки и ее причины, так и последующие события. В докладе подчеркивался «мирный характер общего настроения толпы», шедшей с петицией к прокурору. На докладе С. С. Манухина государь начертал: «Рассмотреть в Совете Министров». Такое обсуждение состоялось 17, 24 и 31 января 1913 года и, по выражению Председателя Совета Министров В. Н. Коковцова, доставило ему «немало хлопот и неприятностей».

После расследования Ленских событий С. С. Манухин вплоть до Октябрьской революции 1917 года продолжал занимать ответственные посты в Государственном совете.

При Советской власти С. С. Манухин работал консультантом наркомата и являлся членом сапропелевого комитета Академии наук. В июне 1921 года он был арестован по обвинению в участии в «Петроградской боевой организации», во главе которой стоял профессор В. Н. Таганцев. Манухин входил в так называемую профессорскую группу, которая, по версии следствия, идейно направляла работу заговорщиков. Осужден 29 августа 1921 года, но вскоре был амнистирован.

С. С. Манухин скончался в 1921 году.

«ПОПУЛЯРНОСТИ НИКОГДА НЕ ИСКАЛ» Генерал-прокурор МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ АКИМОВ

Михаил Григорьевич Акимов родился 8 ноября 1847 года в селе Косеино Петровского уезда Саратовской губернии, в состоятельной дворянской семье. Образование получил в пензенской гимназии, которую окончил с серебряной медалью, а в августе 1864 года поступил на юридический факультет Московского университета. В июне 1869 года он получил степень кандидата прав. Когда настало время подумать о службе, Михаил Акимов остановил свой выбор на прокурорской деятельности. 21 января 1870 года он подал прошение прокурору Московской судебной палаты Г. Н. Мотовилову о зачислении его кандидатом

на судебные должности. На прошении Мотовилов написал: «Представить к назначению». В то время Акимову шел 23 год.

М. Г. Акимов был направлен в Московский окружной суд, где он оставался чуть более года. В марте 1872 года, выслужив чин титулярного советника, он получил новое назначение — товарища прокурора Владимирского окружного суда. В этой должности он пробыл почти три года, а затем в чине коллежского асессора был переведен в Москву. В декабре 1876 года он получил свою первую награду — орден Св. Станислава 3-й степени.

В Московском окружном суде Акимов служил три года, проявив за это время незаурядные способности, исключительное трудолюбие и усидчивость. В начале 1879 года открылась вакансия прокурора Ярославского окружного суда. 32-летний М. Г. Акимов оказался самым достойным кандидатом на эту должность. В своем представлении от 3 февраля 1879 года на имя министра юстиции Д. Н. Набокова прокурор Московской судебной палаты Капнист писал: «Коллежский асессор Акимов, с деятельностью которого я за последнее время познакомился особенно близко, принадлежит, по моему мнению, к числу лучших товарищей прокурора округа Московской судебной палаты. Он состоит на службе около 9 лет, по должности товарища прокурора округа 7 лет, обладает прекрасным образованием и прекрасными способностями». По словам прокурора, Акимов вполне удовлетворял требованиям, предъявляемым к прокурорам окружных судов.

Набоков счел все же необходимым испытать молодого юриста на самостоятельной работе в старых судебных установлениях, то есть в тех губерниях, где еще не действовали Судебные уставы. Так М. Г. Акимов оказался на должности киевского губернского прокурора. Там он прослужил немногим более года, получив чин надворного советника и орден Св. Владимира 4-й степени. Летом 1880 года министр назначил его прокурором Владимирского окружного суда.

К этому времени Михаил Григорьевич женился на дочери тайного советника Деянова, фрейлине двора ее императорского величества Марии Николаевне. В феврале 1879 года у них родилась дочь Надежда.

В 1880-е годы Акимов уверенно поднимался по ступеням служебной иерархии. В 1881 году его назначают товарищем прокурора только что образованной Киевской судебной палаты. Через два года он переводится в Одессу, где меняет кабинет прокурора на судейское кресло, став председателем окружного суда. В 1887 году Акимов занимает аналогичную должность в Пензенской губернии, а затем вновь появляется в Одессе, но уже в

качестве прокурора судебной палаты.

В 1891 году министр юстиции Н. А. Манассеин перевел его в Москву на должность прокурора судебной палаты вместо Н. В. Муравьева, ставшего обер-прокурором Правительствующего сената. В этой должности Акимов прослужил три года. Он всегда лично глубоко вникал во все возникавшие дела, обращая особое внимание на те, которые довольно сильно будоражили общественное мнение.

В 1894 году, с приходом в Министерство юстиции Н. В. Муравьева, Акимова перевели на службу старшим председателем Одесской судебной палаты, а на его место был назначен Н. П. Посников. В Одессе Михаил Григорьевич пробыл до 1899 года, после чего занял должность Сенатора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. На этом посту он сделал целый ряд блестящих докладов по исключительно сложным уголовным делам.

16 декабря 1905 года именным высочайшим указом, данным Государственному совету, тайный советник М. Г. Акимов был утвержден в должности министра юстиции и генерал-прокурора, с оставлением его в звании Сенатора, хотя фактически он вступил в управление министерством юстиции несколько ранее.

Этот пост Акимов занимал всего четыре месяца до ухода в отставку правительства С. Ю. Витте. Назначение его на столь высокую должность в определенной степени было случайным. В другой обстановке, вероятнее всего, ему вряд ли бы удалось взлететь так стремительно. Конечно, он считался хорошим Сенатором, слыл опытным, профессиональным юристом, имел большой практический навык. Но этого могло оказаться недостаточно для занятия поста министра — надо было иметь еще и высоких покровителей. Однако революционная ситуация диктовала свои условия, поэтому правительству приходилось делать тот или иной выбор спешно и часто наобум.

О том, как происходило назначение Акимова, подробно сообщает в своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте. Когда возник вопрос о министре юстиции, председатель Совета Министров Витте спросил императора, кого он хочет назначить вместо С. С. Манухина. Николай II сказал, что ему рекомендуют С. А. Лопухина, бывшего тогда прокурором Киевской судебной палаты. Поскольку Витте лично его не знал, то он попросил разрешения у государя навести о нем справки. После этого Витте имел беседу с профессором уголовного права Н. В. Самофаловым, человеком консервативных взглядов, сторонником жестких мер, но в то же время долго служившим в судебном ведомстве и хорошо знавшим работавших там людей, в том числе и Лопухина. Он сказал, что

Лопухин «весьма почтенный человек, уважаемый в судебном ведомстве и симпатичный барин». Однако затем профессор, не одобрявший либерализма Манухина, добавил, что в должности министра юстиции Лопухин был бы «Манухиным, но только без его авторитетности, серьезных юридических знаний, опытности и громадной трудоспособности».

Далее С. Ю. Витте пишет: «После этого я вместе с ним (Самофаловым. — *Авт.*) обратился к официальной справочной книге, и мы начали искать, кто из Сенаторов пользуется неотъемлемою репутацией правых, которые не могли бы встретить возражений в смысле недостаточной их консервативности, носили бы русские фамилии и прошли бы все должности в судебной карьере, т. е. были бы профессионалы. Самофалов указал мне по списку Сенаторов на трех, удовлетворявших этим условиям: Акимова, Иванова и Щербачева.

На следующий день Витте имел беседу с императором о кандидатуре министра юстиции, отрицательно отозвавшись при этом о Лопухине. Тогда Николай II спросил, кого же он сам предлагает. Сергей Юльевич назвал Акимова, Иванова и Щербачева. На вопрос государя: «А вы их знаете?», председатель Совета Министров ответил, что с Ивановым и Щербачевым совершенно не знаком, а с Акимовым встречался в Киеве, когда последний служил там товарищем прокурора судебной палаты. Император предложил Витте пригласить к нему Акимова, но не говорить последнему о возможном назначении.

Вот как описывает С. Ю. Витте дальнейшие события: «Возвратясь домой, я просил Акимова по телефону приехать ко мне. Когда он приехал, то я его в первый раз увидал после Киева, т. е. после промежутка времени более 20 лет, и передал ему, что государь приказал ему явиться к его величеству тогда-то. Он меня спрашивал, не знаю ли я, для чего государь его вызывает, причем передал, что собирался выйти в отставку и не мог только с министром юстиции уговориться о размере пенсии.

В тот самый день, когда Акимов представился государю, я получил от его величества записку, в которой он писал, что Акимов ему очень понравился и чтобы я представил указ о назначении его министром юстиции».

Приход М. Г. Акимова в Министерство юстиции совпал с активным наступлением царизма на революционное движение. Обстановка в столицах была тяжелая и взрывоопасная. В одном из выступлений в Государственном совете весной 1906 года Акимов говорил: «Правительство после тех беспорядков, которые произошли 18 октября 1905 года, сложило руки и находится в ожидании и в том умилении, которое проявилось во всех

общественных сферах и в народе. Всем нам известно, в чем выражалось это умиление. При полном бездействии правительства стали собираться митинги. Все учебные заведения, под покровительством так называемой интеллигенции, наполнили подростками и рабочими. А о чем они там говорили? Они там оскорбляли царя, того царя, из глубины благороднейшего сердца которого они получили Манифест. Они там говорили о вооружении и, действительно, стали вооружаться… Народ, под предводительством учителей и низшей интеллигенции, действительно шел на погромы, сжигал и грабил чуть ли не целые губернии… Россия была вся истерзана, а революционная печать перечисляла ужасы и с радостью указывала, что правительство бессильно бороться против революционной воли народа, что правительство не может напрячь свои силы и очнуться от спячки».

М. Г. Акимов внес в стены Министерства юстиции «живую струю», он упростил делопроизводство, потребовал излагать бумаги кратко и ясно, без «бюрократических украшений». Главным для него была быстрота исполнения, а не высокий стиль. Он стал резко ломать, по словам Щегловитова, «внедрившуюся в судебную практику привычку возбуждать преследование не столько против революционеров, сколько против чинов полиции, допускавших будто бы превышение власти при прекращении беспорядков». «Слабодушие некоторых судей, занимавшихся вместо отправления правосудия политическою пропагандою, — писал Щегловитов, — потребовало от Михаила Григорьевича самых решительных средств, а именно испрошения высочайших повелений об увольнении их от службы».

Акимов, в угоду правительству, беспощадно преследовал «политические шатания» в судебном ведомстве. Однако он все же считал нужным и заступаться за своих подчиненных в тех случаях, когда они, по его мнению, подвергались несправедливым обвинениям со стороны полиции. В одной из своих резолюций он писал: «Огульное и голословное указание на неблагонадежность прокурорского надзора и неудовлетворительность действий судебной власти не может вызвать никаких распоряжений». В другой раз Акимов написал министру внутренних дел о том, что «случаи доставления неверных сведений о чинах Министерства юстиции уже неоднократно повторялись», и поэтому он просил дать распоряжение «о более осмотрительном отношении чинов Министерства внутренних дел к получаемым ими сведениям о деятельности и направлении лиц судебного ведомства».

Председателя Совета Министров С. Ю. Витте новый министр юстиции вполне устраивал. Он писал о нем: «Должен сказать, что

во все время, пока Акимов был министром юстиции в моем министерстве, он держал себя весьма прилично; проводя в Совете консервативные идеи, он в этом направлении был гораздо сдержаннее и, если так можно выразиться, — законнее, нежели Дурново. Я бы не мог указать ни одного действия Акимова, как министра юстиции, которое шло бы вразрез с тем направлением, которое естественно и логично вытекало из принципов, провозглашенных 17 октября, конечно, толкуемых в консервативном направлении, но без натяжек, «совестливо».

Акимов большую роль сыграл в составлении новых основных государственных законов, утвержденных императором 23 апреля 1906 года. Он был активным сторонником тех, кто доказывал необходимость принятия этих законов до начала работы Государственной думы, так как в противном случае, по его мнению, она могла превратиться в учредительное собрание. Когда при рассмотрении Основных законов в Совете Министров обсуждался вопрос о несменяемости судей, Акимов был среди тех, кто высказался за сменяемость судей и следователей. Большинство же членов Совета Министров допускали сменяемость в виде исключения, по усмотрению императора. Николай II согласился с мнением меньшинства.

М. Г. Акимов был убежденным монархистом и в то же время патриотом, радеющим об Отечестве. Известно, что он очень резко выступил против законопроекта о расширении функций военно-полевых судов, приговоры которых, как правило, заканчивались смертной казнью. Но он не терпел и анархии. Однажды, когда его в шутку спросили, что бы он сделал, будучи председателем Государственной думы, Михаил Григорьевич, смеясь, ответил: «Я бы быстро водворил в ней порядок, но взял бы себе на подмогу нескольких казаков».

По отзывам современников, М. Г. Акимов, хотя и был с виду несколько суровым, обладал удивительным сердцем. Объяснения подчиненных он выслушивал всегда с особенным вниманием и отводил для этих целей значительное время в своей работе. Будучи сам человеком «правдивого слова», он не переносил изворотливости и лжи. Но зато «правдиво и искренне сказанное находило горячий отклик в его душе». Он не боялся бросить в лицо любому вельможе, нарушавшему закон, фразу: «Под суд попадете и поделом будете осуждены».

В апреле 1906 года последовала отставка председателя Совета Министров С. Ю. Витте. Вслед за ним были освобождены почти все министры, в том числе и М. Г. Акимов. Он воспринял свою отставку спокойно. И. Г. Щегловитов писал, что когда он по просьбе И. Л. Горемыкина, назначенного премьер-министром,

сказал Акимову, что должен занять его место, то министр «просиял в лице и трижды перекрестился, сказав: «Слава Богу, с плеч моих снимается тяжелое бремя». После этого добавил: «Мужайтесь, Иван Григорьевич, вы молоды и снесете свою ношу».

23 апреля 1906 года Акимов был назначен членом Государственного совета, а на следующий год стал его председателем и занимал эту должность семь лет.

Скончался Михаил Григорьевич Акимов 9 августа 1914 года.

Новый министр юстиции И. Г. Щегловитов в статье, посвященной памяти М. Г. Акимова и опубликованной в журнале Министерства юстиции, писал: «Смерть его, горячо оплакиваемая не только его родными, но и всеми близко его знавшими, может пройти для нашего общества незамеченною, а его заслуги перед родиной могут остаться неоцененными. Мы все так быстро забываем в житейском водовороте людей и их деяния, что этой же участи может подвергнуться и память о Михаиле Григорьевиче. Ожидать этого приходится тем более, что о сохранении ее наверно не позаботится наша интеллигенция, признающая и прославляющая только тех людей, которые живут ее канонами и мыслями, часто не соответствующими русскому быту. Горе тем, кто расходится с ними! Имена их подвергаются самой жестокой тирании, при жизни нещадно шельмующей их, а после смерти неумолимо вычеркивающей их из списка «достойных сынов» России… В нем всякий видел человека твердой воли, умевшего настоять на своем мнении, бесстрашного и совершенно не смущавшегося тем, что «передовые» люди его осудят. Популярности он никогда не искал, а с общественностью считался постольку, поскольку она соответствовала его вполне определенным взглядам и убеждениям».

«ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАСТИ И БОРЬБЫ»
Генерал-прокурор ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ ЩЕГЛОВИТОВ

Иван Григорьевич Щегловитов происходил из семьи потомственных дворян Черниговской губернии. Он родился 13 февраля 1861 года. В 20 лет, окончив с золотой медалью Императорское училище правоведения и получив свой первый чин — титулярного советника, Иван Щегловитов был определен на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Петербургского окружного суда. Через несколько месяцев молодого чиновника направляют в распоряжение судебного следователя 9-го участка города Санкт-Петербурга. На новом месте Иван Щегловитов освоился быстро, и вскоре ему доверили самостоятельно производить следственные действия. Правда, занимался он этим довольно хлопотным делом недолго. В конце года его перевели кандидатом на судебные должности, но теперь уже в более высокую инстанцию — при прокуроре судебной палаты. Прослужив полгода, он занял весьма приличное место секретаря при прокуроре судебной палаты.

Трудоспособный, усидчивый, умный, хорошо знающий законодательство, особенно уголовное, Иван Григорьевич обратил на себя внимание начальства. Прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты Н. В. Муравьев, строгий и требовательный к

подчиненным, быстро оценил блестящие способности своего сотрудника и старался держать его при себе. Когда Министерству юстиции потребовались толковые исполнители для проверки работы прокуроров и судебных следователей Витебской губернии, Муравьев направил туда в числе других чиновников и И. Г. Щегловитова. Справился Иван Григорьевич со своими обязанностями превосходно.

Спустя два года после начала службы он был произведен в коллежские асессоры, а затем назначен исправляющим должность смотрителя здания Петербургских судебных установлений. В начале февраля 1884 года он вернулся к исполнению своих основных обязанностей — секретаря при прокуроре судебной палаты. Тогда же Н. В. Муравьев представил молодого юриста к награждению орденом Св. Станислава 3-й степени.

Когда Н. В. Муравьев перешел на должность прокурора палаты в Москву, И. Г. Щегловитову была предоставлена первая самостоятельная должность — товарища прокурора Нижегородского окружного суда. В городе на Волге он провел два года, а весной 1887 года возвратился в столицу, где занял место товарища прокурора Петербургского окружного суда.

В этой должности Щегловитов пребывал три года. Ему приходилось выполнять разные поручения — и сложные, требующие кропотливости и смекалки, и попроще. Но на всю жизнь ему запомнилось одно из первых. Как самому молодому товарищу прокурора ему поручили присутствовать на казни «Первомартовцев» — А. И. Ульянова и его товарищей, покушавшихся 1 марта 1887 года на жизнь императора Александра III и приговоренных к повешению. Позднее И. Г. Щегловитов рассказывал сослуживцам, что воспринял это поручение, как «чрезвычайно тяжелое».

Постепенно Щегловитов приобретает опыт работы и повышается в чинах. 4 ноября 1887 года он стал надворным советником. В это время он не только добросовестно выполняет многообразные прокурорские обязанности, но и активно сотрудничает в журналах.

В начале 1890-х годов начинается возвышение И. Г. Щегловитова по ступеням прокурорской иерархии. Он последовательно, но довольно быстро меняет одну должность за другой, каждый раз занимая все более и более ответственные посты в Правительствующем сенате и центральном аппарате Министерства юстиции. В 1890 году Щегловитов состоит за обер-прокурорским столом в 1-м департаменте Правительствующего сената. В следующем году Н. А. Манассеин переводит его в аппарат министерства — заведующим уголовным отделом

законодательного отделения департамента. Благодаря своим личным качествам — исключительной работоспособности, старательности и основательности во всем, за что бы он ни брался, а также блестящим способностям и великолепной теоретической подготовке, И. Г. Щегловитов сумел в 1893 году занять престижное место юрисконсульта в Министерстве юстиции.

В 1894 году Иван Григорьевич был назначен прокурором Петербургского окружного суда, а в следующем году — товарищем прокурора столичной судебной палаты. Здесь он получил чин статского советника и сумел проявить себя не только хорошим организатором работы, но и блестящим судебным оратором. В 1897 году он исполняет обязанности товарища обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, а в следующем году его утвердили в этой должности.

С 1900 по 1903 год И. Г. Щегловитов последовательно занимал должности вице-директора 1-го департамента Министерства юстиции и члена консультации при министерстве и выслужил чин действительного статского советника. Его познания в области уголовного права и судопроизводства были настолько обширны и основательны, что он по праву считался лучшим криминалистом России. Большую организаторскую работу он провел по подготовке конгресса криминалистов в Петербурге в 1902 году. С этой целью побывал в Париже, где внимательно ознакомился с деятельностью центрального союза криминалистов.

Современники отмечали, что в те годы И. Г. Щегловитов «чтил Судебные уставы и возражал против нажима на суд», «не чужд был и свободолюбивых речей2.

6 апреля 1903 года Иван Григорьевич занял высокий пост обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. Ему приходилось давать заключения по самым разнообразным делам, причем их содержательная сторона всегда отличалась высоким профессионализмом, основательностью и глубиной, что отмечал даже такой требовательный юрист, как А. Ф. Кони. Анатолию Федоровичу, например, очень понравилось заключение И. Г. Щегловитова по делу Семенова, в котором обер-прокурор убедительно разъяснил, что в уголовном процессе слова «виновен» и «совершил» — не синонимы.

Будучи обер-прокурором Правительствующего сената, И. Г. Щегловитов выполнил ряд поручений первостепенной важности, чем обратил на себя внимание высочайшего двора. Ему доверили

выполнять прокурорские обязанности в Особом присутствии Правительствующего сената по «Делу о злодеянии, жертвой коего пал великий князь Сергей Александрович». Слушалось дело 5 апреля 1905 года. И. Г. Щегловитов сам поддерживал обвинение. Каляева приговорили к смертной казни через повешение.

Щегловитов одним из первых в России понял всю ценность судебной фотографии для расследования преступлений. Он дал не только научное обоснование судебной фотографии, но и многое сделал для ее практического применения, образовав судебно-фотографическую лабораторию при прокуроре Санкт-Петербургской судебной палаты. С 1903 года Иван Григорьевич, в качестве профессора, стал читать лекции в Императорском училище правоведения по теории и практике уголовного судопроизводства и об основных началах судоустройства. На их основе он впоследствии издал двухтомный «Курс русского судоустройства».

Вскоре после окончания дела Каляева И. Г. Щегловитов вернулся на службу в Министерство юстиции. Высочайшим указом от 22 апреля 1905 года его переводят на должность директора 1-го департамента.

Иван Григорьевич с восторгом воспринял известие о подписании государем манифеста от 17 октября 1905 года и искренне приветствовал начавшееся в России преобразование государственного аппарата, созыв I Государственной думы. Однако его отношения с высшими царскими сановниками складывались непросто. Появились явные недоброжелатели. Из них самый опасный и влиятельный — председатель Совета Министров С. Ю. Витте. Сергей Юльевич настолько невзлюбил Щегловитова, что однажды даже просил министра юстиции С. С. Манухина не приглашать того на заседания Совета Министров. По мнению Витте, новый директор департамента высказывал слишком «трафаретные красные идеи». Поэтому, когда 1 февраля 1906 года новый министр юстиции М. Г. Акимов назначил Ивана Григорьевича своим заместителем, Витте очень удивился и поинтересовался у министра, хорошо ли он знает его. Акимов ответил, что не только хорошо знает Щегловитова, но и ценит его как отличного работника.

В апреле 1906 года С. Ю. Витте был отправлен в отставку. Вслед за ним оставили свои посты почти все министры, в том числе и М. Г. Акимов. Место председателя Совета Министров занял И. Л. Горемыкин. 24 апреля 1906 года министром юстиции и генерал-прокурором в новом правительстве стал И. Г. Щегловитов.

Назначение И. Г. Щегловитова министром вызвало

неоднозначную реакцию. У одних — сдержанную, у других — откровенно враждебную. Вот что писал впоследствии С. Ю. Витте: «Это — самое ужасное назначение из всех назначений министров после моего ухода, в течение этих последних лет и до настоящего времени. Щегловитов, можно сказать, уничтожил суд».

Новый министр юстиции и руководитель органов прокуратуры энергично принялся за вверенное ему дело. Подавление революции 1905 года оставило широкий кровавый след. Правительство принимало все более жесткие меры против любых революционных выступлений, а социалисты-революционеры, со своей стороны, усиливали террор против представителей власти. Новое правительство, как и 1-я Государственная дума, просуществовали лишь до июля 1906 года. Место председателя Совета Министров занял бывший саратовский губернатор, министр внутренних дел П. А. Столыпин. Он приступил к формированию своего правительства. Сразу же встал вопрос о новом министре юстиции и генерал-прокуроре. На эту должность он решил выдвинуть А. Ф. Кони, выдающегося юриста и общественного деятеля, человека безупречной репутации, но тот отказался.

Таким образом И. Г. Щегловитов сохранил за собой пост министра юстиции и генерал-прокурора в правительстве П. А. Столыпина и занимал его девять лет. Императора Николая II он явно устраивал. А. Ф. Кони вспоминал, как П. А. Столыпин в разговоре с ним упомянул, что государь «чрезвычайно хвалил Щегловитова, бывшего у него в тот день с докладом, и ссылался на то, что Щегловитов ему нравится легкостью, вразумительностью и точностью своего доклада, так что ему очень не хотелось бы расставаться с этим министром».

Первое время И. Г. Щегловитов еще продолжал высказываться за проведение демократических преобразований. Однако в середине 1906 года он уже «круто повернул вправо». Именно тогда появились военно-полевые суды. Конечно, идея их создания не принадлежала Щегловитову. Более того, он даже противился их созданию. Теперь на дознание, предварительное следствие, судебную процедуру и приведение приговора в исполнение отводилось всего двое суток. Такой «скорострельности» российская юстиция еще не знала. Военному министру А. Ф. Редигеру Николай II так обосновал свою волю: «Быстрое исполнение наказания будет больше устрашать».

Российские террористы вскоре дали свой ответ на решение о введении военно-полевых судов. В 1906–1908 годах они организовали настоящую охоту на высших должностных лиц империи и, в частности, на тех, кто служил в военном ведомстве

или в системе Министерства юстиции. Особенно ощутимый урон понесло главное тюремное управление. Готовилось покушение и на И. Г. Щегловитова.

Щегловитовская юстиция самым печальным образом отразилась на деятельности суда. Никогда еще со времени введения Судебных уставов 1864 года судебные установления не падали так низко в общественном мнении. Сколько-нибудь демократически настроенные современники были единодушны в своих оценках — суд фактически уничтожен. И. В. Гессен, например, отмечал, что при Щегловитове «вплоть до Сената судебные учреждения насквозь пропитались угодливостью, разлагающей все устои правосудия». И еще одно его высказывание: «Суд превращен в капище беззакония».

Так же резко отзывался о суде и судебной политике Щегловитова бывший председатель Совета Министров С. Ю. Витте. Он писал: «Хорош наш Ванька Каин! (так Витте часто называл Щегловитова. — *Авт.*) Я читал последний всеподданнейший доклад, в котором он хвастает, что без отмены судебной несменяемости сумел заставить суд, как он говорит, служить требованиям и интересам государственности».

В то же время министр юстиции и генерал-прокурор И. Г. Щегловитов пользовался абсолютным доверием императора и это помогало ему удерживать свое кресло долгое время. Государь не забывал осыпать его и своими милостями. 1 января 1907 года он назначил Щегловитова членом Государственного совета и присутствующим в Сенате, с оставлением в должности министра. Затем Иван Григорьевич получил чин тайного советника; в марте 1911 года в день празднования 200-летия Правительствующего сената, ему было пожаловано высокое звание статс-секретаря, а через год он был награжден орденом Белого Орла. 20 ноября 1914 года Щегловитов стал действительным тайным советником, а в апреле 1915 года ему вручена светло-бронзовая медаль за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации, для ношения на груди на ленте Белого Орла.

К 1915 году И. Г. Щегловитов стал заметно тяготиться своими обязанностями по руководству Министерством юстиции. К тому же на него и ряд других министров с ярко выраженным правым уклоном продолжались резкие нападки со стороны думских фракций. Чтобы как-то успокоить общественное мнение, император Николай II в 1915 году отправил в отставку военного министра Сухомлинова, министра внутренних дел Маклакова, обер-прокурора Святейшего Синода Саблера и министра юстиции Щегловитова. Все они в общественном сознании «слыли безнадежными реакционерами».

В Государственном совете, членом которого остался Щегловитов, его избрали заместителем председателя правой фракции. Привыкший к диктаторским замашкам, которые приобрел за время пребывания в министерском кресле, он, конечно, не был удовлетворен доставшейся ему второстепенной ролью в совете и не оставлял тщеславных намерений снова взойти на политический Олимп. И его ожидания оправдались. 24 декабря И. Г. Щегловитов был неожиданно приглашен к императору. После обычного приветствия Николай II сразу же заявил: «Я вас вызвал для того, чтобы вам предложить должность председателя Государственного совета". Бывший генерал-прокурор, по его словам, поблагодарил императора и сказал, что он польщен «милостивым вниманием» государя, но чувствует, что ему трудно занять этот пост, так как он принадлежит к правой группе, которая не пользуется симпатиями в Государственном совете. На это император ответил, что его выбор является окончательным. В конце беседы Николай II сказал: «Вы хорошо знаете деятельность Акимова, — он вас очень ценил, — и мое желание в том, чтобы вы следовали тому направлению, которого тот держался».

Указ о назначении И. Г. Щегловитова председателем Государственного совета был опубликован 1 января 1917 года. В тот же день высочайшей грамотой он был удостоен ордена Св. Александра Невского.

Февральская революция застала Щегловитова врасплох. Его арестовали одним из первых. Для проведения следствия над бывшими высшими должностными лицами царской империи правительство образовало Чрезвычайную следственную комиссию. Подготовку к допросу И. Г. Щегловитова возложили в комиссии на товарища председателя С. В. Завадского, бывшего одно время прокурором судебной палаты, а затем Сенатором гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. Члены комиссии допрашивали Щегловитова неоднократно; особенно подробно — 24 и 26 апреля 1917 года. По словам Завадского, во время допроса бывший министр юстиции смотрел на него с «кротким упреком».

Первое обвинение И. Г. Щегловитову было предъявлено следователем В. В. Соколовым 3 июня 1917 года по статье 362 Уложения о наказаниях (преступление по должности). Затем ему предъявляли обвинения 27 и 28 июня, 3 августа, 12 и 13 сентября 1917 года. Он обвинялся, например, в том, что допустил фальсификацию по делу Бейлиса, умышленно искажал по некоторым делам факты во всеподданнейших докладах императору, что незаконно увольнял и перемещал лиц судебного

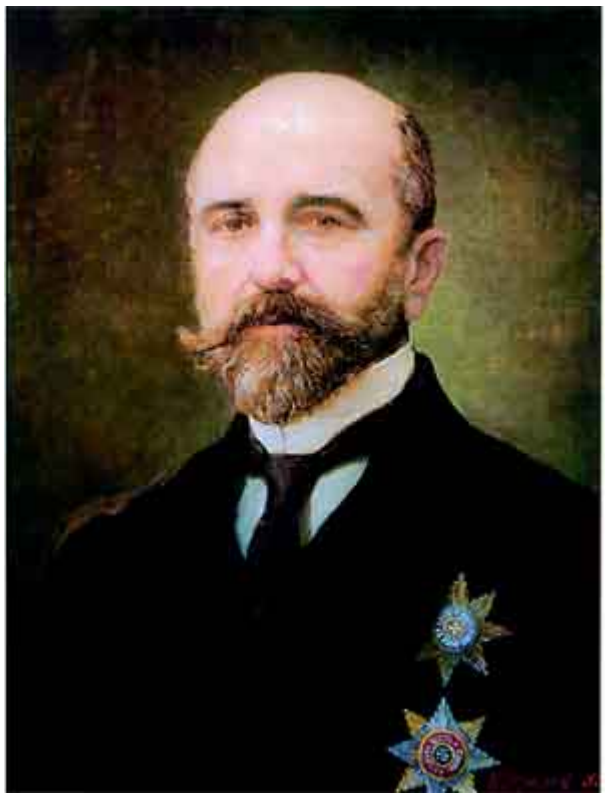
ведомства и совершал другие преступления по должности. Щегловитов активно защищался. Не отрицая некоторых фактических обстоятельств, он тем не менее не признавал себя виновным. После ареста И. Г. Щегловитов содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

После Октябрьской революции Чрезвычайная следственная комиссия, так и не завершив своей работы, была закрыта. Большинство высших царских сановников, в их числе и И. Г. Щегловитов, остались в заключении в Петропавловской крепости. В конце марта 1918 года Ивана Григорьевича перевезли в Москву и поместили в Бутырскую тюрьму. В июне 1918 года дело Щегловитова приняли к своему производству члены следственной комиссии Революционного трибунала при ВЦИК Розмирович и Цейкель. И. Г. Щегловитову вменялись в вину различные деяния почти в полтора десятка пунктов. В частности, большевики обвиняли его в том, что он усилил степень уголовной репрессии по политическим делам; содействовал введению военно-полевых судов после разгона 1-й Государственной думы и попустительствовал, после их упразднения, передаче военно-окружным суда м дел о политических преступлениях; неуклонно требовал, путем прямого давления и циркулярных предложений, от чинов своего ведомства вынесения обвинительных приговоров, «видя в этом одно из наиболее сильных средств борьбы с революционным движением», угрожая лицам, выносившим мягкие и оправдательные приговоры, репрессиями до увольнения со службы включительно; не останавливался в борьбе с революционными партиями и освободительным движением перед созданием искусственных и инсценированных процессов и т. п.

5 сентября 1918 года И. Г. Щегловитов в числе некоторых других высших царских сановников был расстрелян.

Иван Григорьевич был женат трижды. Первая его жена, княжна Оболенская, умерла рано. От этого брака у него был сын Константин, родившийся в 1884 году. Вторично он женился на дочери действительного статского советника Детерихса, Елене Константиновне. В 1895 году у них родилась дочь Анна. Третьей супругой И. Г. Щегловитова стала вдова статс-секретаря С. А. Тецнера, Мария Федоровна, женщина «большого ума», «привыкшая иметь успех у мужчин». Она ненадолго пережила супруга и умерла в одиночестве и нужде.

«ДЛЯ СЕБЯ НИЧЕГО НЕ ИСКАЛ» Генерал-прокурор АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ХВОСТОВ



Александр Алексеевич Хвостов родился 8 января 1857 года в семье потомственного дворянина Орловской губернии. Он получил образование в престижном учебном заведении — Императорском Александровском (бывшем Царскосельском) лицее. В 1878 году Александр Хвостов поступил служить в Государственную канцелярию, а на следующий год стал кандидатом на должности по судебному ведомству при прокуроре Саратовского окружного суда. Первое время он выполнял обязанности секретаря при прокуроре, а затем в бригаде Сенатора Шамшина участвовал в «обозрении» Самарской и Саратовской губерний, за что удостоился монаршего «благоволения». Спустя три года А. А. Хвостов уже исправлял должность товарища прокурора суда, а в 1884 году был утвержден в этой должности. Вскоре его причислили к Министерству государственных имуществ, где он недолго был чиновником особых поручений при

Прибалтийском управлении.

В 1885 году министр юстиции Д. Н. Набоков перевел способного юриста в центральный аппарат своего ведомства на должность редактора департамента. Здесь А. А. Хвостов пробыл довольно долго — почти четыре года и получил свою первую награду — орден Св. Владимира 4-й степени, а затем новый министр Н. А. Манассеин назначил его управляющим законодательным отделением. Приобретя большой практический опыт аппаратной службы, хорошо изучив действующее законодательство, Александр Хвостов сумел занять престижное место юрисконсульта. Когда во главе Министерства юстиции встал Н. В. Муравьев, Александр Алексеевич перешел на службу в Министерство внутренних дел, где занял должность правителя канцелярии министра. Министром тогда был И. Л. Горемыкин, с которым у А. А. Хвостова были давние дружеские отношения. При его преемнике Д. С. Сипягине он занял вначале пост чиновника особых поручений, а затем — директора хозяйственного департамента.

К этому времени к его наградам прибавились новые: ордена Св. Станислава 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 3-й степени и иностранные — Командорский крест Почетного Легиона и Австрийский орден Франца-Иосифа Командорского креста 2-й степени. Он много и плодотворно работал в различных комиссиях. В 1901 году А. А. Хвостов вернулся в лоно Министерства юстиции, где Муравьев предложил ему должность директора 1-го департамента. Он сменил С. С. Манухина, переведенного товарищем министра юстиции. Александр Алексеевич уже имел чин действительного статского советника, а вскоре он стал и тайным советником.

В начале 1905 года произошла смена министров юстиции. Муравьев получил давно вожделенное место Чрезвычайного и полномочного посла при Его Величестве короле Италии, а в его кресло 21 января сел Сергей Сергеевич Манухин. В тот же день последовал именной высочайший указ Правительствующему Сенату: «Директору Первого департамента, тайному советнику Хвостову Всемилостивейше повелеваем быть товарищем министра юстиции».

В конце 1905 года Александр Алексеевич, оставаясь в должности товарища министра, был пожалован в Сенаторы. В следующем году он получил очередную награду — орден Св. Владимира 2-й степени. Вскоре ему была объявлена высочайшая благодарность за труды, осуществленные в качестве члена Особого совещания по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений.

Товарищем министра юстиции он оставался и при А. Г. Акимове. В правительственных кругах А. А. Хвостов слыл человеком независимым и «убежденным законником». Не вполне сходясь во взглядах со своими шефами (С. С. Манухиным и А. Г. Акимовым), он, как писали тогда в одной из газет, «являл собою золотую середину, не вдаваясь резко ни вправо, ни влево, считая, что закон должен быть твердым и равным для всех, пока этот закон не изменен и действителен».

С назначением министром юстиции И. Г. Щегловитова, Александр Алексеевич оставил свою должность и стал лишь присутствовать в Правительствующем сенате. Сенатором он оставался почти шесть лет, получив в 1910 году орден Белого Орла. 1 января 1912 года А. А. Хвостов был назначен членом Государственного совета.

В область большой политики А. А. Хвостов вступил во время Первой мировой войны, в период так называемого министерского государства. Он был назначен министром юстиции и генерал-прокурором 6 июля 1915 года. Сам Хвостов так рассказывал об этом: «Я жил в деревне, когда получил из Вильно от возвращавшегося из Ставки И. Л. Горемыкина телеграмму с просьбой приехать в Петербург. Из телеграммы я понял, что меня желают экстренно привлечь в ряды, так сказать, действующей армии, и, думая, что Горемыкин хочет это сделать исключительно по своей инициативе, поехал в Петербург с определенной целью отказаться. По приезде я видел Горемыкина, предложившего мне, как единственному, по его словам, кандидату государя, пост министра юстиции. Считая себя обязанным исполнить высочайшую волю, я хотя и доложил государю, что болен, но сказал, что опасности в том, что через две недели принужден буду выбыть из строя — нет, и государю угодно было меня назначить министром юстиции. Чем была вызвана отставка моего предместника — я не знаю. Почему государь остановился на мне — думаю, что по представлению И. Л. Горемыкина, с которым я знаком еще со времен ревизии Сенатором Шамшиным Самарской и Саратовской губерний».

Во время войны, как отмечали современники, все правительственные перемещения все более и более приобретали «характер какой-то безумной министерской чехарды». Люди, приличные, дельные и честные удерживались на высоких постах недолго, а их места, как правило, занимали лица бездарные, беспринципные, а то и вовсе зловещие. В. Д. Набоков писал по этому поводу: «Чувствовалось дыхание безумия и смерти… Царь с самого начала войны и до катастрофы, постигшей его в первые дни марта 1917 года, абсолютно не отдавал себе отчета в роковом

значении развертывающихся событий. Те, кто пережил в Петербурге зимы 1915–1916 годов, хорошо помнят, как с каждым днем нарастало сознание какой-то неизбежной катастрофы».

В такой обстановке назначение А. А. Хвостова министром юстиции с полным основанием можно отнести к наиболее удачным. После И. Г. Щегловитова, серьезно дискредитировавшего органы юстиции, во главе судебных и прокурорских учреждений встал человек, хотя и примыкавший к правому крылу и убежденный монархист, но в то же время уважительно относящийся к закону, честный, в меру скромный и принципиальный. В отличие от своего предшественника, он внимательно «присматривался и прислушивался» к подчиненным, чтил судебную независимость, не препятствовал проведению выборов членов суда, не делал незаконных перемещений судебных и прокурорских чинов.

Товарищ министра юстиции А. Демьянов писал о нем: «А. А. Хвостов — типичный бюрократ, но тоже из честных. Школу бюрократическую он прошел блестящую. Как умный и честный человек, он хорошо понимал, что юстиция на щегловитовском лакейском режиме держаться не может; то есть авторитет ее должен падать, не говоря уже о том, что и само дело юстиции не могло идти нормальным путем».

А. А. Хвостов сразу же предпринял попытки «почистить ведомство». Он начал приглашать в министерство порядочных людей, на преданность которых вполне мог бы рассчитывать. Он пробыл на посту министра юстиции и генерал-прокурора всего один год. Безусловно, он не сделал многого из того, на что был способен. И все же успел разрешить целый ряд проблем и устранить некоторые серьезные перегибы и разрушения, произведенные его предшественником. Одно из таких дел — рассмотрение вопроса о допущении в адвокатуру так называемых инородцев.

Деятельность А. А. Хвостова приходилась на военное время, отсюда многие циркуляры и распоряжения министра, его законопроекты касались именно этих обстоятельств. Война не обошла стороной и судебных работников. Многие из тех, кто покинул местности, занятые неприятелем, остались не у дел. Чтобы хоть как-то облегчить их положение, Хвостов внес в Совет Министров проект закона «о командировании эвакуированных должностных лиц судебного ведомства для усиления канцелярий Правительствующего сената и Министерства юстиции и установления военного и морского ведомств, в качестве юрисконсультов при заключении договоров по подрядам и поставках для нужд обороны».

При обсуждении в Совете Министров наиболее важных государственных вопросов А. А. Хвостов часто занимал принципиальную и твердую позицию. При этом он не отличался многословием и обычно не вступал в длительные дискуссии, а высказывал свое мнение ясно и достаточно кратко. В трудных случаях, когда нужно было встать на ту или иную точку зрения, откровенно признавался в своих сомнениях.

1916 год по праву можно назвать юбилейным. В этот год отмечалось 50-летие Петроградского и Московского судебных установлений, мировых судов и присяжной адвокатуры. Торжества начались 17 апреля в Петрограде. Здание суда в день 50-летия введения Судебных уставов в столице приняло торжественный вид. Всюду были разостланы ковры и ковровые дорожки, отремонтированы некоторые помещения, приведена в порядок и отреставрирована мебель. В два часа дня в суд прибыли А. А. Хвостов, член Государственного совета Н. Н. Шрейбер, Сенатор А. Ф. Кони и другие высшие чины государственных и судебных органов.

Через неделю, 23 апреля, 50-летний юбилей отмечали и Московские судебные установления. После молебствия, в Кремле, в Екатерининском зале, в присутствии А. А. Хвостова и многочисленных высоких гостей состоялось торжественное заседание. В нем приняли участие прокуроры, судьи, ученые-юристы, Сенаторы, представители общественности и духовенства. Присутствовали, в частности, Сенатор Карпович, товарищи министра юстиции Степанов и Чаплин, прокурор Московской судебной палаты Чебышев, старший председатель этой палаты Линк, директор межевого института Герман, директор Московского архива, профессор Цветаев, епископ можайский Дмитрий и многие другие.

17 мая 1916 года свой полувековой юбилей отмечали Московские и Петроградские мировые судебные учреждения. В Москве, в Чудовом монастыре, была отслужена панихида по творцу Судебных уставов императору Александру II. После молебствия, в Московской городской думе состоялось торжественное заседание. Его открыл председатель съезда мировых судей В. Н. Кадышев. Выступивший на заседании московский городской голова М. В. Челноков с особой теплотой отозвался о ветеранах судебного ведомства, старейшим из которых был секретарь мирового съезда А. Т. Савельев, прослуживший в этой должности 50 лет. После заседания состоялось чествование ветерана. А. Т. Савельеву был поднесен написанный маслом его портрет, который, с разрешения съезда мировых судей, поместили в зале заседаний уголовного

отделения.

В Петрограде на торжества, посвященные юбилею мирового суда, прибыл генерал-прокурор А. А. Хвостов со своими заместителями и другими высшими чинами Министерства юстиции, а также Сенатор А. Ф. Кони, помощник городского головы Д. И. Демкин, председатель Петроградского совета присяжных поверенных Н. П. Карабчевский, представители прокуратуры, магистратуры и адвокатуры столицы.

А. А. Хвостов на посту министра юстиции и генерал-прокурора был для правительства очень неудобной и несговорчивой фигурой, что, в конце концов, стоило ему места. Он не шел на поводу всесильных фаворитов и временщиков, особенно если это касалось привлечения кого-либо к уголовной ответственности, укомплектования кадров судебных и прокурорских органов и т. п. Он умел смело отстаивать свою точку зрения даже перед Николаем II, причем делал это всегда тактично, не уязвляя самолюбия государя.

Известно, что Г. Распутин довольно бесцеремонно обращался со многими министрами. Конечно, пользуясь безграничным доверием императорской четы этот старец мог помыкать кем угодно, но только не Хвостовым. Александр Алексеевич признавался, что отношение его к Распутину было «заведомо отрицательное». Хвостов считал распутинский вопрос «прескверне́йшим», подрывающим авторитет верховной власти, с которой он, как истинный монархист, связывал благополучие России. И когда было нужно, он давал ему решительный отпор.

Однажды некая ялуторовская жительница Копошинская, женщина очень красивая, решила перевести своего мужа, нотариуса, в Москву. Она стала обивать пороги судебных ведомств. Но председатель Московской судебной палаты Линк и председатель окружного суда Иванов, от которых зависело назначение, ей в этом переводе отказали. Тогда она нашла путь к сердцу своего земляка, Распутина. Тот написал, как это всегда обычно делал, «цедульку» Хвостову, в которой излагал свою просьбу перевести нотариуса, так как «такой женщине надобно жить не в Ялуторовске, а в Москве». Письмо не возымело на Хвостова никакого действия. Тогда Распутин позвонил в министерство и через курьера спросил, когда Хвостов может его принять. Генерал-прокурор приказал ответить, что приемный день у него четверг. Когда же Распутин (снова через курьера) поинтересовался, может ли он дать ему особый прием вечером, А. А. Хвостов сказал, что лиц, ему незнакомых, он вечером у себя не принимает. В четверг же Распутин может явиться на прием, как и всякий другой человек.

В приемный день старец явился. С. В. Завадский рассказывал эту историю так: «Егермейстер Малама, заведывавший приемом в министерстве, немедленно бросился в кабинет министра и сообщил о приезде временщика. Ответ был: приму в порядке очереди. Распутин заявил, что ждать ему некогда и уехал. Прием уже кончался, когда он счел за благо вновь прибыть. Министр принял его стоя, не предложил сесть и не подал руки. На просьбу Распутина последовало разъяснение, что назначение нотариусов не касается министра. Распутин прибег к запугиванию, почтительно-смиренным тоном он сказал, что в жене нотариуса принимает живое участие императрица. Получив опять отказ, он поклонился в пояс с вопросом: «Так и передать государыне?» Хвостов заявил, что между ним и царицею посредники не нужны. Распутин ушел со словами: «Спаси вас Господь». Было видно, что такого отпора он не ждал и растерялся от своей неудачи».

А. А. Хвостов был исключительно честным, правдивым и прямым человеком. Когда дело касалось службы или государственных интересов, он не считался даже с родственными чувствами. Характерен такой случай. В сентябре 1915 года министр внутренних дел князь Н. Б. Щербатов был отправлен в отставку. Встал вопрос о его преемнике. Выбор государя пал на Алексея Николаевича Хвостова, бывшего ранее вологодским и нижегородским губернатором и избранного в Государственную думу. Он приходился племянником генерал-прокурору А. А. Хвостову. Председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин сказал императору, что неплохо было бы спросить мнение на этот счет у А. А. Хвостова. Государь согласился. Горемыкин счел нужным сообщить об этом разговоре министру юстиции, чтобы вызов в Царское Село не был для него неожиданным.

Вскоре после этого разговора последовало приглашение Хвостова на высочайшую аудиенцию.

Вот что рассказывал об этом сам А. А. Хвостов: «Я немедленно отправился в Царское. Государь меня принял и сказал: «Вам говорил что-нибудь И. Л. Горемыкин о моем предположении назначить А. Н. Хвостова министром внутренних дел? Я хотел бы знать ваше мнение об этом». Я высказал свое совершенно отрицательное мнение. Сказал, что этот человек безусловно несведущий в этом деле, человек и по характеру совершенно неподходящий, что никакой пользы я от этого не ожидаю, а в иных отношениях ожидаю даже вред. Что человек этот весьма неглупый, но не умеющий критиковать свои собственные побуждения и мысли, а такого человека я не считаю достаточно разумным, чтобы занять столь важный пост. Потом говорил, что человек этот не чужд интриг и что я полагаю, он не

ограничится этим, столь для него желанным возвышением, а по всей вероятности будет стремиться к дальнейшему возвышению, будет стремиться стать председателем Совета Министров и, во всяком случае, вся служебная деятельность его на посту министра будет посвящена не делу, а чуждым делу соображениям. Государь очень благодарил меня за откровенное мнение. Причем я просил государя помнить, что нахожусь с А. Н. Хвостовым в родстве, и если будет ему известно от государя такое мнение, то едва ли ему будет приятно».

Карьера А. А. Хвостова как министра юстиции и генерал-прокурора закончилась 7 июля 1916 года, когда он неожиданно был назначен министром внутренних дел вместо Б. В. Штюрмера, получившего пост министра иностранных дел (с оставлением в должности председателя Совета Министров).

Незадолго до отставки, а именно 30 июня, когда Хвостов докладывал императору текущие дела (в их числе и Сухомлинова) и, видя, что вокруг него усиленно плетутся интриги, с целью, как он сам выразился, «выкинуть из министерства юстиции вследствие упорства по некоторым делам», он, прежде чем дать на подпись государю документы о замещении ряда важных должностей в министерстве и Сенате, спросил Николая II, может ли считать свое положение «вполне прочным». На это император сказал: «Почему вам это пришло в голову? Конечно, прочно, дайте я подпишу».

После этого Хвостов отбыл в кратковременный отпуск. Спустя неделю, председатель Совета Министров Штюрмер неожиданно вызвал Александра Алексеевича из отпуска. Он сказал министру юстиции, что уходит из министерства внутренних дел, а его порекомендовал на свое место. А. А. Хвостов, по его словам до того рассердился, что воскликнул: «Как же вы посмели поднести мне такую пакость, не сказав ни одного слова?» Он сказал Штюрмеру, что это сделано только с одной целью — выжить его из правительства, чего тот и достиг, так как принимать этот пост не намерен. Б. В. Штюрмер в ответ только и смог проговорить, что государь, дескать, будет огорчен отказом.

«В тот же вечер, — рассказывал позднее Хвостов, — я написал Его Величеству, что зная бесконечную милость государя даже по отношению к лицам, впавшим в преступления, я умоляю Его Величество сжалиться надо мной, оказать мне этот знак милосердия и не налагать бремени выше моих сил и способностей. При этом я докладывал государю, что не имею никакой уверенности в том, что смогу оправдать его доверие на этом посту. В ответ я получил милостивое письмо государя, где было указано, что государь понимает это в смысле особой

скромности…» 10 июля 1916 года А. А. Хвостов вступил в управление Министерством внутренних дел и перебрался с Итальянской улицы, где располагалось Министерство юстиции, к Цепному мосту. Министром внутренних дел Александр Алексеевич пробыл всего два месяца.

После отставки А. А. Хвостов продолжал исполнять обязанности Сенатора и члена Государственного совета. Высочайшей грамотой от 1 января 1917 года он был произведен в действительные тайные советники. Это была последняя награда императора, которую Хвостов получил за свою 40-летнюю деятельность.

После Февральской революции А. А. Хвостов проживал в своем имении в Воронцовской волости Елецкого уезда. Наряду с другими министрами и высшими должностными лицами царского правительства он был подвергнут усиленным допросам в Чрезвычайной следственной комиссии, но под стражу взят не был.

Когда свершилась Октябрьская революция, А. А. Хвостов счастливо избежал участи многих высших сановников империи, казненных по приговорам революционных трибуналов. Он был выслан в провинциальный городок Елец Орловской губернии, где и провел свои последние годы. В Елецком уезде семья Хвостовых издавна чтилась как исконно-русская и до революции пользовалась большим уважением у местных жителей. Там, по свидетельству дочери А. А. Хвостова, он писал записки о своей жизни. В августе 1922 года Александр Алексеевич тяжело заболел. Вот как описывает его последние дни дочь, Татьяна Александровна: «Умирал он как истинный христианин. Обновленческое движение было им ясно понято и перед смертью он просил нас не уклоняться от православия. Причащался он уже ежедневно, всегда с обильными слезами, и, несмотря на тяжелую болезнь, прочитывал все правильно полностью. Всю жизнь с самого раннего детства он не пропустил ни одного дня, чтобы не прочитать Св. Евангелия. Перед кончиной, за два дня, в самый момент удара колокола ко всенощной под Введение во Храм Царицы Небесной, лицо его просияло и он не отрываясь смотрел перед собой. «Папочка, ты что-нибудь видишь?» — спросила его моя сестра. Он кивнул головой… «Божью Матерь?» — опять спросила сестра. «Да, может быть, Она», — ответил он и с этой минуты до самой кончины не произнес ни одного слова. Он скончался 23 ноября в день своего Ангела — Александра Невского».

О личной жизни А. А. Хвостова известно не многое. Он был женат на Анастасии Владимировне Коваленской. От брака имел

четверых детей.

«ЧЕЛОВЕК ТВЕРДЫХ УБЕЖДЕНИЙ» Генерал-прокурор АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАКАРОВ

Александр Александрович Макаров родился 7 июля 1857 года в купеческой семье. После окончания гимназии он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, а по завершении обучения, в ноябре 1878 года, начал службу в качестве кандидата на должности по судебному ведомству при председателе Санкт-Петербургского окружного суда А. А. Кузьминском. Первое время он подвизался в канцелярии 2-го уголовного отделения, а затем был переведен в 3-е отделение «для защиты подсудимых». Через год Макаров уже помогал судебному следователю 2-го участка Царскосельского уезда. Тогда же он получил свой первый гражданский чин коллежского секретаря.

В январе 1880 года молодому юристу доверили самостоятельно производить следственные действия, чем он и стал заниматься уже в 7-м следственном участке Санкт-Петербурга, где, впрочем, задержался ненадолго. В течение последующих четырех лет Александр Макаров исправлял секретарские обязанности в канцелярии председателя окружного суда и в 1-м уголовном отделении. В конце октября 1882 года его направили в распоряжение председателя департамента Санкт-Петербургской судебной палаты, А. Ф. Кони, на время образования делопроизводства в Новгородском окружном суде. За две недели работы с выдающимся юристом А. А. Макаров успел многому научиться.

В 1884 году 27-летний Макаров получает свою первую самостоятельную должность — Городская дума избирает его

«добавочным» мировым судьей по городу Санкт-Петербургу. В следующем году его назначают членом окружного суда. В 1887 году указом Правительствующего сената А. А. Макарова утверждают в должности санкт-петербургского почетного мирового судьи. В этом звании он прослужил два года, а в январе следующего был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.

После основательной ревизии Прибалтийского края только что назначенный министром юстиции и генерал-прокурором Н. А. Манассеин, с одобрения императора Александра II, начал проведение там судебной реформы. Для этого потребовались квалифицированные кадры прокурорских и судебных работников. Среди кандидатов на руководящие должности в Прибалтике был и А. А. Макаров. 32-летний юрист в октябре 1889 года стал первым прокурором Ревельского окружного суда. В этой должности он прослужил почти пять лет, зарекомендовав себя хорошим профессионалом, строгим, но внимательным руководителем. Здесь он достиг чина коллежского советника и получил очередной орден — Св. Анны 2-й степени.

В апреле 1894 года Александр Александрович возглавил прокуратуру Нижегородского окружного суда, где и выслужил чин статского советника. В начале 1897 года Макаров стал прокурором Московского окружного суда. Дел у московского прокурора было много: контроль за товарищами прокуроров и судебными следователями, участие во всевозможных комиссиях и заседаниях, прием посетителей и масса других. Прокуратура тогда вела наступательную борьбу с преступностью, много внимания уделяла разоблачению расхитителей и растратчиков.

В Москве А. А. Макаров оставался около двух лет. 24 мая 1899 года в чине действительного статского советника он был переведен в Киев на должность председателя окружного суда, прокурором которого был талантливый юрист С. Н. Цемш. На место Макарова в Москве заступил А. В. Степанов.

В новой должности А. А. Макаров служил до 14 марта 1901 года, удостоившись за свою деятельность ордена Св. Владимира 3-й степени, а затем вновь перешел в прокуратуру. Он стал прокурором Саратовской судебной палаты. Здесь ему пришлось работать вместе с губернатором Петром Аркадьевичем Столыпиным.

7 апреля 1906 года А. А. Макаров в качестве старшего председателя возглавил Харьковскую судебную палату, но пробыл на этой ответственной должности только полтора месяца. Назначенный в правительстве И. Л. Горемыкина министром внутренних дел П. А. Столыпин, успевший за время совместной работы в Саратове по достоинству оценить деловые качества

Макарова, в мае 1906 года пригласил Александра Александровича к себе заместителем. В восхождении А. А. Макарова по ступеням служебной иерархии начался следующий, более ответственный период.

Назначение Макарова товарищем министра внутренних дел совпало, с одной стороны, с усилением террористической деятельности социалистов-революционеров, а с другой — с введением военно-полевых судов и наступлением царизма на революционное движение. Ему достался самый боевой участок. Как заместитель министра он курировал департаменты полиции и духовных дел иностранных исповеданий, а также состоящий при министерстве техническо-строительный комитет.

С. Ю. Витте считал серьезной ошибкой назначение на эти посты П. А. Столыпина и А. А. Макарова. Он писал, что со времени вступления Столыпина на пост министра «последовала полная дезорганизация полиции». В это время работа полиции строилась в основном на провокациях. «Вся полиция в такое трудное время очутилась в руках лиц, совершенно незнакомых с тем делом, которым они должны были заниматься», — писал Витте.

А. А. Макарову как бывшему прокурору было довольно сложно срабатываться со своими подчиненными. На многие вопросы он смотрел с точки зрения законности, а это не всем нравилось. Обладая неплохими ораторскими способностями, Макаров часто поднимался на думскую трибуну, чтобы отстоять тот или иной законопроект, разработанный министерством внутренних дел, ответить на запросы депутатов, дать справку по расследуемым уголовным делам или разъяснения по сложным вопросам внутренней жизни империи. По словам В. Н. Коковцова, сменившего на посту председателя Совета Министров Столыпина, выступления Макарова в Государственной думе, причем по делам «крайне щекотливого свойства, отличались всегда большим тактом, эрудицией и определенностью и снискали ему то уважение, без которого участие в работе законодательных учреждений для представителя правительственной власти просто невозможно».

Товарищем министра внутренних дел А. А. Макаров служил до января 1909 года, получив чин тайного советника и одновременно став Сенатором. 1 января 1909 года он был назначен Государственным секретарем, что для него было «весьма неприятно». 17 января 1909 года А. А. Макаров, без освобождения от своих основных обязанностей, был утвержден членом Алекссеевского главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войне с Японией. За служебное рвение он был

удостоен новых наград: ордена Св. Владимира 2-й степени, золотого нагрудного знака в память столетнего юбилея Государственной канцелярии и, как жест особой милости, — ему был пожалован фотографический снимок Их Императорских Величеств вместе с наследником.

В сентябре 1911 года от руки террориста погиб председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин. Император Николай II перед своим отъездом из Киева предложил пост председателя Совета Министров Владимиру Николаевичу Коковцову. Министром внутренних дел стал А. А. Макаров. С января 1912 года он одновременно являлся и членом Государственного совета.

В первых числах апреля произошло трагическое событие на приисках Ленского золотопромышленного товарищества — колонна рабочих организованно направилась к администрации, чтобы вручить прошение прокурору, но была расстреляна. Ленская трагедия всколыхнула всю страну. В Петербурге началась стачка протеста, которая затем перекинулась и на другие губернии.

6 апреля Макаров, находившийся на отдыхе, получил срочную телеграмму об этом событии от своего заместителя И. М. Золотарева и немедленно выехал в Петербург. Он прибыл в столицу 9 апреля, когда страсти кипели вовсю. Левые партии в Государственной думе внесли запрос правительству, требуя разъяснения создавшегося положения. Александру Александровичу, только что прибывшему из Крыма и не успевшему полностью войти в курс дела, пришлось выступать в Государственной думе. Он произнес речь, концовка которой всех ошеломила. Он сказал о расстреле рабочих: «Так было, и так будет впредь».

Впоследствии, на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии, А. А. Макаров сказал, что теперь он не «защищает своей речи», произнесенной в Государственной думе, так как он «был односторонен, был самонадеян, был вследствие этого ложен в своей речи».

Объясняя причину появления знаменитой фразы, произведшей такой резонанс, А. А. Макаров сказал: «Я никогда своих речей не писал, а намечал себе что-нибудь в уме. Так что это вышло у меня совершенно случайно. С другой стороны, это было сказано не в том смысле, — отнюдь не в общем. Впоследствии придали этой несчастной фразе слишком, по-моему, распространительное толкование. А касалась она того, что если на маленькую воинскую часть, которой поставлена задача охранять порядок, наступает громадная толпа в несколько тысяч

человек, то она находится в таком положении, что может быть этой толпой смята, и ей приходится стрелять. Вот смысл».

Однако этих слов Макарову не простили. С. В. Завадский писал, что после Февральской революции он был арестован, конечно, не за одни слова, а за все свое прошлое в совокупности, но не освободил его А. Ф. Керенский только за эту злополучную фразу.

А. А. Макаров был освобожден от должности министра внутренних дел 16 декабря 1912 года, с изъявлением ему высочайшей благодарности.

В течение нескольких лет он оставался лишь членом Государственного совета, примкнув там к правой группе, а также присутствующим в Правительствующем сенате. Новый и последний взлет карьеры А. А. Макарова пришелся на лето 1916 года. 7 июля император подписал указ, который гласил: «Члену Государственного совета, Сенатору, тайному советнику Макарову Всемилостивейше повелеваем быть Министром юстиции, с оставлением членом Государственного совета и Сенатором».

Столь высокое назначение А. А. Макаров получил в то время, когда самодержавный трон раскачивался с удвоенной силой и вот-вот готов был рухнуть, погребя под своими обломками почти всех, кто находился рядом с ним. До крушения царизма оставалось немногим более семи месяцев. Макаров сумел продержаться в генерал-прокурорской должности только пять.

Император Николай II, освобождая А. А. Хвостова, возлагал определенные надежды на нового генерал-прокурора, полагая, что он будет «понятливее» и «более податлив» и что высочайшие повеления будет ставить выше закона. Но государь и на этот раз ошибся. «Честный нотариус», как, по свидетельству С. Ю. Витте, за глаза называли при дворе А. А. Макарова, оказался слишком упрямым, когда дело касалось исполнения самим же императором утвержденных законов.

Принципиальную позицию занимал А. А. Макаров и по делу бывшего военного министра Сухомлинова. Он отказался прекратить это дело, несмотря на высочайшее повеление.

Переполнила же чашу терпения Николая II «несговорчивость» генерал-прокурора по делу И. Ф. Манасевича-Мануйлова. Оно возникло в августе 1916 года и было довольно заурядным — шантаж банка. Давление в связи с этим делом шло и на министров внутренних дел А. А. Хвостова, а затем А. Д. Протопопова, и на генерал-прокурора А. А. Макарова. Причем оно было настолько сильным, что последний вынужден был даже заявить, что он примет меры к тому, чтобы «не относящиеся к существу обвинения Манасевича-Мануйлова факты были

отброшены», и чтобы «предметом судебного разбирательства» было только его дело. Однако это не устраивало тех, кто стоял за спиной мошенника.

Дело было назначено к слушанию на 15 декабря, а накануне под вечер Манасевич-Мануйлов явился к следователю и заявил, что уже состоялось высочайшее повеление о прекращении дела, о чем ему Распутин сообщил телеграммой из Ставки. Об этом разговоре следователь сразу же поставил в известность прокурора судебной палаты Завадского. На следующий день прокурор узнал, что действительно генерал-прокурор А. А. Макаров получил телеграмму от императора. В ней была написано: «Повелеваю прекратить дело Манасевича-Мануйлова, не доводя до суда».

Макаров не стал беспрекословно выполнять это повеление. Он тут же написал всеподданнейший доклад о том, что не считает возможным прекратить дело без суда и просит не приводить в исполнение повеление императора до его личного доклада. Ответа на свою записку Макаров так и не получил.

20 декабря 1916 года последовал освобождении его от должности «согласно прошению» (которого он добровольно высочайший указ об не подавал), с оставлением членом Государственного совета и Сенатором. 1 января 1917 года А. А. Макаров получил чин действительного тайного советника, а 4 января возглавил Особое присутствие для предварительного рассмотрения всеподданнейших жалоб на решения департаментов Правительствующего сената. Управляющим Министерством юстиции был поставлен Сенатор Н. А. Добровольский.

После Февральской революции А. А. Макаров, как и многие другие бывшие министры царского правительства, был арестован. Он неоднократно допрашивался в Чрезвычайной следственной комиссии. Товарищ председателя этой комиссии С. В. Завадский признавался, что из всех узников Керенского были два министра, Макаров и Маклаков, при допросе которых он отказался присутствовать, и что его угнетали разговоры в президиуме комиссии о предании суду А. А. Макарова. Он объяснял это тем, что за пять месяцев совместной деятельности «увидел в нем, правда, человека, несомненно склонного к формальности, но умеющего много работать, спокойно и внимательно прислушивающегося к чужим мнениям и чужим возражениям, уважающего суд и не останавливающегося перед опасностью потери министерского поста, из-за отстаивания того, что ему представляется законным и должным». Макаров содержался в Петропавловской крепости. Ходатайство его об освобождении по состоянию здоровья, а также прошение жены, Елены Павловны, о

переводе мужа в «Кресты» оставались без удовлетворения. Лишь только 27 сентября 1917 года следователь П. Г. Соколов, допросив в очередной раз А. А. Макарова в качестве обвиняемого, вынес постановление об изменении ему меры пресечения на «подписку о неотлучке из места постоянного жительства в Петрограде». 3 ноября, только после того, как Елена Павловна внесла за своего мужа залог в сумме 50 тысяч рублей, Чрезвычайная следственная комиссия освободила А. А. Макарова, «ввиду тяжелой болезни», о чем на следующий день выдала официальное удостоверение.

После Октябрьской революции А. А. Макаров вновь был арестован и в 1919 году расстрелян.

«ЧЕЛОВЕК НЕБРЕГУЩИЙ СЛУЖБОЮ» Генерал-прокурор НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Николай Александрович Добровольский родился 10 марта 1854 года в семье потомственного дворянина Новгородской губернии. Мальчик рано остался без отца. Воспитывал его отчим, который был преподавателем и обучал будущего императора Александра III, а также великих князей Алексея, Сергея и Павла. Отношения с членами императорской фамилии у него были настолько близкими, что даже императрица Мария Федоровна называла его уменьшительным именем — Руминька. Благожелательно к отчиму Добровольского относился и последний император Николай II. Свою благосклонность к Руминьке родственники царя невольно переносили и на его пасынков. Николай Александрович с юношеских лет был связан «особенно теплыми, близкими отношениями» с великим князем Михаилом Александровичем. Однако, по признанию самого Н. А. Добровольского, ни он, ни оба его брата никогда не прибегали к

протекции великого князя или какого-либо иного лица из царской фамилии для продвижения по службе. Все же близость к высочайшему двору независимо от желания Добровольского давала ему безусловное преимущество перед другими чиновниками.

В 22-летнем возрасте Николай Добровольский окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата прав, после чего поступил на военную службу. 29 октября 1876 года приказом по 1-й гвардейской кавалерийской дивизии он был зачислен в Кавалергардский полк рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда.

Добровольский недолго тянул армейскую лямку. В марте следующего года его произвели в унтер-офицеры, а уже в апреле он выхлопотал себе отпуск по болезни на один год.

Не увольняясь из армии, Николай Александрович подал прошение о зачислении его кандидатом на судебные должности при прокуроре Петербургского окружного суда. Такое назначение состоялось 20 мая 1877 года. Спустя год медицинская комиссия, учрежденная при Санкт-Петербургском губернском присутствии по воинской повинности освидетельствовала состояние здоровья Н. А. Добровольского и признала его годным для продолжения службы. Он должен был отправиться в свой Кавалергардский полк. Однако служить в армии ему больше не пришлось, так как к этому времени он, по постановлению общего собрания отделений окружного суда, был уже командирован в помощь судебному следователю 7-го участка Петербурга, с правом самостоятельного производства следственных действий.

27 июня 1878 года Добровольский добился окончательного увольнения в запас и теперь мог спокойно заниматься юриспруденцией. Вскоре он получил чин коллежского секретаря. Расследованием преступлений Н. А. Добровольский занимался, с небольшим перерывом, до апреля 1879 года, после чего был отправлен на выучку в провинцию и назначен товарищем Волынского губернского прокурора. В то время существовала практика «обкатки» молодых, неопытных «юридических птенцов» в старых судебных установлениях. Видимо, Добровольский сумел хорошо зарекомендовать себя, поскольку на следующий год его перевели на службу в новый суд — товарищем прокурора Житомирского окружного суда. Здесь он пребывал два года, иногда исполняя обязанности прокурора, выслужив свою первую награду — орден Св. Станислава 3-й степени и очередной чин титулярного советника.

С 23 мая 1882 года Н. А. Добровольский более четырех лет прослужил товарищем прокурора Киевского окружного суда, а

затем в чине коллежского асессора был переведен на аналогичную должность в Петербург. Вскоре он стал надворным советником, а в 1891 году получил орден Св. Анны 3-й степени. В сентябре того же года он переводится на службу в Прибалтику, где занимает первое время должность прокурора Митавского, а впоследствии — Рижского окружных судов.

Н. А. Добровольский служил там почти шесть лет, прибавив к своим наградам орден Св. Анны 2-й степени и серебряную медаль в память царствования императора Александра III, а также получив чин статского советника. После этого он круто меняет направленность своей деятельности — неожиданно оставляет Министерство юстиции и переходит в систему Министерства внутренних дел. Высочайшим приказом от 8 февраля 1897 года его назначают гродненским вице-губернатором. Эту должность он занимал три года, часто заменяя отсутствовавшего губернатора, а в последний год полностью приняв на себя управление губернией. В апреле 1899 года Н. А. Добровольский, без освобождения от своих основных обязанностей, был назначен на три года почетным мировым судьей Гродненского округа и впоследствии еще дважды занимал это престижное место.

В феврале 1900 года ему было высочайше повелено занять должность гродненского губернатора. Однако спустя восемь месяцев он уволился и тогда же был утвержден обер-прокурором 1-го департамента Правительствующего сената. За время руководства губернией Добровольский стал действительным статским советником, ему был пожалован придворный чин камергера двора его величества, и кроме того он удостоился двух иностранных орденов — Персидского Льва и Солнца 1-й степени и Черногорского князя Даниила Первого 1-й степени.

Вернувшись в систему Министерства юстиции, Н. А. Добровольский оставался здесь уже до Февральской революции. С 18 октября 1906 года он являлся одновременно и Сенатором, а в декабре того же года получил придворный чин егермейстера. По мнению современников, Добровольский «заявил себя знатоком административного права». В связи с этим, а также благодаря своей близости к высочайшему двору, особенно к тому кругу лиц, который группировался вокруг Г. Распутина, его настойчиво стали продвигать на пост министра внутренних дел. Однако его кандидатура по каким-то причинам все же не устраивала императора.

1 января 1914 года Н. А. Добровольскому был вручен орден Белого Орла. В сентябре 1916 года он оставил пост обер-прокурора и стал заниматься исключительно своими Сенаторскими делами. Наряду с этим его избрали заместителем

председателя Георгиевского комитета.

К концу 1916 года, в связи с неуступчивостью министра юстиции А. А. Макарова и его явным нежеланием прекращать дела Сухомлинова и Манасевича-Мануйлова, Г. Распутин стал особенно настойчиво добиваться назначения генерал-прокурором Н. А. Добровольского. С. П. Белецкий, встречавшийся с Распутиным за два дня до его гибели, вспоминал, что он видел в нем «жизнерадостное настроение и полное удовлетворение по случаю полученного им обещания о назначении на пост министра юстиции Н. А. Добровольского, при посредстве которого он рассчитывал добиться окончательного погашения дела Сухомлинова».

20 декабря 1916 года последовал следующий высочайший указ: «Сенатору, двора Нашего егермейстеру, тайному советнику Добровольскому Всемилостивейше повелеваем быть управляющим Министерством юстиции, с оставлением Сенатором и егермейстером».

Последний руководитель Министерства юстиции в царском правительстве и одновременно генерал-прокурор Н. А. Добровольский пробыл в своей должности немногим более двух месяцев. Он так и не был облечен званием министра. Вследствие различных придворных интриг, в переломное и судьбоносное для Российской империи время во главе судебных и прокурорских органов встал человек, хотя и имеющий солидный практический опыт, способный и квалифицированный юрист, но все же не обладавший надлежащей твердостью, присущей некоторым его предшественникам, недостаточно принципиальный, не способный надежно отстаивать интересы законности, и к тому же, основательно запутавшийся в долгах.

Когда Н. А. Добровольский вступил в управление Министерством юстиции, главный инициатор его назначения, Распутин, был уже убит. Поэтому надежды распутинского окружения на прекращение новым министром дел Сухомлинова и Манасевича-Мануйлова не оправдались. Добровольский сумел каким-то образом убедить императора в нецелесообразности освобождения от судебной ответственности бывшего военного министра Сухомлинова и известного мошенника Манасевича-Мануйлова. Но если первое дело попросту «зависло» без всякого движения, то второе все-таки дошло до суда.

Русский поэт А. А. Блок в своей книге «Последние дни императорской власти», написанной на основании документов Чрезвычайной следственной комиссии, в которой он был литературным редактором стенографического отчета, характеризовал обстановку в империи накануне Февральской

революции так: «На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции. Так понимали в то время положение все люди, обладавшие государственным смыслом; ни у кого не могло быть сомнения в необходимости операции; спорили только о том, какую степень потрясения, по необходимости сопряженного с нею, может вынести расслабленное тело».

По выражению А. А. Блока, император Николай II, «упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, изверившийся в людях, задерганный и осторожный на словах, был уже «сам себе не хозяин». Он перестал понимать положение и не делал отчетливо ни одного шага, совершенно отдавшись в руки тех, кого сам поставил у власти».

Императрица Александра Федоровна, окружив себя «мистическим кругом», через посредство распутинского «фонографа слов и внушений», А. Вырубову, продолжала активно влиять на «большую политику». В кругу «придворной рвани» во всю «кипела борьба мелких самолюбий и интриг».

В конце декабря 1916 года председатель Совета Министров А. Ф. Трепов уступил свое место последнему премьеру царского правительства Н. Д. Голицыну, брезгливо называвшему народ «чернью». А. А. Блок писал, что «среди членов правительства было немного лиц, о которых можно говорить подробно, так как их личная деятельность мало чем отмечена; все они неслись в неудержимом водовороте к неминуемой катастрофе». По его выражению, «эти люди ничего не могли сделать для того, чтобы предотвратить катастрофу».

Пассивно наблюдал за разворачивавшимися событиями и Н. А. Добровольский. Несмотря на то, что в его руках находился довольно мощный репрессивный аппарат, он ничего не делал для обуздания революционной стихии, как, впрочем, и многие другие, несравненно более сильные личности из окружения императора.

Когда началась Февральская революция, Добровольский укрылся в итальянском посольстве, но находился там недолго, всего два часа. Затем он позвонил в Государственную думу и попросил прислать автомобиль, чтобы поехать в Таврический дворец, где намеревался сдаться добровольно. Из дворца его доставили в Петропавловскую крепость.

Подготовка к допросам Н. А. Добровольского в Чрезвычайной следственной комиссии была поручена Сенатору Б. Н. Смиттену. Бывшему министру и генерал-прокурору были заданы вопросы об обстоятельствах назначения его на должность министра юстиции, о взаимоотношениях с императором Николаем II и его семьей,

знакомстве с Распутиным, об основаниях прекращения целого ряда дел, о его материальных средствах и другие.

Официально Н. А. Добровольскому вменялось совершение трех должностных преступлений. Их расследованием занимался «командированный в Чрезвычайную следственную комиссию» судебный следователь К. И. Бувайлов. Ему было поручено провести следствие в «кратчайшие сроки», и он с этим делом успешно справился. Наблюдал за следствием Б. Н. Смиттен. Добровольский обвинялся в том, что он, исполняя обязанности обер-прокурора 1-го департамента Правительствующего сената и получив из кассы бывшего министерства императорского двора 20 тысяч рублей, пожалованных государем на пособия особенно нуждающимся чиновникам канцелярии Сената, эти деньги по назначению не передал, а «самовольно обратил на свои надобности», купив, в частности, процентные бумаги, которые внес в Петербургское общество взаимного кредита на свой текущий счет. И лишь в июне 1915 года, спустя несколько лет, возвратил деньги для использования их по назначению.

Допрошенный по этому факту, Н. А. Добровольский виновным себя не признал и пояснил, что по высочайшему повелению деньги были выданы по его ходатайству и в «его распоряжение», но так как вопрос об организации ссудно-сберегательной кассы для выдачи пособий затянулся, то он и решил временно поместить деньги на свой текущий счет. Об этом он имел устную договоренность с министерством императорского двора. Когда касса была открыта, он вернул не только взятые им 20 тысяч рублей, но и полученные от них проценты. Добровольский сказал, что хотя и пользовался некоторое время кредитом, никакого ущерба кассе не причинил.

Н. А. Добровольский обвинялся также в необоснованном прекращении дела некоей Феодосии Шмулевич, а также в получении взятки от грозненского купца Я. Б. Нахимова за содействие его помилованию. Он и в этих случаях не признавал себя виновным.

К концу июля 1917 года следователь К. И. Бувайлов завершил производство по делам и представил все материалы на заключение Чрезвычайной следственной комиссии. До ее решения Н. А. Добровольскому удалось вырваться из Петропавловской крепости. Его жена, Ольга Дмитриевна, усиленно хлопотала перед министром юстиции Временного правительства и Чрезвычайной следственной комиссией об освобождении мужа. В обоснование своих просьб она ссылалась на состояние здоровья Николая Александровича, серьезно расшатанного за последнее время. Освидетельствовавший его

доктор Манухин также находил, что ему необходимо «больничное, а еще лучше домашнее лечение». Однако на все эти просьбы она неизменно получала отказы.

Закончив дело, К. И. Бувайлов 31 июля вынес постановление, в котором отметил, что поскольку доказательства виновности Н. А. Добровольского «существенно поколеблены ко времени окончания предварительного следствия», а также учитывая болезненное состояние бывшего министра юстиции, его возраст и семейное положение (у Н. А. Добровольского было пятеро детей. — *Авт.*), мера пресечения ему изменяется на подписку «о неотлучке» из Петрограда. 4 августа 1917 года Н. А. Добровольский обрел долгожданную свободу.

Уже на следующий день он обратился в комиссию с просьбой разрешить ему выехать для лечения на Кавказ. С большим трудом он достал железнодорожные билеты на 8 августа, но разрешение на поездку ему так и не было выдано. 20 августа Добровольский обратился в комиссию с очередным прошением. Он писал в нем: «Дайте же мне возможность сохранить себя хотя на несколько лет для многочисленной семьи моей, не обрекайте меня на дальнейшую медленную казнь и дайте мне возможность не подвергать голодовке нашу семью, в которой три младших не старше 22 лет и не могут существовать без молока, мяса, масла, яиц и т. п. продовольствия первой необходимости для питания».

22 августа 1917 года Чрезвычайная следственная комиссия под председательством Н. К. Муравьева рассмотрела прошение Н. А. Добровольского и большинством в пять голосов против двух разрешила ему выезд на Кавказ. Через день он получил официальное удостоверение об этом за подписью председателя комиссии.

После Октябрьской революции Н. А. Добровольский проживал на Северном Кавказе. В сентябре-октябре 1918 года, после покушения на В. И. Ленина и убийства М. С. Урицкого, по стране прокатилась волна «красного террора». Не миновала она и Кавказ. «Во исполнение приказа Народного Комиссара внутренних дел тов. Петровского» (как гласило официальное сообщение) в Ессентуках в качестве заложников были взяты 32 человека, в том числе генералы Н. В. Рузский и Р. Д. Радко-Дмитриев, Сенатор Н. С. Крашенинников; в Кисловодске — 33 человека. Всего в концентрационный лагерь в Пятигорске было брошено 160 человек. Среди заложников оказался и Н. А. Добровольский.

21 октября 1919 года Н. А. Добровольский в числе других 59 заложников был расстрелян.

«НЕ ОТСТУПЛЮ ОТ СВОИХ ПРИНЦИПОВ» Генерал-прокурор АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КЕРЕНСКИЙ

Александр Федорович Керенский родился 22 апреля 1881 года в Симбирске. Он был четвертым ребенком в семье директора мужской гимназии Федора Михайловича Керенского и его жены, Надежды Александровны. Наиболее ярким впечатлением детства, по словам А. Ф. Керенского, было воздействие на него религии, которая способствовала выработке идеи самопожертвования «во имя народа»; самым же сильным увлечением — книги.

Определенный след в душе мальчика оставила и казнь «Первомартовцев» Александра Ульянова и его товарищей. Ведь юный революционер проживал в Симбирске, блестяще окончил гимназию, директором которой был отец А. Ф. Керенского. Здесь же учился и брат казненного, Владимир Ульянов. По признанию Александра Керенского, симбирский период его жизни оказал решающее воздействие на выбор им своего духовного пути.

В 1889 году, когда Саше исполнилось всего 8 лет, Федор Михайлович получил назначение в Туркестанский край, где ему предстояло занять должность главного инспектора учебных заведений. Семья перебралась в Ташкент. Здесь и прошли гимназические годы будущего революционного генерал-прокурора.

В 1899 году в 18-летнем возрасте Александр Керенский вместе с матерью приехали в Петербург, где он поступил на историко-филологический факультет университета и «впервые в жизни испытал пьянящее чувство свободы». Петербург очаровал и увлек его «полнотой своей внутренней жизни, полнотой умственной и эстетической». Юноша посещал театры, музеи, библиотеки, восторгался игрой блестящих артистов: Давыдова, Сазонова, Комиссаржевской, Савиной, Орленева, Ленского и др.

Александр Керенский поселился в студенческом общежитии, расположенном в здании Двенадцати коллегий на Васильевском острове. В солнечном провинциальном Ташкенте он был далек от политических страстей, а здесь, в Петербургском университете, они сразу же захлестнули его. В сентябре 1900 года А. Ф. Керенский перевелся на юридический факультет.

Он хотя и не примкнул ни к каким политическим течениям, все же в общем революционном движении принимал участие, за что и был однажды приглашен «пред лицо» ректора, инспекторов и деканов давать объяснения. На тот раз все обошлось. На втором курсе он стал довольно популярным оратором на студенческих сходках, за что поплатился временным «отлучением» от университета — его отправили в «отпуск» домой, в Ташкент.

В эти годы в жизнь Александра Керенского прочно вошла его первая любовь, Ольга Львовна Барановская, внучка известного китаеведа академика В. П. Васильева. Они стали неразлучны, о чем свидетельствует их переписка. В 1904 году Александр Керенский и Ольга Барановская обвенчались. К этому времени университет был закончен.

А. Ф. Керенский недолго колебался в выборе своего дальнейшего пути. Еще в университете он твердо решил, что карьера кабинетного ученого — не для него. Он подал прошение о зачислении в сословие присяжных поверенных и стал помощником у известного адвоката Н. А. Оппеля. Первое время он оказывал юридическую помощь беднякам в Народном доме, основанном графиней С. В. Паниной, вел другие мелкие дела, которых у него было тогда очень мало. Первый раз ему довелось выступать публично в суде в середине февраля 1905 года. Его патрон, адвокат Оппель, был полностью поглощен общественной деятельностью и поэтому передал своему помощнику одно

экстренное дело. В том же году имя Керенского впервые появилось в «досье» департамента полиции. Это произошло после того, как он в числе 217 других общественных деятелей Петербурга подписал заявление-протест министру внутренних дел по поводу ареста депутации во главе с М. Горьким, бывшей у министра накануне Кровавого воскресенья.

После январских событий А. Ф. Керенский стремился установить более тесные контакты с социал-революционерами. Он познакомился с известным террористом Борисом Савинковым и даже выразил желание вступить в его организацию. В декабре 1905 года Александра Федоровича впервые арестовали. Его обвинили ни много ни мало в «причастности к подготовке вооруженного восстания». Поводом для столь серьезного обвинения послужили обнаруженные у него при обыске листовки «Буревестника», в котором он сотрудничал.

В заключении Керенский провел почти четыре месяца, а после освобождения был отправлен в Ташкент под надзор полиции. По возвращении в Петербург он неожиданно получил предложение от присяжного поверенного Н. Д. Соколова выступить защитником по политическому делу в Ревеле. Керенский с радостью согласился. По делу проходила группа крестьян, обвинявшихся в разгроме имения местного барона и сопротивлении властям. 25-летний помощник присяжного поверенного сумел проявить себя в этом процессе во всем блеске. Он был напорист, активен, дерзок и убедительно доказал, что противоправные действия крестьян не идут ни в какое сравнение с жестокой расправой, учиненной войсками с «зачинщиками» беспорядков, многих из которых расстреляли без суда и следствия.

Успех в этом процессе принес молодому юристу некоторую известность. Теперь предложения принять на себя защиту по политическим делам «посыпались к нему со всех сторон».

В июне 1906 года А. Ф. Керенский снова подвергается обыску, вследствие павшего на него подозрения в связях с одним из лидеров партии социал-революционеров. Однако на этот раз, из-за недостаточности улик, дело было прекращено. После этого он, не оставляя политической борьбы, сосредоточил основное внимание на своей профессиональной деятельности — участии в защите по делам.

В начале 1910 года Керенский стал полноправным адвокатом. Он ревностно исполнял свои обязанности, без конца выступал в процессах, активно участвовал в работе Совета присяжных поверенных. По своим адвокатским делам Керенский исколесил почти всю Россию. Он выступал защитником по политическим и

уголовным делам, представителем истцов и ответчиков по гражданским делам в судебных установлениях Москвы и Петербурга, Иркутска и Казани, Варшавы и Тифлиса, Саратова и Риги и многих других городов. Его речь звучала в судебных палатах и военно-окружных суда х, в мировых суда х и Правительствующем сенате. Он защищал железнодорожников Полесья, служащих двинской почтово-телеграфной конторы, рабочих Шлиссельбургского порохового завода, студентов Петербурга, редакторов газет, представителей различных партий и организаций, обвинявшихся в организации незаконных забастовок, и многих других лиц. Вел он и общеуголовные дела.

В 1912 году А. Ф. Керенский выставил свою кандидатуру от «Трудовой группы» на выборах в 4-ю Государственную думу по г. Вольску Саратовской губернии. В Думе он стал лидером фракции трудовиков и в течение пяти лет стремился объединить, в целях борьбы с самодержавием, все патриотические течения, от правых до левых. Почти сразу же он занял ключевое положение и в верховном совете масонской ложи «Великий Восток народов России» и одно время был ее генеральным секретарем.

В. Д. Набоков считал, что «в большой публике» Керенского стали замечать только со времени его выступлений в Государственной думе, хотя и после этого он продолжал пользоваться репутацией «человека даровитого, но не крупного калибра». Будучи неплохим, а главное, эмоциональным оратором, он благодаря нескольким ярким выступлениям стал «замечен и узнаваем». Сам Керенский считал себя убежденным социалистом и демократом. Он искренне верил в правоту избранного им пути — пути революционера и государственного деятеля.

К концу 1916 года революционное движение в стране усилилось. Несмотря на это, многие думские лидеры все еще считали, что в России «революция невозможна и недопустима». Прогрессивный блок вынашивал идею некоего дворцового переворота, в результате которого должно было последовать смещение императора Николая II и возведение на трон наследника Алексея, с назначением при нем регентом великого князя Михаила Александровича. А. Ф. Керенский был в курсе всех событий и даже участвовал в секретной встрече лидеров Прогрессивного блока, на котором обсуждался этот вопрос. С думской трибуны он еще более беспощадно громил правительство. Свое выступление 16 декабря 1916 года он начал так: «Господа, теперь вы сами видите, что слова, которые можно сказать о власти, которыми можно заклеймить власть, преступную перед государством, все сказаны…»

После Рождественских каникул Государственная дума долго

не открывала своего заседания. Правительство вынашивало планы ее роспуска. Наконец, 14 февраля 1917 года заседания возобновились. Уже на следующий день Керенский сказал с ее трибуны: «Хаос налицо перед вами, и я спрашиваю вас, есть ли у вас сознание и чувство политической ответственности в этот исторический момент подчинить свои личные и классовые интересы единству, единым интересам государства? Я вам скажу, что этого сознания у вас нет».

27 февраля 1917 года, несколько подрастерявшиеся от неожиданно грянувшей революции, депутаты Государственной думы собрались в Таврическом дворце. Совет старейшин предложил избрать особый комитет Думы для «водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами», который вскоре получил название Временного комитета Государственной думы. В него вошел и А. Ф. Керенский. Почти одновременно с этим образовался и Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Керенский и здесь заочно был избран товарищем председателя Петроградского Совета.

Временный комитет Государственной думы приступил к формированию нового правительства. 2 марта его состав был уже одобрен. Председателем правительства и министром внутренних дел стал князь Г. Е. Львов, а министром юстиции и генерал-прокурором — А. Ф. Керенский.

Александр Федорович оказался на гребне своей славы. Каких только восторженных эпитетов не расторгала тогда ему печать. Его называли «министром правды», «народным трибуном», писали, что без него «русская революция немыслима» и т. п. По свидетельству современников, в составе правительства он с самого начала играл «первенствующую роль», был популярен и среди простого народа, и среди интеллигенции.

3 марта 1917 года А. Ф. Керенский официально принял дела Министерства юстиции. В тот же день он подписал свой первый приказ. В нем было сказано: «Поручаю академику Академии наук, Нестору Александровичу Котляревскому, вывезти из департамента полиции все бумаги и документы, какие он найдет нужным, доставить и поместить их в Академию наук».

Первым же своим циркуляром прокурорам судебных палат и окружных судов министр юстиции А. Ф. Керенский предложил освободить всех политических заключенных. Он писал: «Предписываю немедленно под вашей личной ответственностью освободить всех осужденных и подследственных, заключенных по политическим преступлениям всех категорий и преступлениям религиозным. Предлагаю произвести личное освобождение, передав каждому освобожденному приветствие от моего имени.

Предпишите начальникам охранных отделений немедленно освободить всех задержанных в порядке охраны по тем же преступлениям». Председателям судебных палат, окружных судов и съездам мировых судей было предложено все приговоры, решения и определения судебных мест объявлять от имени Временного правительства в следующей форме: «По указу Временного правительства…»

А. Ф. Керенскому пришлось одновременно решать множество сложнейших вопросов: здесь и наведение порядка в столице, и замена старого чиновничьего аппарата, и образование новых судебных учреждений, и отмена устаревших, противоречащих «революционному правосознанию» законов, и расследование деятельности высших царских сановников и т. п.

Вознесенный на Олимп славы, присяжный поверенный А. Ф. Керенский, конечно же, не мог обойти особым вниманием свою корпорацию. В первый же день управления Министерством юстиции он обратился к советам присяжных поверенных с телеграммой, в которой просил их «принять посильное участие в установлении истинного правосудия в нашей Родине и поднятии его на высоту соответствующую величию народа и важности исторического момента».

А. Ф. Керенский с головой окунулся «в народную массу». Он как никто другой сумел извлечь пользу из многочисленных поездок, встреч, выступлений перед самой разнообразной аудиторией. Позднее он писал: «Обращаясь к представителям различных общественных организаций с изложением платформы нашего правительства, я мог видеть своими глазами, что эта платформа соответствует стихийному стремлению людей самим выработать новую политическую и государственную систему взглядов и осуществить великие чаяния России о свободе, за которые отдано столько лет борьбы». В те дни, как вспоминали современники, популярность Александра Федоровича была огромна и все росла. Он умел «зажигать сердца людей» и был «всеобщим оракулом, вождем и любимцем».

В своей кадровой политике А. Ф. Керенский вначале довольно строго придерживался основного принципа — назначать на все высшие должности лиц с более или менее популярными именами и только при условии, если их указывали различные общественные или политические организации. Эта практика, безусловно выигрышная с точки зрения приобретения популярности, вскоре принесла довольно отрицательные результаты. Как правильно подметил А. А. Демьянов, «часто выходило так, что популярность не связывалась с интересами дела. Популярный книжный человек не являлся человеком дела».

Первым своим товарищем (т. е. заместителем) А. Ф. Керенский назначил присяжного поверенного А. С. Зарудного (сына известного деятеля судебной реформы С. И. Зарудного), которого очень любил и даже называл «маленьким Львом Толстым» (за его твердые убеждения).

Министр юстиции Керенский работал всегда исключительно много.

Часто он и его товарищи ночевали в служебных кабинетах. Днем его трудно было застать на месте; у него никогда не было ни одной свободной минуты. Руководители департаментов старались приходить к нему по делам утром, когда он только что вставал и пил кофе. Министр «схватывал предмет беседы на лету», поэтому говорить с ним было довольно легко. Однако давало о себе знать отсутствие у него практического опыта. Он разбрасывался, хватался за многое разом и не умел «отгораживаться» от мелочей. В начале марта были произведены первые назначения в Правительствующем сенате, аппарате Министерства юстиции, а также в судебных палатах и окружных суда х.

Со времени вступления в должность А. Ф. Керенскому в качестве генерал-прокурора пришлось не только направлять всю деятельность лиц прокурорского надзора в принципиально новых условиях, но и организовывать расследование дел первостепенной важности. Революционно настроенные солдаты и рабочие, проявляя инициативу, самочинно задерживали высших должностных лиц царского правительства, чинов полиции, жандармерии и охранки. Чтобы избежать ненужных жертв, необходимо было сразу же направить эту стихию в нужное русло, если уж не закона (царские законы здесь явно не годились, а новых еще не было), то, по крайней мере, «революционной целесообразности». В то же время требовалось срочно разобраться и с тысячами лиц, арестованных царскими властями за различные преступления. Что касается политических, здесь все было предельно ясно. Распоряжение об их освобождении было дано Керенским незамедлительно. Но многие сидели в тюрьмах и за совершение уголовных преступлений. Для этих целей было образовано 20 следственных комиссий, которым предписывалось обойти все места заключения и выяснить, за кем из арестованных не числится никаких дел и кто из них может быть освобожден.

4 марта 1917 года Временное правительство учредило Верховную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц (впоследствии Чрезвычайная следственная комиссия).

Председателем ее стал московский присяжный поверенный Н. К. Муравьев, а товарищами (заместителями) председателя — Сенаторы С. В. Иванов и С. В. Завадский. Она занималась делами практически всех высших царских сановников. Наиболее серьезные обвинения были предъявлены бывшим министрам юстиции И. Г. Щегловитову и Н. А. Добровольскому, министрам внутренних дел Б. В. Штюрмеру, А. Н. Хвостову, А. Д. Протопопову, А. А. Макарову и другим.

Чрезвычайная следственная комиссия готовила материалы к Учредительному собранию, но так и не завершила свою работу. После Октябрьской революции комиссия прекратила свое существование. В 1926–1927 годах бывший член комиссии П. Е. Щеголев издал 7 томов стенографического отчета заседаний Чрезвычайной следственной комиссии, но еще более огромный пласт материалов до сего дня не издан.

В должности министра юстиции и генерал-прокурора А. Ф. Керенский оставался недолго, всего два месяца. За это время, несмотря на его многочисленные поездки, постоянные встречи с депутациями и делегациями, общественными организациями, бесконечные выступления, и днем и ночью, в самых разнообразных аудиториях, он провел титаническую работу по созданию новых органов власти и управления, преобразованию старых судебных установлений, обновлению административного, уголовного и гражданского процессуального и материального законодательства.

Острый политический кризис, разразившийся в России в конце апреля 1917 года привел к созданию 5 мая первого коалиционного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым. А. Ф. Керенский, немало сделавший своими демонстративными выходками для создания министерского хаоса, получил в новом правительстве портфель военного и морского министра (вместо подавшего в отставку А. И. Гучкова). Министром юстиции и генерал-прокурором стал бывший присяжный поверенный, прокурор Петроградской судебной палаты П. Н. Переверзев.

Получив новый ответственный пост, А. Ф. Керенский начал «агитационный объезд фронта». Встречали его первое время восторженно. На посту военного министра он осуществил немало поездок и произнес немало зажигательных речей. Однако они мало влияли на положение дел на фронте. После ухода 8 июля в отставку министра-председателя Г. Е. Львова и некоторых министров из числа кадетов, в том числе и министра юстиции П. Н. Переверзева, А. Ф. Керенский стал фактически руководителем правительства. В течение двух недель шли переговоры о создании второго коалиционного правительства.

24 июля 1917 года правительство было сформировано. Министром-председателем стал А. Ф. Керенский, сохранивший за собой и портфель военного и морского министра. Он сосредоточил в своих руках огромную власть, однако распорядиться ей должным образом не сумел. Как писал Н. Н. Суханов, «тяжкое бремя история возложила на слабые плечи».

После провала корниловского мятежа престиж Керенского резко упал. Не спасло положение ни провозглашение России республикой (1 сентября 1917 года), ни создание Директории из пяти членов правительства во главе с А. Ф. Керенским, ни назначение его Верховным главнокомандующим, ни даже 3-е коалиционное правительство, сформированное 25 сентября (пост министра юстиции и генерал-прокурора занял в нем П. Н. Малянтович). 25 октября (7 ноября) 1917 года Временное правительство было низложено, а все министры арестованы. А. Ф. Керенский сумел накануне переворота выбраться из Зимнего дворца, направившись на машине навстречу вызванным с Северного фронта войскам. До 1 ноября 1917 года он еще пытался осуществить контрреволюцию, однако его усилия потерпели неудачу.

А. Ф. Керенский вначале находился в России на нелегальном положении, а затем эмигрировал.

В эмиграции Александр Федорович прожил более 50 лет. В 1922–1932 годах жил в Берлине и Париже, а с 1940 года — в США. За границей он вторично женился — на Терезе Нелль (девичья фамилия Трайон). От первого брака имел двух сыновей, Олега и Глеба. От второго — дочь, которая умерла совсем молодой.

Александр Федорович Керенский скончался в июне 1970 года в Нью-Йорке. Похоронен в Лондоне, где проживали его сыновья.

«ПРИЗВАН НА ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПОСТ» Генерал-прокурор ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ПЕРЕВЕРЗЕВ

Павел Николаевич Переверзев родился в 1871 году. После окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета некоторое время служил в судебном ведомстве. В 1901 году он вступил в сословие присяжных поверенных и вскоре завоевал призвание, как один из лучших столичных адвокатов. Также как и А. Ф. Керенский он примыкал к трудовикам и был активным участником масонской ложи.

П. Н. Переверзев, за редким исключением, не вел ни гражданских дел, ни уголовных. Весь свой профессиональный опыт, все свое огромное ораторское искусство он сосредоточил на защите лиц, обвинявшихся властями в политических преступлениях. Современники вспоминали, что здесь он был «принципиальным, смелым и мужественным». Политические пристрастия присяжного поверенного не раз оборачивались для него серьезными неприятностями — он подвергался преследованиям и репрессиям со стороны правительства, а после подписания совместно с А. Ф. Керенским, Н. Д. Соколовым и другими адвокатами известного письма-протеста по делу Бейлиса угодил в тюрьму на восемь месяцев.

Известный юрист Б. С. Утевский вспоминал, что речи П. Н. Переверзева производили настолько сильное впечатление на слушателей, что он выигрывал почти безнадежные дела. С восхищением писал об ораторском искусстве Переверзева его коллега по адвокатской корпорации А. А. Демьянов: «Сам по себе милый человек, «душа-человек», веселый и экспансивный, Переверзев производил на всех очень хорошее впечатление. Он

пользовался хорошей репутацией как оратор. И действительно, он владеет свободно речью, имеет хороший голос. Насколько я могу судить, речи его, однако, никогда не были программны, но мысли, им высказываемые, были метки, и речь его с внешней стороны была не без блеска».

Во время Первой мировой войны петроградские адвокаты на свои средства сформировали передовой санитарно-перевязочный отряд (санитарный поезд). Руководителем его стал П. Н. Переверзев. Здесь он приобрел славу «искусного администратора». В редкие приезды в Петроград он направлялся обычно в Министерство юстиции верхом и в форме, сшитой по военному образцу.

П. Н. Переверзев одним из первых столичных адвокатов получил от Временного правительства ответственный пост — 11 марта 1917 года он стал прокурором Петроградской судебной палаты. На его плечи свалилась, пожалуй, наиболее тяжелая ноша. Работу приходилось начинать в принципиально новых условиях, когда старые методы прокурорского надзора уже не годились, а новых еще не было. К тому же прокурорская деятельность требовала несколько иных качеств, нежели адвокатская, и, в первую очередь, нужна была «административная жилка». Переверзеву сразу же пришлось решать множество неотложных и трудных вопросов. Немудрено, что на первых порах он допустил ряд серьезных ошибок. Пока еще он на все смотрел глазами присяжного поверенного.

И тем не менее Павел Николаевич Переверзев пользовался хорошей репутацией в общественных кругах — сказывалась, конечно, его активная адвокатская деятельность, пребывание на фронте, смелость и решительность. Познакомившийся с ним в этот период С. В. Завадский писал: «Среднего возраста и среднего роста, крепкого сложения, спокойно-уравновешенный, скорый на слова, с неизменною трубкою-носогрейкою, он производил впечатление надежного человека. Подчиненные по прокурорскому надзору относились к нему, в общем, с симпатией».

5 мая 1917 года после острого внутриполитического апрельского кризиса было сформировано новое правительство, которое возглавил Г. Е. Львов. А. Ф. Керенский получил в нем портфель военного и морского министра. Павел Николаевич Переверзев стал министром юстиции и генерал-прокурором. В еженедельнике «Искра» за 1917 год (№ 18) Переверзев был назван «одним из выдающихся присяжных поверенных округа Петроградской судебной палаты». «Когда произошел настоящий переворот, — отмечалось в газете, — П. Н. Переверзев был

призван министром юстиции А. Ф. Керенским на ответственный пост прокурора Петроградской судебной палаты. Через его руки за последнее время прошел целый ряд особо важных дел по расследованию преступлений старой власти».

Став министром и генерал-прокурором, Переверзев посчитал своей обязанностью нанести визит Петроградскому Совету присяжных поверенных, из среды которого он вышел. Встреча, дружественная и теплая, состоялась на квартире Н. П. Карабчевского. Здесь новый министр, несколько увлекшись, произнес такую речь, которая в другое время несомненно шокировала бы адвокатов. Он откровенно говорил о том, что правительству часто приходится прибегать к явно незаконным действиям. Это он испытал на себе в бытность прокурора судебной палаты. Так же, по всей вероятности, ему придется поступать и в качестве министра. Переверзев выразил даже сомнение, что после отставки присяжные поверенные примут его обратно в свое сословие. И далее в таком же духе. Однако адвокаты были настолько радостно возбуждены от встречи с высоко взлетевшим коллегой, что пропустили его слова «о беззакониях» мимо ушей.

С. В. Завадский отмечал в своих воспоминаниях, что став министром, П. Н. Переверзев «не обнаружил… ни настойчивости, ни последовательности. Его, как и Керенского, как и все Временное правительство, как, может быть, и большинство членов исполнительного комитета Советов рабочих депутатов, несло, куда хотело, крайнее левое течение, становившееся сильнее и сильнее, но пока оставшееся по-прежнему подводным, хотя кое-где уже и поднимавшееся на поверхность». А известный революционер Н. Н. Суханов называл Переверзева «одной из подозрительнейших фигур в коалиционном правительстве». Некоторые современники, примыкавшие к большевистскому крылу социал-демократической партии, вообще полагали, что Переверзев слишком круто изменил свою политическую ориентацию. Защитник большевиков на судебных процессах, устраиваемых царским правительством, превратился в их ярых гонителей, особенно после июльских событий.

Став прокурором палаты, а затем и генерал-прокурором, П. Н. Переверзев тем не менее занимался и вопросами, которые больше подходили для амплуа общественного деятеля, нежели руководителя высокого государственного органа. Например, в Петроградской прокуратуре он держал на должности товарища прокурора специального человека, занимавшегося «подысканием» квартир для каких-то политических организаций. С подобными же просьбами к нему часто обрщались и в министерстве юстиции.

На замечания своих заместителей, что подыскивать квартиры не дело властей, Переверзев обычно отвечал, что «нельзя и опасно со всеми ссориться».

Вообще он часто брался (иногда и с подачи А. Ф. Керенского) не за свои дела. Так, однажды Керенский поручил ему, тогда еще прокурору палаты, заняться вопросами организации контрразведки. Павел Николаевич Переверзев не только согласился на это нелепое предложение, но и так втянулся в дело, что когда стал генерал-прокурором, то оставил этот вопрос за собой и даже получил под него (без какого-либо постановления правительства) крупную сумму денег. Он ежедневно (в ущерб другим делам) подолгу выслушивал доклады заведующего контрразведкой эсера Миронова. Многим сотрудникам это, конечно, не нравилось, но они помалкивали, тогда как товарищ министра А. С. Зарудный, человек горячий и резкий, был настолько возмущен, что порывался даже уйти из-за этого в отставку.

П. Н. Переверзев всегда стремился подчеркнуть свое высокое положение министра и генерал-прокурора, причем, выходило это не всегда уместно. А. А. Демьянов вспоминал, как в первый раз явившись на заседание комиссии по пересмотру Судебных уставов (в нее входили многие корифеи юриспруденции, в частности, А. Ф. Кони), Переверзев высокомерно заявил, что они, то есть все собравшиеся, нужны ему для очень важной работы (а эта работа шла уже полным ходом).

По свидетельству Н. Н. Суханова, летом 1917 года «в стране продолжались эксцессы, беспорядки, анархия, захваты, насилия, самочинство, «республики», неповиновение и расформирование полков…» В таких условиях сделать что-либо кардинальное П. Н. Переверзев не мог; авторитет его стал заметно падать. В правительстве чувствовалась растерянность.

В Петрограде активную деятельность развили большевики, анархисты, представители некоторых других партий. В начале июля 1917 года натиск «низов» на правительство достиг своего апогея. Коалиционное правительство по существу уже не владело обстановкой. 3 июля в Петрограде начались беспорядки, которые продолжались и на следующий день. Активную роль здесь играли большевики и их орган газета «Правда». Вечером 4 июля П. Н. Переверзев дал приказ о немедленном освобождении здания типографии. Посланный туда воинский отряд арестовал всех работников типографии, изъял рукописи и документы. Все это было доставлено Переверзеву, который находился в штабе Петроградского военного округа.

В июльские дни основные события разворачивались у

Таврического дворца, куда подошло несколько десятков тысяч рабочих и солдат, требовавших передачи всей власти Советам. На сторону выступавших перешел и гарнизон Петропавловской крепости. Спустя несколько дней после этих событий, П. Н. Переверзев, обвиненный в бездействии, в письме в редакцию «Нового Времени» отмечал: «Не арестовал же я 4 июля до опубликования документов главарей восстания только потому, что они в этот момент фактически уже арестовали часть Временного правительства в Таврическом дворце, а князя Львова, меня и заместителя Керенского могли арестовать без всякого риска, если бы их решимость хотя бы в десятой доле равнялась их преступной энергии».

Ситуация, действительно, была критической. В этих условиях для того, чтобы вызвать антибольшевистскую реакцию в войсках, П. Н. Переверзев решил опубликовать попавший из контрразведки в его руки материал о якобы имевшихся связях В. И. Ленина с Германией и о финансовых отношениях большевиков с немцами, осуществляемыми через Стокгольм. После небольшого совещания с генералом П. А. Половцевым и полковником Б. В. Никитенко, он пригласил к себе представителей воинских частей Петрограда и журналистов. Здесь Переверзев представил им часть имеющихся у него документов и свидетельств. Основными свидетелями против большевиков выступали некий лейтенант Еременко, рассказавший, что, находясь в плену, он слышал разговор о том, что «Ленин работает на Германию», а также Г. А. Алексинский, скомпрометировавший себя депутат от большевиков в Государственной думе. Хотя объяснения их были довольно невнятными и туманными, они представляли большую опасность для большевиков — солдаты могли от них отвернуться.

Прокурор судебной палаты Н. С. Каринский, сочувственно относившийся к большевикам, передал им о планах Переверзева. После этого И. В. Сталин позвонил в исполком Петроградского Совета и потребовал «остановить распространение клеветнической информации о Ленине». Чхеидзе и Церетели стали обзванивать редакции петроградских газет, настаивая на отказе от публикации правительственного сообщения. Считали преждевременным «разоблачение» большевиков даже такие министры Временного правительства, как Терещенко и Некрасов. Однако в газете «Живое слово» 5 июля 1917 года под заголовком: «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы» материалы Переверзева все-таки появились. По городу были расклеены также плакаты с аналогичным текстом.

Опубликованные материалы вызвали взрыв негодования. Буржуазная пресса, захлебываясь, писала о продажности

большевиков и устроила настоящую травлю В. И. Ленина и его соратников. Сторонники большевиков резко осуждали публикацию и даже образовали комиссию для расследования клеветы. Вследствие разразившегося скандала П. Н. Переверзев вынужден был 6 июля 1917 года подать в отставку с поста министра юстиции и генерал-прокурора.

После выхода в отставку Переверзев возвратился к своей прежней деятельности по заведыванию санитарным отрядом петроградской адвокатуры на фронте. А. А. Демьянов считал, что П. Н. Переверзев был, при всех своих ошибках, «чистым и честным человеком», но «большим фантазером, беспрограммным и неумелым администратором». «Большевики должны ненавидеть Переверзева, — писал он. — Я знаю, что когда пришло их время, они готовили крупный процесс с именем Переверзева. Предупрежденный Переверзев скрылся из Петербурга. Большевики преследовали его семью. Если бы Переверзева судили, то вряд ли бы он избежал смертной казни. Но большевики не постеснялись бы казнить его и без суда».

П. Н. Переверзев эмигрировал. В 1920-е годы он проживал в Париже. Умер Павел Николаевич в 1944 году.

«УКРЕПИТЬ В НАРОДЕ ЧУВСТВО ЗАКОННОСТИ И ПРАВА» Генерал-прокурор ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ЕФРЕМОВ

Иван Николаевич Ефремов родился 6 января 1866 года в родовитой дворянской семье. Он принадлежал к числу крупных помещиков области Войска Донского. Иван Ефремов блестяще окончил новочеркасскую гимназию, получив вместе с аттестатом зрелости золотую медаль. После этого он поступил на физико-математический факультет Московского университета, где в течение четырех лет слушал лекции и сдал все зачеты. Однако государственный экзамен держать не стал и вышел из университета. Некоторое время он занимался исключительно сельским хозяйством, а в январе 1892 года областным дворянским собранием был избран почетным попечителем Донской новочеркасской классической гимназии сроком на три года. В августе он был утвержден в этой должности.

В том же году 6 октября И. Н. Ефремов был избран (на три года) почетным мировым судьей Донецкого округа, а 1 февраля 1893 года Правительствующий сенат утвердил это решение. Тогда же приказом по ведомству Министерства юстиции от 16 февраля 1893 года он был «приглашен» к участию в Донецком окружном по крестьянским делам присутствии на период с 1893 по 1895 год.

В последующем И. Н. Ефремов вплоть до Февральской революции каждые три года выбирался в почетные мировые судьи Донецкого округа, причем дважды, в 1895–1898 и 1901–1904 годах, был председателем съезда мировых судей. До 1904 года он совмещал эту должность с выполнением функций почетного

попечителя Новочеркасской гимназии и работой в окружном по крестьянским делам присутствии.

Иван Николаевич Ефремов с восторгом принял октябрьский манифест 1905 года, впервые предоставивший гражданам России, хотя и урезанные, но все же более или менее демократические права и свободы. Он с головой окунулся в политику и, благодаря своей широкой известности на Дону, на съезде землевладельцев абсолютным большинством голосов был избран депутатом I Государственной думы от Области Войска Донского. Ефремов участвовал в создании партии «Мирное обновление», близко примыкавшей по своим позициям к октябристам. С думской трибуны он тщетно призывал депутатов осудить всякое насилие, в том числе и распространившиеся в стране аграрные беспорядки. Перед роспуском думы И. Н. Ефремов предлагал закончить обращение к народу следующими словами: «Государственная дума, действительно пекущаяся об установлении законности и благополучии всего народа, высказывается против погромов, пожаров, грабежей и считает своей задачей осудить всякое насилие и всякий произвол, откуда бы он ни шел». Однако к его голосу тогда еще не прислушивались — молодой политик не имел большого общественного веса.

Во II Государственной думе, просуществовавшей всего несколько месяцев, Ефремов не участвовал. Тем не менее перед ее созывом он опубликовал в «Московском еженедельнике» большую статью о задачах Государственной думы. В ней были сформулированы идеи, которые стали основополагающими во всей деятельности И. Н. Ефремова в III, а затем и IV Государственных думах. «Пора отказаться от правительственного насилия и беззакония и очистить место праву и свободе. Пора возвратить закону его великое значение, чтобы он один действительно определял взаимоотношения государства и его органов с гражданами и этих последних между собою, и чтобы все, от мала до велика, ему неизменно подчинялись, — писал И. Н. Ефремов. — Бесправие граждан и произвол властей развратили все классы. Не видя уважения своих прав, не находя непоколебимой опоры в самом законе и суде, мы привыкли в России не уважать права соседа и преклоняемся лишь перед силой… Чтобы укрепить в народе, во всех слоях его, чувство законности и права, сознание обязанности самому заботиться о своем благополучии и бороться за него, необходимо твердо и последовательно провести во всем государственном строе начала законности и самоуправления…»

Продолжая служить почетным мировым судьей (без жалованья), И. Н. Ефремов достиг в 1908 году чина надворного

советника. К этому времени он уже имел ордена Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 2-й и 3-й степеней.

Выбранный в III, а затем и IV Государственные думы, Иван Николаевич развил активную деятельность и быстро выдвинулся в число видных общественных лидеров. Для претворения в жизнь своих идей обновления российской жизни он обратился через печать с открытым письмом ко всем беспартийным прогрессивным членам Государственной думы. Он призывал их объединиться. «Для осведомления, взаимного ознакомления и сближения» Ефремов предложил свою квартиру. Он указывал, что, оставаясь «диким», то есть не входя в какую-либо организацию, беспартийный член думы чрезвычайно затрудняет свою деятельность: он лишает себя той осведомленности, которую дают групповые или фракционные собрания, не может попасть в комиссию, не может рассчитывать на поддержку товарищей, на «ободряющее общение с людьми, довольно близких по политическим взглядам».

Деятельность И. Н. Ефремова в Государственной думе была обширной и разносторонней. Он был одним из организаторов межпарламентского «общества мира», неоднократно участвовал в международных конгрессах и был избран в центральное бюро Межпарламентского союза мира. По этим вопросам он издал несколько книг, в частности, «Международный третейский суд» (1909 год) и «Русское народное представительство в Англии и Франции в 1909 году» (1911 год).

В Государственной думе Ефремов стал членом Совета старейшин, а также входил в члены бюро Прогрессивного блока. В октябре 1916 года в знак протеста на отказ кадетов включить в основную тактику Прогрессивного блока лозунг об «ответственном министерстве» он вышел из блока с рядом своих сторонников.

В конце 1916 — и начале 1917 года, когда революционная стихия в стране обострилась, И. Н. Ефремов, вместе с некоторыми другими депутатами: А. Ф. Керенским, Н. В. Некрасовым, М. И. Терещенко, А. И. Коноваловым, выступал за более решительную и активную борьбу с правительством, причем призывал к этому не только с думской трибуны, но и путем мобилизации народа и общественных организаций.

27 февраля 1917 года Ефремов был избран членом Временного комитета Государственной думы и являлся активным участником всех последующих за этим событий. Совместно с Д. П. Капнистом, А. М. Масленниковым и М. И. Арефьевым он стал комиссаром Временного правительства в Министерстве внутренних дел и исполнял эту должность до принятия

министерства князем Львовым (бывшим одновременно и министром-председателем).

В первые дни революции Ефремов, как впрочем и другие революционные лидеры, работал исключительно много и плодотворно, успевая повсюду. Он являлся членом Особого совещания по подготовке Положения о выборах в Учредительное собрание. В этот период детище И. Н. Ефремова — Прогрессивная партия — переживало не лучшие свои времена. Чтобы избежать распада, он продумывает вопрос о слиянии ее с какой-либо иной «нарождающейся» партией. Его внимание привлекла Радикально-демократическая партия, которая к тому времени развила бурную деятельность: печатала брошюры, готовила к изданию свою газету, открыла ряд филиалов в провинции и т. п. Иван Николаевич провел переговоры с ее учредителями и убедился в идейной и тактической близости прогрессистов и радикал-демократов. После этого, 25 апреля 1917 года, он вынес вопрос о слиянии прогрессистов с Радикально-демократической партией на обсуждение своей фракции. Было решено войти в партию на автономных началах, сохранив таким образом в целости фракцию в Государственной думе. Такое объединение состоялось в конце мая 1917 года на партийном съезде, и Ефремов стал председателем новой Радикально-демократической партии. Он занимал этот пост до сентября 1917 года.

Когда разразился очередной правительственный кризис, И. Н. Ефремов 2 июля 1917 года на заседании Временного комитета Государственной думы от имени Радикально-демократической партии, которую он возглавлял, выступил с резолюцией в поддержку сохранения коалиции и призывал всеми средствами предотвратить гражданскую войну. Он говорил, что «буржуазные партии не имеют права в такое тяжкое время умывать руки и устраняться от власти, как бы она тяжела не была». Хотя Радикально-демократическая партия и не имела большого общественного веса и влияния в стране (Н. Н. Суханов называл ее «фиктивной величиной»), А. Ф. Керенский все же повел с ней переговоры о формировании нового правительства. По словам Суханова, Керенский пригласил своего «близкого друга» Ефремова и предложил ему занять любой пост в его кабинете. Последний выбрал себе портфель министра юстиции, а заодно и «выторговал» пост министра государственного призрения для члена своей партии московского торгово-промышленного магната Барышникова.

10 июля 1917 года И. Н. Ефремов был назначен членом Временного правительства и министром юстиции. Не имея даже юридического образования, он хорошо сознавал свое положение,

а поэтому, будучи человеком умным и добросовестным, за свое недолгое пребывание в кресле министра юстиции и генерал-прокурора, не брался самостоятельно за разрешение сложных правовых вопросов. Этим занимались его заместители А. А. Демьянов и Г. Д. Скарятин, которых он хорошо знал с давних пор и полностью доверял им. Так что, хотя Ефремов и возглавил министерство, фактически управлять им стали его заместители.

А. А. Демьянов в своих воспоминаниях называл И. Н. Ефремова «почтенным, честнейшим и прекраснейшим человеком». И все же он считал, что назначение его министром юстиции было той ошибкой, какую «неоднократно совершала новая власть, когда имела в виду кого-либо назначить на ответственный пост, полагая, что популярность сделает больше, чем знание и умение». «Без ошибки можно сказать, — продолжал он, — что разрешение самых простых юридических вопросов должно было ставить его в тупик. Я не могу понять, как сам Ефремов мог согласиться пойти в министры юстиции; объясняю это тем, что он, как и другие, признавал необходимым, чтобы во главе отдела власти было лицо, так или иначе стоявшее во главе революционного движения».

В министерстве Ефремов стремился проводить линию на невмешательство политики в деятельность судебных учреждений. При нем были выработаны и приняты некоторые законодательные акты. В частности, 12 июля 1917 года была восстановлена смертная казнь для военнослужащих за некоторые тягчайшие преступления, а также учреждены военно-революционные суды. Другим постановлением правительства, под которым стоит подпись И. Н. Ефремова, «воспрещалось» помещать во всякого рода повременных изданиях, без предварительного просмотра военной цензуры, сведения, относящиеся к военным действиям. За «ослушание» полагалось наказание до одного года тюремного заключения.

Таким образом, политическая обстановка в России диктовала свои условия, и И. Н. Ефремову пришлось в законодательном порядке восстанавливать то, против чего совсем недавно он сам яростно выступал.

21 июля 1917 года после очередного правительственного кризиса Ефремов стал министром государственного призрения и одновременно возглавил малый Совет Министров (Совет товарищей министров). Эти должности он занимал до 25 сентября 1917 года, когда был назначен Чрезвычайным посланником и полномочным представителем Временного правительства в Швейцарии. Там до него и дошла весть об Октябрьской революции.

И. Н. Ефремов не признал Советскую власть и отказался подчиниться распоряжениям народного комиссариата иностранных дел. Более того, он предпринял немало усилий для того, чтобы швейцарские власти выслали из страны полномочного представителя Советской России Я. А. Берзина и способствовал установлению дипломатической блокады Страны Советов. В дальнейшем он стал экспертом правительства Швейцарии по делам России. В эмиграции Ефремов активно занимался политической деятельностью, входя в правое крыло группы П. Н. Милюкова.

Иван Николаевич был женат на дочери тайного советника, шталмейстера С. П. Иловайского — Зинаиде Степановне. Детей у них не было.

Умер И. Н. Ефремов 13 января 1945 года.

«В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВСЕГДА ДЕРЖАЛСЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОНА» Генерал-прокурор АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЗАРУДНЫЙ

Александр Сергеевич Зарудный родился в 1863 году в семье видного деятеля судебной реформы Сергея Ивановича Зарудного и его жены, Зои Александровны. Избрав, как и отец, юридическую стезю, Александр Зарудный все же не пошел по его стопам. Юношу больше привлекала не спокойная и размеренная жизнь кабинетного ученого, а судебная трибуна. Поэтому после окончания в 1885 году престижного Императорского училища правоведения, он поступил на службу в министерство юстиции, где начинал, как и прочие выпускники, с кандидата на должности по судебному ведомству. Первоначально он занимал скромную должность помощника секретаря Петербургского окружного суда и имел чин коллежского секретаря. Казалось бы у него имеются все возможности для быстрого продвижения по службе. Но наступил 1887 год, и карьера Зарудного оказалась под серьезной угрозой.

1 марта 1887 года на Невском проспекте были задержаны с метательными снарядами студенты Петербургского университета Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов и Василий Осипанов. Вскоре были арестованы и другие участники террористической фракции организации «Народная воля»: Александр Ульянов, Петр Шевырев, Иосиф Лукашевич, Михаил Новорусский и еще ряд лиц. Основная группа заговорщиков (15 человек) была предана суду Особого присутствия Правительствующего сената и осуждена 15 апреля 1887 года.

Другую группу (16 человек), в которую входили и братья

Зарудные, Александр и Сергей, обвиняли «в преступных сношениях с участниками злоумышления на жизнь государя императора 1 марта 1887 года». Они были арестованы и содержались в доме предварительного заключения. Допрошенный в качестве обвиняемого Александр Зарудный заявил, что ни Шевырева, ни Ульянова он не знает, и каким образом у последних оказались его адрес и план местожительства, ему неизвестно.

По указанию императора Александра III дело было разрешено в административном порядке (без суда). Александру Зарудному было зачтено время, проведенное им в предварительном заключении, и он был освобожден, а его брат Сергей подлежал высылке в Западную Сибирь сроком на три года. К ссылке в Восточную и Западную Сибирь и различным мерам тюремного заключения были приговорены и другие лица.

Мать Зарудных, Зоя Александровна, 8 мая 1887 года обратилась с прошением к министру юстиции, в котором ходатайствовала о помиловании или снижении наказания ее сыну, Сергею, приговоренному к отправке в Сибирь, но так ничего и не добилась.

Александр Зарудный вскоре после освобождения из дома предварительного заключения взял длительный отпуск и выехал за границу, где находился до марта 1888 года. После возвращения он продолжил службу в Министерстве юстиции. Обладая незаурядными способностями, он к тридцати годам сумел занять довольно высокую должность товарища Петербургского окружного суда.

Современники вспоминали, что А. С. Зарудный был «прекрасным судебным оратором». Как прокурор он был очень неудобен защитникам, так как «никогда не стремился к обвинению во что бы то ни стало или к наибольшему наказанию обвиняемого». Однако эта манера Зарудного больше всего и не устраивала его противников по судебной трибуне — адвокатов, поскольку, «заручившись доверием» присяжных заседателей, он все же добивался вынесения обвинительного приговора, и даже более строгого, чем следовало по справедливости.

Служивший тогда же на аналогичной должности С. В. Завадский писал, что А. С. Зарудный — «человек чистейшей души, но весь — порыв и нередко — слепое увлечение». И далее: «Бескорыстнейший идеалист, добрый и отзывчивый человек, хороший, но несколько медлительный работник, он обладал головою, способной вскипать не хуже самовара. Увлекаясь, он искренне ставил русскую прокуратуру вообще и петербургскую в частности значительно выше, чем требовала строгая справедливость».

Из органов прокуратуры Зарудный ушел, по словам А. А. Демьянова, «вследствие какой-то истории на политической подкладке». После этого, до 1901 года, он служил в юрисконсультской части Министерства юстиции, а затем, приобретя солидный практический опыт, в 37-летнем возрасте вступил в сословие присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты, где сразу же занял почетное положение.

Присяжным поверенным А. С. Зарудный был вплоть до Февральской революции. За это время он участвовал в сотнях политических и уголовных процессах, многие из которых он блестяще выиграл. Его имя стало широко известно и пользовалось большой популярностью. Александр Сергеевич участвовал в таких громких процессах, как дела «Романовцев», первого Совета рабочих депутатов, ЦК Крестьянского союза, лейтенанта Шмидта, о покушении на императора Николая II, дело Бейлиса и др.

Современники высоко отзывались и об ораторском искусстве талантливого адвоката, и о его манере выступления в суде. Вот что писал Б. С. Утевский о дореволюционной деятельности А. С. Зарудного в своей книге «Воспоминания юриста»: «Он был скромным в жизни, лишенным честолюбия человеком. Он не гнался за гонорарами, не думал о заработке и весь отдавался защите на политических процессах. Мне вспоминаются судебные заседания по политическим делам, в которых лидером защиты был Зарудный и в которых мне приходилось участвовать на скромных ролях. К словам Зарудного мы все прислушивались. Уважением он пользовался и у старых адвокатов. Он производил сильное впечатление на присяжных заседателей».

Человек независимый и совестливый, постоянно бившийся за справедливость, Александр Сергеевич Зарудный нередко подвергался гонениям со стороны властей и даже отсидел несколько месяцев в петербургской тюрьме «Кресты», куда был заключен в 1906 году после неудачного протеста адвокатов, выразившегося в блокировании окружного суда.

Во время войны он много времени и сил отдавал общественной деятельности. Так, 20 сентября 1915 года Петроградский Совет присяжных поверенных на общем собрании обсудил ряд инициатив, с которыми выступил Зарудный, в частности, о привлечении адвокатов к выполнению «государственно-полезной работы», об оказании помощи беженцам-адвокатам, об увековечении памяти павших товарищей и некоторые другие.

Февральскую революцию Зарудный встретил восторженно. У

него не возникало никаких сомнений — принимать ее или нет, служить или не служить новой власти. Ответ был однозначен — служить! А. С. Зарудного связывала с А. Ф. Керенским большая личная дружба, поэтому он не колеблясь принял его предложение занять пост товарища министра юстиции. В первом номере «Вестника Временного правительства» за 5 марта 1917 года был напечатан указ о назначении Александра Сергеевича временно исполняющим должность товарища министра, а через несколько дней, 10 марта, он был утвержден в этой должности. Этот пост А. С. Зарудный занимал почти три месяца, вплоть до того дня, когда он 6 июня 1917 года, по словам знавших его людей, «без всякого сожаления», вышел в отставку «по болезни». Эта формулировка, разумеется, была лишь формальным основанием, так как причины его выхода в отставку были гораздо глубже. Службой своей он изрядно тяготился, хотя исполнял ее добросовестно.

Во время постоянных отлучек министра юстиции и генерал-прокурора А. Ф. Керенского, А. С. Зарудный обычно выполнял его обязанности и часто подписывал важные документы. Когда при Министерстве юстиции была создана комиссия по пересмотру Судебных уставов 1864 года, А. С. Зарудный формально стал заместителем ее председателя, хотя фактически он руководил всей работой комиссии. Это и не могло быть иначе, ведь именно Зарудный являлся главным инициатором ее создания. Работой в комиссии Александр Сергеевич очень дорожил и гордился, так как одним из творцов Судебных уставов был его отец, Сенатор С. И. Зарудный. И теперь, спустя 50 лет, сын стремился воссоздать уставы в том виде, как они виделись его отцу и другим юристам, авторам этого великолепного правового памятника России. Ведь в свое время от некоторых позиций им пришлось отказаться под влиянием обстоятельств.

После отставки с поста товарища министра юстиции А. С. Зарудный оставался не у дел чуть больше месяца. 19 июля 1917 года, при министре И. Н. Ефремове, он занял должность старшего председателя Петроградской судебной палаты, на которой пробыл всего несколько дней, так и не успев фактически приступить к своим обязанностям.

25 июля 1917 года Александр Сергеевич вошел в состав нового коалиционного правительства, возглавляемого А. Ф. Керенским, в качестве министра юстиции и генерал-прокурора.

Отдавая должное А. С. Зарудному, как блестящему адвокату, некоторые современники, в частности, его заместитель по Министерству юстиции А. А. Демьянов, были все же невысокого мнения о нем как о политическом деятеле. Он имел, по выражению Демьянова, «массу крупнейших недостатков». Кресло

министра юстиции и генерал-прокурора было явно не для него, что хорошо понимал и сам Зарудный, оставивший этот пост спустя немногим более месяца после назначения. В чем же заключались эти недостатки? Во-первых, он не имел твердой политической основы. В период своей активной адвокатской деятельности он всегда с большим подъемом защищал лиц, выступавших против существующего строя. Во многих судебных процессах звучали его страстные речи. Однако сам он не примыкал ни к какой партии и, во всяком случае, не участвовал как активный ее деятель. «Он верит только себе», — как верно подметил А. А. Демьянов. В то же время Зарудный понимал, что оставаясь вне партии, он остается и вне активной политической жизни страны. Поэтому перед революцией А. С. Зарудный примыкает к Трудовой народно-социалистической партии, которую основал историк и публицист В. А. Мякотин.

Во-вторых, как отмечали современники, А. С. Зарудный был уверен в себе «сверх меры». Отсюда он часто бывал не прав, иногда несправедлив, быстро увлекался до того, что даже глаза выдавали его волнение. В своих воспоминаниях А. А. Демьянов приводит слова двоюродного брата министра — С. М. Зарудного, который сравнивал его с Савонаролой. Он говорил: «Посмотрите на его глаза; если кто нас приговорит к смертной казни, то это брат Саша».

А. А. Демьянов писал: «А. С. Зарудный был тяжел в сношениях с другими. Вместе с тем это был до крайности добрый человек. Нужно было видеть его кроткую улыбку, когда он шутил, или был весел, чтобы полюбить его. Зная его самостоятельность мнений и нетерпимость, я был уверен, что министром он долго не пробудет. Так оно и вышло».

А. С. Зарудный, вследствие горячности своей натуры, неоднократно имел серьезные столкновения с сослуживцами. А. А. Демьянов писал, что «Зарудный в служебных отношениях всегда держался официального тона, то есть как начальство. Он считал это принципиально необходимым. А прежних товарищей его по сословию это раздражало: они не признавали за Зарудным права распоряжаться ими по своему усмотрению».

В связи с событиями 3–5 июля 1917 года Временное правительство 9 июля приняло постановление, в котором предписывалось «арестовать и привлечь к судебной ответственности, как виновных в измене Родине и предательстве революции всех лиц, участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти». Для расследования была организована Особая следственная комиссия.

За министра юстиции это постановление подписал Г. Д. Скарятин. На следующий день министр-председатель А. Ф. Керенский лично прибыл в министерство юстиции для того, чтобы дать правильное направление расследованию июльских событий. Он прошел в кабинет Г. Д. Скарятина и имел с ним продолжительную беседу во время которой указал на необходимость твердости в ведении следствия.

После посещения Керенским министерства, Г. Д. Скарятин срочно собрал прокуроров и следователей, на которых можно было возложить следствие, и провел с ними совещание. Он рассказал о предстоящем расследовании и о тех задачах, которые правительство поставило перед судебными деятелями. Основной упор делался при этом на обвинение большевиков во главе с В. И. Лениным в государственной измене, организации восстания и шпионаже в пользу Германии. Некоторые участники совещания высказались за то, чтобы комиссией руководил министр юстиции как генерал-прокурор, но затем все сошлись на том, что возглавить комиссию должен прокурор Петроградской судебной палаты Н. С. Каринский.

Вначале предполагалось, что комиссия будет заниматься расследованием июльских событий в полном объеме. Однако опытные прокуроры и следователи, включенные в комиссию, запротестовали. В конце концов было решено выделить материалы об участии в восстании военных чинов и передать их в другую комиссию.

Особую следственную комиссию возглавил прокурор Н. С. Каринский. За следствием наблюдали товарищи прокурора судебной палаты Репнинский, Пенский, Поволоцкий, Моложавый и Попов. Представительной была и следственная часть. В нее вошли судебные следователи по особо важным делам Петроградского окружного суда П. А. Александров и Бокитько, по важнейшим делам — Сергеевский и Сцепура и участковые судебные следователи Можанский и Фридриберг.

Общее руководство и направление следствию давал генерал-прокурор. Следствие началось еще при И. Н. Ефремове (он практически не вникал в это дело, и все указания поступали от его заместителя Г. Д. Скарятина), продолжалось при А. С. Зарудном, а затем при П. Н. Малянтовиче.

Наиболее интенсивный период следствия приходился на то время, когда органы прокуратуры возглавлял А. С. Зарудный.

Вскоре ведущее положение в комиссии занял судебный следователь по особо важным делам П. А. Александров, которому было поручено предъявить обвинение В. И. Ленину. Министерство юстиции (там уже занимал пост генерал-прокурора А. С.

Зарудный) продолжало усиленно давить на следователей, требуя скорейшего ареста В. И. Ленина, который, конечно, был «центральной и крупной фигурой следствия». П. А. Александров, по его словам, считал, что результаты следствия не дают оснований для признания ареста вождя большевиков необходимым, и поэтому он отказался сделать такое распоряжение. Тогда А. Ф. Керенский лично дал указание о допросе В. И. Ленина. После этого Александров вынужден был выдать полиции предписание о приводе В. И. Ленина для допроса, твердо решив не арестовывать его, о чем поставил в известность и прокурора судебной палаты. Однако постановление следователя выполнено не было.

А. С. Зарудный, в качестве генерал-прокурора, постоянно интересовался ходом расследования. Подробный и обстоятельный доклад был сделан ему Александровым сразу же после его назначения. Зарудный оставил у себя материалы на 5–6 дней, после чего вернул их, так и не дав указаний, в каком же направлении вести дальнейшую работу.

П. А. Александров вспоминал, что у него произошло лишь одно серьезное столкновение по этому делу с А. С. Зарудным. Вопрос касался Л. Б. Каменева. Во время следствия из контрразведки поступил дополнительный материал о виновности Каменева в государственной измене (он был к этому времени уже арестован). А. С. Зарудный дал указание привлечь его в качестве обвиняемого. Однако Александров придерживался иного мнения. Он полагал, что бессмысленно привлекать человека в качестве обвиняемого по делу, которое должно быть прекращено (в этом он был уже твердо убежден). Это он и сказал Зарудному. Тот заявил, что «надо быть последовательным и, если привлечены Троцкий и другие, то должен быть привлечен и Каменев». Следователь возразил, сказав, что «лучше быть непоследовательным в правде, чем последовательным в неправде». А. С. Зарудный не стал настаивать, а просто передал решение этого вопроса следователю Сергеевскому. Однако и тот не предъявил Каменеву обвинения, и 4 августа последний был освобожден.

В августе 1917 года для многих членов комиссии стало ясно, что дело не имеет никакой судебной перспективы, но А. С. Зарудный все еще не соглашался на его прекращение. Тогда П. А. Александров начал изменять меру пресечения обвиняемым (к тому же на комиссию оказывалось давление и со стороны Советов). Раздутое до невероятных размеров дело в отношении большевиков (оно составляет 20 томов) так и осталось незавершенным.

В конце августа 1917 года Временное правительство вновь оказалось в глубочайшем кризисе. Многие министры подали в отставку. 1 сентября 1917 года, А. С. Зарудный, в качестве министра юстиции поставил свою подпись под очень важным документом — вместе с А. Ф. Керенским он подписал манифест Временного правительства о провозглашении России республикой и о создании Директории (из пяти лиц из состава правительства во главе с министром-председателем), которой и была передана вся полнота власти «для восстановления потрясенного государственного порядка».

А. С. Зарудный после отставки продолжал активную политическую деятельность вплоть до Октябрьской революции.

При Советской власти Зарудный отошел от партии социалистов. Он преподавал в высших учебных заведениях, а также продолжал выступать в суда х по уголовным делам. Б. С. Утевский писал о нем: «После Октябрьской революции он был одним из тех немногих адвокатов его поколения, которые выступили против саботажа Советской власти и продолжали работу в суда х в качестве защитников. В 1922 году он выступал в народном суде в Ялте и говорил в своей защитительной речи, что «только в пролетарском суде мыслимо выяснить… все, что надо для защиты» и что «только наше законодательство отводит в процессе столь широкое место выяснению и изучению личности обвиняемого».

В 1933 году по ходатайству Общества политкаторжан Александру Сергеевичу Зарудному была назначена персональная пенсия.

Умер А. С. Зарудный в 1934 году.

«ОТЧЕТЛИВО СОЗНАВАЛ БЕЗНАДЕЖНОСТЬ БОРЬБЫ»
Генерал-прокурор ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ МАЛЯНТОВИЧ

Павел Николаевич Малянтович родился в 1869 году в городе Витебске, в семье чиновника невысокого ранга. Его отец служил в частных и государственных организациях и одно время был ревизором городских сборов при Петербургском городском управлении. Юноша рано начал помогать семье — в 14 лет он уже давал уроки. В 18-летнем возрасте Павел Малянтович поступил на юридический факультет Московского университета. Однако его увлекала не только учеба. Он проникся идеями народничества и сблизился с лицами, вступившими в борьбу с правительством путем распространения нелегальной литературы. Он вошел в кружок Шамахова, Корнатовского, Кранихвельд и других, где занял видное место. Однако им вскоре заинтересовалась полиция.

В конце 1889 года Малянтович попал под подозрение по делу «О преступном сообществе, имевшем целью революционную пропаганду и злоумышление против государя», возбужденному Смоленским губернским жандармским управлением. Это дознание закончилось для него не столь благополучно — по высочайшему повелению от 5 июня 1890 года Павел Малянтович был подвергнут трехмесячному тюремному заключению.

Спустя год Московский генерал-губернатор представил в университет «неблагоприятные в политическом отношении

сведения» о Малянтовиче, вследствие чего он был исключен из этого учебного заведения. Одновременно полиция запретила ему проживание в столице. Дослушивать курс Малянтовичу пришлось в Юрьевском (Дерптском) университете. В 1893 году он все же получил диплом о высшем юридическом образовании.

13 ноября того же года П. Н. Малянтович вступил в сословие присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. Первые пять лет он был помощником адвоката, а затем, с 1898 года, стал полноправным присяжным поверенным. Активной профессиональной деятельностью он занимался до сентября 1917 года, когда ему суждено было стать последним министром юстиции и генерал-прокурором России.

С юности связанный с революционным движением, П. Н. Малянтович и в дальнейшем оказывал значительные услуги партии социал-демократов (преимущественно большевикам, хотя посещал и собрания меньшевиков), а также партиям социал-революционеров и кадетов. Однако сам он ни в какую партию не вступал.

Павел Николаевич Малянтович довольно быстро выдвинулся в число лучших присяжных поверенных Москвы. Он выступал в качестве защитника преимущественно по политическим делам. За свою долгую адвокатскую деятельность участвовал в сотнях процессах: политических, уголовных, гражданских. Во многих из них он добивался оправдания подсудимых либо смягчения им наказания. П. Н. Малянтович защищал крестьян в Харьковской и Полтавской губерниях, обвиненных в организации беспорядков, рабочих Гусь-Хрустального Владимирской губернии, фабрики Морозова, Сормовского, Брянского, Коломенского заводов, а также рабочих Костромской губернии и области Войска Донского. Его страстные речи звучали на процессах революционеров: в деле первого Совета рабочих депутатов в Петербурге, делах Носаря-Хрусталева, Троцкого и других. Он защищал большевиков по делу о восстании на крейсере «Азов», в «Неплюевском деле» в Севастополе, в деле о вооруженном восстании в Москве; армян, обвиняемых в восстании (процессы в Эривани, Карсе и другие); различных политических деятелей в процессах о печати (в частности, выступал по делу газеты партии социал-демократов «Борьба», по делу о распространении социал-демократических изданий в Калуге и т. д.)

Современники высоко ценили профессиональную деятельность Павла Николаевича. Московский адвокат С. И. Барский вспоминал: «П. Н. Малянтович был широко известен как один из крупнейших политических защитников дореволюционной России. Демократическое направление всех мыслей, действий и

стремлений Павла Николаевича никаких сомнений не вызывало и выражалось, в частности, в его смелых защитах политических обвиняемых перед царским судом».

Малянтович занимался большой общественной деятельностью. Он состоял членом Московского Совета присяжных поверенных, а также различных московских обществ: юридического, технического, вспомоществования несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения, Петербургского вольно-экономического общества и др.

Присяжным поверенным был и младший брат П. Н. Малянтовича, Владимир Николаевич, вступивший в это сословие незадолго до Первой мировой войны. После Февральской революции он служил товарищем прокурора Московского окружного суда, а затем — товарищем министра почт и телеграфов.

После отставки А. С. Зарудного министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский усиленно подыскивал подходящего кандидата на пост министра юстиции и генерал-прокурора. При этом он не хотел отходить от своего основного принципа — назначать на ответственные должности только лиц, громко заявивших о себе на общественном поприще и принадлежавших к какой-либо ведущей политической партии.

В кулуарах министерства юстиции все чаще и чаще называлось имя московского адвоката П. Н. Малянтовича, который подходил для должности министра по всем параметрам: он был достаточно умен, деятелен и очень популярен в общественных кругах. Правда, не принадлежал ни к какой партии. И все же некоторые ведущие сотрудники министерства юстиции довольно скептически относились к идее Керенского о назначении Малянтовича министром. Более того, временно исполнявший обязанности управляющего министерством А. А. Демьянов пытался даже осторожно, через своего приятеля А. Я. Гальперина, бывшего тогда управляющим делами Совета Министров, повлиять на министра-председателя и уговорить его воздержаться от назначения Малянтовича. Впоследствии он объяснял это тем, что П. Н. Малянтович в ряде случаев открыто отрицал «силу существующих законов только потому, что закон этот в данный момент неудобен». Человек с такими взглядами, по его мнению, не годился на должность министра юстиции и генерал-прокурора. «Лично против Малянтовича я ничего не имел, — писал впоследствии А. А. Демьянов. — Мы были всегда с ним в самых лучших отношениях. Наши отношения не изменились бы и далее, если бы сам Малянтович не подал к этому повода. Малянтович — типичный московский адвокат.

Московский адвокат никогда ничего просто не делает; он во всем открывает Америку; никогда ничего просто не скажет, но непременно сошлется на свою необыкновенную проницательность в делах, которая помогает ему открыть или понять обстоятельства, столь полезные для интересов дела. Словом, ничего просто московский адвокат не скажет, а все им подается как бы на особенном блюде и с гарниром».

Однако А. Ф. Керенский своего намерения не изменил и вскоре через Терещенко сделал официальное предложение П. Н. Малянтовичу. Сам Павел Николаевич так рассказывал об этом: «В октябре 1917 года я был приглашен войти в состав Временного правительства. Я был вызван в Петроград министром финансов Временного правительства Терещенко. Он передал мне это приглашение и сказал, что делает его по прямому указанию Керенского. Последнего я знал до революции 1917 года, как присяжного поверенного, с которым часто встречались на политических процессах царского времени, как защитники. Передав мне приглашение вступить в состав Временного правительства и занять должность министра юстиции, Терещенко спросил меня, к какой партии я принадлежу. Я ответил, что не состою ни в какой партии, но по взглядам своим меньшевик. Тогда мне Терещенко предложил оформить мое вступление в меньшевистскую организацию, что мной и было сделано при содействии министра внутренних дел Временного правительства Никитина».

П. Н. Малянтович был назначен членом Временного правительства, министром юстиции и генерал-прокурором 25 сентября 1917 года и пробыл на этом посту ровно месяц, до Октябрьской революции. Работа в министерстве давалась П. Н. Малянтовичу с трудом. Он, по выражению Демьянова, «сразу пришелся не ко двору», а поэтому и не пользовался популярностью в Совете Министров. У него не было опыта аппаратной работы, что подмечали многие.

В октябре 1917 года Временное правительство усиленно готовилось к созыву Учредительного собрания. К этому времени было уже известно, что большевики готовят вооруженное восстание для захвата власти. «По этому поводу Керенский сделал доклад во Временном правительстве и внес предложение предотвратить вооруженное восстание путем ареста Ленина, а также и других видных руководителей партии большевиков, — рассказывал позднее П. Н. Малянтович. — По словам Керенского, к такому решению пришли меньшевики, эсеры и трудовики на своих совещаниях. Из участников совещания меньшевиков он назвал Никитина, Либера, Дана, Церетели, Чхеидзе, из эсеров

Гаца, Чернова и Авксентьева… Для выполнения этого решения Керенский предложил мне подготовить приказ об аресте Ленина».

Выполняя это указание, П. Н. Малянтович разослал органам власти и прокурорам на местах телеграмму следующего содержания: «Постановлением Петроградской следственной власти Ульянов-Ленин В. И. подлежит аресту в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении третьего, пятого июля в Петрограде, ввиду сего поручаю Вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления, в случае появления названного лица в пределах вверенного Вам округа. О последующем донести. Министр юстиции П. Н. Малянтович».

Как известно, В. И. Ленин был надежно укрыт на конспиративной квартире в Петрограде, и накануне переворота загримированный и переодетый, свободно прошел в штаб вооруженного восстания — Смольный институт.

25 октября министр юстиции и генерал-прокурор П. Н. Малянтович вместе с другими членами правительства находился в Зимнем дворце, где и был арестован.

27 октября 1917 года, на основании предписания исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, комиссар Петропавловской крепости подпоручик Тарасов-Роддонов отдал приказ начальнику Трубецкого бастиона об освобождении из-под стражи нескольких министров-социалистов, в том числе и П. Н. Малянтовича. Имеются сведения, что это было сделано по указанию (или во всяком случае, с ведома) В. И. Ленина.

Встретившийся с П. Н. Малянтовичем вскоре после его выхода из крепости А. А. Демьянов заметил в нем разительную перемену. Он писал, что Малянтович тогда «производил впечатление развалины, но не с точки зрения физической, а в моральном отношении. Казалось, Малянтович уже ни во что не верил, на все глядел с мрачностью и недоверием. Хуже всего было то, что свое пессимистическое настроение он применял там, где говорилось о необходимости действовать. Он как бы гасил тот огонь, который горел еще в умах и сердцах желавших бороться. Этим он в тот момент принес много вреда».

Вскоре после освобождения из Петропавловской крепости Павел Николаевич вышел из партии меньшевиков и вернулся в Москву, где почти 25 лет назад начинал свою блестящую адвокатскую деятельность. И теперь, когда ему уже почти 50 лет, приходилось все начинать сначала. Было отчего прийти в отчаяние. В Москве он встретился со своими бывшими товарищами, в частности адвокатом Н. К. Муравьевым. Вместе обсуждали, как жить дальше, поругивали большевиков. К этому

времени у Малянтовича было четверо детей, правда, старший сын, Николай, уже определился с выбором своего пути и решил эмигрировать. Владимир и Георгий оставались с отцом. Самой младшей в семье была дочь, Галли, ей едва исполнилось 9 лет.

В начале августа 1918 года П. Н. Малянтович выехал в Пятигорск, где проходила курс лечения его жена, Анжелика Павловна. Здесь его застал переворот, произведенный Добровольческой армией. В октябре того же года он перебрался с семьей в Екатеринодар (Краснодар), где проживал до сентября 1921 года. При белогвардейцах Малянтович занимался исключительно юридической (консультационной) практикой — был товарищем юрисконсульта общегородской больничной кассы. После освобождения Екатеринодара (март 1920 года) он поступил на службу в Кубанско-Черноморский областной отдел народного образования, и выполнял обязанности секретаря комиссии по разбору дел несовершеннолетних.

21 сентября 1921 года нарком просвещения А. В. Луначарский и нарком юстиции Д. И. Курский, хорошо знавшие Малянтовича, вызвали его на работу в Москву. В 1921–1922 годах П. Н. Малянтович работал юристом в главлескоме Высшего совета народного хозяйства и в юридическом отделе Президиума ВСНХ. С октября 1923 по февраль 1924 года он был главным юрисконсультом акционерного общества «Транспорт». В этот период были предприняты попытки привлечь его к ответственности за телеграмму об аресте В. И. Ленина. Малентовича даже задерживали, но вскоре освободили. Он принимал самое деятельное участие в организации советской адвокатуры, а затем сам многие годы занимался адвокатской практикой. Причем он всегда пользовался полным доверием. Об этом свидетельствует тот факт, что он имел допуск к так называемым «спецделам».

Новая волна гонений на старую, дореволюционную интеллигенцию началась летом 1930 года. Посыпались доносы и на «старорежимных» адвокатов. Президиум Московской коллегии защитников рассматривал заявления в отношении целой группы адвокатов, в том числе и на П. Н. Малянтовича. 13 декабря 1930 года он все же был арестован органами ОГПУ, а 10 мая 1931 года, после почти пятимесячного заключения, постановлением ОГПУ приговорен к 10 годам лишения свободы. Ему вменялась в вину принадлежность к центральному бюро меньшевистской организации (было установлено, что он два раза встречался с Н. Н. Сухановым). В связи с арестом он был исключен из коллегии адвокатов. Только благодаря стараниям друзей, которые сразу же бросились ходатайствовать за опального адвоката, подключив к

этому делу А. И. Рыкова, А. М. Лежаву, Н. И. Муралова, П. Г. Смидович, А. А. Сольца и других деятелей большевистской партии, высоко ценивших П. Н. Малянтовича, 28 мая 1931 года он был освобожден из тюрьмы. Правда, ему вначале было запрещено проживать в Москве, Ленинграде, в Северно-Кавказском крае, на Украине и во многих других местах страны в течение трех лет. И лишь 4 октября 1931 года дело было окончательно прекращено. 14 октября Малянтович обратился с заявлением в Президиум Московской городской коллегии защитников о восстановлении в ее членах. Постановлением от 18 ноября 1931 года Павел Николаевич Малянтович вновь был допущен к адвокатской деятельности.

В течение нескольких лет после освобождения из тюрьмы П. Н. Малянтович имел возможность более или менее спокойно заниматься любимым делом. Он часто выступал в суда х, вел общественную работу. Его жена, Анжелика Павловна, была уже тяжело больна (она почти ослепла). Старший сын, Николай, находился в Берлине; Владимир и Георгий проживали в Москве и, так же как и отец, были членами коллегии защитников. Дочь, Галли Павловна, работала юрисконсультом в Главспирте.

Наступил 1937 год. В сентябре, защищая в так называемом спецделе очередного «контрреволюционера», П. Н. Малянтович, как отмечено в документах, допустил в своей речи выпад (надо полагать, против власти), за что и был исключен из коллегии адвокатов. Теперь ему опять стали припоминать «старые грешки» (приказ об аресте В. И. Ленина, проживание в период гражданской войны на территории, занятой белогвардейцами, и т. п.).

1 ноября 1937 года заместитель комиссара внутренних дел СССР подписал ордер об аресте П. Н. Малянтовича. В тот же день он был доставлен во внутреннюю тюрьму. Начался последний, самый трагический период его жизни. 26 ноября 1937 года Малянтовичу было предъявлено обвинение в том, что он «будучи членом партии меньшевиков и непримиримым врагом пролетарской революции, в 1917 году вошел в состав Временного правительства, заняв пост министра юстиции и главного прокурора».

Следователи так и не смогли добиться от П. Н. Малянтовича признательных показаний. Только этим можно объяснить то, что следствие продолжалось более двух лет (обвинительное заключение было составлено старшим следователем следственной части ГУГБ НКВД СССР старшим лейтенантом государственной безопасности Мироновичем 9 января и утверждено прокурором 19 января 1940 года).

К этому времени были уже осуждены и расстреляны его сыновья Владимир и Георгий, осужден брат Владимир Николаевич, расстреляны его друзья А. М. Долматовский, А. С. Тагер, В. П. Денике, Н. Г. Вавин, А. М. Никитин и некоторые другие участники так называемого контрреволюционного заговора, идейным вдохновителем которого считался П. Н. Малянтович.

Дело по обвинению П. Н. Малянтовича в преступлениях, предусмотренных статьями 19-58-8 и 58–11 УК РСФСР слушалось военной коллегией Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании 21 января 1940 года. Военная коллегия признала Малянтовича виновным в указанных преступлениях и приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ему имущества.

В деле имеется справка о том, что приговор о расстреле П. Н. Малянтовича приведен в исполнение в г. Москве 22 января 1940 года.

Вскоре после смерти И. В. Сталина, когда стали вскрываться многочисленные факты произвола и беззакония, дочь П. Н. Малянтовича, Галли Павловна Шелковникова, обратилась в Главную военную прокуратуру с просьбой о пересмотре дела ее отца. Однако тогда полностью реабилитирован он не был. Последняя точка в этом деле была поставлена лишь 13 мая 1992 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации пересмотрела по заявлению внука бывшего российского генерал-прокурора П. Н. Малянтовича, Кирилла Георгиевича Малянтовича, дело его деда и признала, что на П. Н. Малянтовича полностью распространяется действие Закона РСФСР от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

«ТАМ, ГДЕ ГРЕМЯТ ПУШКИ, МОЛЧИТ ПРАВО»
Прокурор республики ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ КУРСКИЙ

Дмитрий Иванович Курский родился 22 октября 1874 года в Киеве в семье инженера-технолога Ивана Александровича и его жены Марии Васильевны, дочери украинского помещика. Иван Александрович умер рано, и всю нелегкую ношу по воспитанию троих сыновей и дочери Мария Васильевна взвалила на свои плечи. Первое время Дмитрий учился в гимназии небольшого городка Прилуки в Полтавской губернии, а позднее выдержал конкурсный экзамен в Коллегию Павла Галагана (среднее учебное заведение в Киеве).

Дмитрий Курский учился превосходно и окончил коллегию с золотой медалью. В августе 1893 года он без особого труда поступил на юридический факультет Московского университета. Уже в то время довольно прочно и основательно сформировалось его мировоззрение. Он увлекся марксизмом и материализмом, достал и тщательно проштудировал первый том «Капитала» К. Маркса. В университете Дмитрий примкнул к украинскому землячеству и активно участвовал в студенческом движении. Он познакомился с семьей известного профессора западной литературы Н. И. Стороженко и часто бывал у него дома, где встречался с такими знаменитостями, как А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, М. М. Ковалевский, И. М. Сеченов, И. И. Янжул. У профессора он познакомился и с великим Л. Н. Толстым.

В 1896 году Д. И. Курский за участие в массовой и бурной студенческой сходке был впервые арестован и посажен в Бутырскую тюрьму, где он пробыл почти месяц, успев за это

время основательно пополнить свое революционное образование.

В 1900 году Курский окончил университет, получив диплом юриста и золотую медаль, что давало ему право остаться на кафедре для подготовки к профессорскому званию. Помешала репутация «неблагонадежного». В том же году произошло еще одно знаменательное событие — он познакомился с 18-летней Анной Сергеевной Рогинской, которая в сентябре 1901 года стала его женой.

Некоторое время после окончания университета Дмитрий Иванович служил в Управлении железных дорог, а в 1902 году вступил в сословие присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. Он часто выступал в различных аудиториях, активно участвовал в работе в консультации, образованной при съезде мировых судей, занимался журналистикой. В 1904 году Д. И. Курский вступил в члены только что образованной Российской социал-демократической рабочей партии, примкнув к большевикам. Во время русско-японской войны его мобилизовали, и он проходил службу в составе Моршанского полка. После тяжелой контузии в декабре 1904 года он вернулся в Москву. Дмитрий Иванович продолжил заниматься адвокатской практикой и журналистской деятельностью, а также с головой ушел в революционную борьбу. В декабре 1905 года он участвовал в вооруженном восстании в Москве — строил баррикады и сражался на них в районе Садовой улицы. В 1906 году Д. И. Курский вошел в бюро Московской областной организации большевиков. Он много и плодотворно работал и как партийный организатор, и как юрисконсульт, используя каждую легальную возможность для революционной пропаганды. В начале сентября 1909 года, выданный провокатором, он вторично угодил за решетку. Однако в конце сентября полиция вынуждена была освободить его, так как никаких доказательств виновности добыть так и не сумела.

С началом Первой мировой войны Д. И. Курский был мобилизован на фронт. Он командовал ротой, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве. Весть о Февральской революции 1917 года застала Дмитрия Ивановича на Румынском фронте. Солдаты избрали прапорщика Курского председателем своего Совета, а затем и делегатом I Всероссийского съезда Советов. Октябрьские события он встретил в Одессе, где был членом революционного комитета Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа. В середине ноября 1917 года Д. И. Курский приехал в Москву. Большевики поручили ему организацию нового «пролетарского суда».

К концу декабря 1917 года в Москве было образовано 20

местных судов, а также избран Московский совет местных народных судей под председательством Н. А. Черлюнчакевича. Тогда же Моссовет образовал и комиссариат по судебным делам, ставший высшим органом судебной власти в городе. Возглавил его Д. И. Курский. После переезда Советского правительства в Москву, в апреле 1918 года Дмитрий Иванович Курский был назначен заместителем народного комиссара юстиции, а в сентябре 1918 года был утвержден в должности наркома юстиции РСФСР, сменив на этом посту П. И. Стучку. Курский руководил работой 1-го Всероссийского съезда областных и губернских комиссаров юстиции (апрель 1918 года), занимался подготовкой первых советских законов: Конституции РСФСР, Кодекса законов о труде, законов о гражданском состоянии, о национализации промышленности, о едином суде и многих других.

В 1919 году по решению ЦК РКП(б) Д. И. Курского без освобождения от своих основных обязанностей, назначают комиссаром главного и полевого штабов и одновременно он становится членом Реввоенсовета республики. Частые поездки на фронт отрывали его от руководства Наркоматом юстиции. Дальнейшую реорганизацию суда пришлось на некоторое время отложить. Во время гражданской войны задачи, решаемые органами юстиции, заметно сузились. На первый план карательной политики государства, в связи с необходимостью защиты завоеваний революции, выдвинулись теперь органы ВЧК и ревтрибуналы, которые, как известно, не особенно считались с буквой закона. В одной из своих статей Д. И. Курский писал: «Там, где гремят пушки, молчит право».

В конце 1920 года Д. И. Курский был демобилизован и мог теперь с прежней энергией заниматься вопросами Наркомата юстиции, перед которым вставали совершенно новые задачи. XI Всероссийская конференция РКП (б) признала необходимым «внедрение во всех областях жизни строгих начал революционной законности». Наркомюст приступил к разработке целой системы норм как материального, так и процессуального права. Остро встал вопрос и о создании органа, способного обеспечить надзор за соблюдением законов, поскольку отделы юстиции с этой задачей явно не справлялись. По мысли В. И. Ленина, таким органом могла стать прокуратура. По его поручению Дмитрий Иванович приступил к подготовке проекта декрета о создании советской прокуратуры. В конце февраля 1922 года работа над проектом была завершена, и он поступил на рассмотрение 3-й сессии ВЦИК РСФСР 9-го созыва, которая открылась 12 мая 1922 года. Доклад по проекту декрета о прокуратуре сделал Н. В. Крыленко.

Председатель Совнаркома В. И. Ленин, из-за болезни не участвовавший в работе сессии ВЦИК, но пристально следивший за ходом обсуждения всех вопросов, был принципиально не согласен с тем, что проект декрета о прокуратуре предполагал ее двойное подчинение. Он продиктовал из Горок, где тогда находился, по телефону письмо, адресованное Генеральному секретарю ЦК И. В. Сталину «для Политбюро» «О «двойном» подчинении и законности». В нем содержались не только основные, принципиальные положения о социалистической законности, но и теоретическое обоснование необходимости единой законности для всего Советского государства. Это письмо решило исход спора в пользу сторонников централизованного подчинения органов прокуратуры. Политбюро ЦК полностью согласилось с предложениями В. И. Ленина. 26 мая 1922 года сессия ВЦИК приняла Положение о прокурорском надзоре, в котором идеи, высказанные ранее Н. В. Крыленко и поддержанные В. И. Лениным были полностью сохранены. 28 мая постановление сессии было подписано Председателем ВЦИК М. И. Калининым. В этот день была создана Государственная прокуратура РСФСР.

Первым прокурором республики стал нарком юстиции РСФСР Дмитрий Иванович Курский. Ему пришлось сразу же браться за решение многочисленных проблем, связанных с организацией нового института законности.

Среди них на одно из первых мест выдвигались кадровые вопросы — следовало подобрать толковых, инициативных людей на должности губернских прокуроров, помочь им укомплектовать штаты прокуратуры не только помощниками, но и техническим персоналом. Не менее важная проблема — определение структуры отдела прокуратуры Наркомата юстиции и губернских прокуратур, ориентирование подчиненных на выполнение самых важных и неотложных задач, обеспечение их достаточной нормативной базой. Положение о прокурорском надзоре намечало лишь самый основной круг обязанностей прокуроров, которые необходимо было конкретизировать.

Большой удачей для Д. И. Курского следует считать назначение заместителем наркома и старшим помощником прокурора энергичного и работоспособного Николая Васильевича Крыленко, который сразу же взвалил на свои плечи огромное количество дел по организации прокуратуры.

Коллегия Наркомюста посвятила несколько своих заседаний вопросу проведения в жизнь Положения о прокурорском надзоре. 22 и 26 июня 1922 года были рассмотрены и утверждены штаты организованного отдела Государственной прокуратуры

Наркомата юстиции (6-й отдел), а 29 июня — штаты губернских прокуратур. Отдел включал в себя подотделы общего надзора, надзора за органами следствия и дознания, государственного обвинения и секретариат.

Коллегия Народного комиссариата юстиции приняла решение вводить институт прокуратуры постепенно — вначале в тех губерниях, для которых имелись проверенные и испытанные кандидаты на должности прокуроров, а затем и в остальных, но с тем расчетом, чтобы на всей территории республики назначение прокуроров последовало не позднее 1 августа 1922 года, поскольку именно эта дата была определена Президиумом ВЦИК как начальная для введения в действие Положения о прокурорском надзоре.

Началом работы советской прокуратуры следует считать 25 июля 1922 года. Именно тогда состоялось первое совещание 32 назначенных прокуроров губерний и областей. Открывая его, Курский назвал собравшихся «первыми застрельщиками в борьбе за законность». Участники совещания заслушали доклады прокурора республики Д. И. Курского, его старшего помощника Н. В. Крыленко, а также сообщение Лунина и получили ряд указаний по основным вопросам работы. 29 июля 1922 года Д. И. Курский утвердил «Временную инструкцию губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора».

1 августа 1922 года в 11 губерниях прокуроры приступили к работе. В течение августа-сентября открылись еще 35 губернских прокуратур. Уже к 1 ноября 1922 года из 2779 штатных должностей, выделенных для работников органов прокуратуры (с техническим персоналом), было замещено около 50 процентов, в том числе укомплектованы 326 должностей губернских прокуроров и их помощников. Назначение прокуроров губерний в основном происходило вполне успешно. Местные руководители без каких-либо возражений соглашались с кандидатурами, выдвинутыми центром. Однако в некоторых губерниях власти все же пытались навязать прокурору республики своих людей, причем, недостаточно компетентных для столь ответственной работы. Особенно трудно шло назначение прокурорских работников в Кабардинской области, в Коми, Пензенской губернии, где к концу 1922 года прокуратуры были укомплектованы лишь на 10–25 процентов. К 1 января 1923 года в РСФСР были назначены все 58 губернских прокуроров.

Работники отдела прокуратуры НКЮ, губернские прокуроры и их помощники часто выступали перед населением, на активах, сессиях, совещаниях, публиковали статьи и заметки в газетах и журналах, принимали трудящихся, нередко прямо на заводах и

фабриках. Они рассказывали людям о прокуратуре и ее полномочиях, о борьбе с преступностью, о необходимости строгого соблюдения революционной законности, разъясняли гражданам их права и обязанности, давали консультации по трудовым, жилищным и иным вопросам. При этом прокуроры старались подчеркнуть, что рабочие и крестьяне имеют в их лице первых и самых надежных защитников и охранителей своих интересов. Все это повышало авторитет прокуратуры. Постепенно налаживались деловые отношения с исполкомами и другими местными органами. 1–5 июня 1923 года Наркомюст организовал в Москве большое совещание прокурорских работников. В конце 1924 года было впервые выпущено «Руководство для прокуроров».

В 1921 году Д. И. Курский стал членом Президиума ВЦИК, а в 1923 году — членом Президиума ЦИК СССР. Он участвовал в создании первой Конституции СССР и был докладчиком ее проекта на XI Всероссийском съезде Советов, где она обсуждалась перед утверждением на II съезде Советов СССР. На XII Всероссийском съезде Советов (1925 год) он выступил с докладом о проекте второй Конституции РСФСР, над которой ему лично пришлось работать. На XIV съезде ВКП(б) Дмитрий Иванович был избран членом Ревизионной комиссии ЦК партии, а в 1927 году — членом Центральной контрольной комиссии. Он избирался делегатом многих партийных съездов (VIII, X–XV).

16 января 1928 года постановлением Президиума ВЦИК Д. И. Курский был освобожден от обязанностей народного комиссара юстиции и прокурора республики. Дмитрий Иванович стал полномочным представителем СССР в Италии. Там он пробыл около пяти лет. В октябре 1932 года вернулся на родину.

Скончался Д. И. Курский 20 декабря 1932 года.

«ВОИНСТВУЮЩИЙ БЕЗБОЖНИК» Прокурор Верховного суда СССР ПЕТР АНАНЬЕВИЧ КРАСИКОВ

Петр Ананьевич Красиков родился 5 октября 1870 года в Красноярске. Когда мальчику едва минул год, его отец, Ананий Петрович, уехал искать счастья в Семипалатинск, а затем перебрался в Каркаралы (Караганду). Умер он рано, в 42 года, оставив свою жену, Елизавету Васильевну, почти без всяких средств. Только благодаря материальной поддержке деда Петр Красиков сумел в 20-летнем возрасте закончить классическую гимназию в Красноярске. В эти годы вполне сформировались его вольнолюбивые взгляды. От отца осталась большая библиотека, и юный гимназист поглощал произведения Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Лаврова, Лассаля, Милля и многих других русских и иностранных писателей и философов. Огромное влияние на юношу оказали и политические ссыльные, без конца шедшие по этапу через Красноярск. Гимназистам нередко удавалось проникать к ним, и тогда они слушали их рассказы о борьбе с царизмом, а иногда даже получали кое-какую запрещенную литературу.

Незадолго до окончания гимназии состоялась помолвка Петра Красикова с дочерью чиновника Викторией Пржигодской. 5 июня 1891 года П. А. Красиков получил аттестат. Молодые договорились, что Петр поступит в Санкт-Петербургский университет, а Виктория поедет для продолжения обучения в Женеву, где постарается познакомиться с Г. В. Плехановым, ставшим подлинным властителем их дум.

В 1891 году П. А. Красиков поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета.

Он сразу же с головой окунулся в бурную студенческую жизнь, примкнув к революционно настроенным молодежным организациям. Вскоре Красиков решительно расстался с точными науками и перевелся на юридический факультет, который открывал неизмеримо больший горизонт для революционной деятельности. Он вступил в Общество вспомоществования студентам, где близко сошелся с видными лидерами студенчества Г. М. Кржижановским, С. А. Гофманом, М. В. Келлером и другими. Серьезно изучал марксизм, участвовал в образовании первых рабочих кружков на Васильевском острове, часто встречался с рабочими Балтийского, Адмиралтейского и Путиловского заводов, железнодорожных мастерских, совместно с единомышленниками печатал на ремингтоне и гектографе революционную литературу и распространял ее.

Во время студенческих каникул Петр Красиков по поручению революционеров-марксистов посетил Женеву для установления более тесной связи с группой «Освобождение труда». В Швейцарии он познакомился с известным марксистом и экономистом Георгием Валентиновичем Плехановым, знаменитой революционеркой Верой Ивановной Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Трепова, с П. Б. Аксельродом и другими членами этой группы. Осенью 1892 года он вернулся в Петербург. В декабре 1893 года П. А. Красиков осуществил вторую заграничную поездку, из которой вернулся в Петербург 30 марта 1894 года, привезя с собой «полпуда» нелегальной литературы. Ее едва удалось передать товарищам, так как уже на следующий день его арестовали. После предварительного заключения при полицейском участке, 12 апреля 1894 года, Красикова перевели в Петропавловскую крепость. Освобожден он был в конце декабря, и до окончания дела ему предписали выехать на родину под надзор полиции. Из университета он был исключен.

В октябре 1895 года в Красноярск пришло решение по делу П. А. Красикова — три года ссылки с установлением полицейского надзора. Тем не менее в Сибири он продолжал заниматься революционной деятельностью. В марте 1897 года он знакомится с В. И. Лениным, проезжавшим Красноярск по пути в Шушенскую ссылку. Впоследствии Ленин не раз наведывался в город и даже проживал у Петра Ананьевича и делился с ним своими идеями по созданию пролетарской партии в России.

Только в декабре 1899 года П. А. Красикову удалось вернуться в Петербург. Получив право на временное проживание, он сразу же поступил на службу в отдел статистики министерства финансов. Ни на один день не оставлял и революционной

деятельности: заводил связи с молодежью, активно занимался пропагандой. Случайный налет полиции на одну из конспиративных квартир вновь привел к аресту Красикова и высылке его в Псков «до объявления приговора».

В 1900 году П. А. Красикову удалось восстановиться в Санкт-Петербургском университете, однако увлеченный вихрем революционной борьбы на занятия он ходить не стал. В Пскове в начале века образовался своеобразный марксистский центр. Только что город покинул В. И. Ленин, одержимый идеей создания первой общерусской революционной газеты, с целью объединения разрозненных социал-демократических организаций. Выхлопотав паспорт, он уехал за границу для печатания «Искры». Петр Ананьевич влился в группу искровцев, а затем был кооптирован и в Организационный комитет по созыву II съезда РСДРП. В 1902 году он полностью перешел на нелегальное положение. П. А. Красиков становится соредактором «Искры», посещает за границей В. И. Ленина, а затем по его поручению в качестве агента «Искры» объезжает все важнейшие социал-демократические организации России. Он посещает Киев, Одессу, Москву, Харьков, Саратов, Самару, Вильно, Минск и многие другие города. В годы, предшествовавшие первой русской революции, Красиков не раз нелегально переходил границу. В качестве делегата от киевского партийного комитета он участвовал в Лондоне во II съезде РСДРП. На съезде его избрали в президиум вместе с В. И. Лениным и Г. В. Плехановым.

После январских событий 1905 года П. А. Красиков приехал в Москву, а затем перебрался в Петербург. В октябре он стал одним из организаторов первого Совета рабочих депутатов, а затем вошел в его исполком от партии большевиков. В течение октября — ноября этого же года под псевдонимом Антон ему пришлось почти беспрерывно выступать на многочисленных митингах и собраниях, участвовать во всех заседаниях исполкома и Совета. Одновременно он заведовал агитационным отделом Петербургского комитета партии.

В первых числах декабря 1905 года почти все члены первого Совета рабочих депутатов были арестованы во время заседания, происходившего в Вольно-экономическом обществе. П. А. Красиков оказался во 2-м корпусе Выборгской тюрьмы, где содержался до июня 1906 года. Дело в отношении него и еще нескольких человек было прекращено из-за недостаточности улик. После освобождения Петр Ананьевич вновь среди самых активных революционеров. Однако после поражения первой русской революции и разгрома партии П. А. Красиков принял решение перейти на легальное положение. В 1907 году он был

выслан в местечко Озерки под Петербургом. Здоровье его к этому времени основательно подорвалось, а материальное положение было очень тяжелым. Он решил опять восстановиться в Санкт-Петербургском университете. В течение полугода Петр Ананьевич усиленно готовился к сдаче экзаменов экстерном. 16 апреля 1908 года Красиков получил диплом юриста, а 26 июня стал работать помощником у известного петербургского адвоката Н. Д. Соколова. Спустя три года его приняли в сословие присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты, а в июле 1913 года он уже самостоятельно вел дела.

П. А. Красиков занимался в основном политическими делами или трудовыми конфликтами, благодаря чему быстро приобрел известность среди рабочих столицы и особенно Васильевского острова. Петр Ананьевич с энтузиазмом воспринял Февральскую революцию 1917 года. С первых же дней он в самой гуще событий: участвует в организации Совета рабочих и солдатских депутатов, его избирают членом Петроградского Совета и делегатом на VI съезд РСДРП(б). В июне 1917 года на I Всероссийском съезде Советов П. А. Красиков становится членом ВЦИК, а в августе проходит в Петроградскую городскую думу от фракции большевиков.

После Октябрьской революции П. А. Красиков совместно с М. Ю. Козловским возглавил следственную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Военно-революционном комитете, а затем при Петроградском Совете. Ему пришлось заниматься почти всеми политическими делами первых послеоктябрьских месяцев. Через его руки прошли, в частности, дела Пуришкевича, полковника Римани, жандармского генерала Джунковского, провокатора Алексинского, кадетов Кишкина, Шингарева, Кокошкина, бывшего министра юстиции и генерал-прокурора Щегловитова, графини Паниной, последнего военного министра Временного правительства Маниковского и многих других лиц.

Работая в следственной комиссии, Красиков одновременно выполнял и другие многочисленные обязанности: был, в частности, членом коллегии Наркомюста, входил в комиссию по урегулированию финансово-экономических обязательств Советской России по отношении к Германии, вытекающих из Брестского договора, участвовал в работе комиссариата печати, агитации и пропаганды при Петроградском Совете, который возглавлял Володарский.

В марте 1918 года Советское правительство и все наркоматы переехали в Москву. Здесь к обязанностям П. А. Красикова добавились новые. Он становится заместителем председателя

кассационного трибунала при ВЦИК и членом специальной тройки по надзору за ходом следствия в ВЧК. Петр Ананьевич успевал заниматься самыми разнообразными делами.

В тот период деятельности П. А. Красиков большое внимание уделяет антирелигиозной пропаганде. Текст декрета Совнаркома от 23 января 1918 года о свободе совести, церковных и религиозных обществах, закрепившего отделение церкви от государства, он готовил совместно с А. В. Луначарским, П. И. Стучкой и профессором М. А. Рейснером. Затем его редактировал В. И. Ленин. Для проведения в жизнь декрета в Наркомюсте был создан отдел культов, который возглавил Красиков. Он также редактировал журнал «Революция и церковь», вокруг которого сложился актив так называемых воинствующих безбожников.

30 декабря 1922 года в Москве состоялся I съезд Советов СССР. Он рассмотрел два важнейших документа — Декларацию и Договор об образовании Союза ССР. В первой Конституции СССР, принятой 2-й сессией ЦИК СССР 6 июля 1923 года и утвержденной II съездом Советов СССР 31 января 1924 года, отмечалось, что «в целях утверждения революционной законности на территории СССР при Центральном Исполнительном Комитете СССР учреждается Верховный Суд». Создавалась также и прокуратура Верховного суда СССР. Прокурор и его заместитель назначались непосредственно Президиумом ЦИК СССР. На прокурора возлагалась обязанность дачи заключений по всем вопросам, подлежащим разрешению Верховного суда СССР, поддержание обвинения по уголовным делам, опротестование решений пленумов Верховного суда СССР и т. д. Прокурор осуществлял также надзор за законностью действий объединенного государственного политического управления СССР. Прокурором Верховного суда СССР постановлением ЦИК СССР от 21 марта 1924 года был назначен Петр Ананьевич Красиков. Его заместителем стал профессиональный революционер Сергей Иванович Кавтарадзе.

Важнейшее место в деятельности прокурора Верховного суда СССР П. А. Красикова занимал общий надзор за законностью в стране, за соответствием Конституции СССР решений народных комиссариатов и ведомств СССР, постановлений органов власти и управления союзных республик. В архивном фонде Прокуратуры Союза ССР сохранилось значительное количество представлений и протестов П. А. Красикова, направленных им в Президиум ЦИК СССР, Верховный суд СССР, в которых он настаивал на отмене противоречащих Конституции СССР незаконных правовых актов. Часто он добивался устранения выявленных нарушений.

По состоянию на май 1925 года структура и штаты

прокуратуры Верховного суда СССР выглядели следующим образом. Прокурор Верховного суда СССР имел одного заместителя и одного секретаря. В прокуратуре было пять отделов: общего надзора, судебного надзора, наблюдения за ОГПУ, военной прокуратуры и общий. Отделы общего и судебного надзора возглавляли заведующие, наблюдения за ОГПУ и военной прокуратуры — помощники прокурора Верховного суда СССР, а общий отдел — старший секретарь. Всего по штату в прокуратуре было 59 человек (включая секретарей, делопроизводителей, машинисток, курьеров, статистика и библиотекаря).

Несмотря на все трудности и нерешенные проблемы, прокурор Верховного суда СССР П. А. Красиков в пределах предоставленных ему полномочий, действовал довольно активно. Подчиненные ему сотрудники аппарата прокуратуры Верховного суда СССР регулярно просматривали постановления общесоюзных наркоматов и ведомств, республиканских органов власти и управления, пленумов верховных судов союзных республик как по общим вопросам, так и по конкретным уголовным делам. Обо всех выявленных расхождениях с Конституцией СССР или общесоюзным законом они немедленно докладывали прокурору Верховного суда СССР П. А. Красикову. Петр Ананьевич совместно с ними решал, как необходимо реагировать на эти нарушения: вносить официальный протест или представление, либо ограничиться, если нарушение непринципиальное, письменным или устным разъяснением тому или иному должностному лицу. На пленумах Верховного суда СССР часто рассматривались протесты П. А. Красикова по самым разнообразным вопросам. После его вмешательства, как правило, отменялись незаконные постановления народных комиссаров и руководителей других ведомств как общесоюзных, так и республиканских. Петр Ананьевич выступал на пленумах Верховного суда СССР с толкованием тех или иных законодательных актов, а также по материалам опротестованных им конкретных уголовных дел. Нередко он поднимался на трибуну и на сессиях ЦИК СССР в качестве докладчика по основополагающим законопроектам. Так, на 2-й сессии ЦИК СССР (октябрь 1924 года) П. А. Красиков сделал доклады об основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и о воинских преступлениях, а на 3-й сессии (февраль 1927 года) — был докладчиком по проекту Положения о государственных преступлениях.

Красиков участвовал в подготовке многих важных законодательных актов первых послереволюционных лет, таких

как: Наказ Верховному суду СССР (1924 год), Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре (1926 год), Положения о Верховном суде СССР и прокуратуре Верховного суда СССР (1929 год), Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, Кодекс законов о браке, семье и опеке и др.

В 1929 году после внесенного П. А. Красиковым представления в ЦИК СССР в непосредственное подчинение прокурора Верховного суда СССР перешли следователи по важнейшим делам, входившие до этого в следственную часть Верховного суда СССР.

Петр Ананьевич занимал свой высокий пост более девяти лет, вплоть до упразднения прокуратуры Верховного суда СССР. Он часто выступал перед прокурорскими и судебными работниками с докладами и сообщениями.

П. А. Красиков избирался кандидатом в члены ВЦИК (12-го и 13-го созывов) и ЦИК СССР (3-го и 4-го созывов). Интересно, что в его биографической справке, составленной в июне 1938 года, отмечено: «Наград не имеет».

17 августа 1933 года он был назначен заместителем Председателя Верховного суда СССР и оставался на этой должности до 15 сентября 1938 года. В Верховном суде СССР он курировал военную и водно-транспортную коллегии. Помимо этого много внимания уделял участию в судебно-надзорной коллегии, неоднократно выступал с докладами и сообщениями при рассмотрении конкретных уголовных дел, при этом всегда остро и принципиально реагируя на все вскрываемые факты нарушений законности.

В последние годы П. А. Красиков стал часто болеть, в связи с чем иногда выезжал для лечения за границу. В одном из своих писем жене он писал: «В общем и целом скажу тебе, что порядком надоела заграница. Люди здесь жадны, алчны, враждебны друг к другу и больше молчат. Французы неприветливы и угрюмы. Кризис у них здоровый, поэтому все интересы сосредоточены на собирательстве и экономии самой свирепой».

Осенью 1939 года П. А. Красиков выехал на лечение в санаторий в Железноводск, где скончался 20 сентября. Там, в предгорьях Северного Кавказа, его и похоронили.

Петр Ананьевич, несмотря на свою революционность, всегда находил время для своих любимых занятий: шахмат, спорта и музыки. Одной из его многочисленных партийных кличек была Музыкант. П. А. Красиков виртуозно играл на скрипке. В эмиграции русские революционеры часто собирались на квартире П. Н. Лепешинского в Женеве, где наслаждались блестящим исполнением им «Серенады» Брага или «Каватины» Раффа.

Нередко он использовал скрипку и для других целей — в ее футляре хранил зашифрованные адреса товарищей и партийные документы.

ОТ «КРАСНОГО ДИРЕКТОРА» ДО НАРКОМА Прокурор республики НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЯНСОН

Николай Михайлович Янсон родился 6 декабря 1882 года в Петербурге, в семье рабочего эстонца, уроженца острова Сааремаа. Первое время мальчик учился в церковно-приходской, а затем в портовой школе в Кронштадте. В августе 1896 года, 14-летний Николай Янсон поступил учеником слесаря в Кронштадтскую минную школу, а с ноября 1900 года стал работать слесарем на Невском судостроительном заводе. Здесь юноша впервые соприкоснулся с революционным движением. 9 января 1905 года он вместе с отцом и другими питерскими рабочими участвовал в мирном шествии к Зимнему дворцу. Этот день запомнился ему на всю жизнь. Демонстрацию расстреляли. Тяжело был ранен отец (он скончался уже после революции, в 1921 году). Под влиянием январских событий Янсон сделал свой окончательный выбор — в апреле 1905 года Невская районная организация РСДРП(б) приняла молодого рабочего в свои ряды.

В июле 1905 года Николай Янсон переехал в Ревель, где поступил слесарем на завод «Вольта». Он быстро завоевал авторитет в рабочей среде и был выдвинут в число руководителей местных революционеров. 16 ноября 1905 года на общем собрании заводских и фабричных старост Ревеля было принято решение установить связь с Петербургским Советом. Представителем Ревеля стал Н. М. Янсон. Когда он вернулся из Петербурга в Ревель и рассказал на собрании заводских и фабричных старост о результатах своей поездки, было принято решение образовать Совет рабочих депутатов. Возглавил его 23-летний Николай Михайлович Янсон.

После подавления Декабрьского вооруженного восстания 1905 года Н. М. Янсон полгода провел в тюрьме, а затем был выслан в Тобольскую губернию, откуда бежал, и в ноябре 1907 года вместе со своей женой, Бертой Юрьевной, эмигрировал в США. Там он пробыл почти 10 лет. В Америке родились двое его детей, сын Виктор и дочь Грета. Сам Николай Михайлович трудился слесарем-инструментальщиком на сталелитейном, пушечном, электромеханическом, механическом и других заводах. Не оставлял он и активной политической деятельности среди рабочих-эмигрантов. В Филадельфии, например, по его инициативе было организовано социалистическое общество эстонских рабочих. С 1909 по 1917 год Янсон состоял членом

американской социалистической партии. Вместе с Х. Пегельманом он в 1909 году основал эстонскую газету «Уус ильм» («Новый мир»), первый номер которой вышел 20 июня того же года.

Сразу же после получения известий о Февральской революции 1917 года Николай Михайлович вместе с семьей вернулся в Россию. С июня 1917 года он жил в Ревеле, где был избран в состав местного партийного комитета и Северо-Балтийского (Эстонского) бюро РСДРП(б), а с октября 1917 по февраль 1918 года занимался установлением Советской власти в Эстонии в должности заместителя председателя городской управы. После вступления немцев в Таллинн (так с 1918 года стал именоваться Ревель), Н. М. Янсон дважды подвергался арестам и после двухмесячного тюремного заключения был выслан в Советскую Россию.

В мае 1918 года по заданию партии он выехал в Самару, где в течение нескольких лет находился на хозяйственной и профсоюзной работе. Когда город оказался в руках белочехов, он вновь угодил в тюрьму. После освобождения некоторое время работал слесарем в автомастерских Главного артиллерийского управления. В ноябре 1918 года Н. М. Янсон возглавил Самарский губернский совет профсоюзов, а годом позже был избран первым «красным директором» Самарского трубочного завода. В 1920–1921 годах последовательно занимал должности председателя Самарского губернского совета профсоюзов и заместителя секретаря губернского комитета РСДРП(б).

В Самаре Николай Михайлович встретил женщину, которая вскоре стала его второй женой — Лидию Федоровну (Фридриховну) Петрулевич.

В мае 1921 года Янсона перевели на работу в Москву, где он возглавил Союз металлистов, а в мае 1923 года стал секретарем ЦКК ВКП(б). В 1925–1928 годах Н. М. Янсон служил первым заместителем народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции.

16 января 1928 года постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Николая Михайловича назначают народным комиссаром юстиции РСФСР и прокурором республики. В этих должностях он пребывал недолго. В качестве прокурора республики Н. М. Янсон успел провести всего несколько крупных мероприятий. Одно из них — III совещание прокурорских работников. Оно проходило в Москве с 16 по 20 марта 1928 года. В совещании участвовали руководящие работники аппарата прокуратуры республики; прокуроры Крымской, Татарской АССР, АССР Немцев Поволжья; краевые

прокуроры Кавказа, Сибири и Дальнего Востока; прокуроры Уральской и Ленинградской областей; Московской, Калужской, Тульской, Орловской, Нижегородской, Саратовской и некоторых других губерний, а также 14 участковых и камерных прокуроров. Совещание заслушало два доклада: об общем надзоре и его методах в городе и деревне и о работе органов расследования и надзора за ними.

В 1929 году Н. М. Янсон провел VI съезд прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР, на котором выступил с большим отчетным докладом.

После отставки с поста народного комиссара юстиции РСФСР, последовавшей в ноябре 1930 года, Янсон некоторое время работал заместителем Председателя Совнаркома РСФСР, а в феврале 1931 года возглавил Народный комиссариат водного транспорта СССР. В этой должности он прослужил до марта 1934 года, когда «согласно его просьбе» был переведен на должность заместителя наркома по морской части. Однако в августе 1935 года его сместили и с этого поста, и лишь в октябре того же года он стал первым заместителем начальника Главного управления Северного морского пути при Совнаркоме СССР, где и служил до дня своего ареста.

Осенью 1937 года были арестованы некоторые сотрудники Главсевморпути: начальник строительства судоремонтного завода в Мурманске, главный инженер и другие. Во время следствия они подробно рассказали о своей «вредительской» деятельности, назвав среди соучастников и Н. М. Янсона. Николая Михайловича арестовали в ночь с 5 на 6 декабря 1937 года. Тогда же были произведены обыски в его квартире и служебном кабинете. Лидия Федоровна Петрулевич (Янсон) обивала пороги органов НКВД, пытаясь хоть что-либо выяснить о судьбе своего мужа. Но все было безуспешно, только однажды следователь, видимо сжалившись над ней, сказал: «У вашего мужа хорошее, прекрасное прошлое, но последние два года он ездил по Ленинграду и Москве и создавал эстонскую антисоветскую организацию».

В начале февраля 1938 года Янсону было предъявлено обвинение в том, что он являлся участником антисоветской эстонской шпионско-диверсионной организации и, входя в состав антисоветской правотроцкистской организации в Главсевморпути и наркомате, проводил враждебную деятельность. На следствии Н. М. Янсон полностью признал себя виновным. Он почти сразу же стал давать развернутые показания (в том числе и собственноручные) о своей «деятельности». Обвинительное заключение было составлено сотрудником госбезопасности

Звездичем и утверждено 15 июня 1938 года заместителем Прокурора СССР Рогинским.

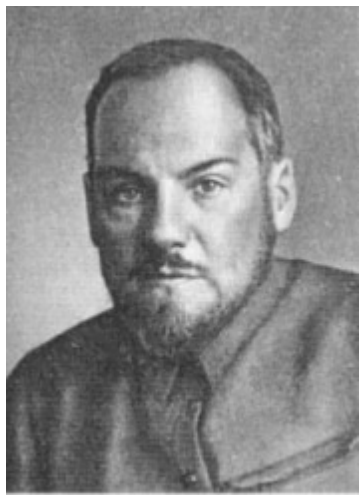
Н. М. Янсона судила военная коллегия Верховного суда СССР 20 июня 1938 года в порядке постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года, то есть по упрощенной процедуре, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей. Председательствовал на этом процессе (если его можно так назвать) диввоенюрист Зарянов. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Н. М. Янсона к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества. Весь процесс занял всего 15 минут. Приговор был приведен в исполнение сразу же после его вынесения.

В связи с арестом Н. М. Янсона в декабре 1937 года встал вопрос и о партийной ответственности его жены Л. Ф. Петрулевич, работавшей тогда директором средней школы № 73 Киевского района столицы. Первичная партийная организация объявила ей строгий выговор с предупреждением «за потерю партийной бдительности в отношении своего мужа, арестованного органами НКВД». Затем все материалы направили в Киевский РК ВКП(б), где было вынесено такое решение: «Ввиду недостаточной проработки материала, вопрос с обсуждения снять и поручить Хащенко собрать необходимые сведения о работе Петрулевич» (по всей видимости, райком не удовлетворило слишком «мягкое» наказание жены «врага народа»).

За два дня до расстрела Янсона, в ночь с 17 на 18 июня 1938 года, была арестована и Л. Ф. Петрулевич. Спустя месяц следователь направил ее дело на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, которое 4 августа приговорило ее «как члена семьи изменника родины к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 8 лет».

В 1954 году Лидия Федоровна обратилась с ходатайством в КПК при ЦК КПСС о пересмотре своего дела и дела Н. М. Янсона. Она писала: «Возможно, его нет в живых, пусть же память о нем останется чистой». 16 марта 1955 года определением военной коллегии Верховного суда СССР, заседавшей под председательством полковника юстиции Борисоглебского, дело в отношении Л. Ф. Петрулевич было прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления. Однако Лидия Федоровна не дождалась реабилитации. Незадолго до этого она скончалась. 24 декабря 1955 года военная коллегия Верховного суда СССР (председательствовал полковник юстиции А. Сенин) реабилитировала и Н. М. Янсона.

«ПУСТЬ СУД ИСТОРИИ СУДИТ НАС…» Прокурор республики НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КРЫЛЕНКО



Николай Васильевич Крыленко родился 2 мая 1885 года в глухой деревушке Бехтеево Сычевского уезда Смоленской губернии в семье политического ссыльного Василия Абрамовича и его жены Ольги Александровны (урожденной Трипецкой). В 10-летнем возрасте Николай стал учиться в Люблинской классической гимназии, которую окончил в 1903 году, а затем поступил в Санкт-Петербургский университет. Первое время юноша, увлеченный серьезной наукой, не проявлял особенного интереса к студенческому движению, хотя и был, по собственному признанию, «пропитан ярким оппозиционным настроением». 18 октября 1905 года Николай Крыленко впервые выступил на нелегальной сходке студентов университета. Обладая прекрасными ораторскими способностями, он сразу же привлек к себе внимание руководителей как эсеров, так и эсдеков, пригласивших его вступить в их партии. Николай Васильевич выбрал партию социал-демократов, примкнув там к большевикам. С этого времени начинается его революционная деятельность. Как агитатор-пропагандист он вошел в группу содействия при партийном комитете РСДРП (б) и участвовал во всех студенческих сходках. Во время вооруженного выступления в Москве в декабре 1905 года Николай Васильевич был легко ранен в ногу. После выписки из больницы, скрываясь от преследования, он выехал из столицы и возвратился в Петербург лишь в феврале 1906 года. В июне того же года он впервые эмигрировал. По

возвращении дважды был арестован и предан военно-окружному суду. Однако суд неожиданно его оправдал.

В декабре 1907 года после очередного ареста Н. В. Крыленко был выслан из Петербурга в «порядке охраны» в Люблин, где пробыл до осени 1908 года. В этот сложный для него период Николай Васильевич серьезно переосмысливает свои взгляды, пишет книгу «В поисках ортодоксии». Весной 1909 года ему удалось окончить университет и получить диплом.

В 1912 году Крыленко призвали в армию. Здесь революционная волна вновь захлестнула его кипучую натуру. К этому времени относится его знакомство с Еленой Федоровной Розмирович, которая исполняла обязанности секретаря Русского бюро ЦК и думской фракции большевиков. Вскоре они стали супругами, и у них родилась дочь. В декабре 1913 года Н. В. Крыленко в очередной раз арестовали и содержали в тюрьме три месяца, а затем выслали в административном порядке на два года с запрещением жить в обеих столицах. Николай Васильевич обосновался в Харькове, но вскоре эмигрировал, нелегально перейдя границу. Вместе с женой он проживал первое время в Галиции, а позднее — в Вене и в Швейцарии, под Лозанной. В июле 1915 года по решению Центрального Комитета партии Н. В. Крыленко и Е. Ф. Розмирович тайно вернулись в Россию и обосновались в Москве, занявшись воссозданием Московского комитета РСДРП (б). Однако уже в ноябре того же года их арестовали.

После нескольких месяцев тюремного заключения Крыленко был переправлен в Харьков, где находился под стражей до августа 1916 года. Туда же этапируется и Е. Ф. Розмирович. Вскоре она была отправлена на пять лет в Иркутскую губернию, где находилась до Февральской революции. После освобождения из Харьковской тюрьмы Крыленко как офицер запаса был мобилизован и направлен в действующую армию Юго-Западного фронта. Он проходил службу в составе 13-го Финляндского полка и практически все время находился в окопах на передовой. 5 марта 1917 года до солдат дошли первые известия о революционных событиях в Петрограде и отречении Николая II. В марте 1917 года Н. В. Крыленко вместе с Н. И. Подвойским, В. И. Невским и другими большевиками вошел в военную организацию при Петроградском комитете РСДРП (б).

В сентябре — октябре 1917 года большевики во главе с В. И. Лениным стали усиленно готовиться к вооруженному захвату власти. 12 октября 1917 года создается Военно-революционный комитет при Петроградском Совете. В него вошли Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко и другие

лидеры большевистской партии. Через несколько дней Николай Васильевич выступил на расширенном заседании ЦК партии, где от лица военной организации заверил, что «настроение в полках поголовно» в пользу большевиков, и что партия должна взять на себя «инициативу восстания». На открывшемся II Всероссийском съезде Советов Николай Васильевич был избран в первое Советское правительство как член комитета по военным и морским делам (совместно с В. А. Антоновым-Овсеенко и П. Е. Дыбенко). Для него начались напряженные дни и бессонные ночи.

Вскоре к его обязанностям добавились новые. Он стал Верховным главнокомандующим и отправился в войска. Н. В. Крыленко занялся созданием Вооруженных Сил Советской Республики. Однако весной 1918 года ввиду «принципиальных разногласий по вопросу формирования Красной Армии» (выражение самого Крыленко), он оставил пост Главковерха и народного комиссара по военным и морским делам и перешел в Наркомат юстиции РСФСР.

Весной 1918 года Н. В. Крыленко занялся организацией работы первых революционных трибуналов. Вначале он возглавил отдел, а затем — коллегию обвинителей Революционного трибунала при ВЦИК, учрежденного 16 мая 1918 года для «суждения по важнейшим делам». Руководителем следственной комиссии этого трибунала стала его жена Е. Ф. Розмирович.

Выбор главного государственного обвинителя не был случайным.

Н. В. Крыленко слыл (и не без оснований) блестящим оратором и полемистом, к тому же он был фанатично предан идеям революции и непримирим к ее врагам. Его отличали и такие личные качества, как прямота и бескорыстие. В ранге обвинителя он уже успел провести ряд процессов. Николай Васильевич выступал почти беспрерывно. Он поддерживал обвинение по всем крупным контрреволюционным и уголовным делам того времени, заслужив репутацию «прокурора пролетарской революции». В некоторых белогвардейских изданиях его называли не иначе как «советским генерал-прокурором», настолько высок был его авторитет и велико влияние на правовую политику молодой республики. Н. В. Крыленко выступал обвинителем в процессах английского дипломата Локкарта, провокатора Малиновского, левых и правых эсеров, а также по делам бывшего царского прокурора Виппера, тюремного надзирателя Бондаря, сотрудника ВЧК Косырева и многим другим. В этих процессах Николай Васильевич заявил о себе, как о судебном ораторе, выступающем с классовых позиций, великолепно владеющем словом. Как истинный представитель

своего революционного времени, он был беспощаден к тем, кого считал врагами революции. Сейчас, читая его речи, можно легко уловить в них элементы не только твердости, но и неоправданной жесткости и предвзятости по отношению к подсудимым. Безусловно, в его речах соображения революционной целесообразности явно брали верх над принципами гуманности и законности.

Одним из самых громких процессов того времени был процесс правых эсеров, который проходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 года.

Н. В. Крыленко произнес в Верховном трибунале большую многочасовую речь, в которой с присущей ему революционной страстностью доказывал вину подсудимых (их было 34 человека). В самом начале своей речи Н. В. Крыленко сказал следующее: «Дело суда истории определить, исследовать, взвесить и оценить роль индивидуальных лиц в общем потоке развития исторических событий и исторической действительности. Наше же дело, дело суда, решить: что вчера, сегодня, сейчас сделали конкретно эти люди, какой конкретно вред или какую пользу они принесли или хотели принести республике, что они еще могут сделать, и в зависимости от этого решить, какие меры суд обязан принять по отношению к ним. Эта наша обязанность, а там — пусть суд истории судит нас с ними».

История становления органов советской прокуратуры неразрывно связана с именем и деятельностью Н. В. Крыленко. Он был автором проекта первого Положения о прокурорском надзоре, активно выступал против принципа «двойного» подчинения прокуратуры и сделал основной доклад на 3-й сессии ВЦИК 9-го созыва, принявшей в мае 1922 года закон об учреждении Государственной прокуратуры.

После образования органов прокуратуры Николай Васильевич занял высокий пост старшего помощника прокурора республики и одновременно стал заместителем народного комиссара юстиции РСФСР. Эти должности он занимал до сентября 1928 года, когда, оставаясь заместителем наркома, был назначен прокурором республики.

В качестве старшего помощника прокурора, а затем и прокурора республики Н. В. Крыленко подписал значительное количество циркуляров и директив, которые стали основополагающими при становлении новой прокуратуры. Николай Васильевич был частым гостем на заводах и фабриках, в университетах и институтах, нередко выезжал в губернские, областные и даже уездные прокуратуры. Одна за другой выходили из печати его статьи и брошюры по правовым вопросам.

Он почти беспрерывно выступал в суде.

В мае 1928 года в Москве под председательством А. Я. Вышинского начался грандиозный политический процесс над группой «вредителей» в угольной промышленности, известный как «Шахтинское дело». Специальному присутствию Верховного суда РСФСР были преданы 53 специалиста старой буржуазной школы. По версии следствия «вредители», инженеры и техники Шахтинского района Донбасса, были тесно связаны с бывшими собственниками предприятий, русскими и иностранными, и ставили своей целью «сорвать рост социалистической промышленности и облегчить восстановление капитализма в СССР». Поддерживал обвинение по этому делу Н. В. Крыленко.

5 мая 1931 года постановлением Президиума ВЦИК Николай Васильевич Крыленко был назначен народным комиссаром юстиции РСФСР. Свое прокурорское место он уступил А. Я. Вышинскому, новой восходящей юридической «звезде», который всего через несколько лет растопчет и предаст анафеме имя Крыленко, а его самого уничтожит.

Николай Васильевич в качестве наркома юстиции развил бурную деятельность. В эти годы он был особенно активен и неутомим. Правда, он теперь уже не выступал в громких уголовных и политических процессах, предоставив это делать А. Я. Вышинскому. Однако сотни проведенных им коллегий, совещаний, активов, съездов, многочисленные выступления перед населением и в печати, поездки по стране — все это свидетельствовало о титанической работе, проводимой им в наркомате. Конечно, он был верным проводником идей партии и правительства, по-прежнему громил «классовых врагов» и был беспощаден к ним. В то же время, знакомясь с жизнью и деятельностью Н. В. Крыленко, всякий раз убеждаешься, что этот не раз ошибавшийся человек, очень часто излишне суровый, имел страстную и увлекающуюся натуру, был одержимой и талантливой личностью.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 года была учреждена Прокуратура Союза ССР. Первым Прокурором СССР стал Иван Алексеевич Акулов, известный революционер, партийный и советский деятель, но в то же время человек, далекий не только от прокурорской, но и вообще от юридической деятельности. На этот пост мог претендовать и Н. В. Крыленко, однако его обошли. Он продолжал руководить Наркоматом юстиции РСФСР и в 1935 году все еще находился на вершине славы. К этому времени Крыленко имел ордена Ленина и Красного Знамени (награжден в 1933 году) и был исключительно популярен в народе.

На 1935 год пришлись два юбилея Н. В. Крыленко — 30-летие его активной революционной и профессиональной деятельности и 50-летие со дня рождения. В печати было опубликовано много приветственных статей и поздравлений. В одном из них отмечалось: «Мечом и пером, делом и пламенным словом т. Крыленко отстаивал и отстаивает партийные позиции в борьбе против врагов революции, открытых и тайных».

Н. В. Крыленко был человеком разносторонних интересов. Среди советских прокуроров трудно найти другого, который имел бы такие далекие от юриспруденции интересы, и в которых он достиг подлинного мастерства. К 50 годам Н. В. Крыленко был не только лидером в юридической науке и практике (список его трудов приближается к сотне), но и признанным мастером-альпинистом, не раз (даже в одиночку) штурмовавшим неприступные горные вершины. О своих походах он написал несколько книг. Он активно занимался развитием туризма в стране, руководил обществом охотников и шахматной организацией страны.

В 1936 году Н. В. Крыленко занял высокий пост наркома юстиции Союза ССР.

Приближался 1937 год — год массовых репрессий. 5 декабря 1936 года принимается новая Конституция СССР, названная «сталинской». Николай Васильевич Крыленко находится в самом расцвете сил. Казалось бы, такой пламенный революционер, незаурядный человек, искренне преданный идеям большевизма и доказавший это всей своей деятельностью, должен был бы рассчитывать на звездную карьеру. Но этого не случилось.

К этому времени у Николая Васильевича была уже большая семья: вторая жена, Зинаида Андреевна Железняк, и четверо детей: сыновья Сергей и Николай, и дочери Ирина и Марина.

Над головой Н. В. Крыленко плотно сгущались грозовые облака. 26 июля 1937 года был арестован его брат, Владимир Васильевич, работавший на Уралмедстрое заместителем главного инженера (расстрелян в марте 1938 года).

В конце 1937 года в ЦК ВКП(б) «неожиданно» стали поступать письма и заявления, в которых основательно чернилась деятельность Н. В. Крыленко. В одном из них на имя Мехлиса (копия предусмотрительно была направлена и в Секретариат И. В. Сталина), озаглавленном «О хамах и иудах», сообщалось, что Крыленко груб по отношению к посетителям, а его «неистовый крик, топанье ногами, угрозы, стопудовые остроты… общеизвестны», что любимым изречением наркома было «расстрелять», произносимое им через неоднократное «р-р-р» и «металлическим» («под Троцкого») голосом». Доносчик

припомнил одну фразу якобы произнесенную Крыленко, бывшим тогда прокурором республики и одновременно руководителем Союза охотников: «Мне дан мандат и на зверей, и на людей».

12 января 1938 года открылась 1-я сессия Верховного Совета СССР, избранного на основе новой Конституции СССР. При формировании Правительства СССР выступили ряд делегатов. В своей речи депутат М. Д. Багиров (выполняя данную ему установку) подверг резкой критике деятельность наркома юстиции СССР Н. В. Крыленко. В новое правительство Николай Васильевич уже не вошел.

Органы НКВД составили справку на его арест еще 15 декабря 1937 года, но выжидали. Ход ей был дан только после окончания сессии. В ней отмечалось, что Крыленко «является активным участником антисоветской организации правых и организованно был связан с Бухариным, Томским и Углановым. С целью расширения антисоветской деятельности насаждал контрреволюционные кадры правых в наркомате. Лично выступал в защиту участников организации и проталкивал буржуазные теории в своей практической работе». Далее указывалось, кем именно он изобличается. Из приведенных высказываний усматривалось следующее. Н. В. Крыленко считал, например, что ЦК пытается обмануть страну, скрывая истинное положение дел, что руководство страной и партией оказалось в руках людей, не понимающих значение закона и свое усмотрение ставящих выше закона, что страна быстро катится к личному режиму и крепко заинтересована в скорейшей смене этого руководства. Сталина Н. В. Крыленко называл диктатором, загнавшим страну в тупик, и считал, что он должен быть снят с поста Генерального секретаря.

31 января 1938 года нарком внутренних дел Н. И. Ежов начертал на этой справке лаконичную резолюцию: «Арестовать». В тот же день его заместитель Фриновский подписал ордер на арест Н. В. Крыленко и на производство у него обыска.

В ночь на 1 февраля 1938 года Николая Васильевича арестовывают в своей квартире в доме № 25 по Новинскому бульвару. Так начался непродолжительный, но самый трагичный период его жизни.

Следствием по делу Н. В. Крыленко занимался сотрудник госбезопасности Коган. Он и произвел первый допрос бывшего наркома. Однако «признательные» показания Николая Васильевича появились в деле только 3 февраля 1938 года. Причем они даже не были оформлены официальным протоколом. Это было заявление Крыленко, адресованное наркому внутренних дел Н. И. Ежову и написанное на разрозненных листках бумаги. В нем он писал: «Я признаю себя виновным в том, что с 1930 года я

являюсь участником антисоветской организации правых. С этого же года начинается моя борьба с партией и ее руководством. Антипартийные шатания я проявил еще в 1923 году по вопросу внутрипартийной демократии. Если в этот период я из своих взглядов никаких организационных выводов не сделал, то внутреннее недовольство положением в партии не изжилось. Организационной связи с троцкистами я тогда не имел, организационной борьбы с партией не вел, но оставался человеком оппозиционно настроенным на протяжении ряда лет…»

Далее он подробно излагал, в чем конкретно заключалась его «вредительская» деятельность. Свое заявление закончил так: «Признаю целиком и полностью громадный вред причиненный моей антисоветской деятельностью делу строительства социализма в СССР».

Несмотря на столь обширное заявление с признанием своей «вины», первый протокол допроса Н. В. Крыленко был оформлен лишь спустя два месяца, 3 апреля 1938 года. Он был отпечатан на машинке на 26 листах. И хотя после этого Николай Васильевич неоднократно вызывался к следователю, второй протокол допроса (машинописный текст составил 30 листов) датирован лишь 28 июля 1938 года. Крыленко придерживался своих признательных показаний и даже назвал 30 человек, которых он якобы вовлек в организацию правых.

Примерно за 10 дней до окончания следствия его делом стал заниматься сотрудник госбезопасности Аронсон. Он заканчивал дело сверхспешно (видимо, поступило такое указание). 28 июля 1938 года Аронсон предъявил Крыленко обвинение в контрреволюционной деятельности и в тот же день состоялось подготовительное заседание военной коллегии Верховного суда СССР под председательством Ульриха (обвинительное заключение было составлено загодя, так как Рогинский поставил на нем дату: «27 июля 1938 года»).

Судебное заседание военной коллегии Верховного суда СССР открылось 29 июля 1938 в 13 часов 20 минут. На вопрос председательствующего Н. В. Крыленко ответил, что виновным себя признает и показания, данные им на предварительном следствии, подтверждает. Он пояснил, что в 1936 году у него был разговор с Бухариным, во время которого затрагивались вопросы террористического порядка. Бухарин его информировал о террористической деятельности правых и спрашивал его и Пашуканиса, что они делают. Он Бухарину ответил, что пока конкретно им ничего не сделано, но если надо будет, то будет «работать» в этом направлении.

Больше Н. В. Крыленко никаких вопросов не задавали, а сразу же предоставили последнее слово. Он сказал, что у него имеется 25 лет революционной работы и только 8 лет антисоветской деятельности и на этом сопоставлении суд своим решением даст соответствующий ответ.

И суд действительно не замедлил со своим ответом. Прошло несколько минут, и Ульрих объявил приговор: высшая мера наказания — расстрел с конфискацией имущества. Заседание суда продолжалось всего 20 минут и закрылось в 13 часов 40 минут. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

…14 октября 1954 года в ЦК КПСС обратилась с заявлением З. А. Железняк, в котором она просила реабилитировать ее мужа Н. В. Крыленко. По поручению Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко дело проверила Главная военная прокуратура. Военный прокурор подполковник юстиции Васильев, тщательно изучив все материалы и допросив ряд свидетелей, пришел к выводу, что в действиях Н. В. Крыленко отсутствует состав преступления, и его дело подлежит прекращению. Об этом он составил 25 апреля 1955 года мотивированное заключение, которое 9 августа было утверждено Р. А. Руденко. Военная коллегия Верховного суда СССР 10 августа 1955 года под председательством генерал-лейтенанта юстиции Чепцова и при участии членов коллегии полковников Борисоглебского и Лихачева отменила приговор в отношении Н. В. Крыленко и дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления.

Спустя 30 лет, 27 мая 1985 года, в Мраморном зале Прокуратуры Союза ССР собрались работники правоохранительных органов, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, ветераны органов юстиции, представители юридической общественности, ученые и журналисты для того, чтобы торжественно отметить 100-летие со дня рождения «выдающегося юриста, наркома юстиции СССР и РСФСР и прокурора республики Николая Васильевича Крыленко». В президиуме собрания — дети Н. В. Крыленко: Ирина Николаевна, Марина Николаевна, Сергей Николаевич и Николай Николаевич. Торжественное собрание тогда открыл первый заместитель Генерального прокурора СССР Н. А. Баженов. Министр юстиции СССР Б. В. Кравцов рассказал о жизненном пути и деятельности одного из организаторов советской юстиции и прокуратуры. Выступившие ветераны поделились своими воспоминаниями о Николае Васильевиче Крыленко, рассказали о его «кипучей энергии». С огромным вниманием и интересом собравшиеся слушали дочь Н. В. Крыленко — М. Н. Симонян, автора многих очерков о жизни и

деятельности отца.

25 сентября того же года в Смоленске в торжественной обстановке был открыт памятник Николаю Васильевичу Крыленко (скульптор В. Горевой и архитекторы Н. Соколов и И. Марченков). На торжества прибыли заместитель Генерального прокурора СССР И. В. Черменский, представители Министерства юстиции СССР и Министерства обороны СССР, родные и близкие. В бронзе Крыленко был изображен именно таким, каким его запомнили современники: порывистым, страстным и решительным.

«ВОЛЯ ПАРТИИ И СУДА»
Прокурор Союза ССР ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ АКУЛОВ

Иван Алексеевич Акулов родился 12 апреля 1888 года в Петербурге в бедной трудовой семье. В раннем детстве он потерял отца и вся тяжесть воспитания малолетних детей (а их было четверо) легла на плечи матери. Смышленый мальчик был отдан в приют, где постигал первые азы грамоты. Затем учился в начальном училище, а позднее — в торговой школе, в которую поступил в 12-летнем возрасте и окончил с отличием в 1905 году. Работать Иван Акулов начал с 16 лет. Тогда же он впервые столкнулся с революционной средой: участвовал в демонстрациях, митингах, маевках. В 1907 году вступил в члены РСДРП, примкнув к большевикам. В партийных рядах он отличался активностью, и ему вскоре доверили руководство подпольной группой. С этих пор он в полной мере познал жизнь профессионального революционера.

В 20-летнем возрасте И. А. Акулов впервые подвергся аресту — вместе с девятью товарищами он был задержан во время собрания представителей подрайонов Петербургского комитета РСДРП. После шестимесячного следствия в сентябре 1908 года Санкт-Петербургская судебная палата приговорила его к одному году заключения в крепости. Не имея возможности продолжать учебу вследствие активной революционной деятельности, И. А. Акулов использовал вынужденное безделье для пополнения своих знаний. Он вспоминал: «Самообразованием занимался все время, но без системы. Просто — много читал. Особенно много читал в тюрьме. Интересовали меня, главным образом, книги по

общественным вопросам…»

Выйдя из крепости, И. А. Акулов вновь с головой окунулся в революционную борьбу. Он был одним из организаторов большевистской фракции в профессиональном союзе металлистов, а впоследствии секретарем этого союза. В 1912 году по рекомендации А. Е. Бадаева его избрали в Петербургский комитет РСДРП(б). В 1913 году Акулов дважды подвергался арестам, после чего его в административном порядке выслали в Самарскую губернию. Через два года ему удалось перебраться поближе к столице. Он поселился в одной из деревушек Финляндии, невдалеке от Выборга. Когда свершилась Февральская революция, он перебрался в Новгородскую губернию, где активно помогал местным партийным организациям. Затем вернулся в Выборг и создал там военную организацию РСДРП(б). От Выборгской партийной организации И. А. Акулов был выдвинут делегатом VII (Апрельской) конференции РСДРП, а позднее — и VI съезда партии.

После Октябрьской революции Акулов в течение ряда лет находился на ответственной партийной, военной и профсоюзной работе. В ноябре 1917 года его направляют на Урал, где он становится вначале секретарем Екатеринбургского комитета РСДРП(б), а позднее — Уральского областного комитета партии. Во время мятежа белочехов он назначается комиссаром снабжения фронта. Вскоре после этого партия перебрасывает И. А. Акулова с одной должности на другую, причем он всегда оказывается в самых горячих точках полыхавшей огнем гражданской войны России. В 1918 году Акулов в Вятке возглавляет губком и губисполком, а в 1919 году он уже председатель Оренбургского комитета партии.

В 1920 году И. А. Акулов избран секретарем Киргизского, а в 1921 году — Крымского обкомов партии. В 1927–1931 годах он являлся председателем Всеукраинского совета профсоюзов, секретарем ВЦСПС, заместителем народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции СССР, членом Президиума ЦКК. В 1931 году партия направила Ивана Алексеевича на работу в органы Государственного политического управления, где он стал первым заместителем председателя ОГПУ. В 1932 году его избрали секретарем ЦК КП(б) Украины по Донбассу.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 года, которое подписали М. И. Калинин, В. М. Молотов (Скрябин) и секретарь ЦИК А. Медведев, «в целях укрепления социалистической законности и должной охраны общественной собственности по Союзу ССР от покушений со стороны противообщественных элементов» была учреждена Прокуратура

Союза ССР. На следующий день постановлением ЦИК СССР первым Прокурором Союза ССР был назначен Иван Алексеевич Акулов, а его заместителем — А. Я. Вышинский.

И. А. Акулов отдыхал с семьей в санатории «Мухалатка» в Крыму, когда на его имя неожиданно пришла правительственная телеграмма, подписанная И. В. Сталиным, М. И. Калининым и В. М. Молотовым. Из нее Иван Алексеевич и узнал о том, что он назначается на пост Прокурора Союза ССР.

17 декабря 1933 годы ЦИК и СНК СССР приняли исключительно важный законодательный акт — «Положение о Прокуратуре Союза ССР», над которым И. А. Акулов работал лично. Этим же постановлением была упразднена прокуратура Верховного суда СССР. Она выполнила свою первоначальную функцию и теперь требовался более мобильный и оперативный орган, который мог бы сцементировать всю прокурорскую систему. Положение устанавливало, что Прокурор Союза ССР назначается ЦИК СССР, а его заместитель — утверждается Президиумом ЦИК СССР. Прокурор Союза ССР был ответствен только перед Совнаркомом СССР, ЦИК СССР и его Президиумом.

В своей повседневной работе на посту Прокурора Союза ССР И. А. Акулов был исключительно простым в общении как со своими подчиненными, так и с многочисленными посетителями. Большое внимание он уделял укреплению связей работников прокуратуры с населением. Именно благодаря ему в Прокуратуре Союза ССР с первых же дней был налажен четкий порядок приема граждан и рассмотрения поступающих от них жалоб и заявлений. Причем обязанность вести прием посетителей он возложил на всех сотрудников, а не только на тех, кто работал в приемной. Наиболее важные жалобы, в которых сообщалось о грубых нарушениях законности, Акулов брал на личный контроль.

В марте 1934 года И. А. Акулов издал приказ «О перестройке аппарата прокуратуры в центре и на местах». Наверное, если бы Акулов был более сведущим в прокурорской деятельности, он не стал бы разрушать уже сложившуюся и хорошо зарекомендовавшую себя структуру аппарата прокуратуры, построенную по функциональному принципу. В приказе отмечалось, что отделы перестраиваются по производственному и производственно-территориальному принципу, что, по мнению руководства Прокуратуры Союза ССР, должно было обеспечить «высокое качество работы по охране общественной (социалистической) собственности и осуществлению социалистической законности» во всех сферах народного хозяйства и государственного аппарата, усилить единоначалие и личную ответственность каждого прокурора за порученную ему

работу.

Для того, чтобы сосредоточить «основное внимание органов прокуратуры на судебно-следственной деятельности», было признано необходимым ликвидировать разделение в структуре прокуратуры на общий и судебный надзор, а также упразднить бюро жалоб. При этом предполагалось, что каждый отдел будет осуществлять весь комплекс задач, стоящих перед органами прокуратуры, начиная от разрешения жалоб и заканчивая надзором за рассмотрением дел в суда х. Поэтому вместо отделов были образованы сектора по делам промышленности, сельского хозяйства, торговли, кооперации, финансов и др.

В Прокуратуре Союза ССР сохранялись Главная военная прокуратура, Главная транспортная прокуратура (с выделением из нее водной прокуратуры), прокуратуры по спецделам, сектор надзора за местами лишения свободы и управление делами.

Новая структура Прокуратуры Союза ССР и нижестоящих прокуратур, как и следовало ожидать, оказалась недолговечной. Искусственное разделение прокуратуры по производственному принципу не дало желаемых результатов, и менее чем через три года (при Прокуроре Союза ССР А. Я. Вышинском) органы прокуратуры вновь перешли на работу по функциональному принципу, который с теми или иными изменениями сохранился и в наше время.

Неоценимую роль в деле дальнейшей централизации органов прокуратуры сыграло первое Всесоюзное совещание судебных и прокурорских работников. Оно открылось 23 апреля 1934 года в здании Прокуратуры Союза ССР. Доклад «Решения XVII партсъезда и задачи органов юстиции» сделал Прокурор Союза ССР И. А. Акулов. В своем полуторачасовом выступлении он остановился на всех наиболее актуальных вопросах практической деятельности прокуроров, судей и народных следователей, проанализировал задачи, стоящие перед органами юстиции на современном этапе, обратив особое внимание участников совещания на целом ряде «недочетов и извращений» и предложив конкретные меры по их устранению. Как писала тогда пресса, «докладчик говорил просто, без малейшей погони за вычурной красной фразой».

В руководстве работой прокуратуры на местах И. А. Акулов проявлял большую оперативность и требовал этого же от своих подчиненных. Он был противником «бумажного руководства», очень быстро подмечал самые больные вопросы, на которые всегда остро реагировал. В целях коллективной выработки наиболее важных решений, И. А. Акулов организовал в Прокуратуре СССР так называемое оперативное совещание,

порядок работы которого определялся специальным приказом (прообраз будущей коллегии).

При И. А. Акулове Прокуратурой Союза ССР был учрежден собственный журнал «За социалистическую законность» (позднее стал называться «Социалистическая законность», а в настоящее время — «Законность»). Первый номер журнала был подписан в печать в конце января 1934 года. Ответственным редактором его стал Акулов.

1 декабря 1934 года в Смольном выстрелом из револьвера был убит член Президиума ЦИК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь Центрального и Ленинградского областного комитетов ВКП(б) Сергей Миронович Киров. Его убийцу Л. В. Николаева задержали на месте преступления.

Расследование этого дела — одна из самых темных страниц истории советской прокуратуры. Прокурор Союза ССР И. А. Акулов оказался в полной зависимости от работников НКВД, которые разрабатывали только ту версию убийства, которую выдвинул И. В. Сталин. Он не противодействовал незаконным методам ведения следствия и фактически потворствовал нарушителям законности. Формально Акулов, его заместитель Вышинский и следователь Шейнин также допрашивали обвиняемых, но допросы сводились лишь к оформлению предварительно «выбитых» показаний.

Трагические события, происшедшие 1 декабря 1934 года, фактически развязали руки властям для организации массовых репрессий по всей стране. Но чтобы не проводить их без оглядки на строгие рамки законности, нужно было срочно изменить сам закон. Уже в день убийства С. М. Кирова Сталин распорядился подготовить соответствующий документ. На следующий день было опубликовано постановление, принятое ЦИК СССР 1 декабря 1934 года, «О внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство», подписанное М. И. Калининым и А. С. Енукидзе (текст постановления собственноручно писал нарком внутренних дел Г. Г. Ягода, а редактировал И. В. Сталин). Новый закон был предельно кратким, жестоким и беспощадным. Он устанавливал, что по делам о террористических актах следствие должно заканчиваться в срок не более 10 дней, а обвинительное заключение — вручаться за сутки до рассмотрения дела в суде; эти дела слушались без участия сторон (то есть без прокурора и адвоката), по ним не допускались ни кассационное обжалование, ни подача ходатайства о помиловании. Приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно. Другими словами, подсудимый полностью отдавался в руки судей, которые и решали его судьбу. Судьи же целиком зависели от властей.

Ошибку (если даже она и была бы признана) исправить было уже невозможно.

Все это являлось ни чем иным, как полным попранием самых элементарных принципов советского судопроизводства, переводом процесса на откровенно инквизиционные рельсы. Однако юридическая печать с восторгом сообщала в то время, что «этим законом в руки советской юстиции дано острое оружие», силу которого «дадут почувствовать врагам народа со всею пролетарской твердостью и непоколебимостью». Увы! Это оружие было обращено не только, и не столько, против врагов, сколько против тысяч безвинных людей, попавших в маховик такого «правосудия».

К раскручиванию этого молоха приложил руку и Прокурор Союза ССР И. А. Акулов, который спустя несколько лет сам попадет под него. 8 декабря 1934 года он совместно с Председателем Верховного суда СССР А. Н. Винокуровым подписал директиву о применении на практике постановления ЦИК СССР от 1 декабря. В ней дан перечень должностных лиц, покушение на жизнь и здоровье которых должно квалифицироваться как террористический акт и рассматриваться в порядке указанного закона. Директива придавала обратную силу закону от 1 декабря 1934 года, то есть распространяла его на те деяния, которые были совершены до его принятия.

Иван Алексеевич Акулов занимал пост Прокурора Союза ССР до марта 1935 года. Он пользовался у своих подчиненных неизменной симпатией. Вот что писал о нем бывший сотрудник Прокуратуры Союза ССР Н. А. Орлов: «Акулов был в полном смысле слова обаятельным человеком, человеком широкой русской души. Любил жизнь, природу. Уезжая в отпуск, любил путешествовать, узнавать и показывать другим новые, красивые места, был тонким ценителем искусства, любил и понимал музыку. Дома это был идеал семьянина, необыкновенно любящий отец. Он высоко ценил дружбу, умел дружить и был верным, надежным другом».

Видимо, эти его качества и не понравились Сталину. И хотя Акулов, как и другие лица, стоявшие на вершине власти, слепо выполнял все требования (даже противоречащие закону), вождь понимал, что на посту Прокурора Союза ССР нужен не такой человек. И. А. Акулов, интеллигентный и мягкий, явно не подходил для роли организатора массовых репрессий.

Постановлением ЦИК СССР от 3 марта 1935 года (подписано М. Калининым и И. Уншлихтом) И. А. Акулов был утвержден секретарем ЦИК СССР с освобождением от обязанностей Прокурора Союза ССР.

Новым Прокурором Союза ССР был назначен А. Я. Вышинский, сумевший выполнить роль главного инквизитора вождя.

На новой должности И. А. Акулов работал с присущей ему энергией, полностью отдаваясь делу, которому служил.

В мае 1937 года органами НКВД СССР была арестована группа советских военачальников: М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, А. И. Корк и другие. В их числе оказался и приятель Акулова, И. Э. Якир. С ним он поддерживал связь еще со времен гражданской войны. В конце 1920-х годов они в течение двух лет жили по соседству в Киеве. 11 июня 1937 года Специальное присутствие Верховного суда СССР приговорило всех участников так называемого военного заговора к высшей мере наказания, которая была приведена в исполнение без промедления. После этого начались повальные аресты в армии.

Обстановка в высших эшелонах власти становилась все более гнетущей — никто не знал, кто окажется следующей жертвой, кто попадет в ежовские застенки. И. А. Акулов заметно нервничал, хотя даже после освобождение от должности секретаря ЦИК СССР не верил, что его могут арестовать. Его жена, Н. И. Шапиро, впоследствии писала: «В последние дни этот спокойный уравновешенный человек дошел до такой степени морального изнеможения, что не в состоянии был написать письмо в ЦК. Для него было все случившееся с ним непонятно и неоднократно срывались вопросы «кому это нужно» и «за что?» Также он говорил: «О чем просить, если я не знаю, в чем я виноват».

Ордер на арест Акулова и производство обыска у него был выдан заместителем наркома внутренних дел 23 июля 1937 года. В тот же день Иван Алексеевич был задержан на своей даче в селе Покровское Красногорского района. Обыск произвели и в его московской квартире (по Троицкой улице, дом № 10, особняк ЦИК СССР).

25 июля 1937 года И. А. Акулов собственноручно заполнил так называемую анкету арестованного, в которой сообщил свои основные биографические данные. В то время на его иждивении находилась жена, Надежда Исааковна Шапиро, трехмесячная дочь Елена, 9-летний сын Гавриил (Ганя, как звал его отец), ученик 2-го класса, и мать, Мария Ивановна, 74 лет. С ним проживали также его сестры Анна Алексеевна и Мария Алексеевна.

И. А. Акулов был помещен в Лефортовскую тюрьму. Его делом занимались сотрудники госбезопасности Краев и Альтман. Первоначально допрашивал Краев. Протокол не составлялся. 4 августа Иван Алексеевич написал собственноручное заявление на имя следователя Альтмана. В нем он писал:

«Вчера на допросе у следователя Краева я дал частичные показания (устно) о своем участии в троцкистской организации и подготовке антисоветского вооруженного переворота в стране.

Эти мои показания были еще далеко не полными, но по существу полностью правдивыми.

Сегодня я снова сдвурушничал и вместо того, чтобы продолжить показания о своей предательской деятельности, я заявил, что участником троцкистской организации не являлся…

Утверждаю, что правде соответствует следующее: я, Акулов, являлся участником антисоветской троцкистской организации и подготовки антисоветского вооруженного переворота…»

Судя по этому заявлению, И. А. Акулов более десяти дней держался стойко и не давал каких-либо признательных показаний. Однако затем все же был сломлен. Видимо, следователи искусно использовали то обстоятельство, что у Акулова оставалась жена с двумя малолетними детьми и престарелая мать. Без сомнения было и физическое воздействие. Даже на тюремной фотографии Акулова видно, что один глаз у него почему-то закрыт. Может, заплыл?

Не исключено, что и после признательного заявления, Акулов продолжал упорствовать, так как первое развернутое его показание датировано только 17 августа 1937 года. Оно отпечатано на машинке на 27 листах. В нем он признавался, что является «скрытым троцкистом», участвовал в заговорщической деятельности Якира, Пятакова, Бухарина и других лиц. В частности он сказал: «Я, Иван Алексеевич Акулов, по день моего ареста в 1937 году, т. е. в течение 10 лет, являлся участником подпольной троцкистской организации, в ее рядах вел активную работу против руководителей ВКП(б) и Советского правительства — против Советской власти. Мне было тяжело в этом сознаться сразу же после ареста. Кроме того, я не думал, что мои соучастники меня выдали. Ведь с момента ареста Голубенко, Логинова и других прошло уже больше года, а я все это время продолжал оставаться на ответственной партийной и государственной работе. Мои надежды на стойкость участников организации не оправдались. Значит изворачиваться бесполезно. Я готов искренне ответить на все интересующие следствие вопросы, касающиеся деятельности троцкистской организации и лично моей, как ее участника».

После этого И. А. Акулов допрашивался 21 сентября 1937 года — более чем через месяц. Характерно, что протокол допроса состоит только из анкетных данных. Показания его не записаны. Это дает основание полагать, что он вновь стал все отрицать. В анкете зафиксирована интересная деталь. В графе «Какие имеет

награды при Советской власти», отмечено «Не имеет». Таким образом, заслуженный революционер, занимавший на протяжении 20 лет высокие посты в партии и государстве, ни разу не был отмечен ни одной правительственной наградой.

Закончив расследование, Краев 25 октября 1937 года составил стандартное по тем временам обвинительное заключение (на 3 листах), которое было утверждено заместителем Прокурора СССР Рогинским. Он же участвовал 28 октября и в распорядительном заседании военной коллегии Верховного суда СССР, которое вел Ульрих. Было принято решение заслушать дело в закрытом заседании без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, то есть по упрощенной схеме.

Судебное заседание открылось 29 октября 1937 года в 11 часов 15 минут. Председательствовал на нем Ульрих. Иван Алексеевич сразу же заявил, что виновным себя не признает и показания, данные им на предварительном следствии, отрицает. Он сказал, что был лишь дружен с Якиром, но не считал его троцкистом. Тогда было оглашено его заявление на имя следователя Альтмана. Акулов на это сказал, что заявление не соответствует действительности. Отрицая все свои признательные показания, он заявил, что «дал их в состоянии потери воли». В своем последнем слове он сказал, что троцкистом никогда не был, всегда боролся с ними, а тем более не мог быть вредителем, террористом и изменником родины. О своей судьбе он выразился так: «Воля партии и суда».

После этого суд удалился на совещание, которое было кратковременным. Приговор — расстрел с конфискацией имущества — был вынесен за несколько минут. Все заседание продолжалось полчаса.

Приговор был приведен в исполнение 30 октября 1937 года. При этом присутствовали заместитель Прокурора СССР Рогинский и заместитель наркома внутренних дел М. И. Фриновский. В деле бывшего помощника Прокурора СССР М. В. Острогорского имеются интересные детали, связанные с исполнением приговора. Так, со слов Шейнина ему было известно, что Акулов, обращаясь к Фриновскому, сказал: «Ведь вы же знаете, что я не виноват». Тогда Рогинский, который был «неспокоен за себя и делал все возможное, чтобы заручиться поддержкой и доверием со стороны работников НКВД», демонстрируя свою непримиримость к «врагу народа», стал осыпать Акулова бранью. Впоследствии же в беседе с Шейниным Рогинский признавался, что далеко не убежден в действительной виновности Акулова, которого всегда считал хорошим

большевиком.

После ареста И. А. Акулова его жену, Надежду Исааковну Шапиро, с малолетними детьми выселили из особняка ЦИК СССР. Затем еще раз переселили, и она поздней осенью оказалась в каком-то холодном бараке из дранки. Н. И. Шапиро было тогда 30 лет. 31 октября 1937 года на нее было заведено следственное дело, вскоре рассмотренное Особым совещанием при НКВД СССР. Н. И. Шапиро как член семьи «изменника родины» была заключена в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет. Ее направили в Темниковский лагерь (Темлаг) НКВД в Мордовской АССР. После отбытия срока наказания ее не освободили, а задержали по так называемому вольному найму до особого распоряжения. 16 декабря 1946 года Особое совещание добавило ей еще 5 лет ссылки как «социально-опасному элементу». Она была отправлена «этапным порядком» в Тюкалинский район Омской области. Отбыв ссылку, Н. И. Шапиро поселилась в поселке Акчатау Карагандинской области, куда был выслан в 1949 году ее сын Гавриил.

22 июня 1954 года Надежда Исааковна обратилась с большим письмом к Председателю Совета Министров Г. М. Маленкову, в котором подробно рассказала о всех своих злоключениях. В нем она просила реабилитировать своего мужа И. А. Акулова. Она писала: «Пусть его уже нет в живых, но пусть память о нем, если я права, будет для знавших его светлой».

Делом Н. И. Шапиро по поручению Генерального прокурора СССР занялся в следственном управлении КГБ СССР майор Будников. Он быстро подготовил заключение о необходимости прекращения дела за отсутствием состава преступления. Генеральный прокурор СССР внес протест в военную коллегию Верховного суда СССР, которая 25 сентября 1954 года отменила постановления Особого совещания от 21 ноября 1937 года и 16 декабря 1946 года как необоснованные.

Вскоре было пересмотрено и дело И. А. Акулова. 25 ноября 1954 года военный прокурор Главной военной прокуратуры подполковник юстиции Аракчеев составил заключение о том, что приговор в отношении И. А. Акулова подлежит отмене, а дело — прекращению. С заключением согласился заместитель Главного военного прокурора Терехов, а 9 декабря его утвердил Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко.

Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством генерал-лейтенанта юстиции Чепцова 18 декабря 1954 года отменила приговор в отношении И. А. Акулова и дело о нем прекратила «за отсутствием состава преступления».

«ЧУВСТВУЮ НАПРЯЖЕННОСТЬ БОРЬБЫ» Прокурор республики ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко родился 9 марта 1883 года в Чернигове в семье потомственного дворянина. В 11-летнем возрасте мальчик поступил в Воронежский кадетский корпус, где находился семь лет. В 1900 году его зачислили в Николаевское военно-инженерное училище (в Петербурге). Весной 1902 года он покинул родительский дом и начал самостоятельную жизнь. Первое время работал в Петербурге, в Александровском порту чернорабочим, а затем кучером в Обществе покровительства животным. Осенью того же года В. А. Антонов-Овсеенко становится слушателем Петербургского юнкерского пехотного училища. Там он довольно прочно вступил на путь революционной борьбы: поддерживал связь с социал-революционерами, получал нелегальную литературу, вел агитацию среди юнкеров и т. п. В 1903 году он познакомился с большевиком Стомояновым (партийная кличка Кузнецов) и через него связался с партийной организацией. После производства в офицеры (июль 1904 года) В. А. Антонов-Овсеенко начал службу в 40-м пехотном Колыванском полку, который тогда стоял в

Варшаве. Там он создает одну из первых в царской армии военно-революционных организаций. Военная служба мало занимала молодого офицера — он весь отдался революционной работе. По поручению петербургской организации большевиков он посещает Москву, Екатеринослав, Одессу, Киев, Вильно, где ведет политическую пропаганду и агитацию.

В 1905 году В. А. Антонов-Овсеенко вступил в члены РСДРП, оставил военную службу в чине подпоручика (в апреле) и полностью перешел на нелегальное положение. С этого времени вся его жизнь — сплошной калейдоскоп: аресты, приговор к смертной казни, побеги, перестрелки, создание военных организаций, участие в подготовке восстания, выпуск подпольной литературы (под псевдонимом Штык) и другие события.

В 1910 году В. А. Антонов-Овсеенко покинул Россию. За границей он пробыл до мая 1917 года, когда Временное правительство объявило амнистию всем лицам, занимавшимся при царском режиме революционной деятельностью. Возвратившись на родину, Владимир Александрович вступает в партию большевиков, по поручению которой проводит большую работу в Гельсингфорсе (Хельсинки) среди моряков Балтийскогго флота.

Октябрьская революция — одна из ярчайших страниц биографии В. А. Антонова-Овсеенко. Именно ему совместно с Н. И. Подвойским и Г. И. Чудновским было поручено захватить Зимний дворец и арестовать Временное правительство.

На II Всероссийском съезде Советов В. А. Антонов-Овсеенко совместно с прапорщиком Н. В. Крыленко и матросом П. Е. Дыбенко (председателем Центробалта) был введен в Совнарком членом коллегии народного комиссариата по военным и морским делам. Тогда же его назначают командующим Петроградским военным округом. Однако уже 6 декабря он направляется командовать армией на Украину, где красногвардейцы вели ожесточенную борьбу с войсками атамана Каледина и Центральной рады. С марта по май 1918 года он занимал должность командующего советскими войсками Юга России. Наряду с этим Антонов-Овсеенко выполнял обязанности члена Реввоенсовета Республики. В сентябре — начале ноября того же года он командовал 2-й и 3-й армиями, в ноябре — декабре — Курской группой, а в январе — июне 1919 года — Украинским фронтом. В июле 1919 года В. А. Антонов-Овсеенко был отозван с фронта и направлен уполномоченным ВЦИК на борьбу с голодом вначале в Витебскую, а затем Тамбовскую губернии. В последующие несколько лет Антонов-Овсеенко почти беспрерывно перебрасывался с одной должности на другую. В

апреле 1920 года он — заместитель председателя главкомтруда и член коллегии Наркомтруда; с ноября 1920 по январь 1921 года — член коллегии Наркомата внутренних дел и заместителем Председателя Малого Совнаркома; с середины января по февраль 1921 года — уполномоченный ВЦИК по Пермской губернии (председатель Совета, губкома и губполитпросвета); в феврале — июле 1921 года — вновь в Тамбовской губернии, но на этот раз в качестве представителя ВЦИКа по ликвидации бандитизма. В октябре 1921 года В. А. Антонова-Овсеенко направляют на борьбу с голодом в Самару председателем губернского исполкома.

В октябре 1922 года он становится начальником Политуправления РККА и членом РВС Республики. На этой должности оставался до января 1924 года. Снят был за то, что открыто примкнул к оппозиции. Затем его перевели в систему Народного комиссариата иностранных дел. С этого времени, вплоть до назначения на пост прокурора республики, В. А. Антонов-Овсеенко в течение более чем 10 лет выполнял ответственные дипломатические поручения в Чехословакии, Литве и Польше.

25 мая 1934 года В. А. Антонов-Овсеенко стал прокурором республики. Его приход в прокуратуру совпал с активно начавшейся работой по ее централизации. В Российской Федерации эта тенденция проявилась особенно четко. Управление прокуратуры республики, хотя формально еще и входило в систему Наркомюста, однако уже все явственнее проявляло свою самостоятельность и зависело лишь от Прокуратуры Союза ССР.

Владимир Александрович не был юристом, никогда не служил в каких-либо органах правопорядка. С работой прокуратуры и суда он был знаком лишь исходя из своего опыта политического арестанта царских тюрем. И тем не менее отсутствие профессиональных навыков не помешало ему сразу же активно включиться в работу. Помог большой жизненный опыт революционера, военачальника, дипломата.

В то время вся деятельность органов прокуратуры (как и других центральных учреждений) направлялась мощной рукой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), которые принимали основополагающие решения по вопросам государственного, хозяйственного и партийного строительства. Отступления от генерального курса считались недопустимыми, пресекались и карались. Стержневым для органов прокуратуры было, конечно, постановление ЦИК СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О революционной законности». Поэтому В. А. Антонов-Овсеенко как прокурор республики стремился четко и твердо проводить его в

жизнь.

В личном общении он был исключительно простым и доступным человеком. Прокурор А. Красносельский вспоминал: «Сотрудники заходили в кабинет Владимира Александровича в любое время дня, как к своему старшему товарищу». В то же время Антонов-Овсеенко строго спрашивал с лиц, проявлявших нерешительность в борьбе с нарушениями законов, халатно относившихся к своим служебным обязанностям, вставших на путь злоупотреблений и беззакония. Таких работников прокуратуры он не только освобождал от должности, но и отдавал под суд.

Прокурором республики В. А. Антонов-Овсеенко оставался чуть более двух лет. В сентябре 1936 года он был назначен Генеральным консулом в Барселоне. Именно в этот период в ЦК ВКП(б) стали появляться материалы, серьезно компрометирующие его. В конце 1936 года секретарь Куйбышевского райкома партии получил записку от секретаря парткома Наркомюста об «ошибках троцкистского характера», допущенных В. А. Антоновым-Овсеенко в бытность его прокурором республики.

Какие же ошибки Антонова-Овсеенко партийные функционеры относили к «троцкистским»? Оказывается, 31 января 1936 года на общем собрании сотрудников Наркомюста РСФСР Антонов-Овсеенко, развивая тезис о том, что классовая борьба внутри страны не завершилась, сказал, что еще «существуют классовые противоречия между рабочим классом и колхозным крестьянством, так как колхозы еще не являются вполне социалистической формой хозяйства» и что «колхозы — лишь близки к социалистической форме хозяйства».

Бдительный секретарь рассмотрел в этом тезисе «троцкистский характер» и вынес этот вопрос на обсуждение парткома, где от В. А. Антонова-Овсеенко потребовали объяснений. Судя по записке, Владимир Александрович не дал «надлежащей большевистской развернутой критики этих ошибок» и не признал их «троцкистскими». Он пояснил, что в своем выступлении сказал не о «классовых противоречиях» между рабочими и крестьянами, а о «противоречиях». Секретарь продолжал «нажимать» на прокурора республики. В этом его поддержал присутствовавший на заседании парткома Н. В. Крыленко. Только тогда В. А. Антонов-Овсеенко, и то с «оговорками», признал, что им допущена политическая ошибка.

Следующий, вмененный ему «криминал», выглядел серьезнее. Спецколлегия краевого суда в марте 1936 года приговорила по части 2 статьи 109 и статье 58–10 УК РСФСР

(контрреволюционная агитация) к 7 годам лишения свободы бывшего заведующего отделом агитации и пропаганды Балахинского РК ВКП(б) Сенаторова-Жирякова. Он обвинялся в том, что читая лекции по истории партии на курсах сельских и городских пропагандистов, и оглашая выдержки из так называемого «завещания Ленина», извратил этот документ «в троцкистском контрреволюционном духе», сказав, что Ленин рекомендовал на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Зиновьева. Кроме того, Сенаторов-Жиряков в июне 1935 года на заводе «Труд» в разговоре с рабочим Озеровым о перебоях в снабжении хлебом якобы сказал, что бороться с подобными безобразиями надо путем забастовок. Кассационная инстанция Верховного суда РСФСР оставила приговор в отношении Сенаторова-Жирякова без изменений. Однако с этим не согласился В. А. Антонов-Овсеенко. Он опротестовал приговор в Президиум Верховного суда РСФСР. В своем протесте прокурор республики утверждал, что троцкистского толкования завещания Ленина со стороны Сенаторова-Жирякова материалами дела не установлено. Президиум Верховного суда РСФСР не оказался столь смелым, как прокурор, и отклонил протест.

В. А. Антонов-Овсеенко был отозван из сражающейся Испании в Москву летом 1937 года, а 15 сентября назначен народным комиссаром юстиции РСФСР. К этому времени судьба его была фактически предрешена. Знал ли он об этом, догадывался ли, сказать трудно. Скорее всего, догадывался, так как внезапные вызовы для получения «нового назначения» тогда ничего хорошего не сулили. Он вернулся в Москву и сразу же с головой ушел в работу. Владимир Александрович жил в то время вместе с женой Софьей Ивановной и 15-летней падчерицей Валентиной на Новинском бульваре, в так называемом Втором доме Совнаркома. Он был женат три раза. Первая его жена умерла во время гражданской войны от тифа. Со второй брак не сложился, и они разошлись. У Владимира Александровича было четверо детей: сыновья Владимир и Анатолий и дочери Вера и Галина. Со своей третьей женой Софьей Ивановной он познакомился в конце 1920-х годов в Чехословакии.

В конце сентября 1937 года Софья Ивановна уехала в Сухуми на лечение. В письмах к ней Антонов-Овсеенко иногда касался своих служебных дел. В одном из них явственно звучали тревожные нотки. 1 октября 1937 года (за день до ареста) он писал: «…Чувствую напряженность борьбы».

В. А. Антонов-Овсеенко был арестован в ночь с 11 на 12 октября 1937 года. Ордер на арест был подписан заместителем наркома внутренних дел Фриновским. Сразу же были

произведены обыски в его квартире, в служебном кабинете и на даче в поселке Николина Гора. Владимир Александрович был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД, а уже 13 октября 1937 года направлен в Лефортовскую, где он находился до 17 ноября. Затем он попал в Бутырскую тюрьму, где содержался до 8 февраля 1938 года, а затем вновь возвращен в Лефортовскую.

В Лефортовской тюрьме Владимир Александрович вызывался на допросы не менее 15 раз, причем 7 раз его допрашивали по ночам. Трижды (14, 15 и 17 октября) он вызывался на допросы по два раза. Наиболее продолжительным по времени был первый ночной допрос 13 октября (7 часов). Допрашивали в основном работники госбезопасности Ильицкий и Шнейдерман. Первые двое суток он категорически отвергал все возводимые на него обвинения, говорил, что ни в чем не виноват, что допущена ошибка и требовал от следователя предоставить ему «уличающие материалы». Затем появилось его короткое «признательное» письмо на имя Ежова. В нем Антонов-Овсеенко писал: «Контрреволюционный троцкизм должен быть разоблачен и уничтожен до конца. И я, оруженосец Троцкого, раскаиваясь во всем совершенном против партии и Советской власти, готов дать чистосердечные признания. Надо прямо сказать, что обвинения меня врагом народа правильно. Я на деле не порвал с контрреволюционным троцкизмом… Эта контрреволюционная организация ставила себе целью противодействие социалистическому строительству, содействие реставрации капитализма, что ее смыкало по существу с фашизмом… Я готов дать развернутые показания следствию о своей антисоветской, контрреволюционной работе, которую осуществлял и в 1937 году».

Можно с уверенностью предположить, что после вырванного у В. А. Антонова-Овсеенко признания, он вновь отказался от своих показаний и стал все отрицать. Лишь этим можно объяснить тот факт, что, несмотря на неоднократные вызовы к следователю, протоколы допросов не составлялись. В них просто нечего было писать. Потом следователи все-таки «вернули» его к признательным показаниям, но только до суда.

Обвинительное заключение по делу В. А. Антонова-Овсеенко было составлено работником госбезопасности Ильицким и утверждено 5 февраля 1938 года заместителем Прокурора СССР Рогинским. Он обвинялся в том, что еще в 1923 году, работая начальником ПУРа, совместно с Л. Д. Троцким разрабатывал план вооруженного выступления против Советской власти, а затем, занимая должность полпреда в Чехословакии, Литве и Польше, вел «троцкистскую деятельность в пользу польской и германской

военных разведок». Не забыт был и испанский период службы. В обвинительном заключении указывалось, что Антонов-Овсеенко вошел в организационную связь с германским генеральным консулом и фактически руководил троцкистской организацией в Барселоне в «борьбе против Испанской республики».

Ордер на арест жены В. А. Антонова-Овсеенко Софьи Ивановны был выдан 12 октября 1937 года. На следующий день в Абхазию, где она тогда отдыхала, полетела шифрованная телеграмма, а 14 октября ее уже арестовали в Сухуми, в доме отдыха Синоп, и этапировали в Москву.

Первый допрос произвел сотрудник госбезопасности Шнейдерман, занимавшийся делом ее мужа, 28 октября 1937 года (по оплошности он поставил дату 28 сентября). После этого Софью Ивановну не допрашивали (во всяком случае протоколов допросов в деле нет). Ей даже не объявили об окончании следствия, которое затянулось до начала февраля 1938 года. Обвинительное заключение составил тот же Ильицкий, а утвердил заместитель Прокурора СССР Рогинский. Она обвинялась в том, что была осведомлена о шпионской связи своего мужа В. А. Антонова-Овсеенко и Радека с польской разведкой, а также о деятельности троцкистской террористической организации. Виновной она себя не признала.

Дела Владимира Александровича и Софьи Ивановны Антоновых-Овсеенко рассматривались военной коллегией Верховного суда СССР в один день — 8 февраля 1938 года. Судейская «бригада» была одна и та же: председатель Ульрих, члены Зарянов и Кандыбин и секретарь Костюшко. Заседания были закрытые и проводились без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей.

В 19 часов 55 минут началось слушание дела С. И. Антоновой-Овсеенко. Она сразу же заявила, что виновной себя не признает, с польской разведкой связана не была, а также и не знала, что ее муж является шпионом. В последнем слове Софья Ивановна сказала, что она ни в чем не виновата и верит в справедливость Советской власти.

Короткий приговор был вынесен за несколько минут. В нем Ульрих еще более усугубил ее «вину», записав, что она оказывала содействие в шпионской деятельности некоторым лицам (этого не было даже в обвинительном заключении). Военная коллегия приговорила С. И. Антонову-Овсеенко к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Судебное заседание по делу В. А. Антонова-Овсеенко открылось в 22 часа 40 минут. На нем Владимир Александрович

заявил, что виновным он себя не признает, свои показания, данные на предварительном следствии, не подтверждает и дал их ложно. Шпионажем он не занимался и троцкистом никогда не был. Он был только примиренцем. О своих ложных показаниях на предварительном следствии он подавал заявление, но ответа на него не получил. В последнем слове он просил дополнительно сделать расследование, так как он оговорил себя.

Однако это заявление никак не повлияло на приговор суда, который был кратким и предельно жестоким — расстрел с конфискацией имущества. Судебное заседание закрылось через 20 минут, в 23 часа. Приговор привели в исполнение 10 февраля 1938 года.

После гибели Владимира Александровича и Софьи Ивановны репрессии обрушились и на их детей, высланных из Москвы в административном порядке.

В первые годы «оттепели» родственники В. А. и С. И. Антоновых-Овсеенко обратились в Генеральную прокуратуру СССР с просьбой о пересмотре их дел. В Главной военной прокуратуре изучением их занялся подполковник юстиции Ф. Р. Борисов. Он подготовил аргументированные заключения о прекращении дел В. А. Антонова-Овсеенко и С. И. Антоновой-Овсеенко за отсутствием в их действиях состава преступления. С этими заключениями согласился Генеральный прокурор СССР.

25 февраля 1956 года военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор в отношении Владимира Александровича Антонова-Овсеенко и полностью его реабилитировала, а 4 августа 1956 года была также реабилитирована и Софья Ивановна.

«ОСОБОУПОЛНОМОЧЕННЫЙ СТАЛИНА» Прокурор Союза ССР АНДРЕЙ ЯНУАРЬЕВИЧ ВЫШИНСКИЙ

Андрей Януарьевич Вышинский родился 28 ноября 1883 года в Одессе в семье преуспевающего провизора. В начале 1890-х годов его отец перебрался в Баку, где открыл собственную аптеку. В этом городе Андрей Вышинский поступил в первую мужскую классическую гимназию, которую блестяще окончил в 17-летнем возрасте. Еще будучи гимназистом он страстно влюбился в красивую девушку — Капитолину Исидоровну Михайлову и сумел добиться ее расположения. Через несколько лет она стала его женой. Вместе они прожили полвека.

В гимназические годы Вышинский впервые приобщился к революционной среде, активно участвуя в антисамодержавных сходках. Поступив в 1901 году на юридический факультет Киевского университета, он еще более проникся революционным духом. За это уже через несколько месяцев, в марте 1902 года, его в числе нескольких других студентов отчислили из университета без права повторного поступления и он попал под полицейский надзор. Вышинский возвратился в Баку. В 1903 году он вступил в бакинскую организацию РСДРП. По духу ему больше пришлись меньшевики, к которым он и примкнул. Занимая весьма скромную должность бухгалтера в магазине, он настойчиво занимался революционной работой. Темпераментного и

красноречивого бухгалтера очень быстро заметили не только в революционной среде. В 1906–1907 годах Вышинского дважды арестовывали, но каждый раз, после непродолжительного заключения, освобождали за недостаточностью улик. Однако в апреле 1908 года под кличкой Рыжий он был осужден Тифлисской судебной палатой к одному году заключения в крепости. Наказание он отбывал в Баиловской тюрьме, где в то время находился известный революционер Коба (И. В. Сталин). Какое-то время они даже сидели в одной камере.

После освобождения из тюрьмы Андрей Вышинский решил немного остепениться, так как его семья к тому времени увеличилась — родилась дочь Зинаида. Он переехал в Киев, где надеялся завершить свое образование. Ему удалось вновь стать студентом и окончить университет. Вскоре Вышинский уехал в Баку. Некоторое время он перебивался частными уроками и газетно-репортерской деятельностью, но такая работа не удовлетворяла его честолюбия. В 1915 году он появляется в Москве. Здесь ему удалось поступить помощником к знаменитому адвокату, занимавшемуся преимущественно политическими делами, — Павлу Николаевичу Малянтовичу.

Адвокатская карьера А. Я. Вышинского была непродолжительной — менее двух лет. После Февральской революции 1917 года он становится председателем Якиманской районной управы и комиссаром милиции, ревностно выполняя все указы Временного правительства, в том числе и по розыску В. И. Ленина, скрывавшегося от властей после июльских событий 1917 года.

После Октябрьской революции Вышинский формально не примкнул к партии большевиков. Тем не менее, в отличие от многих своих соратников-меньшевиков, не выступал открыто против новой власти. Это дало ему возможность устроиться, если не с комфортом, то во всяком случае неплохо. Он сумел попасть на службу инспектором в Московское продовольственное управление и постепенно, благодаря дружеским связям с выходцем из Баку большевиком А. Б. Халатовым, ставшим в Москве чрезвычайным комиссаром по продовольствию и транспорту, а также поддержке Сталина, за несколько лет сделал неплохую карьеру. В 1919 году его назначают начальником управления по распределению в Наркомпроде, а осенью того же года временно откомандировывают в Тулу в распоряжение политотдела Южного фронта, где Вышинский работает снабженцем. В 1920 году он вступает в Российскую коммунистическую партию большевиков, что открывает перед ним новые возможности еще более высокого служебного роста.

В начале 1920-х годов А. Я. Вышинский проявляет исключительную активность. Не оставляя службы в Наркомпроде, он несколько месяцев сотрудничает с только что организованной коллегией защитников и одновременно ведет научно-педагогическую деятельность в Московском институте народного хозяйства, где становится даже деканом экономического факультета. Непродолжительное время работает в Наркомтруде и главпрофобре. Но перелом в его карьере наступает в 1923 году. Именно тогда он выступил в качестве общественного обвинителя в одном из крупных процессов «церковников». Прокурорская трибуна пришлась по душе бывшему помощнику присяжного поверенного, и вскоре Вышинский становится прокурором уголовно-судебной коллегии Верховного суда РСФСР. Он часто поддерживал обвинение в суда х, оттачивая свое ораторское мастерство и в качестве прокурора выступал во многих крупных процессах 1920-х годов.

Будучи прокурором, А. Я. Вышинский активно занимался и советской наукой. Из-под его пера одна за другой выходили статьи и книги: «Очерки по истории коммунизма» (1924 и 1925 годы), «Суд и карательная политика Советской власти» (1925 год) и др.

В 1925 году А. Я. Вышинский покинул прокуратуру. Ученый совет Московского государственного университета избрал его своим ректором. К этому времени он был уже профессором. Наряду с выполнением обязанностей ректора, он читал также курс лекций по уголовному процессу на юридическом факультете. На основе лекций вскоре издал учебник «Курс уголовного процесса». В эти же годы его назначили членом комиссии законодательных предположений при Совнаркоме СССР.

В мае 1928 года Вышинского временно призвали в органы юстиции. Ему поручили председательствование в Специальном присутствии Верховного суда СССР по делу группы «вредителей» в угольной промышленности, известному больше как «шахтинское дело». В начале декабря 1930 года он возглавил группу судей на процессе так называемой «Промышленной партии».

11 мая 1931 года Андрей Януарьевич Вышинский был назначен Прокурором РСФСР, сменив на этом посту Н. В. Крыленко. Через десять дней он становится одновременно и заместителем Наркомюста РСФСР. Указанные должности Вышинский занимал немногим более двух лет, но этого вполне хватило на то, чтобы о нем заговорили как о новой восходящей звезде на советском юридическом небосклоне. И хотя он продолжал пребывать как бы в тени славы Крыленко,

считавшегося первым судебным оратором Страны Советов, он сумел развить очень бурную деятельность. Ни одно важное событие в правовой жизни страны, будь то совещания, активы, судебные процессы, особенно по политическим делам, не обходились без его участия. К этому надо добавить его многочисленные выступления в печати, издание книг и брошюр по юриспруденции, лекции и доклады на разнообразных конференциях и симпозиумах и т. п. Он чутко прислушивался ко всем выступлениям И. В. Сталина, тщательно штудировал его статьи и тут же пытался использовать все идеи вождя в своей практической деятельности. А. Я. Вышинский одним из первых подхватил его тезис о том, что при определенных условиях «законы придется отложить в сторону».

В качестве прокурора республики А. Я. Вышинский принял участие в целом ряде крупных процессов, в том числе и по так называемым «делам о вредительстве». Деятельность его на посту прокурора республики, хотя и непродолжительная, была вознаграждена. Он получил орден Трудового Красного Знамени, которого он удостоился за «выдающуюся работу по разоблачению вредительских и контрреволюционных организаций».

В июне 1933 года после создания Прокуратуры Союза ССР А. Я. Вышинского назначили заместителем Прокурора СССР. Его служба в центральном аппарате продолжалась шесть лет. Прокуратура Союза ССР размещалась в старинном особняке, построенном еще в первой четверти XIX века (в 1824 году) и расположенном в глубине большого двора (некогда сада) по улице Большая Дмитровка, 15а (с 1937 года до начала 1990-х годов — Пушкинская улица).

С самого начала работы в Прокуратуре Союза ССР Вышинский стал активно использовать судебную трибуну для борьбы с «вредителями», «врагами народа» и «контрреволюционерами». Одно из первых дел, в котором он принял участие в ранге заместителя Прокурора Союза ССР, — о некомплектной отгрузке комбайнов, — рассматривалось уголовно-судебной коллегией Верховного суда СССР с 16 по 22 августа 1933 года. Суду были преданы 11 крупных хозяйственных руководителей. Вышинский в своей речи представил это дело, как «отражение еще не оконченной в стране классовой борьбы», а подсудимых выставил проводниками «капиталистической партизанщины» и «враждебных советскому социалистическому строительству настроений, традиций, привычек, взглядов, методов работы», изображая их действия как «прямой заговор группы государственных служащих против советского закона».

3 марта 1935 года постановлением ЦИК СССР А. Я.

Вышинский был назначен Прокурором Союза ССР. Он услужливо и безропотно стал выполнять роль «главного инквизитора» вождя. Его меньшевистское прошлое было напрочь предано забвению. За те четыре года, что Вышинский пробыл в должности Прокурора Союза ССР, он сумел полностью завладеть всеми ключевыми позициями юридической науки и практики. Бывший Прокурор РСФСР А. А. Волин, хорошо знавший Вышинского, в беседе с авторами говорил, что в то время «всюду был слышен голос только одного человека — Вышинского». Приказы и указания Прокурора Союза ССР, и ранее не отличавшиеся мягкостью, звучали теперь более твердо и жестко, особенно тогда, когда речь шла о выполнении всякого рода постановлений партии и правительства. Вышинский требовал от своих подчиненных возбуждения уголовных дел и предания суду должностных лиц и граждан за самые разнообразные «преступления»: за сдачу на убой «здорового стельного скота» и утайку скота от учета, за невыполнение планов по мясо- и молокопоставкам и кастрацию племенного скота, за антисанитарное состояние хлебопекарен и сверхурочные работы и т. п.

С первых же дней вступления в новую должность А. Я. Вышинский развил исключительную активность — поездки, совещания, встречи с активом, выступления с докладами следовали одно за другим. В марте 1935 года он побывал в Киеве, где лично ознакомился с работой прокуратуры Украинской ССР. В апреле — заслушал доклад Прокурора РСФСР В. А. Антонова-Овсеенко о работе органов прокуратуры по борьбе с выпуском недоброкачественной продукции. В августе он выступил с большим докладом на собрании президиума Комакадемии, Института советского строительства и права и Института уголовной политики по вопросу охраны социалистической собственности.

В марте 1936 года Вышинский выступил с речью по вопросам судебной политики и судебной работы на пленуме Верховного суда СССР (доклады сделали Председатель Верховного суда СССР Винокуров и директор Института уголовной политики Шляпочников). Прокурор Союза ССР подверг сокрушительной критике доклад Винокурова, назвав его «статистическо-бухгалтерским», а не политическим отчетом, так как в нем, по его мнению, не были «выделены узловые вопросы судебной политики», нет «руководящей нити», нет «основного стержня». Выступление председателя коллегии Верховного суда СССР Антонова-Саратовского в прениях он назвал «странным», а содержание его речи — «трудноуловимым». Не понравились ему также доклад Шляпочникова, который «ничего не дал», и

выступление Крыленко.

20 июля 1937 года за «заслуги» в деле укрепления «революционной законности» А. Я. Вышинский был награжден орденом Ленина.

В 1936 и 1937 годах Прокуратура СССР организовала ряд больших процессов по фактам выявленных проверками грубейших и массовых нарушений законности на местах. Это были так называемые лепельский и ширяевский процессы (дела расследовались Прокуратурой СССР), чечельницкий процесс (занималась Прокуратура Украинской ССР) и др. Особенно громким был «ширяевский» процесс. Это дело было возбуждено в отношении руководителей Ширяевского района Одесской области. Обвиняемыми по нему проходили председатели райисполкома и сельсоветов, секретарь районного парткома, заведующие отделами исполкома и даже районный прокурор. Согласно обвинительному заключению нарушения законов в районе носили массовый характер и выражались в прямом издевательстве над людьми. Выездная сессия Верховного суда Украинской ССР осудила всех виновных по этому делу к лишению свободы сроком от 3 до 10 лет, в том числе и прокурора района.

А. Я. Вышинский был одним из немногих советских прокуроров, который не только не чуждался судебной трибуны, но и любил ее, с наслаждением выступал в судебных процессах, чувствуя на них себя уверенно и непринужденно. В этом отношении с ним мог бы соперничать только другой прирожденный оратор — Н. В. Крыленко. Все прокуроры до Вышинского и после него (за исключением Р. А. Руденко) особенно не жаловали судебную трибуну.

Вышинский не только сам много выступал, причем на самых громких процессах, но и требовал того же от своих подчиненных. «Прокурор, не выступающий в суда х первой инстанции, не прокурор», — говорил он.

Одно из самых известных дел (не относящихся к числу политических), в котором участвовал А. Я. Вышинский уже как Прокурор Союза ССР — это дело по обвинению бывшего начальника зимовки на острове Врангеля К. Д. Семенчука и каюра С. П. Старцева в убийстве доктора Н. Л. Вульфсона. Оно было возбуждено в конце 1935 года, и расследование по нему проводил следователь по важнейшим делам Л. Р. Шейнин. В свое время это дело подавалось как некий «образец» использования косвенных доказательств в уголовном процессе. Слушалось оно Верховным Судом РСФСР с 17 по 23 мая 1936 года. Подсудимые были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. (В настоящее время они реабилитированы.)

Обвинительные речи, подобные той, которую произнес Вышинский по делу Семенчука и Старцева, создавали ему довольно широкую известность. Однако во всем мире его знали только как «прокурора московских процессов». В 1936–1938 годах он выступил по целому ряду крупных политических дел. Среди них дела «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра», «Московского параллельного антисоветского троцкистского центра», «Антисоветского правотроцкистского блока». Об этих делах, методах ведения «следствия» по ним, о «выбивании» признательных показаний у обвиняемых, а затем и у подсудимых, чудовищных фальсификациях и подлогах, а также о роли во всем этом «главного сталинского инквизитора» Вышинского написано достаточно много. Все эти дела в настоящее время пересмотрены, приговоры по ним отменены, а проходившие по ним лица реабилитированы (за исключением Ягоды).

Надо сказать, что речи А. Я. Вышинского по политическим делам ничего общего не имеют с обычными судебными речами государственных обвинителей, где требуется скрупулезный анализ доказательств, изобличающих виновных лиц. Андрей Януарьевич не утруждал себя глубоким исследованием вины подсудимых. Он только придавал своим речам публицистический характер и угодную властям политическую окрасу. И в этом он преуспел. А что касается предоставления суду доказательств, то этого тогда вовсе и не требовалось, так как приговоры фактически были уже предрешены, и даже не Вышинским. Он был в этих процессах только «рупором» Сталина и его окружения. Речи А. Я. Вышинского по политическим делам не выдерживают никакой критики, ни с точки зрения юридической, ни с точки зрения нравственной. Они не только не содержали крепкой доказательственной базы, но и были наполнены грубыми, оскорбительными выражениями, что является совершенно недопустимым для речей прокуроров. Он называл подсудимых «бандой презренных террористов», «взбесившимися псами», которых «надо расстрелять всех до одного», «холуями и хамами капитализма», «оголтелыми контрреволюционными элементами», «чудовищами», «проклятой помесью лисы и свиньи» (о Бухарине), «погаными псами», «проклятой гадиной» и другими бранными выражениями.

В бытность Вышинского Прокурором Союза ССР повальные аресты производились и среди руководящих прокурорских и судебных работников. Властям всюду мерещился пресловутый «правотроцкистский контрреволюционный» и даже «террористический» заговор. Военная коллегия Верховного суда СССР и Особое совещание при НКВД СССР едва успевали

рассматривать такие дела. Они пропускали через свои жернова одного за другим бывших коллег-юристов. Многие процессы заканчивались трагически для их участников. Смертная казнь была наиболее распространенной мерой наказания по такого рода делам. Слово «коллега» не являлось каким-либо смягчающим вину обстоятельством. С ними поступали не менее бесчеловечно, чем с другими подсудимыми.

По имеющимся данным, на начало 1993 года было выявлено 280 репрессированных прокуроров и следователей, из них 90 человек расстреляны. Наиболее жестокие преследования осуществлялись в те годы в отношении прокуроров республик, краев и областей. 44 из них были арестованы и осуждены, причем 23 — к высшей мере наказания, а 17 — отправлены в лагеря, где отбывали длительный срок. Впоследствии трое из них умерли, а один — покончил жизнь самоубийством. В числе репрессированных (в том числе и расстрелянных) были и женщины-прокуроры. Все прокуроры, чьи дела проверены, в настоящее время реабилитированы.

Среди лиц, попавших при содействии Вышинского и его сподручных в ежовско-бериевские застенки, оказалось немало и московских прокуроров: ответственных работников Прокуратуры СССР, Прокуратуры РСФСР, Главной транспортной прокуратуры, прокуратуры Москвы и Московской области. В частности были арестованы, а затем расстреляны Главный транспортный прокурор СССР Герман Михайлович Сегал, его заместитель Сергей Алексеевич Миронов и помощник Аркадий Маркович Липкин, старший помощник Прокурора РСФСР Виктор Михайлович Бурмистров, и. о. прокурора Челябинской области (до этого был прокурором Москвы) Андрей Владимирович Филиппов, заместитель Прокурора Союза ССР Григорий Моисеевич Леплевский, прокурор Московской области Владимир Александрович Малюнов, а также ответственные работники московской прокуратуры Виктор Давидович Торговец и Роман Артемович Прохоров, прокурор Москвы Константин Ипполитович Маслов, и. о. прокурора Москвы Вениамин Исаакович Кобленц, заместитель прокурора Москвы по спецделам Исаак Наумович Евзерихин и другие.

12 января 1938 года открылась 1-я сессия Верховного Совета СССР. В последний день сессии А. Я. Вышинский был назначен Прокурором Союза ССР сроком на семь лет (по новой Конституции СССР). От имени Совета старейшин Совета Союза и Совета Национальностей его кандидатуру представил депутат Г. И. Петровский. В своей речи он сказал, что Вышинский всем «известен по своим выступлениям на судебных процессах против

врагов народа».

Массовые аресты 1936–1938 годов нанесли непоправимый урон народному хозяйству страны. Многие наркоматы, предприятия и организации были в буквальном смысле обезглавлены, оказались без лучших специалистов, что не могло не сказаться на качестве их работы. Особенно пострадали оборонные отрасти промышленности. Острую нехватку кадров испытывали и судебно-прокурорские органы. К началу 1938 года в прокуратуру было принято около 2 тысяч новых, профессионально неподготовленных работников, которые стали прокурорами и следователями. И все же, несмотря на это, оставалось большое количество вакантных мест, а в некоторых районах вообще не было прокуроров.

В январе 1938 года пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Постановление фактически возлагало ответственность за массовые репрессии людей на местные партийные органы, которые поддались «на происки врагов». Вскоре после этого, 17 ноября 1938 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое, признавая «перегибы» в деле арестов людей и привлечения их к ответственности, приостановило массовые репрессии в стране.

Вышинский быстро сориентировался в новой обстановке и сразу же натянул на себя тогу «радетеля за законность». Он быстро «сдал» и некоторых прокуроров якобы «причастностных» к массовым необоснованным арестам. Тогда были осуждены судебно-прокурорские работники Омской, Восточно-Казахстанской, Смоленской, Ярославской и некоторых других областей. Теперь он на всех совещаниях «громил» прокуроров, допускающих осуждение невиновных лиц, приводил примеры творившихся на местах (как, впрочем, и в центре) «дичайших» случаев беззакония и произвола. Прокурор Союза ССР с присущим ему пафосом говорил о происках «искусно замаскированных врагов», которые более всего кричат о бдительности, а сами только и стремятся «путем проведения мер репрессий перебить большевистские кадры».

Находясь на высоком посту Прокурора Союза ССР, Вышинский продолжал заниматься научно-педагогической деятельностью. В 1936 году он стал доктором юридических наук, а в 1939 году — академиком Академии наук СССР. Одновременно он возглавлял Институт права Академии наук СССР. А. Я.

Вышинский не только лично участвовал в жесточайших репрессиях в стране, но и теоретически их обосновывал. Вред от «теоретических изысканий» академика для юридической науки был ничуть не меньше, чем от проводимых им политических процессов. Современники называли его даже «теоретической дубинкой» Сталина.

31 мая 1939 года А. Я. Вышинский на очередной сессии Верховного Совета СССР был утвержден в должности заместителя Председателя Совнаркома СССР. В 1940 году он становится одновременно и заместителем народного комиссара иностранных дел. На дипломатическом поприще он оставался более 14 лет. Вышинский участвовал также в Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками. И хотя он оставался в Нюрнберге как бы за кулисами (Главным обвинителем от СССР был Р. А. Руденко), именно он расставлял все точки над і в действиях советской делегации. Юрий Зоря писал, что Главный обвинитель от Великобритании лорд Х. Шоукросс называл Вышинского «особоуполномоченным Сталина».

4 марта 1949 года А. Я. Вышинского назначают министром иностранных дел СССР, а на пленуме, состоявшемся сразу же после окончания XIX съезда КПСС (16 октября 1952 года) его избирают кандидатом в члены Президиума ЦК. С этих пор роль его во внешнеполитических делах заметно усилилась, хотя, конечно, основную политику вершил не он. 5 марта 1953 года, в день смерти И. В. Сталина, Вышинский был выведен из Президиума ЦК и освобожден от должности министра иностранных дел СССР. Он довольствовался лишь должностью первого заместителя министра и стал постоянным представителем СССР при Организации Объединенных Наций. 9 декабря 1953 года в связи с 70-летием со дня рождения Андрей Януарьевич в очередной раз был награжден орденом Ленина (всего он имел семь орденов и многие медали).

Умер А. Я. Вышинский 22 ноября 1954 года в Нью-Йорке (США). Урна с его прахом захоронена в Кремлевской стене на Красной площади в Москве.

«ИСПОЛНЯЮЩАЯ ОБЯЗАННОСТИ ГЕРЦОГИНИ»
И. о. прокурора республики ФАИНА ЕФИМОВНА НЮРИНА

Фаина Ефимовна Нюрина родилась в декабре 1885 года в городе Бердичев Киевской губернии в большой купеческой семье. У Эфрама Липеца и его жены Рэйзии было 10 человек детей. Фаня была девятым ребенком. В Бердичеве она провела свое детство, там же получила начальное образование. Ее отец умер в 1902 году. Хотя Фаина росла и воспитывалась в достаточно обеспеченной семье, тем не менее с юных лет приобщилась к революционной среде. В 1902 году она стала членом Бунда («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») и в составе партии активно занималась революционной деятельностью, которая в основном заключалась в руководстве рабочими кружками.

В 1903 году Фаина переехала в Киев. Там она продолжала вести антиправительственную деятельность среди учащихся, студентов, рабочих, руководила небольшими стачками, разъезжала по провинции с агитационными целями. В ее квартире часто проводились заседания киевского и даже центрального комитетов Бунда. Несмотря на то, что в Киеве Нюрина жила нелегально, так как ей отказали в выдаче вида на жительство, она все же экстерном сдала экзамены за семь классов женской гимназии.

В конце 1903 года по заданию своей организации она выехала за границу и поселилась в Париже, где прожила более года, активно участвуя во всех делах заграничного отделения Бунда. В Париже для пополнения образования Нюрина поступила в высшую школу общественных наук, которую посещала восемь месяцев. Она свободно владела немецким языком, неплохо знала французский и польский. Когда Фаина вступила в брак с Израилем Исааковичем Нюренбергом, то стала носить двойную фамилию Нюрина-Нюренберг (фамилию Нюрина придумала сама). Вернувшись в Россию в 1905 году и обосновавшись в Варшаве, она активизировала свою революционную работу, причем на этот раз выступала уже в роли организатора массовых демонстраций. Однако вскоре ее явочная квартира провалилась, и бундовцы срочно перебросили ее в Одессу. Там она появлялась в самых горячих местах: выступала в порту, была на мятежном

броненосце «Потемкин», участвовала в массовом шествии во время похорон убитого матроса.

В конце 1905 года Ф. Е. Нюрина снова выехала за границу и поселилась в Галиции. Там у нее родился сын Александр. Менее чем через год она вернулась в Россию. Жила преимущественно в Киеве, где сумела закончить фельдшерские курсы. В 1906 году ее арестовали прямо на объединенной конференции Бунда. После непродолжительного пребывания в тюрьме (три с половиной месяца) она была выпущена на свободу и почти сразу же нелегально выехала за границу, поступила там в университет, однако закончить его не сумела. Долго жить за рубежом Нюрина не смогла и снова вернулась в Россию. В 1909 году у нее родился второй сын — Шера. С двумя детьми на руках приходилось постоянно думать о заработках, что было весьма проблематично при ее полулегальном проживании в России. Она часто переезжала из города в город, живя попеременно в Киеве, Бердичеве, Житомире, Одессе, нигде не прекращая революционной деятельности. Не имея постоянной работы (она лишь изредка давала уроки), жить нередко приходилось только на средства, выделяемые бундовской организацией.

В 1914 году Ф. Е. Нюрина поселилась в Лодзи, где вместе с мужем некоторое время учительствовала, а заодно вела и пропагандистскую работу среди приказчиков. С началом Первой мировой войны она переехала в Москву, где продолжала перебиваться случайными заработками. Хотя семья Нюриной жила впроголодь, это однако не сказалось на ее революционной активности. Она была все так же деятельна, наладила постоянную связь с рабочими фабрики братьев Жиро, читала лекции и делала доклады в различных кружках, преимущественно по еврейскому вопросу.

В 1916 году Ф. Е. Нюрина переехала в Петроград, где организовала курсы для еврейских рабочих, на которых выступала по вопросам истории социализма, политической экономии и др. В Петрограде она встретила и Февральскую революцию. В эти дни она была особенно деятельна, часто выступала на митингах, полемизировала с социал-революционерами и большевиками. Жилось ей все так же трудно, она бедствовала. Чтобы хоть как-то подкормить детей, летом 1917 года Нюрина выехала на свою родину, в Бердичев. Там она «застряла» надолго, до июля 1919 года.

После Октябрьской революции и в первые годы Советской власти Ф. Е. Нюрина продолжала оставаться активным членом Бунда и поддерживала все меньшевистские лозунги. В эти же годы ей удалось поступить на службу. В 1918–1919 годах она

работала секретарем и заместителем заведующего отделом охраны труда Бердичевской городской управы, была членом городского Совета рабочих и крестьянских депутатов, президиума совпрофа и бундовского комитета. Бердичевская партийная организация избрала ее делегатом VI съезда РСДРП(б). Бунд выдвинул ее также кандидатом в Учредительное собрание и в члены Украинской рады.

От активной работы в Бунде Ф. Е. Нюрина отошла в 1919 году, когда у нее возникли серьезные сомнения в правильности выбранной бундовцами позиции. Летом 1919 года она поселилась в Киеве, где стала работать заместителем заведующего районным отделом народного образования. Вскоре под натиском белогвардейцев Красная Армия оставила Киев. Нюрина не сумела эвакуироваться, и ей пришлось перейти на полулегальное существование. Когда большевики вернулись в Киев, Ф. Е. Нюрина окончательно порвала с Бундом, и в начале 1920 года вступила в партию большевиков. Она продолжала работать в советских органах: была членом комитета Киевского губернского отдела народного образования, заведующей секцией в собесе, в ряде мест выбиралась членом Совета рабочих и крестьянских депутатов.

В мае 1920 года Нюрину направили на работу в Екатеринославль, где она возглавила губернский отдел народного образования. Там она активно вела и партийную работу, громя своих недавних соратников, бундовцев и меньшевиков. В ноябре того же года, по решению Оргбюро ЦК партии, Ф. Е. Нюрину перевели на работу в Москву. Здесь она занимала ряд ответственных постов в различных организациях, в частности, была политкомиссаром в главном и московском управлениях воинских учебных заведений. В июне 1922 года ее назначили в женотдел ЦК ВКП(б) на должность заведующей подотделом, где она проработала более шести лет.

28 сентября 1928 года Совнарком РСФСР утвердил Ф. Е. Нюрину членом коллегии Наркомата юстиции республики, который тогда возглавлял Н. М. Янсон, бывший одновременно и Прокурором РСФСР. Ее зачислили в штат Наркомюста РСФСР с 1 октября, и сразу же она возглавила отдел общего надзора в прокуратуре республики.

Привыкать к новой работе было довольно сложно, так как юридических познаний у нее явно не хватало. И тем не менее, по словам Н. В. Крыленко, Ф. Е. Нюрина «с самого начала производила впечатление энергичного и толкового работника».

В мае 1929 года постановлением ВЦИК Николай Васильевич Крыленко был назначен прокурором республики (Н. М. Янсон

остался народным комиссаром юстиции РСФСР). В соответствии с этим же постановлением Янсон назначил и некоторых помощников прокурора республики: по судебно-следственному надзору и общему управлению — Ф. К. Трасковича, по надзору за органами ОГПУ — Р. П. Катаньяна, по трудовым делам — А. М. Стопани. Помощником прокурора по общему надзору он утвердил Ф. Е. Нюрину. В этой должности она оставалась, впрочем, недолго. Уже в декабре нарком юстиции Янсон назначил ее начальником только что образованного организационно-инструкторского управления Наркомюста РСФСР. Возглавляя управление, Ф. Е. Нюрина обеспечила проведение целого ряда исключительно важных мероприятий: съездов, совещаний, активов, слетов работников органов юстиции и прокуратуры и т. п., в которых сама принимала участие, нередко выступая с докладами и сообщениями. Благодаря своей неуемной энергии и организационным способностям, она в конце 1920-х — начале 1930-х годов быстро выдвинулась в число основных сотрудников Наркомата юстиции республики.

В мае 1934 года Прокурором РСФСР был назначен известный государственный и политический деятель В. А. Антонов-Овсеенко. Фаина Ефимовна вначале временно исполняла обязанности заместителя прокурора республики, а затем была утверждена в этой должности. 23 сентября 1936 года Антонов-Овсеенко издал следующий приказ:

«Ввиду назначения меня на новую работу, Управление Прокурора РСФСР, по указанию Прокурора СССР, передаю с 25 сего сентября т. Нюриной Ф. Е.

Всему трудовому коллективу сотрудников Прокуратуры РСФСР — привет и пожелание дружной и успешной работы на благо нашего великого дела, нашей прекрасной Родины».

После отъезда Антонова-Овсеенко в Испанию Нюрина фактически возглавила органы прокуратуры республики. 14 ноября 1936 года Прокурор Союза ССР А. Я. Вышинский подтвердил ее полномочия своим приказом. Тяжелую ношу и. о. Прокурора РСФСР она несла до августа 1937 года. Ф. Е. Нюрина руководила органами прокуратуры республики не в самое лучшее время. Прокуратуру лихорадило, никак не удавалось наладить прочные связи с регионами, давала о себе знать еще не до конца осуществленная централизация прокурорской системы (новая Конституция СССР была принята лишь 5 декабря 1936 года), не хватало квалифицированных прокурорских и следственных кадров.

В связи с принятием Конституции СССР, прокуратуре республики пришлось перестраивать свою работу. В частности,

назначение городских и районных прокуроров теперь полностью легло на плечи республиканских прокуратур (с утверждением их Прокуратурой Союза ССР).

В качестве исполняющей обязанности прокурора республики Ф. Е. Нюриной приходилось представительствовать и нередко выступать с докладами и сообщениями на многочисленных совещаниях и активах, проводившихся тогда без конца. На некоторых из них работа прокуратур республик, краев и областей подвергалась сокрушительной критике со стороны А. Я. Вышинского. Порой он был резок и саркастичен, говорил эффектно, но иронично и зло. Доставалось, конечно же, и Ф. Е. Нюриной. Так, на собрании актива прокуратур Союза ССР, РСФСР, г. Москвы и Московской области, проводившемся с 15 по 19 марта 1937 года, Вышинский, недовольный чересчур независимым поведением некоторых прокуроров, едко заметил, что еще «не выкорчеван старый недобрый порядок, при котором каждый местный прокурор считал себя маленьким удельным князьком». Он назвал этих прокуроров поименно: «В Западной Сибири сидит хан Барков, в Московской области — удельный князь Филиппов, в РСФСР — исполняющая обязанности герцогини Нюрина». «Каждый чувствует себя самостоятельным, автократичным, — продолжал он. — Это означает, что наша прокуратура все еще не представляет собою стройной, систематически и планомерно работающей организации, подчиняющейся единому командованию и действующей по единому плану».

5 июня 1937 года на состоявшемся в Москве собрании актива Прокуратуры Союза ССР (председательствовал А. Я. Вышинский) работа Прокуратуры РСФСР вновь подверглась серьезной критике. Ф. Е. Нюрина, признавая многие «промахи и неувязки», ссылалась на очень тяжелые условия работы, низкую квалификацию работников аппарата, текучесть кадров, отсутствие достаточного количества помещений и т. д. Выступление Ф. Е. Нюриной очень не понравилось Вышинскому. В заключительном слове он сказал, что она «вместо большевистского признания ошибок, занимается подтасовкой фактов, защитой чести своего «мундира», совершенно неосновательно полагая, что в Прокуратуре РСФСР все в порядке». И далее: «Я знаю, что у нас в работе Прокуратуры Союза ССР имеются громадные недостатки, о которых мало говорят, — раз в месяц на активе, но о которых надо говорить хотя и скромно, без крика, без шума, без рекламы, но с настойчивостью, преодолевая постепенно волокиту, бюрократизм, гнилье. А самовлюбленность т. Нюриной тем более опасна, что она ни на

чем не основана, что работа прокуратуры все еще крайне неудовлетворительна». И тут же он бросил упрек своим заместителям и помощникам, напомнив, что для них «периферия начинается с прокуратуры РСФСР, с прокуратуры г. Москвы и Московской области».

1937 год вошел в историю Советского государства, как год массовых репрессий. Многие тысячи людей, ни в чем не повинных, попадали под суд по так называемым «контрреволюционным преступлениям», после чего их, в лучшем случае, ожидал какой-нибудь лагерь. В то время, когда всеобщая подозрительность приближалась к своему апогею, многим представителям власти (не только центральной, но и местной) всюду мерещились враги, заговоры, теракты. Но даже и в это непростое время и. о. прокурора республики Ф. Е. Нюрина пыталась отстаивать своих подчиненных, которым грозили серьезные неприятности. Например, прокурор Вавожского района Удмуртской АССР Кунгуров был исключен из партии как враг народа. Ему предъявили обвинение по 18 пунктам. Что ему только не инкриминировалось? А все дело заключалось в том, что он не угодил местным руководителям и не прекратил уголовное дело в отношении лиц, занимавшихся «администрированием», притеснявших единоличников и колхозников. Более того, проявляя настойчивость, Кунгуров довел дело до суда, и виновные понесли наказание. От Кунгурова отвернулся даже прокурор автономной республики. Жалоба районного прокурора дошла до Нюриной, и она настояла на том, чтобы Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) проверила обоснованность исключения Кунгурова из партии. Было установлено, что прокурор никакого преступления не совершил и все его требования были законными. Кунгурова восстановили в партии и на работе.

В начале августа 1937 года Ф. Е. Нюрина была неожиданно снята с работы. Формальным поводом для этого послужили аресты ее родственников, в частности, брата Д. А. Петровского-Липеца. Не заставила себя ждать и травля ее в печати, особенно усилившаяся после ареста Н. В. Крыленко. Некоторое время после освобождения от должности она работала юрисконсультом в горпромторге, но и оттуда незадолго до ареста ее уволили.

Фаина Ефимовна была арестована 26 апреля 1938 года по ордеру, подписанному заместителем наркома внутренних дел Фриновским. Основанием для ареста явились материалы, подготовленные 1-м отделением 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Справка на арест была датирована еще 17 апреля 1938 года и подписана начальником отделения Райхманом. В ней отмечалось,

что «агентурными данными и показаниями арестованных помощника Прокурора РСФСР Бурмистрова, Крыленко Н. В. и Соколова Нюрина изобличается, как участница антисоветской организации правых, по заданию которой вела активную контрреволюционную деятельность». Далее в справке приводились небольшие выдержки из показаний названных лиц, а также из агентурных донесений, полученных еще в январе-феврале 1938 года. В них приводился, например, и такой «факт»: «Нюрина в годы гражданской войны, — писал агент, — при занятии Житомира Петлюрой, встречала его во главе делегации, держала перед ним погромную речь против большевиков, выставляя его, как спасителя цивилизации и восстановителя демократии на Украине. При возвращении от Петлюры стреляла из пулемета по рабочему поселку».

То, что Нюрина в первые годы Советской власти идейно противостояла большевикам, был факт общеизвестный. Поэтому для пущей убедительности агент приплел к своему донесению и «погромную речь» и «пулемет».

По всей видимости, агент знал о материале, который в свое время рассматривался в ЦКК при ЦК ВКП(б). Дело заключалось в следующем. В конце 1920-х годов некая С. и ее муж М. обратились с письмом в ЦК партии, в котором сообщали о том, что в 1919 году Ф. Е. Нюрина и ее брат Д. А. Петровский-Липец были причастны к расстрелу петлюровцами их родственников. ЦКК при ЦК ВКП(б), после соответствующей проверки, рассмотрел этот вопрос на своем заседании 29 июня 1929 года и признал, что обвинения против Нюриной являются «недоказанными». Из материалов проверки усматривалось, что сестры С. были арестованы и расстреляны петлюровцами, однако Нюрина никакого отношения к этому не имела. В документе ЦКК отмечалось, что Нюрина и ее брат Петровский-Липец, а также муж Нюренберг действительно являлись бундовцами и вели борьбу «против взглядов и деятельности большевистской партии». Однако этого она никогда не скрывала, от своих прежних взглядов отказалась и в 1920 году вступила в большевистскую партию.

Дело Ф. Е. Нюриной принял к своему производству оперуполномоченный 4-го отдела 1-го управления НКВД лейтенант госбезопасности Зайцев. Каких-либо свидетелей по ее делу не вызывалось. Следователь приобщил только выписки из протоколов допросов руководящих работников органов юстиции и прокуратуры, с которыми Нюрина общалась по роду своей службы, и к тому времени уже арестованных, в частности, наркома юстиции СССР Н. В. Крыленко, заместителя Прокурора

Союза ССР Г. М. Леплевского, помощника прокурора РСФСР В. М. Бурмистрова и др. Все они «изобличали» Ф. Е. Нюрину, как активного участника антисоветской организации, якобы существовавшей в органах прокуратуры.

Первый (и единственный) протокол допроса Ф. Е. Нюриной был составлен лишь 27 июля 1938 года. А 22 июля ей было предъявлено обвинение в преступлениях, предусмотренных статьями 58-7, 19-58-8 и 58–11 УК РСФСР. Можно только догадываться, что происходило в течение трех месяцев, которые Фаина Ефимовна провела в тюрьме. Пытки, истязания, оскорбления?.. Однако ничто не могло сломить волю мужественной женщины. Все усилия «заплечных дел мастеров» оказались тщетными. Несмотря на прямые «изобличения», она твердо и решительно отвергала все обвинения и виновной себя не признавала. В отличие от некоторых прокуроров, сломленных в ежовских застенках, Ф. Е. Нюрина не «потянула» за собой никого из окружавших ее людей.

Сразу же после допроса, оперуполномоченный Зайцев составил краткое, на одном листе, обвинительное заключение. В этом документе отмечено, что Ф. Е. Нюрина была арестована, как участник антисоветской организации правых. И далее: «Нюрина проводила вербовочную работу, вовлекая в организацию правых новых участников. Ею были завербованы бывшие прокурорские работники Бурмистров В. М. и Деготь. На протяжении ряда лет проводила подрывную вредительскую работу в прокуратуре, разваливая работу органов прокуратуры и извращая политику ВКП(б) и Советской власти в области революционной законности, ослабляя борьбу с врагами народа». Обвинительное заключение было согласовано с начальником 4-го отделения 4-го отдела 1-го управления НКВД капитаном государственной безопасности Аронсоном, а утвердили его начальник 4-го отдела Глебов и заместитель Прокурора Союза ССР Рогинский.

Далее судебный конвейер действовал уже стремительно и без остановки. 28 июля под председательством диввоенюриста Никитченко состоялось подготовительное заседание военной коллегии Верховного суда СССР. На нем присутствовал также и Рогинский. Было принято решение дело Ф. Е. Нюриной заслушать в закрытом судебном заседании в порядке закона от 1 декабря 1934 года, то есть без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей.

Судебное заседание выездной сессии военной коллегии открылось 29 июля 1938 года в 18 часов 20 минут под председательством того же Никитченко. В качестве судей участвовали диввоенюрист Горячев и бригвоенюрист Романычев.

После выполнения некоторых формальностей (удостоверение личности подсудимой, выяснения вопроса о том, вручено ли ей обвинительное заключение) секретарь судебного заседания Костюшко зачитал обвинительное заключение. На традиционный вопрос о виновности Ф. Е. Нюрина сказала, что виновной себя не признает. Тогда были оглашены (частично) показания Крыленко. Нюрина назвала их «явной клеветой». После этого Никитченко зачитал показания Липшица, Леплевского и других лиц, говоривших о ее якобы вредительской деятельности в органах прокуратуры. Нюрина назвала эти показания «злостной клеветой». В последнем слове Ф. Е. Нюрина сказала, что ее «оклеветали враги», что ни в каких контрреволюционных организациях она не состояла и просила суд «тщательно разобраться» в деле. Однако это, конечно же, в планы суда не входило. Ведь приговор был уже фактически предрешен.

Суд удалился на совещание только для того, чтобы через несколько минут выйти и объявить приговор. В нем содержались все те же «перепевы» из обвинительного заключения об участии в антисоветской террористической организации, вербовке в свои ряды других лиц и проведении в органах прокуратуры вредительской деятельности. Ф. Е. Нюрина была приговорена к расстрелу с конфискацией имущества. Заседание суда закрылось, как отмечено в протоколе, в 18 часов 40 минут, то есть спустя двадцать минут после открытия. Приговор был приведен в исполнение незамедлительно.

…Прошло 17 лет. Обстановка в стране изменилась. Дожившие до этого времени политзаключенные стали понемногу возвращаться домой. Сфабрикованные органами НКВД дела (пока еще робко и очень выборочно) прекращали, а лиц, осужденных по ним, реабилитировали. К Генеральному прокурору Союза ССР Р. А. Руденко поступали тысячи писем от осужденных или их родственников с просьбой пересмотреть то или иное дело. В 1955 году написали такое заявление и сыновья Ф. Е. Нюриной — А. Е. Ниточкин и Ш. И. Шаров. Они просили пересмотреть дело их матери, бывшего и. о. прокурора республики Ф. Е. Нюриной. Проверка дела была поручена Главной военной прокуратуре, а непосредственно занимался этим вопросом военный прокурор подполковник юстиции Прошко.

Тщательно проверив все обстоятельства дела по обвинению Нюриной, он пришел к выводу, что оно было от начала до конца сфабриковано. 22 декабря 1955 года Прошко составил заключение о том, что Ф. Е. Нюрина осуждена необоснованно. С этим мнением согласился старший помощник Главного военного прокурора полковник юстиции Лепшин, а 28 декабря утвердил

заместитель Главного военного прокурора полковник юстиции Максимов.

21 января 1956 года военная коллегия Верховного суда СССР в составе председательствующего генерал-майора юстиции Степанова и членов коллегии полковника юстиции Дашенко и подполковника юстиции Плющ рассмотрела заключение Главной военной прокуратуры по делу Ф. Е. Нюриной. Докладывал дело член коллегии Дашенко, а заключение давал подполковник юстиции Прошко, выступавший уже в ранге помощника Главного военного прокурора. суд вынес следующее определение: «Приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 29 июля 1938 года в отношении Нюриной-Нюренберг Фаины Ефимовны отменить по вновь открывшимся обстоятельствам, а дело на нее производством прекратить за отсутствием состава преступления».

Сыновья Ф. Е. Нюриной достигли заметного положения в обществе. Старший, Александр Ниточкин (фамилию он выбрал для себя произвольно) стал крупным специалистом в области холодильных установок на рыболовецких суда х-рефрижераторах, трижды лауреатом Государственной премии СССР. Младший, Шера Израилевич, — известным писателем, выступавшим под псевдонимом А. И. Шаров.

«КРЕПКИЙ БОЛЬШЕВИК» Прокурор республики НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РЫЧКОВ

Николай Михайлович Рычков родился 20 ноября 1897 года в поселке Белохолуницкого завода Слободского уезда Вятской губернии, в простой рабочей семье. Его отец, Михаил Рычков, сын крепостного крестьянина, с 13-летнего возраста познал тяжесть труда. Он работал в Вятской губернии, в Баку, в Омске и, наконец, освоив профессию литейщика, перебрался на Урал, где до самой смерти, последовавшей в мае 1917 года, трудился на Надеждинском заводе в Кабаковске. Мать Н. М. Рычкова, вышедшая из семьи плотника, всю жизнь хлопотала по хозяйству. «Семья была большая, здоровье у отца слабое, и материальная нужда всегда была спутницей нашей жизни», — вспоминал позднее Рычков.

Николай рано приобщился к труду — надо было помогать отцу. С 12 лет он служил мальчиком на побегушках на том же заводе, где работал отец. Затем пристрастился к токарному делу и, пробыв долгое время в учениках, стал квалифицированным токарем по металлу. На Надеждинском заводе Николай Рычков работал до Февральской революции.

С юности Николай постоянно тянулся к знаниям, однако учиться ему почти не довелось. Когда семья проживала в Баку, он был принят в Пушкинское начальное училище, где пробыл два с половиной года. Но учеба его скоро закончилась, так как отец, изгнанный с работы за участие в забастовке, вынужден был перебраться на Урал. Там Николая учиться не приняли под предлогом отсутствия мест в школе. На самом деле, как вспоминал Н. М. Рычков, требовалась «смазка», другими словами — взятка, но его отец свободными деньгами не располагал. Николай по мере сил и возможностей занимался самообразованием, много, но бессистемно читал, однако ни в какие учебные заведения так и не поступил.

Еще до Февральской революции Рычков близко познакомился с некоторыми революционерами, которые снабжали его нелегальной литературой. После свержения царя, в марте 1917 года, когда на Надеждинском заводе стали создаваться первые партийные группы, Н. М. Рычков вступил в члены РСДРП(б). Рекомендовали его в партию рабочие Василий Соболев и Семен Маков. Сразу же после Октябрьской революции 19-летний Николай Рычков поступил на службу в советские органы. Первое

время он был ответственным секретарем, а затем заведующим отделом Надеждинского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918 году уральские рабочие избрали его делегатом V Чрезвычайного съезда Советов. В июле 1918 года для защиты молодой Советской власти ему пришлось взять в руки оружие и стать красногвардейцем. Н. М. Рычкову довелось сражаться на Восточном фронте, на Ялуторовском направлении. В октябре 1918 года он оставил военную службу и уехал на Урал, где до апреля 1919 года служил в Белохолуницкой и Слободской уездных чрезвычайных комиссиях. Затем способному молодому чекисту доверили более ответственный пост — он становится секретарем и членом коллегии Вятской губчека. Через три месяца его перевели на такую же должность в Пермскую губернию. В апреле 1920 года решением ЦК партии Н. М. Рычков был откомандирован на работу в военно-судебные органы Красной Армии. С мая 1920 по октябрь 1921 года он занимал должность заместителя председателя Революционного трибунала войск ВОХР Восточно-Сибирского округа в Красноярске, а затем в течение года — в Ревтрибунале 5-й армии в Иркутске.

В мае 1922 года была учреждена советская прокуратура. Военные прокуратуры округов и фронтов стали формироваться в августе — октябре 1922 года. Прокурорами назначались, главным образом, члены военных трибуналов и политработники. Первым прокурором военной коллегии Верховного трибунала при ВЦИК (позднее он именовался уже Главным военным прокурором) стал Николай Иванович Татаринцев, 30-летний большевик, бывший во время гражданской войны комбригом, а затем председателем военного трибунала 5-й армии.

Одним из первых военных прокуроров становится и Николай Михайлович Рычков. В октябре 1922 года Н. И. Татаринцев, его бывший начальник по ревтрибуналу 5-й армии, выдвинул Н. М. Рычкова на должность военного прокурора Восточно-Сибирского военного округа, откуда тот в феврале 1923 года был переведен в Западно-Сибирский и Сибирский округа (в Омске и Новосибирске). Там Рычков прослужил до апреля 1927 года. К этому времени в Прокуратуре Верховного суда СССР был образован отдел военной прокуратуры, возглавляемый помощником Прокурора Верховного суда СССР по военной коллегии и военной прокуратуре (он же — Главный военный прокурор). Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 августа 1926 года было утверждено и Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре.

В мае 1927 года Н. М. Рычкова переводят в Москву помощником прокурора в отдел военной прокуратуры Верховного

суда СССР, который тогда возглавлял Петр Ильич Павловский. Служба в аппарате военной прокуратуры продолжалась три года. В январе 1931 года ЦК ВКП(б) выдвинул Николая Михайловича на очень ответственный пост — члена военной коллегии Верховного суда СССР. Здесь он прослужил шесть лет. Именно в эти годы начал со страшной силой раскручиваться маховик репрессий, беспощадно перемалывавший судьбы сотен тысяч людей. Свою кровавую лепту в борьбу со всякого рода «контрреволюционерами», «вредителями» и иными «врагами народа» внесла и военная коллегия Верховного суда СССР во главе с такой одиозной личностью, как В. В. Ульрих. Конечно, член военной коллегии Н. М. Рычков был также одним из тех, кто приводил в движение зловещий маховик.

В октябре 1933 года Н. М. Рычков, как и все другие члены партии, в соответствии с решением ЦК ВКП(б) проходил чистку в комиссии партийной ячейки Прокуратуры СССР и Верховного суда СССР. Председателем комиссии был Магидов, членами — Усанов и Папьян. Николай Михайлович подробно рассказал о себе и своей служебной деятельности, ответил на заданные ему вопросы.

Первым в прениях выступил заместитель председателя Верховного суда СССР М. И. Васильев-Южин. Он сказал: «Товарищ Рычков один из самых вдумчивых членов военной коллегии, но по судебным делам в отдельных случаях им допускались ошибки. Например, был случай, когда он приговорил к высшей мере наказания машиниста. Надзорная тройка заменила долгосрочным лишением свободы. В остальном товарищ Рычков крепкий большевик».

Выступивший вслед за ним председатель военной коллегии В. В. Ульрих назвал Рычкова одним из лучших членов коллегии. Он не согласился с оценкой Васильева-Южина о том, что осуждение машиниста к расстрелу — судебная ошибка, так как тот, по его словам, был виноват.

Разбиравший это дело в качестве члена надзорной тройки Овсянников, не посмел пойти против Ульриха и также сказал, что судебной ошибки не было, но «надо было смягчить приговор».

Комиссия постановила: «Рычкова Н. М. считать проверенным».

Служба в органах военной юстиции принесла Н. М. Рычкову ряд наград. В 1928 году Реввоенсоветом республики он был награжден именными серебряными часами, а в 1933 году — золотыми. 20 августа 1937 года «за образцовое выполнение задания правительства» удостоен высшей награды — ордена Ленина.

К этому времени Николай Михайлович был женат на дочери профессионального революционера, Ариадне Михайловне Морозовой. Его жена работала тогда врачом-педиатром в клинике МГУ (после войны она была сотрудником Московского городского отдела здравоохранения). У Н. М. Рычкова было четверо детей: сыновья Виктор, Юрий и Борис и дочь Наталья. 28 августа 1937 года приказом Прокурора Союза ССР Вышинского Николай Михайлович Рычков был назначен прокурором республики. Пробыл он на этом посту пять месяцев. Когда он пришел в прокуратуру республики, то обнаружил, что на ряде важнейших участков центрального аппарата «положение было катастрофическим», особенно в отделе жалоб. Там без всякого движения лежали (большей частью в мешках) почти 20 тысяч жалоб и заявлений граждан, по словам Рычкова, «вплоть до личных, интимного порядка, писем помощников прокурора». В то время, как отдел был завален жалобами, оперативные отделы их почти не рассматривали. Еще более удручающее положение сложилось в областных прокуратурах. Служебная дисциплина была низкой. Направленные на места из Прокуратуры РСФСР жалобы, даже взятые на контроль, не рассматривались месяцами. На запросы прокуратуры республики местные прокуроры, по существу, не реагировали. Н. М. Рычков стал вызывать к себе прокуроров областей для личных объяснений по поводу тех или иных жалоб. К январю 1938 года Николай Михайлович решительно перестроил всю работу по рассмотрению жалоб, вследствие чего в Прокуратуре РСФСР вместо 20 тысяч остались нерассмотренными всего 650 первичных и повторных заявлений.

12—19 января 1938 года в Москве состоялась 1-я сессия Верховного Совета СССР. После уничижительной критики наркома юстиции СССР Н. В. Крыленко, прозвучавшей в речи депутата Багирова, всем стало ясно, что судьба Николая Васильевича предрешена. 19 января на третьем, заключительном совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей (председательствовал на нем А. А. Андреев) с речью об образовании Правительства СССР выступил В. М. Молотов. Перечисляя состав нового Советского правительства, он просил депутатов утвердить народным комиссаром юстиции СССР Николая Михайловича Рычкова.

В августе 1938 года состоялась 2-я сессия Верховного Совета СССР, рассмотревшая целый ряд важнейших законопроектов. Народный комиссар юстиции Н. М. Рычков выступил на этой сессии с докладом «О проекте Положения о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик».

В период своей работы в Народном комиссариате юстиции

СССР Н. М. Рычков совместно с Прокурором Союза ССР подписал целый ряд приказов, направленных на усиление борьбы с преступностью, которые свидетельствуют о чрезвычайной жесткости проводимой тогда политики. Так, в июле 1940 года совместно с М. И. Панкратьевым он направил на места приказ, в соответствии с которым рабочие и служащие, допустившие опоздания без уважительных причин, более чем на 20 минут после обеденного перерыва или самовольный уход с работы раньше, чем за 20 минут до обеденного перерыва, подлежали привлечению к уголовной ответственности, как за прогул (по части 2 статьи 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года).

Необходимо заметить, что спрос с работников органов прокуратуры и юстиции, а также судей за неукоснительное выполнение приказов был самый строгий. Любые послабления в карательной практике могли повлечь за собой не только отрешение «провинившегося» от занимаемой должности, но и предание его суду. В августе 1940 года коллегия Наркомюста СССР под председательством Рычкова дважды рассматривала вопросы применения указа от 26 июня 1940 года. Несколько судей, проявивших либерализм в отношении «прогульщиков», сами были отданы под суд. Был уволен и нарком юстиции Белорусской ССР, который отказался привлекать к ответственности за прогулы временных и сезонных работников, полагая, что действие указа распространяется только на лиц, постоянно работающих на производстве. Рычков строго предупредил также наркомов юстиции Украины, Узбекистана и Азербайджана.

Особенно напряженно пришлось работать наркому юстиции СССР Н. М. Рычкову в период Великой Отечественной войны. Он направил на места множество указаний и приказов, обращая особое внимание на наведение порядка с исполнением судебных решений, необходимость чуткого отношения к обращениям военнослужащих и членов их семей и т. п. В экстренном порядке был подготовлен сборник законодательных актов о пособиях, пенсиях и льготах семьям военнослужащих рядового и начальствующего состава. В одном из своих приказов (от 29 июня 1941 года) Н. М. Рычков отмечал, что в эти трудные для всей страны дни «прямым преступлением является волокита, бюрократизм при рассмотрении уголовных и гражданских дел». В другом приказе он обращал внимание на то, что «ни на один день ни один участок народного суда не должен оставаться без народного судьи». Начальники управлений Наркомюста и наркомы юстиции союзных республик должны были лично

«ежедневно и ежечасно» решать вопросы укомплектования судов.

Пост наркома (а с 1946 года — министра) юстиции СССР Н. М. Рычков занимал 10 лет. За это время он дважды был награжден орденом Ленина (3 ноября 1944 года и 26 марта 1945 года), а 23 февраля 1945 года — орденом Красного Знамени (второй такой же орден он получил в 1950 году). Был избран депутатом Верховного Совета РСФСР 1-го созыва (в апреле 1938 года) и депутатом Верховного Совета СССР 2-го созыва (в феврале 1946 года). 28 августа 1944 года ему присвоили воинское звание генерал-лейтенанта юстиции.

«Придирки» к Н. М. Рычкову начались сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Вначале он получил выговор от Секретариата ЦК ВКП(б) за то, что без предварительного согласования с ЦК партии назначал на должности председателей военных трибуналов. В декабре 1946 года заместитель начальника управления кадров ЦК ВКП(б) Никитин и заместитель заведующего отделом этого же управления Бакакин направили большую записку на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова «О неправильном стиле руководства министра юстиции Союза ССР тов. Рычкова Н. М.» В ней Николай Михайлович обвинялся чуть ли не в полном развале всей работы Министерства юстиции СССР. На него взваливалась также ответственность и за создание «специальных судов» (их было тогда в стране 887), которые по своей численности уже стояли на втором месте после народных судов, и за нарушения, допускавшиеся судьями и т. п.

Авторы записки делали следующий вывод: «Считаем, что т. Рычкова в интересах дела надо очень серьезно предупредить, иначе он, а вместе с ним и Министерство юстиции СССР и его органы на местах по-прежнему будут не выполнять те требования, которые к ним предъявляются Партией и Правительством». Предлагалось вызвать Н. М. Рычкова на беседу в ЦК ВКП(б), и приобщить записку к его личному делу. Вскоре к служебным неурядицам добавились и личные. Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б) объявил ему выговор за незаконное расходование на строительство личной дачи денежных средств и стройматериалов, принадлежащих министерству.

29 января 1948 года в соответствии с решением ЦК ВКП(б) Верховный Совет СССР освободил Н. М. Рычкова от должности министра юстиции СССР. До декабря того же года он находился в резерве Главного управления кадров, так как подходящей должности для него не оказалось. В конце 1948 года Генеральный прокурор Союза ССР Г. Н. Сафонов предложил Н. М. Рычкову должность заместителя военного прокурора Сухопутных войск.

Соответствующее ходатайство, с которым он обратился в ЦК ВКП(б), административный отдел поддержал. Н. М. Рычков снова вернулся в лоно военной прокуратуры. Спустя полтора года, в апреле 1950 года, Г. Н. Сафонов выдвинул Николая Михайловича на впервые вводимую в Главной военной прокуратуре должность начальника 3-го управления (по судебному надзору), а в апреле 1951 года назначил его заместителем Главного военного прокурора.

В 1952 году Н. М. Рычков был откомандирован в Венгерскую Народную Республику «для работы в качестве советника по вопросам суда и прокуратуры». 5 июля 1955 года он был уволен в отставку «по болезни».

Нам остается только добавить, что старший сын Николая Михайловича, Виктор, погиб 20-летним в самом начале Великой Отечественной войны.

Скончался Н. М. Рычков 28 марта 1959 года в поселке Малаховка Люберецкого района Московской области. Похоронен в Москве.

«СЧИТАЛ СЕБЯ ВРАГОМ ЦАРИЗМА» Прокурор республики ИВАН ТЕРЕНТЬЕВИЧ ГОЛЯКОВ

Иван Терентьевич Голяков родился 24 июня 1888 года в деревне Пешково Ольговской волости Дмитровского уезда Московской губернии в большой крестьянской семье. Его отец, Терентий Голяков, вел общее крестьянское хозяйство со своими двумя братьями, но вскоре оставил сельский труд и стал заниматься мелкой торговлей. Не отличавшийся хорошим здоровьем, он умер в 1911 году. Иван Голяков рано овладел грамотой, а в 7-летнем возрасте поступил в сельскую начальную школу, где проучился три года. С детства он читал запоем все, что попадалось под руку. Книги брал в школьной библиотеке, у педагогов и приятелей.

Эхо революции 1905 года докатилось и до деревни, где жил юный Иван. Там стали появляться брошюры антиправительственного содержания с характерными и понятными для крестьян названиями: «Пауки и мухи», «Хитрая механика», «Кто чем живет», «Царь-голод» и другие, которые в непритязательной форме излагали азы социализма и призывали трудящихся сбросить со своей шеи буржуев и помещиков. Любознательный юноша «проглатывал» их сразу. Вскоре он потянулся и к более серьезной литературе — стал читать труды К. Маркса («Манифест коммунистической партии»), Блосса (о Великой французской революции), П. Лиссагарэ (о Парижской Коммуне), К. Каутского и других социалистов. В автобиографии И. Т. Голяков, вспоминая то время, писал: «Эти годы, а также общение с несколькими возвратившимися после революции в деревню рабочими сильно расширили мой общий и политический кругозор, и я считал себя врагом царизма».

В ноябре 1909 года, когда Ивану Терентьевичу шел 22-й год, его призвали на службу в царскую армию. Более трех лет он тянул солдатскую лямку в Кексгольмском полку, расквартированном в Варшаве. После демобилизации в апреле 1913 года Голяков вернулся в родное село, где снова занялся сельским хозяйством. Однако ему недолго пришлось трудиться на крестьянской ниве. Началась Первая мировая война, и он был призван под царские знамена. Голяков провел в окопах почти четыре года, с июля 1914 по март 1918, сполна испытав на себе все военные тяготы и выслужив чин унтер-офицера. Война, по его словам, явилась «суровой школой», которая только укрепила в

нем «враждебные царизму убеждения». Он с радостью воспринял известие о Февральской революции в Петрограде. На первом же армейском собрании выступил с пламенной речью против империалистической бойни и с критикой рухнувшего режима. Солдаты избрали красноречивого оратора членом ротного, затем полкового и, наконец, в апреле 1917 года — армейского Совета солдатских депутатов. Познакомившись с Апрельскими тезисами В. И. Ленина, напечатанными в «Правде», И. Т. Голяков стал преданным сторонником большевиков и с тех пор неизменно поддерживал их.

В марте 1918 года Голяков, больной и разбитый, вернулся на родину. Некоторое время он работал в местном кооперативе (был заведующим сельпо), но затем вихрь революции захватил его полностью и понес по жизни. В декабре 1918 года он вступает в партию и фактически создает партийную ячейку на селе, активно участвует в организации комитета бедноты и сам возглавляет его в Обольяновской волости. Затем он становится секретарем и председателем Обольяновского исполнительного комитета. На советской работе он пробыл до мая 1919 года, после чего добровольно вступил в ряды Красной Армии. С этого времени вплоть до февраля 1938 года его жизнь была тесно связана с армией и военной юстицией. За 19 лет службы он прошел путь от красноармейца до диввоенюриста и члена военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Голяков начинал служить рядовым в частях 9-й армии Юго-Восточного фронта, в составе которых участвовал в боях с белогвардейцами под городом Балашов Саратовской губернии. После этого некоторое время был политработником, а в июле 1919 года командование направило его в распоряжение политотдела армии. Там Голякова рекомендовали на должность комиссара в один из полков 23-й стрелковой дивизии, но до места назначения он не добрался, так как полк, в котором предстояло служить, почти всем составом попал в плен. Несостоявшегося комиссара направили в распоряжение председателя революционного военного трибунала армии. Последний, испытывая острую нехватку толковых людей, сразу же определил молодого и еще неопытного бойца на должность председателя Революционного военного трибунала 14-й стрелковой дивизии 9-й армии. 13 июля 1919 года Иван Терентьевич приступил к исполнению этой должности. Конечно, главным и определяющим в этом назначении (помимо дефицита кадров) было то, что уже тогда Голяков, несмотря на имевшееся у него за плечами лишь начальное образование, был исключительно начитанным, грамотным и целеустремленным

человеком. В декабре 1920 года талантливого и инициативного молодого офицера выдвинули на еще более высокий пост — заместителем председателя военного трибунала войск Донской области (г. Новочеркасск). В январе 1921 года он возглавил этот трибунал. В августе 1921 года трибунал расформировали и Голякова направили в Ростов-на-Дону, где он получил должность члена коллегии военного трибунала Северо-Кавказского военного округа.

К этому времени Иван Терентьевич был уже женат на 20-летней Анне Ильиничне, урожденной Сизовой. В мае 1921 года у них родился сын Владимир.

За годы работы в военном трибунале Голяков приобрел определенный практический навык. Он много и упорно занимался самообразованием, однако чувствовал, что ему не хватает специальных знаний. Поэтому в 1922 году, с разрешения командования, без отрыва от основной работы, он стал посещать занятия на правовом отделении факультета общественных наук Северо-Кавказского университета. Учебу он успешно завершил в 1925 году, получив диплом по специальности криминалистика.

В Ростове-на-Дону Голяков прослужил четыре года. Потом он был выдвинут на должность заместителя председателя военного трибунала Западного и Белорусского военного округа и переехал в Смоленск. А еще через шесть лет, в сентябре 1931 года, — возглавил трибунал. К этому времени семья его увеличилась — в мае 1927 года родилась дочь Мария.

В 1931 году Иван Терентьевич успешно выдержал испытания на звание командира Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и тогда же в Москве окончил курсы усовершенствования высшего начсостава РККА. За работу и общественную деятельность он не раз поощрялся командованием: награждался золотыми часами от Реввоенсовета Белорусского военного округа (май 1933 года) и от Реввоенсовета Союза ССР (декабрь 1933 года).

В марте 1933 года И. Т. Голяков становится членом военной коллегии Верховного суда СССР. В этой должности Иван Терентьевич прослужил почти пять лет. В январе 1936 года ему было присвоено воинское звание диввоенюриста.

Занимая столь высокий пост в течение длительного времени, И. Т. Голяков, естественно, был причастен и к тем репрессиям, которые проводила военная коллегия Верховного суда СССР в годы сталинизма. Через его руки прошло множество политических и уголовных дел. Приговоры выносились в духе того времени, особенно в отношении так называемых «контрреволюционеров» и «врагов народа», к которым причислить можно было фактически любого.

31 января 1938 года Прокурор Союза ССР А. Я. Вышинский подписал приказ о назначении Ивана Терентьевича Голякова Прокурором РСФСР. В этой должности он пробыл недолго — всего два с половиной месяца, не успев даже в сущности как следует вникнуть в дела и познакомиться с новой для него прокурорской системой. По этой причине он, конечно, ничем не сумел проявить себя на прокурорском поприще. Все, что он успел сделать, — это провести некоторые плановые мероприятия, подготовленные аппаратом, да подписать десяток-другой приказов и указаний.

14 апреля 1938 года Вышинский освободил И. Т. Голякова от обязанностей Прокурора РСФСР «ввиду перехода на другую работу». Исполнение обязанностей прокурора республики он возложил на В. А. Малюнова, бывшего тогда прокурором Московской области. Однако уже на следующий день Вышинский издал новый приказ (за тем же номером), согласно которому исполнение обязанностей Прокурора РСФСР возлагалось на помощника Главного военного прокурора бригвоенюриста М. И. Панкратьева. Что же касается В. А. Малюнова, то он был вообще снят с работы, а вскоре после этого арестован органами НКВД, осужден и расстрелян.

15 апреля 1938 года Голяков сдал все дела по прокуратуре республики Панкратьеву. На этом его прокурорская деятельность и закончилась.

И. Т. Голякову предстояло на долгие годы стать главным судьей страны. С мая 1938 года он исполнял обязанности Председателя Верховного суда СССР. Тогда же он был избран членом Свердловского райкома партии, а в июне — депутатом Верховного Совета РСФСР от Сухинического избирательного округа. На очередной сессии Верховного Совета РСФСР (июль 1938 года) Голяков становится председателем комиссии законодательных предположений.

В августе 1938 года состоялась 2-я сессия Верховного Совета СССР. И. Т. Голяков выступил на ней с речью при обсуждении доклада наркома юстиции СССР Рычкова и содоклада члена комиссии законодательных предположений Совета Союза Шагимарданова «О проекте Положения о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик». После обычных для того времени рассуждений о преимуществах советской судебной системы перед капиталистической он кратко остановился на основных «вехах» работы Верховного суда СССР, заклеймил «врагов», пробравшихся в органы юстиции и в конце воспел дифирамбы в адрес «лучшего соратника товарища Сталина» В. М. Молотова и самого «великого Сталина».

17 августа 1938 года Иван Терентьевич Голяков был утвержден Председателем Верховного суда СССР.

Принятый Верховным Советом СССР 16 августа 1938 года Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик значительно расширил функции и полномочия Верховного суда СССР, возложив на него надзор за судебной деятельностью всех судебных органов страны. Первый пленум Верховного суда СССР нового состава проводился в Москве с 25 по 31 декабря 1938 года. Открывая его, И. Т. Голяков подчеркнул активную роль суда в решении задач, стоящих перед Советским государством. Он сказал, что созданы все условия для того, чтобы суд работал образцово и в кратчайший срок преодолел последствия вредительства в области правосудия. Затем доклад о судебной практике по делам о спекуляции сделал председатель судебной коллегии по уголовным делам Камерон. В прениях выступили заместитель Председателя Верховного суда СССР Солодилов, члены Верховного суда СССР Малинина и Гуков, а заключение по проекту постановления сделал Прокурор Союза ССР Вышинский. По обсуждаемым вопросам пленум принял постановления.

И. Т. Голяков был одним из немногих руководителей судебных органов, кто искренне хотел провести в жизнь начавшийся в те годы процесс частичной реабилитации. В декабре 1938 года он совместно с наркомом юстиции СССР Н. М. Рычковым дал указание суда м «как правило, не принимать к производству дела, которые исключительно основывались на признании обвиняемым своей вины». Однако уже через месяц, под давлением В. М. Молотова, Голяков и Рычков вынуждены были отменить свою директиву. Этот же вопрос Голяков вновь поднял спустя 12 лет, призвав органы прокуратуры отказаться от «вредной практики добиваться признания как главной вещи».

В декабре 1939 года И. Т. Голяков, по согласованию с Прокурором Союза ССР М. И. Панкратьевым и наркомом юстиции СССР Н. М. Рычковым, обратился с письмом на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова, в котором сообщал, что военная коллегия Верховного суда СССР допускает вынесение «ошибочных» приговоров и предложил пересматривать такие дела (причем, в массовом порядке) не на пленарном заседании, а в специальной комиссии в узком составе: Председатель Верховного суда СССР, его заместитель и председатель военной коллегии при участии Прокурора Союза ССР. Однако это предложение поддержано не было. Особенно рьяно против него выступил Берия.

Председателем Верховного суда Союза ССР И. Т. Голяков оставался 10 лет. За это время им была проделана значительная работа, направленная на совершенствование судебной системы и

практики в стране. Особенно напряженно пришлось трудиться в суровые военные годы. В это время еще более усилилась репрессивная сторона деятельности Верховного суда СССР.

Иван Терентьевич вел большую научную, педагогическую, редакторскую и пропагандистскую работу. Он являлся профессором Московского государственного университета, читал лекции по марксизму-ленинизму в Московском юридическом и Всесоюзном юридическом заочном институтах; в 1939 году стал директором Всесоюзного института юридических наук. Он опубликовал много трудов по теории и практике юриспруденции. В частности, из-под его пера вышли книги «Некоторые вопросы науки и судебной практики в решениях пленума Верховного суда СССР» (1940 год), «Борьба за социалистическую дисциплину и задачи науки права» (1941 год), «О задачах правосудия в социалистическом государстве» (1945 год) и др. Он редактировал учебники по праву, сборники судебной практики, многочисленные популярные издания, в частности «Библиотечку народного судьи и народного заседателя» (к 1945 году вышло более 40 таких сборников).

25 августа 1948 года 5-я сессия Верховного Совета СССР освободила И. Т. Голякова от должности Председателя Верховного суда СССР. Иван Терентьевич продолжал оставаться директором Всесоюзного института юридических наук, и у него появилась возможность больше заниматься наукой и творчеством.

Иван Терентьевич был страстным коллекционером книг и собрал большую библиотеку художественной, правовой и иной литературы. Он подготовил и издал очень интересное исследование, не имеющее аналогов до настоящего времени, — «Суд и законность в художественной литературе». Первые пять очерков появились в печати в 1949 году (журнал «Социалистическая законность»). Отдельным изданием книга вышла в 1959 году.

И. Т. Голяков был награжден двумя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени и медалями.

В 1957 году умерла жена Ивана Терентьевича, Анна Ильинична.

И. Т. Голяков скончался в марте 1961 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

«КОЛЕБАНИЙ ОТ ЛИНИИ ПАРТИИ НЕ ИМЕЛ»
Прокурор Союза ССР МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ПАНКРАТЬЕВ

Михаил Иванович Панкратьев родился 4 ноября 1901 года в деревне Каблуково Бежецкого уезда Тверской губернии в семье мелкого служащего. Его отец и мать, выходцы из крестьянской среды, трудились с малых лет. Иван Панкратьев в молодости был приказчиком в бакалейной лавке, а впоследствии и сам занялся торговлей. Мать работала портнихой на дому. У супругов было пятеро детей: три сына, Михаил, Сергей и Николай, и две дочери, Елена и Анна.

Тяжелые жизненные обстоятельства и постоянная нужда, преследующие семью, не позволили Михаилу Панкратьеву получить в юности хорошее образование. Он сумел окончить лишь три класса церковно-приходской школы, да по одному классу в начальном и реальном училищах в городе Бежецк. Работать он начал с 15 лет. Вначале подвизался на сезонных работах, а после Февральской революции 1917 года стал грузчиком на Виндаво-Рыбинском участке Московской железной дороги. Когда свершился Октябрьский переворот, М. И. Панкратьев поступил делопроизводителем в Бежецкий уездный продовольственный комитет. В январе 1920 года его приняли в члены партии, а в марте он стал заведующим учетным подотделом. В августе после избрания в члены бюро Бежецкого укома РКП(б) — возглавил там организационный отдел. В мае 1921 года его призвали в Красную Армию, где он служил вначале инструктором, а затем и начальником организационной части политотдела 27-й Омской стрелковой дивизии. В ноябре 1922 года Михаил Панкратьев стал военным комиссаром 81-го стрелкового полка этой же дивизии, а в сентябре следующего года молодого офицера выдвинули на должность комиссара штаба 8-й стрелковой дивизии. В январе 1925 года он занял

равноценный пост в 22-м стрелковом полку той же дивизии.

Летом 1925 года М. И. Панкратьев получил отпуск на два месяца для подготовки к поступлению в Военную академию, однако по состоянию здоровья к приемным испытаниям его не допустили. В 1926 году Михаил Иванович, служивший тогда в городе Карачев Брянской области, познакомился с 19-летней Ольгой Сергеевной Желоховцевой, студенткой педагогического техникума. Вскоре они поженились и уехали в Новозыбков, к новому месту службы Панкратьева. В 1927 году у них родилась дочь Галина, которую Михаил Иванович очень любил и всегда называл Алечкой.

М. И. Панкратьев служил в войсковых частях до сентября 1929 года, занимая должность военного комиссара в полках бронепоездов и 110-м стрелковом. Он всегда искренне тянулся к знаниям. За годы службы много читал, серьезно увлекался юриспруденцией и даже сумел прослушать два курса юридического факультета Института красной профессуры. Все это привело его к мысли оставить строевую службу и перейти в органы прокуратуры. В ноябре 1929 года, по личной просьбе, после тщательной аттестационной проверки, 28-летний Панкратьев получает назначение в военную прокуратуру и становится помощником военного прокурора азербайджанской 2-й кавказской стрелковой дивизии и Каспийского военного флота. Вскоре его прикомандировали к военной прокуратуре Кавказской Краснознаменной армии и поручили исполнять нештатную должность прокурора тбилисского гарнизона. В апреле 1933 года при формировании корпуса железнодорожных войск его назначили военным прокурором 4-й бригады, обслуживавшей строительство железнодорожной ветки Москва—Донбасс. В марте 1933 года Главный военный прокурор переводит М. И. Панкратьева на работу в центральный аппарат. Здесь он служил в должности военного прокурора отдела, а позднее — начальником отдела и помощником Главного военного прокурора.

В апреле 1937 года Панкратьев был избран заместителем секретаря партийного комитета Прокуратуры СССР. В характеристике, подписанной секретарем парткома Горбулевым, отмечалось, что Панкратьев «принимал активное участие в работе прокуратуры по выкорчевыванию врагов народа и ликвидации последствий вредительства». Сам Михаил Иванович писал в автобиографии, что он «колебаний от линии партии не имел, взгляды разного рода оппозиции не разделял».

Первое время Панкратьев проживал у родственников жены, а в 1937 году, когда после ареста Тухачевского освободилась огромная квартира маршала (из 11 комнат), он занял в ней 2

комнаты. Жил он очень замкнуто, не любил ходить ни в театры, ни в гости.

20 мая 1938 года М. И. Панкратьев был назначен Прокурором РСФСР. На этом посту он находился в течение года, стал депутатом Верховного Совета РСФСР. Михаил Иванович ревностно выполнял все директивы партии и правительства, а также указания и распоряжения Прокурора Союза ССР Вышинского, который рекомендовал его на свое место, когда стал заместителем Председателя Совнаркома СССР. Правда, особого выбора у Вышинского и не было, так как после основательных чисток, кадры органов прокуратуры серьезно оскудели.

31 мая 1939 года М. И. Панкратьев занял кабинет Прокурора Союза ССР в здании на Пушкинской улице. На высоком посту он пробыл немногим более года. Жена Панкратьева, Ольга Сергеевна, рассказывала: «Михаила назначили на эту должность в страшное время. Шли аресты и расстрелы людей, занимавших высокие посты. Телефон в нашей квартире на Ленинском проспекте звонил, не умолкая, хоть совсем его срезай, да нельзя. По сто раз на дню: «Помогите с Михаилом Ивановичем встретиться, умоляю!» Мне было запрещено отвечать, и я молча вешала трубку. Все равно повлиять на мужа никак не могла. Бакинский прокурор, с которым когда-то жили в одном доме, был арестован. Его жена все время искала со мной встречи. Я жалела ее, рассказывала мужу, как она убивается, спрашивала, можно ли ей помочь. Михаил закрыл эту тему раз и навсегда. Говорить дома о его работе было запрещено… С какого-то времени Михаил стал просить, чтобы в доме был коньяк, чтоб, когда он придет с работы — бутылка стояла. Так всю ночь, бывало, за бутылкой и просидит. А когда я забывала поставить, сердился: «Ты пойми, Оля, мне хоть рюмочку, но обязательно надо выпить». Сколько санкций на арест и расстрел ему приходилось подписывать! Неимоверное количество! Он много подписывал, но и на пересмотр много отсылал. Не терпел никакой неясности. Когда его секретарь спрашивала, что делать с неподписанными доносами и жалобами, которые шли мешками, орал: «Рвать, не читая!» Анонимки приводили мужа в ярость, его трясло. А как еще прикажете реагировать, когда от твоей подписи зависят столько жизней? У него голова шла кругом».

За то непродолжительное время, в течение которого Панкратьев возглавлял Прокуратуру Союза ССР, он сумел провести целый ряд мероприятий, направленных на активизацию прокурорского надзора на всех важнейших участках работы. В отличие от своего предшественника А. Я. Вышинского, часто пускавшего пыль в глаза, делавшего ставку на раскручивание

помпезных политических процессов, новый Прокурор Союза ССР занимался в основном будничной, повседневной работой органов прокуратуры. Поэтому его деятельность не была столь броской и эффектной, и с первых же дней стала вызывать нарекания у высшего руководства страны. Достаточно отметить, что вскоре после его назначения Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) проверила работу Прокуратуры СССР по рассмотрению жалоб, направленных из партийных органов, и нашла ее крайне запущенной. И хотя было совершенно очевидно, что все недостатки следовало бы отнести на счет бывшего Прокурора Союза ССР Вышинского, тем не менее Бюро КПК при ЦК ВКП(б) 8 июля 1939 года приняло решение указать Прокурору СССР Панкратьеву на то, что он «не принял до сих пор мер к ликвидации преступного отношения некоторых работников прокуратуры к жалобам и заявлениям» и проявил «медлительность в наведении порядка в работе аппарата Прокуратуры СССР». Подписал это решение председатель КПК при ЦК ВКП(б) Андреев.

С 26 по 29 января 1940 года в Прокуратуре Союза ССР состоялось первое Всесоюзное совещание прокуроров по общему надзору. В нем приняли участие начальники отделов общего надзора прокуратур союзных республик, 2 автономных республик, 17 областей, некоторые областные, городские и районные прокуроры, работники центральных аппаратов Прокуратуры Союза ССР и Прокуратуры РСФСР. Вскоре после этого, в марте и мае 1940 года М. И. Панкратьев провел еще ряд крупных мероприятий — всесоюзные совещания прокуроров морского и речного флота и прокуроров уголовно-судебных отделов и др.

Как прокурор Союза ССР Панкратьев не пользовался уважением и популярностью у своих коллег. Уже через несколько месяцев после его назначения на этот пост некоторые старейшие работники центрального аппарата обратились с письмом к секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову. Они писали о том, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» указало на «грубейшие искривления советских законов органами НКВД и обязало эти органы и прокуратуру не только прекратить эти преступления, но и исправить грубые нарушения законов, которые повлекли за собой массовое осуждение ни в чем неповинных, честных советских людей к разным мерам наказания, а зачастую и к расстрелам». И далее: «Эти люди — не единицы, а десятки и сотни тысяч — сидят в лагерях и ждут справедливого решения, недоумевают, за что они были арестованы и за что, по какому праву мерзавцы из банды Ежова

издевались над ними, применяя средневековые пытки».

В письме напоминалось, что вместо мобилизации всех усилий на немедленное выправление «преступной линии мерзавца Ежова и его преступной клики» происходит обратный процесс и что пришедший на смену Вышинскому Панкратьев «не может обеспечить проведение в жизнь» решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года «в силу своей неавторитетности в прокурорской среде, а особенно в глазах работников НКВД». Это наглядно проявлялось, по их мнению, в его участии в заседаниях Особого совещания, где «решающее значение и окончательное слово» принадлежит не представителю надзора — прокурору, а Берии и его окружению. «Присутствующий на этих совещаниях т. Панкратьев, — отмечалось в письме, — склоняет голову перед кандидатом в члены Политбюро т. Берией и молчаливо соглашается с явно неправильными решениями. Таким путем проваливаются на особых совещаниях правильные и законные протесты Прокуратуры СССР при прямом попустительстве Прокурора СССР т. Панкратьева… Подобная практика дезориентировала аппарат Прокуратуры СССР, тех честных прокуроров, которые непосредственно проверяют эти вопиющие дела, проводят за ними бессонные ночи и болеют за советских людей, невинно осужденных ежовской бандой».

Прокуроры просили секретаря ЦК ВКП(б) Жданова «взяться за это дело первостепенной важности и, если нет никакой возможности изменить преступную практику, прививаемую в стенах НКВД, переменить систему, возложить на прокуратуру пересмотр дел, неправильно решенных ежовской бандой, без участия в этих делах «авторитета» т. Берии, который вольно или невольно культивирует защиту «чести мундира» работников НКВД во что бы то ни стало. Подумайте только, — продолжали они, — что сотни тысяч людей, ни в чем неповинных, продолжают сидеть в тюрьмах и лагерях, а ведь прошел почти год со дня решения ЦК партии. Неужели это никого не беспокоит? Поговорите с прокурорами специальных прокуратур (железнодорожной, водной), и они Вам расскажут факты, от которых волосы встают дыбом, и покажут эти «дела», этот позор для Советской власти». Наряду с этим прокуроры просили «исправить грубейшую ошибку» с назначением Панкратьева. «Дайте нам высокоавторитетного руководителя, способного дать по рукам и Берии».

Конечно, это обращение ничего не изменило ни в положении самих прокуроров, ни в отношении к органам прокуратуры со стороны властей. Панкратьев продолжал оставаться на посту Прокурора Союза ССР, а НКВД по-прежнему вершил свои дела.

В силу целого ряда обстоятельств, в том числе и личностного плана (низкий общеобразовательный уровень, недостаточная твердость, простодушие, неумение эффектно преподнести властям свою работу, что особенно ярко проявилось на фоне такого человека, каким был А. Я. Вышинский, — блестящего оратора и эрудита, изворотливого и хитрого, когда нужно — беспощадного), М. И. Панкратьев не мог, конечно, долго удержаться в кресле Прокурора СССР. Формальным поводом для освобождения его от занимаемой должности 7 августа 1940 года стало якобы необеспечение руководства работой прокуратуры по выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Ольга Сергеевна вспоминала: «Я узнала о том, что его сняли, из газет и сразу вылетела к нему из Сочи. Он очень переживал, но старался не подавать виду. Говорил: «Не волнуйся, за мной ничего нет, я кристально чист. Вы с Алечкой можете спать спокойно».

Вскоре для М. И. Панкратьева нашлась подходящая должность (конечно, со значительным понижением, но все же номенклатурная) в системе Наркомата юстиции СССР. Нарком Н. М. Рычков внес представление в ЦК ВКП(б) об утверждении его в должности заместителя начальника управления военных трибуналов Наркомата юстиции СССР. Просьбу поддержали ответственные работники управления кадров ЦК ВКП(б). В записке по этому вопросу отмечалось, что при проверке работы Прокуратуры Союза ССР, в связи с передачей дел новому Прокурору СССР, «крупных недочетов в работе прокуратуры не обнаружено», и что Панкратьев, по их мнению, с новой работой справится. В личной беседе, состоявшейся в ЦК ВКП(б), Панкратьев заявил, что предлагаемая работа в аппарате Народного комиссариата юстиции его вполне удовлетворяет. Назначение М. И. Панкратьева на новую должность состоялось в октябре 1940 года.

В октябре 1943 года М. И. Панкратьев стал председателем военного трибунала 2-го Прибалтийского фронта. В этой должности он служил до конца Великой Отечественной войны. В августе 1945 года, в связи с реорганизацией фронтов, нарком юстиции СССР Н. М. Рычков внес предложение секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову об утверждении генерал-майора юстиции М. И. Панкратьева в должности председателя военного трибунала Прибалтийского военного округа.

В Прибалтике М. И. Панкратьев остался еще на пять лет. Он

был избран членом партийной комиссии при политуправлении штаба Прибалтийского военного округа. Командование отмечало, что судебные процессы он проводит хорошо и на высоком политическом уровне. Военный совет округа дал, в частности, положительную оценку процессу, проводившемуся военным трибуналом округа под председательством Панкратьева в феврале 1946 года по делу о массовых зверствах и разрушениях в Прибалтике.

За время службы в Прибалтийском военном округе М. И. Панкратьев редко бывал в Москве, где оставались проживать его жена и дочь. Ольга Сергеевна руководила лабораторией на кондитерской фабрике «Ударница», а дочь Галина после окончания школы с золотой медалью поступила на исторический факультет Московского государственного университета. Связь Михаила Ивановича с семьей настолько ослабла, что даже о свадьбе дочери он узнал последним. Она вышла замуж за сына советского посла в Голландии Бориса Сергеевича Крылова. Вскоре у них родилось два сына, Сергей и Николай.

По всей видимости, М. И. Панкратьев и дальше продолжал бы успешно служить на военно-судебном поприще, если бы не допустил одну серьезную «политическую» промашку. Суть ее была изложена в записке, направленной на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова 3 марта 1950 года заведующим административным отделом ЦК ВКП(б) Громовым и заведующим сектором Лопуховым. В ней отмечалось:

«Министр юстиции СССР т. Горшенин просит ЦК ВКП(б) освободить т. Панкратьева от должности председателя военного трибунала Прибалтийского военного округа, а материалы о его антипартийном поведении передать на рассмотрение КПК при ЦК ВКП(б).

Министр юстиции СССР т. Горшенин свою просьбу об освобождении т. Панкратьева от занимаемой им должности мотивирует тем, что 20 декабря 1949 года на общем открытом собрании военных трибуналов и прокуратуры Прибалтийского военного округа, т. Панкратьев в своем выступлении допустил ряд антипартийных, клеветнических и политически ошибочных высказываний».

Что же случилось на открытом партийном собрании 20 декабря 1949 года? В тот день торжественные собрания и заседания проходили повсеместно — страна отмечала 70-летие И. В. Сталина. В Прибалтийском военном округе доклад «Товарищ Сталин — вождь и организатор большевистской партии и Советского государства» сделал майор юстиции Певзнер. После него выступил М. И. Панкратьев, который поделился своими

воспоминаниями о встречах (впрочем, немногочисленных) с И. В. Сталиным. Вначале все шло хорошо. Панкратьев, отдавая должное вождю, сказал, что Сталин «далеко предвидел вперед», «глубоко анализировал события», «всегда ставил предельно ясные вопросы». Затем Панкратьева «занесло». Он простодушно стал рассказывать о том, о чем следовало бы умолчать.

Говоря, например, о методах ведения следствия, Панкратьев, со ссылкой на Сталина, заявил, что вполне допустимо применение физического воздействия в отношении обвиняемых в контрреволюционных преступлениях. Далее, опять же ссылаясь на вождя, он объяснил причину фактического запрещения досрочного освобождения осужденных. Сталин будто бы сказал, что закон о досрочном освобождении плохой, так как приговор должен быть устойчивым и выполняться полностью.

М. И. Панкратьев был вызван в Москву, в ЦК ВКП(б). Там он признал «допущенные им грубые ошибки и недостойное поведение». Постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) от 13 марта 1950 года (подписано Г. М. Маленковым) Панкратьев был освобожден от занимаемой должности. По партийной линии ему был объявлен строгий выговор с предупреждением.

В октябре 1950 года Михаила Ивановича Панкратьева отправили в отставку. После этого, несмотря на довольно молодой возраст (ему было тогда 49 лет), он никакой номенклатурной должности не занимал и находился на пенсии. С декабря 1954 года он состоял на учете в партийной организации Октябрьского районного комитета ДОСААФ и там же был вначале руководителем семинара в системе партпросвещения, а затем инструктором внештатного отдела пропаганды военных знаний.

В 1955 году Панкратьев развелся с Ольгой Сергеевной и женился на А. И. Моисеевой, работавшей в то время врачом в поликлинике Министерства обороны СССР. Однако потом вновь вернулся к своей первой жене.

За свою 30-летнюю службу Михаил Иванович Панкратьев был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени и многими медалями.

Скончался М. И. Панкратьев 23 сентября 1974 года. Урна с прахом захоронена в колумбарии Донского кладбища в Москве.

«ВЫДАЮЩИЙСЯ И ТАЛАНТЛИВЫЙ КОМАНДИР» Прокурор Союза ССР ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ БОЧКОВ

Виктор Михайлович Бочков родился 29 октября 1900 года в деревне Казимировская Слободка Мстиславского уезда Могилевской губернии в большой крестьянской семье, где кроме него было еще двое сыновей, Николай и Василий, и дочь, Александра. Виктору почти не пришлось учиться (он окончил только двухклассную школу), так как после смерти отца (1910 год) мальчика, в поисках хлеба насущного, отдали на сельскохозяйственный двор Пустынского монастыря. Там он пробыл почти девять лет, сумев даже поучиться на педагогических курсах. Последние два года был коммунаром Пустынской коммуны.

Февральская, а затем и Октябрьская революции, пронесшиеся по стране, достигли и глухих Могилевских мест. В августе 1919 года Виктор Бочков был призван в Красную Армию, и с тех пор вся его жизнь оказалась прочно связанной с военной службой. В том же году Виктор вступил в большевистскую партию.

Красноармеец Бочков начал службу в отдельном эскадроне конной разведки особой кавалерийской бригады 15-й армии, сформированной в Смоленске. В составе бригады он попал на Западный фронт, где воевал с белополяками. Там же сражался и его брат, Николай (погиб в гражданскую войну). В ноябре — декабре 1921 года В. Бочков воевал в составе отдельного кавалерийского эскадрона 6-й стрелковой дивизии, после чего был направлен командованием Западного фронта на 43-и Полоцкие командные курсы Западного военного округа. Через год окончив их, получил звание краскома. Молодой командир служил в Гомеле, где первое время командовал взводом 3-го кавалерийского дивизиона войск ВЧК. В феврале 1923 года В. М. Бочкова направили на охрану государственной границы.

Он служил командиром взвода 9-го пограничного батальона

Западного военного округа. В мае того же года получил новое назначение — его перевели на службу в город русской славы Севастополь, в распоряжение командования 88-го севастопольского дивизиона войск ОГПУ. Здесь в течение года он работал инструктором кавалерийского дела. В Севастополе Виктор Михайлович встретил девушку, Марию Павловну Дегтяренко, дочь кадрового рабочего, которая вскоре стала его женой. В 1924 году у них родился сын Борис. В феврале того же года командование направляет В. М. Бочкова на новый важный участок работы — начальником заставы 25-го пограничного отряда, расположенной на Румынской границе, в местечке Рыбница (село Карантин) на Днестре, где он прослужил до октября. Потом командир одесского погранотряда откомандировал его на учебу в Московскую высшую пограничную школу. После ее окончания Виктор Михайлович был назначен начальником заставы 23-го Каменец-Подольского пограничного отряда Украинского военного округа (село Исаковцы Жванецкого района). В 1928 году он стал помощником командира 3-й пограничной комендатуры, а в 1930 году начальником кавалерийской маневренной группы 24-го пограничного отряда. Прослужив два года, В. М. Бочков оставил строевую службу.

В 1932 году он становится начальником Одесской зенитно-пулеметной школы ОГПУ, которая спустя год, в связи с начавшейся реорганизацией военных пограничных школ (они тогда укрупнялись), влилась в 1-е Петергофское пограничное училище им. К. Е. Ворошилова. В училище Бочков занимал должности командира учебного дивизиона, помощника начальника штаба, командира пехотного отделения. 1935 год оказался переломным в судьбе Виктора Михайловича. Он получает возможность основательно пополнить свое образование, так как в мае становится курсантом общевойскового факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе. Через три года он получил диплом с отличием и государственная экзаменационная комиссия присвоила ему квалификацию командира с высшим военным образованием. Академия характеризовала его следующим образом: «В работе принципиален, напорист, аккуратен».

В 1938 году В. М. Бочков получает направление на службу в Дальневосточный военный округ, где ему предстояло стать начальником оперативного отдела. Однако выехать на Дальний Восток ему тогда не пришлось, поскольку неожиданно он получил новое назначение — его направили на службу в систему Народного комиссариата внутренних дел СССР.

Помощник начальника Главного управления ПВО майор

Богданов в сентябре 1938 года в служебной записке писал о Бочкове: «Имеет по всем предметам исключительно отличные оценки. Выдающийся и талантливый командир».

В ноябре 1938 года В. М. Бочков становится начальником Главного тюремного управления НКВД СССР, а позднее — начальником 4-го отдела (Особого) Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, где он и прослужил до 1940 года. Ему довелось участвовать в боях с японцами на Халхин-Голе, а также в войне с Финляндией (на Ухтиномском и Выборгском направлениях). За боевые операции на Халхин-Голе Виктор Михайлович был награжден орденом Красного Знамени, а за финскую кампанию удостоен ордена Ленина.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1940 года Виктора Михайловича Бочкова неожиданно назначают Прокурором Союза ССР. Это было довольно странное выдвижение, поскольку Бочков не только не имел никакой юридической подготовки, но и вообще, даже отдаленно, не был как-либо связан с деятельностью органов прокуратуры, юстиции или суда. Не занимал он и высоких партийных постов. Возможно, Сталин хотел, чтобы в столь суровое время (уже полыхала Вторая мировая война) прокурорскую систему в стране возглавлял военный, то есть человек безоговорочно признающий жесткую дисциплину. Не исключено, что столь высокому назначению Бочков обязан В. М. Молотову, к которому был довольно близок.

С первых же дней своей работы на новом месте В. М. Бочков столкнулся с неимоверными трудностями. Не будучи юристом, не имея никаких практических правовых навыков, не зная даже толком структуру органов прокуратуры, не говоря уже о тонкостях прокурорского надзора, уголовного или гражданского законодательства, новый Прокурор Союза ССР по всем чисто профессиональным вопросам находился в «плену» своего аппарата. Конечно, «первую скрипку» играл тогда Г. Н. Сафонов — бывший заместитель Бочкова, который не раз в его отсутствие исполнял обязанности Прокурора Союза ССР. Однако, обладая хорошим политическим чутьем, В. М. Бочков умел выдерживать нужный (прежде всего для партии) курс органов прокуратуры. Он продолжал активную «циркулярную» деятельность. Достаточно отметить, что только за первые месяцы он подписал и направил на места свыше 25 приказов и указаний по важнейшим вопросам прокурорского надзора, хотя вряд ли мог глубоко вникнуть в их смысл и содержание.

В ноябре 1940 года Прокурор Союза ССР В. М. Бочков провел Всесоюзное совещание руководящих прокурорских работников. На нем отмечалось, что «уровень работы прокурорских органов

все еще отстает от требований, предъявляемых к прокуратуре партией и правительством на данном этапе». Совещание высказалось за «необходимость решительной и коренной перестройки работы прокуратуры во всех ее звеньях». Подчеркивалось также, что прокуроры республик, краев и областей слабо осуществляют борьбу с «главнейшими видами преступлений», допускают грубые нарушения закона, ослабили карательную практику и вообще не сумели по-настоящему организовать борьбу с преступностью (здесь следует отметить, что имелась в виду не организация борьбы с бандитизмом, убийствами и т. п. преступлениями, а именно с теми правонарушениями, которые были объявлены «преступными» указами последних месяцев: прогулы, спекуляция, хищения и т. д.). Прокуроры подвергались упрекам за медлительность, неоперативность, а также за увлечение «уговорами и увещеваниями», вместо принятия решительных мер.

На совещании прокурорам было указано на то, что они «недооценили ту политическую обстановку, в которой им приходится в настоящее время работать, не поняли всей сложности политической ситуации нынешнего периода, когда мир охвачен второй империалистической войной». Резко критиковалось на совещании и общее состояние следствия, основным недостатком которого считался тогда либерализм, выражавшийся в том, что не избирались действенные меры пресечения (то есть, аресты), необоснованно прекращались уголовные дела, допускалась неправильная («либеральная») квалификация преступлений, «выпячивались» все смягчающие обстоятельства, игнорировалось политическое значение дел.

В условиях Великой Отечественной войны вся работа органов прокуратуры, юстиции и суда была подчинена интересам обороны. Судебно-прокурорским работникам вменялось в обязанность осуществление надзора за обеспечением неуклонного и точного соблюдения всеми гражданами и должностными лицами указов и постановлений военного времени. В приказах по Прокуратуре СССР и Наркомюсту СССР того периода красной нитью проходит мысль о том, что всякий, кто нарушает закон, должен подвергаться наказанию. Приказы ориентировали на воспитание у прокуроров и следователей чувства ответственности перед Родиной, сплоченности, железной дисциплины, четкости и организованности в работе. Прокурорские проверки и расследования уголовных дел предлагалось осуществлять в кратчайшие сроки и без малейшего бюрократизма и волокиты.

Война внесла коррективы и в структуру органов прокуратуры.

Железнодорожный и водный транспорт были сразу же переведены на военное положение, в связи с этим транспортные прокуроры преобразовались в военные. Были военизированы и некоторые прокуратуры прифронтовой полосы, а там, где требовали обстоятельства, военные прокуратуры брали на себя даже функции территориальных прокуратур. В январе 1942 года была образована Главная военная прокуратура железнодорожного транспорта.

5 июля 1941 года Виктор Михайлович Бочков решением Ставки был назначен членом Военного Совета Северо-Западного фронта. Он непосредственно возглавил особый отдел фронта. С этого времени и до начала января 1942 года обязанности Прокурора Союза ССР исполнял Г. Н. Сафонов.

С первых же дней Великой Отечественной войны подавляющее большинство прокурорско-следственных работников стали трудиться с еще большей самоотдачей. Работали, не считаясь со временем, в тяжелейших условиях отступления, при налетах и бомбежках, а когда было нужно — брали в руки оружие и вставали в ряды защитников Родины. Прокурор Союза ССР В. М. Бочков своими приказами поощрил немало работников органов прокуратуры, самоотверженно выполнявших свой долг. Например, в приказе от 17 марта 1942 года Бочков отметил активную работу следственного аппарата прокуратуры Московской области. Он объявил благодарность и премировал месячным окладом следователей прокуратур П. М. Дубинкина (г. Орехово-Зуево), Н. А. Степанова (Кунцевский район), М. А. Августиновича (г. Коломна), З. М. Бармину (Загорский район), которые в тяжелейших условиях ежемесячно заканчивали по 20–25 уголовных дел, укладываясь при этом в сроки до 48 часов. Причем все они, проявляя инициативу и настойчивость, сумели раскрыть немало тяжких преступлений. В этом приказе было отмечено и умелое руководство следствием со стороны прокуроров Шур (г. Коломна), Матвеева (г. Орехово-Зуево), начальника следственного отдела прокуратуры Московской области А. П. Былинкиной. В другом приказе (от 29 июня 1942 года) В. М. Бочков за «хорошую работу по укреплению социалистической законности в районах Тульской области, освобожденных от немецких оккупантов» объявил благодарность прокурорам Ф. Ф. Смирнову и Г. В. Ромачеву, следователям А. М. Микулину, Н. С. Садовникову, Д. П. Мешкову, Т. Я. Маслиной и А. Г. Буторину. Прокурору Тульской области И. М. Садовникову было предложено выдать отмеченным работникам единовременное пособие в размере месячного оклада.

При Прокуроре Союза ССР В. М. Бочкове произошло одно

знаменательное событие — спустя более чем двадцать лет после образования органов советской прокуратуры для прокурорско-следственных работников впервые устанавливались классные чины и вводилась форменная одежда. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 года «Об установлении классных чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры» предусматривал следующие классные чины: действительный государственный советник юстиции, государственный советник юстиции 1-го, 2-го и 3-го классов, старший советник юстиции, советник юстиции и младший советник юстиции, юрист 1-го, 2-го и 3-го классов и младший юрист. Указом было утверждено и «Положение о классных чинах работников органов Прокуратуры СССР», а постановлением Совнаркома СССР от 16 сентября 1943 года была введена форменная одежда для прокурорско-следственных работников.

Классный чин действительного государственного советника юстиции присваивался указом Президиума Верховного Совета СССР только Прокурору Союза ССР, а чины государственного советника юстиции 1-го, 2-го и 3-го классов — постановлениями Президиума Верховного Совета СССР по представлению Прокурора Союза ССР. Другие классные чины присваивал Прокурор СССР.

22 сентября 1943 года Бочков издал приказ «О порядке аттестования прокурорско-следственных работников органов Прокуратуры Союза ССР». Мероприятие предполагалось провести с 1 октября 1943 года по 1 апреля 1944 года. В связи с этим в Прокуратуре СССР была создана высшая аттестационная комиссия в составе председателя — заместителя Прокурора Союза ССР по кадрам М. М. Кругликова и пяти членов: старших помощников Прокурора СССР, начальников отделов по спецделам В. И. Шаховского, следственного Л. Р. Шейнина, уголовно-судебного Я. Н. Уманского, помощника Прокурора СССР, начальника отдела по надзору за местами заключения В. П. Дьяконова и начальника 1-го отдела управления кадров К. Д. Чаусовского (являющегося одновременно ответственным секретарем комиссии).

В ноябре 1943 года Виктор Михайлович Бочков, понимая, что работа Прокурора Союза ССР не для него, обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой об освобождении его от занимаемой должности. В административном отделе ЦК с ним согласились. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 ноября 1943 года Бочков был уволен, в связи с переходом на другую работу (как обычно писали в то время).

Виктор Михайлович жил тогда на улице Грановского, в доме N3 вместе с женой, Марией Павловной и ее матерью. В 1942 году он похоронил своего тестя. Сын Борис, которому к началу войны исполнилось всего 17 лет, ушел на фронт.

После увольнения из органов прокуратуры, В. М. Бочков вернулся в наркомат внутренних дел. 13 января 1944 года нарком Берия внес предложение секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову об утверждении Бочкова начальником Управления конвойных войск, которое было удовлетворено. В этой должности Виктор Михайлович прослужил семь с половиной лет (до июня 1951 года).

В 1945 году постановлением Совнаркома СССР В. М. Бочкову было присвоено звание генерал-лейтенанта. За время службы в конвойных войсках он получил еще несколько высоких правительственных наград: орден Суворова II степени (1944 год), орден Отечественной войны I степени (1945 год), орден Ленина и орден Красной Звезды (1946 год).

Весной 1951 года встал вопрос о переводе Бочкова на другую работу. Заместитель министра внутренних дел СССР Обручников внес предложение о назначении его заместителем начальника Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний. Предложение было принято. Бочков в ранге заместителя начальника ГУЛАГа возглавил управление военизированной охраны. В связи с реорганизацией МВД СССР, по постановлению Совета Министров СССР от 28 марта 1953 года Главное управление исправительно-трудовых лагерей было передано в ведение Министерства юстиции СССР. Начальником его стал генерал-лейтенант Долгих. 24 июня 1953 года В. М. Бочков приказом министра юстиции СССР был назначен заместителем начальника Главного управления лагерей — начальником управления охраны, а 10 октября материалы об утверждении его в этой должности были направлены секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. Однако в декабре того же года заместитель министра юстиции СССР Кудрявцев обратился в ЦК КПСС с просьбой «снять с рассмотрения учетные материалы» на Бочкова. Несмотря на эти «происки», Виктор Михайлович остался работать в конвойных войсках, а в январе 1954 года ГУЛАГ вновь был возвращен в Министерство внутренних дел СССР. В отставку В. М. Бочков ушел в мае 1959 года.

После увольнения в запас В. М. Бочков в течение долгого времени еще работал на производстве. В ноябре 1961 года он возглавил сектор Всесоюзного проектно-технологического института строительства дорожного машиностроения Мосгорсовнархоза, а с сентября 1963 года занимал должность

заместителя начальника отдела Проектно-конструкторского технологического института машиностроения. С августа 1981 года был пенсионером министерства внутренних дел СССР.

В 1977 году умерла жена Бочкова, Мария Павловна. В ноябре 1980 года Виктору Михайловичу Бочкову исполнилось 80 лет. В связи с этим и. о. Генерального прокурора СССР А. М. Рекунков направил юбиляру теплое приветственное письмо.

В. М. Бочков скончался 2 августа 1981 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

«МЕНЯ НЕ КОСНУЛАСЬ РОКОВАЯ КРУГОВЕРТЬ…»
Прокурор республики АНАТОЛИЙ АНТОНОВИЧ ВОЛИН

Анатолий Антонович Волин родился 9 июля 1903 года в небольшом городе Темрюк, что на Кубани. Он был девятым ребенком в семье небогатого рыбака Антона Прохоровича и его жены, Ирины Ивановны, урожденной Ганычевой. Анатолия как самого младшего в семье любили все, но особенно не баловали. Родители, простые и неграмотные люди, воспитывали его своим примером. Мальчик окончил три класса начальной школы, а затем училище, считавшееся престижным. Там изучал даже немецкий и французский языки. В доме было всего две книги: Евангелие и «Родина» — переплетенный за много лет журнал, которые он читал по вечерам родителям.

«Революция пришла в наш город без особых потрясений, — рассказывал А. А. Волин. — Был образован ревком, городской штаб обороны и другие органы новой власти. То и дело происходили митинги, на которых звучали чарующие слова: свобода, равенство и братство». В конце сентября 1918 года в Темрюк вступили белогвардейские части. После того, как город вновь перешел к красным, и там была восстановлена Советская власть, Анатолий вступил в комсомол. Тогда же его зачислили в часть особого назначения (ЧОН), выдали винтовку, патроны, и он участвовал в двух операциях против бело-зеленых, скрывавшихся в прикубанских зарослях.

В январе 1921 года Анатолий довольно бойко выступил на совместном партийно-комсомольском собрании. На него обратил внимание начальник городского штаба по борьбе с бело-зелеными Симановский и предложил ему стать заведующим секретной частью штаба. Юноше, которому было в то время 17 лет,

выделили отдельный кабинет, дали массивный сейф, доверили шифр и всю секретную переписку штаба. Это была его первая настоящая работа.

В 1923 году 20-летний Анатолий стал слушателем рабфака. После трех лет учебы он получил диплом о среднем образовании. В октябре 1925 года Краснодарская окружная партийная организация приняла Анатолия Волина в свои ряды. Для продолжения образования он выбрал факультет права (судебное отделение) Ленинградского государственного университета, куда и поступил в августе 1926 года. После окончания университета А. А. Волин стал учиться в аспирантуре при ленинградском отделении Коммунистической академии, где углубленно изучал политическую экономию, а затем преподавал ее в Ленинградском инженерно-экономической институте.

Летом 1931 года его неожиданно вызвали в обком партии и, ссылаясь на решение ЦК ВКП(б), предложили поехать в Грузию, где ему предстояло возглавить кафедру политэкономии одного из тбилисских вузов. Никаких отговорок, вроде того, что он ни слова не понимает по-грузински, в расчет не приняли. В Тбилиси он пробыл около двух месяцев, а затем вновь вернулся в Ленинград и возглавил кафедру политэкономии в том же институте, в котором ранее преподавал. Там же Анатолий Антонович приметил и красивую студентку, Фриду Ильиничну Спокойную, вскоре ставшую его женой.

В июле 1932 года А. А. Волина переводят в Карелию заведующим сектором народного образования и культуры обкома партии, а весной 1933 года он получает новое назначение — на должность прокурора города Петрозаводска, которое никак не входило в его личные планы и, в конце концов, круто изменило всю его дальнейшую жизнь. На этом более чем боевом участке он прослужил два года.

В сентябре 1935 года А. А. Волин становится помощником прокурора Володарского района Ленинграда, а в июне 1936 года — прокурором одного из центральных районов города — Смольнинского. Здесь располагались Ленинградский обком партии, Ленсовет, другие городские и областные организации. Это, с одной стороны, придавало вес району, а с другой — налагало особую ответственность на его руководителей, в том числе и на прокурора. Не оставил Анатолий Антонович и свою преподавательскую деятельность — продолжал читать лекции по политэкономии.

В своих мемуарах А. А. Волин пишет: «Штат прокуратуры был невелик: два помощника, два следователя и канцелярия. Поэтому удалось быстро установить в коллективе нормальные деловые

отношения. Первым шагом было знакомство с районом, его особенностями, где наиболее часто совершались правонарушения. Это были Московский вокзал, предприятия на окраине района, склады, питейные заведения и т. п. Установление тесных связей с районными властями было также одним из важных моментов в работе».

Энергичная работа смольнинского прокурора была замечена руководством Прокуратуры РСФСР. Волина вызвал к себе прокурор республики Николай Михайлович Рычков и предложил ему место своего заместителя. Случай, конечно, довольно редкий. Чтобы человека, имевшего стаж прокурорской работы чуть более четырех лет и занимавшего всего-навсего должность районного прокурора, назначить сразу же заместителем прокурора крупнейшей республики — надо было быть очень смелым и дальновидным руководителем. Именно этими качествами и обладал прокурор республики Рычков. И он не ошибся. 1 января 1938 А. А. Волин стал заместителем Прокурора РСФСР.

Анатолий Антонович Волин переехал в Москву. Он поселился в просторной и удобной квартире в доме № 25 по Новинскому бульвару (рядом с Домом-музеем Ф. И. Шаляпина). Недавний районный прокурор вынужден был взвалить на свои плечи тяжелейшую ношу ответственности за всю прокурорскую систему республики. Начинать работу в Прокуратуре РСФСР Волину пришлось в очень непростой обстановке. Те годы он вспоминает так:

«Меня не коснулась роковая круговерть тех лет, но я насмотрелся, как судьба играет человеком, когда исчезает то один, то другой партийный, советский или иной деятель. Иногда приходила в голову мысль: а надолго ли я прописан в Москве? Но прошло немного времени и я уже вполне мог ощутить, что Москва живет двойной политической жизнью — одной, официальной, на виду, другой — скрытой, в кругу семьи или друзей. Неистовствовал глубоко ложный накал бдительности, порой переходящий в явный психоз, повсюду выискивались враги народа и их пособники, повсюду шла острая борьба с так называемым либерализмом и примиренчеством к врагам народа, вызывая обстановку, которой пользовались действительные враги народа, карьеристы, различного рода проходимцы да лица, сводившие личные счеты. Подметные письма, клевета, ложные доносы стали распространенным оружием в избиении честных людей. Всякий доносчик, «боровшийся» с либерализмом и примиренчеством, считался надежным, бдительным человеком, а сомневающийся, а тем более защищающий, считался подозрительным, если не прямым пособником врагов народа. Все

это наводило на многих людей страх и неуверенность в завтрашнем дне, страх за жизнь мужей, отцов, братьев, сестер».

А. А. Волин был заместителем прокурора республики полтора года. 25 июля 1939 года приказом Прокурора Союза ССР М. И. Панкратьева Анатолий Антонович назначается Прокурором РСФСР. Сразу навалилась масса неотложных дел. В их число он включил и вопрос о подыскании подходящего здания для прокуратуры. Для того, чтобы «пробить» его, ему пришлось приложить немало труда и настойчивости. Для аппарата республиканской прокуратуры он присмотрел здание под № 13 на Кузнецком мосту. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял решение предоставить его прокуратуре.

Однако проблема заключалась в том, что там размещалось несколько учреждений: прокуратура Московской области, два народных суда, редакция газеты «Труд» и даже Шахматный клуб Ботвинника. После долгих утрясок, а также преодоления «вето" тогдашнего первого секретаря Московского городского комитета ВКП(б), кандидата в члены Политбюро Щербакова, вопрос был решен положительно. Правда, Волину пришлось лично встречаться с «хозяином» Москвы и долго убеждать его в необходимости перемещения прокуратуры республики в отдельное здание. Только после этого все уладилось.

А. А. Волин с присущими ему энтузиазмом и энергией принялся за решение и других вопросов, в частности, кадровых и финансовых. Были укреплены отделы аппарата прокуратуры республики, утверждены должности трех заместителей, в том числе и по кадрам. «Разрешение проблемы с помещением и проблемы кадров, передача прокуратуре республики вопросов финансирования — все это имело важное значение для повышения самостоятельности прокуратуры республики, — вспоминает А. А. Волин. — Но главным оставалась организация руководства периферийными органами прокуратуры. Было решено начать регулярные обследования прокуратур автономных республик, краев и областей, а в некоторых случаях — городских и районных прокуратур по важнейшим аспектам их деятельности. Для заслушивания результатов обследования и содокладов прокуроров автономных республик, краев и областей при прокуроре республики было образовано постоянно действующее оперативное совещание с принятием по его результатам постановлений, в соответствующих случаях оформляемых приказом прокурора республики. Это не могло не сказаться на повышении роли и авторитета прокуратуры республики».

В течение 1940–1941 годов (до Великой Отечественной войны) А. А. Волин принял участие в целом ряде совещаний,

проведенных Прокуратурой Союза ССР, а также сам организовал несколько крупных мероприятий, направленных на повышение активности и эффективности прокурорского надзора и следственной работы.

Пожалуй, самые трудные годы для Волина пришлись на Великую Отечественную войну. На третий день после ее начала Прокурор Союза ССР Бочков издал приказ № 57с, где были намечены все узловые вопросы, призванные стать определенной канвой для перестройки работы органов прокуратуры на военный лад. Соответствующий приказ подготовил и А. А. Волин. Напряжение, с каким работал тогда Анатолий Антонович и возглавляемый им аппарат, было очень велико. Заполненные до отказа делами дни, бессонные ночи, ответственнейшие персональные поручения правительства, многочисленные поездки по стране изматывали до предела. И все это в условиях военного времени, когда права на ошибку не было.

В самые трудные годы военного лихолетья в прокуратуре республики рабочий день продолжался с 9 до 24 часов с перерывом для отдыха с 18 до 20 часов. Но нагрузка была такова, что люди не укладывались и в этот напряженный режим времени. Ночевали часто прямо на рабочих местах. Нередко следователи и прокуроры выезжали в командировки не только по своим служебным делам, но и по заданиям партийных и советских органов. Осенью 1941 года вместе с другими центральными органами Прокуратура РСФСР оказалась в эвакуации. В Москве оставалась лишь небольшая оперативная группа прокуроров и следователей. Часто приезжал в это время в столицу и Анатолий Антонович. Исключительно тяжелыми и напряженными стали для Волина и некоторые поездки по стране в первые годы войны. Случалось, попадал и под бомбежки.

В 20-х числах августа 1948 года А. А. Волину позвонил заведующий управлением кадров ЦК ВКП (б) Бакакин и сказал, что его срочно вызывает к себе А. А. Кузнецов. В пять часов вечера Волин был уже в кабинете секретаря ЦК. Кузнецов принял его приветливо, стал расспрашивать о работе, откуда он родом, какое имеет образование, и после непродолжительной беседы, ничего не сказав о цели вызова, направил к В. М. Молотову. С ним также состоялся непринужденный, но ничего не значащий разговор.

Анатолий Антонович, как человек умудренный большим опытом, понял, что речь может идти о каком-то новом назначении. И, действительно, дня через три-четыре ситуация прояснилась. Волина прочили Председателем Верховного суда СССР, на место Голякова.

О том, как происходило это назначение, А. А. Волин

рассказывал: «Через некоторое время я уже сидел за столом Политбюро… Сижу на краю длинного стола. Утвердили какого-то министра. Входит Сталин. Председательствовал, кажется, Маленков. Сталин подошел к столу, что-то на нем посмотрел, что-то спросил у председательствующего и стал прохаживаться. Кузнецов стал докладывать мое дело. Я, естественно, поднялся. Как только Кузнецов кончил докладывать, Сталин посмотрел на меня и говорит: «А не молод ли товарищ Волин?» Мне было 45 лет. У меня был моложавый вид, от силы можно было дать 35 лет. Я сказал: «Мне недавно уже исполнилось 45 лет, товарищ Сталин». Он как-то недоверчиво посмотрел и спросил: «А не тяжело ли Вам будет, товарищ Волин?» Это как бы вытекало из первого вопроса. Я вспомнил, что министр, которого назначали передо мною, пробубнил на такой же вопрос: «Если мне поможет ЦК, я постараюсь оправдать доверие ЦК и ваше, товарищ Сталин». И думаю: как же мне ответить, чтобы не быть попугаем. Я сказал: «Я сознаю, что это нелегко, товарищ Сталин». Он так посмотрел-посмотрел и говорит: «Хорошо». Кто-то из членов Политбюро сказал: «Утвердить». Кузнецов дал мне знак уходить. Больше я с ним (Сталиным. — *Авт.*) не встречался. Но видел его десятки раз на приемах. Я был на всех приемах».

25 августа 1948 года Президиум Верховного Совета СССР избрал А. А. Волина Председателем Верховного суда СССР, а очередная сессия Верховного Совета утвердила его в этой должности. Руководителем высшего судебного форума А. А. Волин прослужил два конституционных срока. Он много сделал для того, чтобы решительно повысить уровень судебной работы в стране, обеспечить возможность более быстрого пересмотра судебных дел, по которым были допущены извращения законности в той или иной форме, а также условия для более углубленного изучения судебной практики и дачи суда м необходимых руководящих указаний. Для этого пришлось не только навести должный порядок в аппарате Верховного суда СССР, но и разработать и внести на рассмотрение директивных органов целый ряд законопроектов, направленных на демократизацию судебного процесса. Надо сказать, что проходили они с большим трудом, и далеко не сразу была оценена прогрессивность взглядов на судебную систему нового Председателя Верховного суда СССР.

Все осуществленные структурно-организационные мероприятия оказали исключительно большое влияние на улучшение дела отправления правосудия в стране. К тому же они подкреплялись и другим: увеличился штат Верховного суда СССР, улучшились условия работы и материального обеспечения

судебных работников и т. п. Много было сделано и для углубленного изучения судебной практики, что дало возможность направить на места целый ряд принципиально важных руководящих указаний. Анатолий Антонович всегда твердо отстаивал независимость судебных органов, старался не допускать неправомерного вторжения других органов в дело правосудия.

А. А. Волин неоднократно поднимал перед ЦК КПСС и Советским правительством вопросы совершенствования судебной деятельности, внося очень смелые для тех лет предложения. В частности, в мае 1956 года им была направлена записка в ЦК КПСС (доложена лично Н. С. Хрущеву) о необходимости активизации роли защиты в деле отправления правосудия. Речь в ней шла об участии адвоката в предварительном следствии со стадии предъявления обвинения. Н. С. Хрущев согласился с этим предложением, но в силу того, что все правоохранительные органы высказались против такого расширения прав адвокатуры, оно тогда не прошло. Только спустя много лет это прогрессивное предложение Волина получило законодательное разрешение.

В конце 1956 года было разработано и представлено в Президиум Верховного Совета СССР новое Положении о Верховном Суде СССР, над которым А. А. Волин лично исключительно много работал. Оно вступило в силу в феврале 1957 года.

21 февраля 1957 года А. А. Волин был освобожден от должности Председателя Верховного суда СССР. На некоторое время Анатолий Антонович остался не у дел. Вскоре ему предложили занять должность заместителя министра культуры СССР, но он, не считая себя компетентным в этих вопросах, отказался. Но тут вдруг открылась вакансия заместителя главного арбитра в Государственном арбитраже при Совете Министров СССР. На эту должность 25 сентября 1957 года он и был назначен. А. А. Волин, которому было тогда 54 года, энергично принялся осваивать новый для него участок работы. Он активно участвовал в разработке документов нормативного характера, готовил к публикации материалы арбитражной практики, рассматривал споры, возникавшие между хозяйственными организациями, и т. п. Заместителем главного арбитра он прослужил почти 12 лет, до июля 1969 года. После этого в течение ряда лет был консультантом в журнале «Человек и закон».

В 1994 году скончалась жена А. А. Волина Фрида Ильинична, с которой он прожил 60 лет. Сам Анатолий Антонович, несмотря на годы, по-прежнему бодр и энергичен. Он часто выступает с воспоминаниями и статьями в периодической печати, усиленно

работает над мемуарами о своей насыщенной богатыми событиями жизни. Волин внимательно следит за тем, что происходит в стране, за работой правоохранительных органов и, конечно же, прокуратуры. Авторы неоднократно встречались с Анатолием Антоновичем в его уютной квартире на Тверской улице. Неспешно текла беседа о прожитом и пережитом, о днях минувших и нынешних. Анатолий Антонович вспоминал о людях, с которыми приходилось встречаться в своей жизни. Всем давал лаконичную, но очень яркую и точную характеристику.

22 июля 1998 года, в связи с 95-летием со дня рождения Анатолия Антоновича Волина, Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. И. Скуратов и Председатель Высшего арбитражного суда Российской Федерации В. Ф. Яковлев тепло поздравили юбиляра.

Сын А. А. Волина Валерий Анатольевич, журналист по профессии, проживает недалеко от отца. Внук Анатолий — студент.

Анатолий Антонович Волин, благодаря сильной воли, твердости, принципиальности, а когда нужно, дипломатичности и гибкости, сумел в течение многих лет удерживаться на вершине властной пирамиды и в годы массовых репрессий, и во время Великой Отечественной войны, и в послевоенный не менее сложный и трудный период, неся тяжелую ношу прокурора самой большой республики Советского Союза и Председателя Верховного суда СССР. На вопрос авторов: «Как это ему удавалось?» ё он отвечал очень лаконично: «Я никогда не держался за свое кресло».

«НЕ ПОВТОРЯТЬ ОШИБОК ПРОШЛОГО» Генеральный прокурор Союза ССР КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ГОРШЕНИН

Константин Петрович Горшенин родился 28 мая 1907 года в небольшом городе Алатырь Симбирской губернии в семье рабочего-железнодорожника. Его отец всю жизнь трудился на Казанской железной дороге. Начинал с подручного, был слесарем, помощником машиниста, машинистом и наконец занял место дежурного по станции. Он умер в 1931 году. Мать вела домашнее хозяйство.

В 17-летнем возрасте Константин Горшенин, окончив Казанскую железнодорожную школу (девятилетку), стал учащимся индустриального техникума. Через полтора года, оставив учебу, начал работать слесарем в паровозном депо на станции Юдино Казанской железной дороги (Татарская АССР). Он стал одним из организаторов комсомольской ячейки станции, которую сам же и возглавил, а вскоре — освобожденным секретарем местного комитета профсоюза железнодорожников и ответственным секретарем поселкового Совета рабочих и крестьянских депутатов. Через два года его избрали депутатом поселкового Совета, и он вошел также в члены президиума Совета. В 1929 году Константин Горшенин выполнял обязанности заведующего рабочим клубом на той же станции Юдино. Юноша тянулся к знаниям, серьезно увлекался правом, экономикой, философией. Для пополнения своего образования он выбрал

Московский институт советского права, только что созданный на базе реорганизованного юридического факультета МГУ. Его он и окончил в 1932 году.

Константин Петрович учился блестяще, получая по всем предметам самые высокие оценки и проявляя особую склонность к научной и преподавательской деятельности. После завершения учебы он был оставлен в аспирантуре при институте. Своей научной специализацией избрал трудовое законодательство. В течение нескольких лет Горшенин усиленно работал над диссертацией по избранной им теме: «Правовое регулирование труда рабочих и служащих за первый год диктатуры пролетариата». Еще до окончания аспирантуры (в 1934 году) К. П. Горшенин стал официально работать в институте, занимая первое время должность заведующего хозяйственно-правовым отделением, а затем — и. о. заместителя директора по научной и учебной работе. В качестве ассистента он вел также практические занятия со студентами по курсу трудового права. В 1935 году его, как наиболее перспективного ученого, направили на работу в Казанский институт советского права, где он стал заместителем директора по научной и учебной работе и одновременно, в качестве доцента кафедры трудового права, читал лекции.

Спустя два года К. П. Горшенина выдвинули на работу в Народный комиссариат юстиции СССР, которым в то время руководил Н. В. Крыленко. Здесь он возглавил управление учебных заведений. Служебные обязанности хотя и отвлекали Горшенина от научной деятельности, тем не менее он все же сумел защитить диссертацию в Московском юридическом институте. Постановлением совета института от 28 июня 1938 года Константину Петровичу была присуждена ученая степень кандидата юридических наук. В 1938 году он стал членом коллегии Наркомата юстиции СССР.

В январе 1940 года Константин Петрович получил новое высокое назначение — он возглавил Народный комиссариат юстиции РСФСР. Органами юстиции республики ему пришлось руководить в самые тяжелое для страны время — в годы Великой Отечественной войны. На этом посту он сумел проявить себя вдумчивым, инициативным администратором, хорошо знающим систему руководимых им органов, задачи, стоящие перед ними, а также материальное и процессуальное право. За непродолжительное время, в течение которого он занимал эту должность (чуть более трех с половиной лет), К. П. Горшенин многое успел сделать для улучшения деятельности органов юстиции и судов республики. В ЦК ВКП (б), в правительстве Союза и Российской Федерации его работу оценивали довольно

высоко, что и позволило ему вскоре подняться на одну из вершин в правоохранительной системе.

13 ноября 1943 года К. П. Горшенина назначают Прокурором СССР. Став во главе прокуратуры, он основное внимание аппарата направил на выполнение директивных указаний властей, принятых на заключительном этапе войны. Ближайшие задачи органов прокуратуры он изложил в своей статье, опубликованной в первом номере журнала «Социалистическая законность» за 1944 год. Среди этих задач он назвал борьбу с нарушениями трудовой дисциплины, хищениями и разбазариванием промышленных и продовольственных товаров, государственных средств и другими преступлениями, наносящими ущерб народному хозяйству, заботу о семьях защитников Родины. Особое место отводилось надзору за выполнением постановлений правительства о подготовке к весеннему севу. «Дела о преступлениях, связанных с подготовкой и проведением весеннего сева, необходимо расследовать и рассматривать в суде без промедления», — писал Горшенин. Для того, чтобы «не повторять ошибок прошлого», он предложил всему оперативному составу прокуратуры в период проведения весеннего сева «находиться в решающих районах». Прокурор Союза СССР обратил внимание своих подчиненных на необходимость усиления работы органов прокуратуры по гражданско-правовым делам, повышение общеобразовательного и профессионального уровня работников. «Повышение квалификации — не частное дело работников прокуратуры, не только их право, но и обязанность», — напоминал Горшенин.

Прокурор Союза ССР К. П. Горшенин осуществил некоторые мероприятия, связанные с организационной перестройкой прокуратуры. В частности, 16 января 1944 года Совнарком СССР разрешил ему изменить структуру центрального аппарата. Были созданы группа по делам о несовершеннолетних, кодификационно-справочный отдел и архив на правах самостоятельного отдела, а группа учета и информации реорганизована в отдел статистики. Несколько позднее Горшенин преобразовал отдел по надзору за местами заключения в управление.

Большое внимание Константин Петрович уделял контролю за работой подчиненных прокуратур. С этой целью при нем было организовано несколько проверок деятельности прокуратур союзных республик, краев и областей. По его инициативе Прокуратурой СССР был проведен целый ряд представительных совещаний по различным вопросам прокурорской деятельности.

2 марта 1944 года указом Президиума Верховного Совета СССР К. П. Горшенину был присвоен классный чин

действительного государственного советника юстиции, что по тем временам (при наличии официально утвержденной сравнительной таблицы классных чинов прокурорско-следственных работников с воинскими званиями) соответствовало воинскому званию генерала армии. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 16 сентября 1943 года «Об установлении классных чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры» по приказу Прокурора Союза ССР были присвоены первые классные чины работникам центрального аппарата. Чины государственного советника юстиции 1-го класса получили заместители Прокурора Союза ССР Григорий Николаевич Сафонов, Константин Андреевич Мокичев и Василий Ильич Шаховской. Государственными советниками юстиции 2-го класса стали начальник следственного отдела Лев Романович Шейнин и начальник отдела общего надзора Петр Иванович Кудрявцев, а также заведующий отделом управления кадров ЦК ВКП(б) Анатолий Сергеевич Бакакин. Чина государственного советника юстиции 3-го класса были удостоены 10 человек, в их числе начальники отделов: Я. Н. Уманский, В. П. Дьяконов, И. Е. Савельев, помощник Прокурора Союза ССР М. Ю. Рагинский и др. Всего работникам аппарата было присвоено 69 классных чинов.

Наступил 1945 год. Великая Отечественная война подходила к концу. Деятельность органов прокуратуры, немало сделавших для приближения победы, была по достоинству оценена властями. В январе 1945 года Прокурор Союза ССР К. П. Горшенин от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил группе генералов и офицеров центрального аппарата Главной военной прокуратуры ордена и медали.

26 марта 1945 года указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа работников суда и прокуратуры была награждена орденами и медалями «за выдающиеся заслуги в осуществлении социалистической законности, укреплении советского правопорядка и охране интересов государства в условиях Отечественной войны». Высоких правительственных наград удостоились многие судьи, народные следователи, прокуроры, работники военных трибуналов, военные прокуроры, руководители органов прокуратуры и юстиции. Высшую награду Родины — орден Ленина — получили 23 работника прокуратуры.

Орденом Красного Знамени были награждены 8 работников прокуратуры, орденом Отечественной войны 1-й степени — 19, 2-й степени — 3, орденом Трудового Красного Знамени — 113, орденом Красной Звезды — 81, орденом «Знак Почета» — 294, медалями «За трудовую доблесть» — 106, «За трудовое отличие»

— 64. Всего же были удостоены правительственных наград 711 прокуроров и следователей и 481 работник органов юстиции.

За время войны резко снизился образовательный уровень руководящего состава органов прокуратуры. Чтобы срочно исправить это положение, К. П. Горшенину пришлось принимать решительные меры.

Своим приказом он обязал прокуроров республик, краев и областей и их заместителей, имеющих незаконченное высшее образование, пройти курс обучения в заочном юридическом институте и сдать государственные экзамены, а получивших среднее образование — немедленно приступить к занятиям в институте. Прокуроры, которые имели всего лишь начальное образование, должны были начать обучение по программе средней школы. Кроме того, своим приказом он поручил провести персональный учет всех ответственных работников, разбив их на несколько категорий, в зависимости от имеющегося образования. После этого прокуроры республик, краев и областей обязывались наметить формы обучения каждого прокурорско-следственного работника. В дальнейшем Горшенин строго контролировал выполнение своего приказа.

19 марта 1946 года по постановлению Верховного Совета СССР Прокурор СССР стал называться Генеральным прокурором СССР. 27 мая 1947 года, в связи с 25-летием органов прокуратуры и «за большие заслуги в осуществлении социалистической законности и укреплении советского правопорядка» К. П. Горшенин был вторично награжден орденом Ленина. Кроме него эту высокую награду получили еще 29 работников органов прокуратуры. Всего же ордена и медали получили в тот день более 900 прокуроров и следователей. Торжества по случаю юбилейной даты прошли во всех прокуратурах республик, краев и областей.

29 января 1948 года 4-я сессия Верховного Совета СССР 2-го созыва утвердила Константина Петровича в должности министра юстиции СССР, в связи с чем Президиум Верховного Совета СССР освободил его от обязанностей Генерального прокурора СССР. К. П. Горшенин пробыл министром юстиции более восьми лет.

31 мая 1956 года Министерство юстиции СССР было упразднено, а вместо него создана юридическая комиссия при Совете Министров СССР с ограниченными функциями. К. П. Горшенин автоматически утратил свой пост и работал директором Всесоюзного института юридических наук. В 1963 году он был назначен заведующим сектором трудового законодательства Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства, а спустя четыре года

вышел на пенсию, продолжая вести активную научно-педагогическую деятельность. В 1944 году он получил звание профессора, а в 1968 году стал доктором юридических наук.

Константин Петрович Горшенин был женат на Нине Витальевне, имел двух дочерей.

Скончался К. П. Горшенин 27 мая 1978 года в Москве.

«УМЕЕТ РУКОВОДИТЬ АППАРАТОМ» Генеральный прокурор Союза ССР ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ САФОНОВ

Григорий Николаевич Сафонов родился 13 октября 1904 года в г. Ростове Ярославской губернии. Его отец, Николай Дмитриевич, до революции имел собственную кузницу, в которой работал до 1920 года. Затем, до самой смерти, последовавшей в 1930 году, считался кустарем, но иногда подрабатывал и на местной фабрике «Рольма». Мать Г. Н. Сафонова происходила из семьи богатого лесопромышленника Григория Яковлева, владевшего в Угличском уезде Ярославской губернии лесами и землями. После его смерти все состояние перешло по наследству к сыну, Николаю Григорьевичу. Когда совершилась революция, а состояние было конфисковано. Н. Г. Яковлева за антисоветскую деятельность осудили и сослали на Север.

До 18-летнего возраста Григорий Сафонов жил с родителями и учился в ростовской средней школе. В сентябре 1922 года он стал студентом правового отделения Ленинградского государственного университета, а еще через три года занял скромную должность помощника юрисконсульта машиностроительного треста в Ленинграде. В ноябре 1926 года его призвали в Красную Армию. Он служил в городе Старая Русса в 48-м стрелковом полку, в составе так называемых «краткосрочников». Вернувшись через год в Ленинград, Григорий Сафонов несколько месяцев не мог найти работу, а в декабре 1927 года устроился юрисконсультом на Ремонтно-механический

завод Наркомата путей сообщения. Однако через несколько месяцев эту должность сократили, и он вновь оказался безработным. Только в марте 1929 года ему удалось получить место юрисконсульта на Невском машиностроительном заводе им. В. И. Ленина. А вскоре он возглавил юридическое бюро завода.

На машиностроительном заводе Г. Н. Сафонов работал более шести с половиной лет, заслужив репутацию способного юриста, особенно хорошо разбирающегося в гражданском и трудовом законодательстве, и активного общественника (он часто выступал перед населением, руководил различными агитационно-пропагандистскими кружками и семинарами). По совместительству Сафонов читал курс лекций по гражданскому праву в Институте советского права, а позднее — в Ленинградском университете.

В апреле 1935 года прокуратура Ленинградской области стала «перетягивать» Сафонова к себе, однако воспротивилось руководство завода, не желавшее терять хорошего юриста. Тогда прокурор обратился в обком партии с просьбой «мобилизовать» Сафонова, как это в то время практиковалось. В декабре бюро Ленинградского обкома партии согласилось с этим предложением и своим решением утвердило Г. Н. Сафонова в должности прокурора Окуловского района Ленинградской области. В 1938 году он стал прокурором одного из центральных районов Ленинграда — Кировского.

В этом районе Сафонов проработал менее года. Способности молодого прокурора успели заметить и по достоинству оценить в Прокуратуре Союза ССР. Весной 1939 года Сафонова пригласили в центральный аппарат союзной прокуратуры — там требовался толковый начальник гражданско-судебного отдела. Но теперь Ленинградский обком партии не хотел отпускать инициативного прокурора, однако Вышинский, бывший тогда в большой силе, оказался настойчивее.

В июле 1939 года Г. Н. Сафонов перебрался в Москву и приступил к исполнению своих новых обязанностей. С этого времени его карьера резко и стремительно пошла вверх. Принявшись за работу энергично и напористо, он в сжатые сроки сумел значительно улучшить положение дел. В декабре 1939 года новый Прокурор Союза ССР М. И. Панкратьев внес предложение в ЦК ВКП(б) об утверждении Г. Н. Сафонова одним из своих заместителей. Там оно нашло поддержку, и вчерашний районный прокурор в 35-летнем возрасте становится заместителем Прокурора Союза ССР.

Как часто бывает в таких случаях — здесь не обошлось без

завистников. Вскоре в ЦК партии стали поступать «сигналы» о том, что у Сафонова, оказывается, не совсем пролетарское происхождение, и что этот факт он якобы скрыл. Действительно, Григорий Николаевич не особенно распространялся в своих анкетах о родственниках, сообщал о них очень скупо. Он писал, в частности, что его отец до революции арендовал мельницу, а потом работал кустарем. О своем деде-лесопромышленнике умолчал, а о дяде сообщал лишь то, что тот занимался торговлей, а о дальнейшей его судьбе ничего не знает.

Начались проверки; в разные концы полетели запросы. Секретарь Ростовского райкома партии Ярославской области Смирнов доложил в ЦК ВКП(б) о том, что отец Сафонова имел кузницу, а дед по линии матери был лесопромышленником и все свое состояние оставил сыну, то есть дяде Сафонова, который погиб на Севере. Написал он и о других родственниках. Единственным «криминалом» оказалось лишь то, что две его тетки были замужем за офицерами старой армии. Сестры Сафонова, Ольга и Людмила, проживали в Ленинграде. Первая из них была медсестрой, а другая находилась на иждивении мужа, работавшего юристом. Третья сестра, Нина, преподавала в Москве. Получив указанные сведения, в ЦК ВКП(б) посчитали проверку завершенной. Для Сафонова она никаких негативных последствий не имела.

В должности заместителя, а затем и первого заместителя Прокурора (Генерального прокурора) Союза ССР Григорий Николаевич Сафонов пробыл около 9 лет. Непосредственно на него было возложено руководство различными подразделениями центрального аппарата, в частности, отделами общего надзора, статистики и учета, управлением по надзору за местами заключения. Он курировал также главные военные прокуратуры железнодорожного транспорта и морского и речного флота. Много внимания уделял работе с кадрами и административно-финансовым вопросам.

Отличительной чертой Григория Николаевича был исключительно высокий профессионализм, особенно наглядно проявившийся в тот период, когда органы прокуратуры возглавлял малокомпетентный в этом деле Бочков. Во многом именно благодаря таким людям, как Сафонов, Прокуратура Союза ССР сумела сохранить в то время свое лицо. В одной из характеристик Сафонова, относящейся к этому периоду, отмечается: «У тов. Сафонова каждый прокурорский работник получает исчерпывающее указание по конкретному служебному вопросу, с которым он к нему обращается, и здесь авторитет тов. Сафонова, в смысле знания прокурорской работы, стоит высоко».

Работа Сафонова положительно оценивалась и в ЦК партии, особенно в трудный для страны период 1941–1945 годов. Именно в это время заметно активизировалась деятельность курируемого Сафоновым отдела общего надзора.

Г. Н. Сафонову приходилось много раз возглавлять бригады Прокуратуры Союза ССР во время проверок в прокуратурах союзных республик. С этой целью он выезжал на Украину, в Латвию и другие места. Григорий Николаевич принимал участие в Нюрнбергском процессе. Он часто выезжал в Нюрнберг, где консультировал группу обвинителей и следователей от Советского Союза.

В партийной характеристике того времени, подготовленной в ЦК ВКП(б), отмечалось, что Сафонов «глубоко и всесторонне знает работу прокуратуры. Работники прокуратуры, обращающиеся к нему за советом по служебным делам, получают от него исчерпывающие, юридически обоснованные ответы и указания… К разрешению конкретных вопросов подходит исключительно вдумчиво, серьезно. Аппарат Прокуратуры СССР почти не знает таких дел, которые после рассмотрения их тов. Сафоновым, вторично истребовались бы в Прокуратуру СССР для нового рассмотрения. Тов. Сафонов умеет руководить аппаратом».

С введением в Прокуратуре Союза ССР классных чинов Г. Н. Сафонову был присвоен чин государственного советника юстиции 1-го класса. В марте 1945 года Григория Николаевича наградили орденом Ленина. В феврале 1947 года избрали депутатом Верховного Совета РСФСР.

4 февраля 1948 года Григорий Николаевич Сафонов был назначен Генеральным прокурором Союза ССР. Было ему тогда немногим более 43 лет.

Наиболее значительным мероприятием в первый год руководства Г. Н. Сафоновым прокурорской системой стало состоявшееся в апреле 1948 года Всесоюзное совещание руководящих работников прокуратуры. Генеральный прокурор Союза ССР, отметив успехи, достигнутые органами прокуратуры за последние годы, подверг резкой критике имеющиеся недостатки в работе, особенно заметные в подборе и расстановке кадров, в поддержании государственного обвинения в суде и т. п.

В октябре 1948 года было проведено еще одно крупное мероприятие — Всесоюзная учебно-методическая конференция лучших следственных работников страны. Итоги конференции были подведены в приказе Генерального прокурора СССР от 23 октября 1948 г. В нем отмечалось, что многие «прокуроры и следователи добились значительных успехов в борьбе с

преступностью и в организации следственной работы». Среди лучших была названа прокуратура Сталинской области, которую возглавлял И. Д. Ардерихин, а также прокуратуры Казахской ССР, Алтайского края, Иркутской и Барановичской областей. В приказе говорилось и о том, что «работу передовых народных следователей характеризует активность в борьбе с преступностью, инициативность и высокая бдительность, дающая возможность быстро распознавать новые формы преступлений». Одним из первых среди лучших следственных работников страны был назван народный следователь прокуратуры Орехово-Зуева юрист 1-го класса Порфирий Михайлович Дубинкин, который, как отмечено в приказе, «являет собою образец замечательного советского следователя, преданного своему делу, любящего свою работу». За достигнутые успехи в расследовании преступлений он был награжден личной автомашиной «Москвич». Следственному отделу Прокуратуры Союза ССР предложено подготовить и издать выпуск «Следственной практики», посвященный опыту работы этого следователя.

В сентябре 1949 года в Ленинграде была открыта первая следственная школа Прокуратуры СССР. Ее возглавила С. Мусина. Учебный план школы был рассчитан на два года обучения, причем, большая часть времени отводилась изучению криминалистики и других специальных дисциплин. Основную массу слушателей составила молодежь в возрасте до 25 лет. Все, как правило, имели среднее образование. Исключение было сделано лишь для молодых национальных республик.

В 1949 году был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики. Его руководителем стал Степан Петрович Митричев.

На ВНИИ криминалистики возлагались задачи научной разработки методики расследования наиболее распространенных видов преступлений и внедрение в следственную практику научно-технических средств и тактических методов раскрытия преступлений, а также теоретической разработки приемов криминалистики. В первый же год работы группа научных сотрудников института сконструировала «следственный чемодан», в котором были сосредоточены необходимые для первоначальных следственных действий технические средства. Стали выпускаться и пособия по методике, тактике и технике расследования.

Григорий Николаевич Сафонов придавал исключительно важное значение не только следствию, но и другим участкам прокурорской деятельности. В этой связи, в целях дальнейшего повышения уровня прокурорского надзора, он организовал

многодневные (длившиеся одну-две недели) учебно-методические конференции и совещания по различным направлениям прокурорской работы.

Г. Н. Сафонов занимал пост Генерального прокурора Союза ССР более пяти лет. К тому времени, в силу целого ряда причин, он уже не пользовался особым авторитетом у руководителей партии и правительства. Об этом свидетельствует и тот факт, что ему так и не был присвоен положенный Генеральному прокурору СССР классный чин действительного государственного советника юстиции.

Писатель А. А. Безуглов, работавший прокурором уголовно-судебного отдела при Сафонове, вспоминал, что Генеральный прокурор СССР запомнился ему человеком небольшого роста, полным, напоминавшим какой-то колобок. В руке он всегда держал кожаную папку. В приемной у него были не секретари, а два офицера — адъютанты Ильин и Гусев. Безуглову особенно запомнилась первая встреча с Сафоновым. «Прокуроры по очереди дежурили по ночам в приемной Генерального прокурора СССР, — рассказывал А. А. Безуглов. — Это дежурство заключалось в приеме почты, а иногда кто-нибудь звонил. И вот однажды во время моего дежурства появился в приемной Сафонов. Я, естественно, встал и поздоровался с ним. Сафонов на меня посмотрел и ничего не ответил. Так повторилось еще раз. Я был удивлен. И однажды с одним старшим товарищем поделился своим недоумением. В ответ он говорит: «Многого хочешь, он даже с начальниками отделов, генералами, не здоровается, а ты хотел, чтобы он здоровался с рядовым». К этому сотрудники привыкли. Но вот к нам в отдел поступает на работу Антонина Яковлевна Ионкина. Она была женой первого заместителя Прокурора РСФСР Буримовича. И когда она поздоровалась с Сафоновым, а тот не ответил, Антонина Яковлевна была возмущена и решила обратиться к секретарю парткома Прокуратуры СССР Сливину. Тот пообещал выяснить причины, по которым Сафонов не ответил на приветствие Ионкиной. Через несколько дней он объявил Антонине Яковлевне, что разговаривал по этому поводу с Сафоновым и тот заявил, что он настолько занят государственными делами, только и думая о них, что никого и ничего вокруг себя не замечает».

После отставки, по свидетельству ветеранов прокуратуры, Сафонов стал совершенно иным человеком. Вел себя очень демократично, был прост в общении, не кичился своей прежней должностью. Иногда он рассказывал интересные эпизоды из своей жизни.

В те годы, когда Г. Н. Сафонов руководил органами

прокуратуры, в стране раскручивался последний виток репрессий, вершиной которого стали известные «ленинградское дело» и незавершенное «дело врачей». Властями был нанесен также удар по органам государственной безопасности и прокуратуры.

О репрессиях конца 1940 — начала 1950 годов написано немало: выходили статьи, монографии, книги, мемуары и другая литература. Поэтому, не вдаваясь в подробное исследование этой проблемы, нам хотелось бы остановиться только на том, как объяснял причины творившегося в стране беззакония, роль в этом деле органов госбезопасности и прокуратуры тот, кто по своему должностному положению должен был бы стать надежной преградой на пути произвола. В личном деле Сафонова на этот счет есть немало документов.

В одном из своих объяснений он писал:

«Массовым извращениям в деятельности органов государственной безопасности на протяжении столь длительного периода времени способствовал тот факт, что МГБ (МВД) было поставлено в ненормальное положение в системе государственных органов.

При всем чрезвычайно важном значении функции охраны безопасности государства, не следовало допускать столь большой концентрации власти в одном государственном органе, что позволило ему фактически почти совсем уйти от контроля.

Был создан государственный орган, который имел мощный аппарат для наблюдения с разветвленной, всюду проникающей сетью сотрудников и агентов; свою армию (войска МГБ); свой суд (особое совещание); свои места заключения (внутренние тюрьмы и особые лагеря) и зависимую от него систему прокуратуры и трибуналов войск МВД. Именно этой прокуратуре и этим трибуналам была по положению поднадзорна и подсудна основная часть дел, расследуемых МГБ… Органам государственной безопасности был создан непомерный авторитет, отнюдь не оправданный их работой».

В своих объяснениях в КПК при ЦК КПСС Г. Н. Сафонов признавал, что «состояние прокурорского надзора за следствием в органах МГБ — МВД было неудовлетворительным. Прокурорский надзор не обеспечивал строгого соблюдения законности и вследствие этого имели место факты необоснованного привлечения органами государственной безопасности граждан к уголовной ответственности и другие серьезные нарушения советских законов… Некоторые прокуроры безответственно относились к санкциям на арест, не осуществляли должного надзора в ходе следствия, мирились с возмутительными фактами волокиты по расследуемым в органах МГБ делам».

Сафонов признавал, что с его стороны было явно недостаточное реагирование на серьезные недостатки в работе, а иногда и беспринципность при осуществлении надзора за следствием в МГБ. «Я ограничился изданием нескольких приказов о наказании виновных работников, периодическими проверками работы и проведением отдельных совещаний, — писал Г. Н. Сафонов. — Видя порочность самой организации надзора, я крайне затянул разрешение этого вопроса…»

Г. Н. Сафонов назвал и объективные причины слабого прокурорского надзора за следствием в органах государственной безопасности. «Я и мои предшественники, при осуществлении надзора за следствием в органах госбезопасности, были поставлены в очень тяжелые условия. Специальными указаниями этот надзор был в значительной мере парализован. Поэтому и приходилось впоследствии восстанавливать предусмотренные законом надзорные права прокуроров».

Осенью 1952 года в ЦК партии стали поступать, видимо сработанные не без участия Берии, материалы, компрометирующие Генерального прокурора Союза ССР Г. Н. Сафонова. Среди них были и письма прокурорских работников: из Ленинграда, от военных прокуроров и др. Они касались якобы неправильного поведения руководителей Прокуратуры СССР и лично Сафонова, а также серьезных нарушений в осуществлении надзора за соблюдением законности при расследовании дел органами Министерства государственной безопасности СССР.

Секретариат ЦК КПСС принял решение провести по всем этим материалам соответствующую проверку. В октябре 1952 года результаты проверки были доложены Шкирятову, а им — секретарю ЦК Г. М. Маленкову. Выводы комиссии были чрезвычайно жесткими и не сулили ничего хорошего Генеральному прокурору СССР. В них отмечалось, что Г. Н. Сафонов «недобросовестно относится к своему государственному долгу и неудовлетворительно осуществляет возложенный на него Конституцией СССР высший надзор за точным исполнением законов в стране». В справке, в нескольких разделах, подробно и обстоятельно излагались так называемые факты. В заключении утверждалось, что Г. Н. Сафонов «работает без напряжения, от работников аппарата оторван, за период пребывания на посту Генерального прокурора СССР он не выступил в качестве государственного обвинителя ни в одном судебном процессе и ни разу не выезжал на проверку работы в подчиненные ему прокуратуры. При рассмотрении в ЦК партии вопроса о борьбе с многочисленными фактами необоснованного предания граждан суду он оказался неспособным разобраться в этом деле и дать

свои предложения по устранению этих фактов грубого нарушения законов».

Авторы делали вывод: «В связи с фактами антигосударственного отношения т. Сафонова к порученному делу считаем, что он не может оставаться на посту Генерального прокурора СССР, как не оправдавший оказанного ему доверия, и заслуживает строгого партийного взыскания».

Однако сразу после проверки ход этому документу не дали. В апреле 1953 года Г. Н. Сафонов был лишь вызван в КПК при ЦК КПСС, где с ним провел беседу Шаталин. Последний (по всей видимости, с одобрения ЦК), указав Сафонову на ошибки, сказал, что никакого решения приниматься не будет. Сафонов продолжал еще в течение более двух месяцев выполнять свои обязанности.

30 июня 1953 года Г. Н. Сафонов был освобожден от должности Генерального прокурора Союза ССР. Основанием для этого послужили серьезные просчеты в надзоре за следствием в органах госбезопасности. В своем объяснении он честно признавался, что в период его работы действительно были допущены серьезные недостатки, и что их было значительно больше, чем приводится в записке отдела ЦК КПСС. Снятие с работы он рассматривал как «серьезное, но справедливое наказание» и тяжело переживал его. В соответствии с постановлением Президиума ЦК партии, он был оставлен в так называемой номенклатуре ЦК, то есть мог рассчитывать на соответствующую должность. Лично Г. М. Маленков заявил на заседании Президиума, что ему будет предоставлена работа в прокуратуре, органах юстиции или другом государственном органе.

После сдачи дел новому Генеральному прокурору Союза ССР Р. А. Руденко Григорий Николаевич ушел в отпуск на полтора месяца, так как не отдыхал несколько лет. После отпуска он обратился в административный отдел ЦК с просьбой направить его на работу. Ему была предложена должность председателя областного суда в одном из регионов РСФСР. Не возражая в принципе против этого, Сафонов попросил предоставить ему аналогичную работу в Москве. Через весьма продолжительный период времени в административном отделе ему сообщили, что его кандидатура рассматривается на должность заместителя Председателя Верховного суда РСФСР или члена Верховного суда СССР. Григорий Николаевич согласился с этими предложениями. Однако никаких вестей из ЦК партии долгое время не было. Наконец Сафонова пригласил на беседу Председатель Верховного суда РСФСР. Он заполнил анкеты, написал автобиографию, и вновь потянулись томительные дни ожидания. Ему сказали, что

все материалы отослали в ЦК КПСС на утверждение. Однако вместо назначения на должность его опять вызвали в КПК при ЦК КПСС для дачи объяснений по фактам, которые уже были предметом рассмотрения Президиума ЦК КПСС. Здесь он узнал, что в январе 1954 года административный отдел подготовил записку о привлечении его к партийной ответственности. Секретариат ЦК КПСС 9 февраля 1954 года поручил Комиссии партийного контроля рассмотреть материалы и внести свои предложения. Г. Н. Сафонову пришлось вновь писать многочисленные объяснения.

Решение о наказании Г. Н. Сафонова было принято только 25 февраля 1955 года. Ему был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку (снят в марте 1967 года).

Пока рассматривалось персональное дело Г. Н. Сафонова, ему никакой номенклатурной должности не предлагалось, и с июля 1953 года он почти два года нигде не работал. Только в марте 1955 года Сафонов был назначен на должность заместителя Московского окружного транспортного прокурора, на которой он пробыл два года. В мае 1957 года его перевели на работу в аппарат Прокуратуры РСФСР, где он также занял весьма скромное место заместителя начальника уголовно-судебного отдела. Последние годы жизни он работал прокурором следственного управления прокуратуры республики.

Г. Н. Сафонов являлся депутатом Верховного Совета РСФСР 2-го созыва. Награжден двумя орденами Ленина. Григорий Николаевич был женат, имел сына.

Скончался Г. Н. Сафонов в 1972 году. Урна с прахом захоронена в колумбарии Новодевичьего кладбища в Москве.

«ВОВРЕМЯ ЗАМЕТИТЬ НЕЗАКОННЫЙ ПРИГОВОР»
Прокурор республики ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ БАРАНОВ

Павел Владимирович Баранов родился 13 августа 1905 года в Петербурге. Его отец, служивший техником на Николаевской железной дороге, оставил семью еще до рождения сына. Мать, Вера Владимировна Кавелина (по второму мужу), которой было тогда 23 года, работала костюмером в театре. Не имея возможности (или желания) воспитывать сына, она отдала мальчика в приют, где он находился в течение двух лет, пока его не взяла тетка. Она растила его и заботилась о нем, как о родном сыне. До революции тетка проживала в Витебске и работала в театре, а затем там же учительствовала и заведовала библиотекой. Она погибла в 1941 году во время бомбежки.

В детстве Павел Баранов не сумел получить сколько-нибудь системного образования. Он рано начал работать — с 14 лет. Первое время был курьером-рассыльным в мастерских Витебского губернского совнархоза. В 1920 году стал учиться в фабрично-заводском училище, где получил квалификацию электромонтера. Тогда же он вступил в комсомол, по призыву которого некоторое время находился в частях особого назначения (ЧОН). Затем Витебский горком комсомола направил его на работу в губполитпросвет, там он был библиотекарем. В 1922–1923 годах Павел Баранов работал подручным электромонтера на автобазе в Витебске. В эти годы пытливый и любознательный юноша сумел без отрыва от производства получить аттестат о среднем образовании. В то время стране нужны были квалифицированные кадры, поэтому многих молодых людей комсомол направлял на учебу. Среди них оказался и Павел Баранов. В 18-летнем возрасте с мандатом губкома он поступил во 2-й Ленинградский политехнический институт. Учеба оказалась кратковременной. Не прошло и года, как он оставил студенческую скамью. В автобиографии Павел Владимирович писал, что его отозвали на комсомольскую работу. Он стал секретарем комсомольской организации на Ленинградском госзаводе № 4. Одновременно работал электромонтером.

В 1925 году Баранов оставляет Ленинград и по комсомольской мобилизации отправляется в Петрозаводск. Там некоторое время он был культоргом от горкома комсомола, а

затем — комсомольским вожаком на Онежском заводе. Впоследствии он стал секретарем Петрозаводского горкома комсомола.

В 1927 году П. В. Баранов вернулся в Ленинград, где вначале занял должность заведующего отделом Северо-Западного бюро ЦК ВЛКСМ, а позднее — Ленинградского обкома комсомола. Однако аппаратная служба не вполне удовлетворяла его, и он стал усиленно добиваться направления на какую-либо хозяйственную работу. Вскоре нашлась подходящая должность на заводе «Эталон», где он становится заместителем директора. В течение трех лет Баранов исправно выполнял многообразные хозяйственные функции, пока партия не призвала его на более горячий пост. В январе 1931 года 25-летний Павел Баранов, не имевший юридического образования и каких бы то ни было практических навыков в области права, был направлен на работу в органы прокуратуры и сразу же занял должность прокурора Дновского района Ленинградской области. Работа на новом месте давалась трудно. На него навалилась масса неотложных дел, с которыми и опытный юрист с трудом мог бы разобраться. А тут еще всяческие политические кампании: сев, хлебозаготовки и т. п. В такой обстановке трудно было обойтись без ошибок. Вскоре молодой и еще неопытный прокурор получил свое первое партийное взыскание — выговор, объявленный за то, что не «уследил» за судьей, которая устроила волокиту с рассмотрением уголовного дела, связанного с весенним севом. Однако эта «осечка» в самом начале прокурорской карьеры не помешала ему успешно продвигаться по службе. Вскоре его энергию и напористость по достоинству оценили в прокуратуре Ленинградской области и взяли на работу в аппарат. Так он стал помощником областного прокурора. А еще через два года (в 1934 году) он был назначен прокурором Кировского района.

У Павла Владимировича было все данные для того, чтобы быстро продвигаться по служебной лестнице: ум, настойчивость, крепкая хватка, требовательность к себе и подчиненным. Главное, чего ему не хватало — это специальных знаний. И он стал учиться. Свое правовое образование он пополнил на годичных курсах права при ленинградском отделении Комакадемии и в Ленинградском институте совправа, где экстерном сдал экзамены (причем блестяще) за половину курса. И тем не менее свое юридическое образование он тогда завершить не сумел. Прошло три года — срок едва достаточный для того, чтобы хоть мало-мальски освоиться с большим районом, а его имя было уже хорошо известно не только в прокуратуре республики, но и в Прокуратуре Союза ССР. Он не без оснований считался одним из

перспективнейших работников, способным возглавить прокуратуру большой области. Ему предложили не какую-нибудь стабильно работающую прокуратуру области, а наиболее трудную — Свердловскую, которую последнее время лихорадило из-за выявления там «врагов народа». Он был утвержден в этой должности решением ЦК ВКП(б) от 11 сентября 1937 года. Первые же шаги нового областного прокурора пришлись по душе руководству Прокуратуры Союза ССР и, прежде всего, А. Я. Вышинскому. Вот что, например, писали о его деятельности Я. Горбулев и Р. Рахунов в статье «Кадры», опубликованной в № 1 журнала «Социалистическая законность» за 1938 год:

«В Свердловской области т. Баранов сумел за сравнительно короткий срок развернуть большую работу по ликвидации последствий вредительства врага народа Леймана, по очистке органов прокуратуры области и по укреплению их. При помощи местных парторганизаций им направлено новых 40 работников и для них организованы специальные подготовительные курсы. Тов. Баранов добивается и, надеемся, безусловно добьется превращения Свердловской облпрокуратуры в передовые».

П. В. Баранов сумел навести «должный порядок» и несколько активизировать работу, естественно проводя ее в духе того времени. Однако неожиданно Свердловский обком ВКП(б), не предъявив Баранову каких-либо конкретных претензий (тем более политического характера), вдруг стал возражать против оставления его на посту прокурора области. Эта позиция и решила его прокурорскую судьбу. Баранов вскоре вновь оказался в Ленинграде, где занял скромную должность начальника отдела областной прокуратуры. Вот как он описывает эти события в автобиографии:

«С должности прокурора Свердловской области на должность начальника отдела Ленинградской областной прокуратуры я был переведен при следующих обстоятельствах: в мае 1939 года по моей просьбе и по желанию Свердловского обкома ВКП(б), считавшего необходимым подобрать более подготовленного прокурора, я был переведен в аппарат Прокуратуры СССР. С мая по август 1939 года я проработал в аппарате Прокуратуры СССР и в связи с тем, что моя семья в течение этих 2-х лет жила в Ленинграде, и в Москве квартиры найти не удалось, по моим настойчивым просьбам я был вызван в Ленинград».

В Ленинградской прокуратуре П. В. Баранов возглавил уголовно-судебный отдел, которым руководил до июня 1941 года. В 1939 году он поступил во Всесоюзный заочный юридический институт, но закончить его сумел только после войны.

В мае 1940 года Баранов участвовал в первом Всесоюзном

совещании прокуроров уголовно-судебных отделов. В своем выступлении он поднял вопрос о качественной стороне прокурорского надзора и высказал критические замечания в адрес Прокуратуры Союза ССР, которая, по его мнению, запоздала с «переориентацией» прокуроров на повышение качества надзорной деятельности. «Когда мы говорим о качестве, — заметил Баранов, — то неизбежно поднимается весь комплекс вопросов: культура работы прокуроров в широком смысле этого слова, культурная подготовка дела, культурное изложение своей точки зрения, культура в смысле организации своей работы и т. д. Нужно вовремя заметить незаконный приговор по делу, по которому прокурор не смог выступить». Баранов поделился с участниками совещания опытом работы, накопленным в уголовно-судебном отделе прокуратуры Ленинградской области.

23 июня 1941 года, в связи с началом Великой Отечественной войны, П. В. Баранов был мобилизован в действующую армию. Первое время в звании военного юриста 2-го ранга (присвоено 18 сентября 1941 года) он служил помощником военного прокурора Ленинградского фронта. На него были возложены обязанности по судебному надзору и кадрам. С ними он справлялся вполне удачно, что явилось основанием для выдвижения его на более высокий пост. В апреле 1942 года Павел Владимирович стал заместителем военного прокурора 8-й армии Волховского фронта, а в августе того же года ему досрочно присвоили звание военного юриста 1-го ранга. Хорошо разбираясь в конкретных делах, Баранов всегда оказывал военным следователям конкретную помощь, а нередко и сам бывал на передовой и занимался расследованием наиболее важных дел, проявляя в боевой обстановке мужество и смелость. Военный прокурор 8-й армии военный юрист 1-го ранга Грейсер был очень доволен своим заместителем.

В октябре 1942 года командование армией сочло возможным рекомендовать Баранова на самостоятельную работу — военным прокурором. Однако с этим предложением не согласился военный прокурор Волховского фронта бригадвоенюрист Деев. Он считал, что Баранов «преувеличивает свою подготовку и свои способности, болезненно реагирует на замечания» и не добился улучшения следствия в прокуратуре армии. Хотя замечания Деева и были признаны обоснованными, тем не менее в Главной военной прокуратуре пришли к выводу, что положительные качества Баранова явно перевешивают все его недостатки и самолюбие, и он вполне может справиться с обязанностями военного прокурора армии. 16 ноября 1942 года он был назначен исполняющим должность военного прокурора 10-й армии

Западного фронта.

3 апреля 1943 года приказом заместителя народного комиссара обороны СССР генерал-лейтенанта А. Щербакова, в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны СССР от 4 февраля 1943 года «О введении юридическому составу Красной Армии персональных воинских званий», П. В. Баранову было присвоено звание подполковника юстиции.

Павлу Владимировичу приходилось часто бывать в соединениях, частях и подразделениях передовой линии, где он проводил большую работу среди личного состава войск по укреплению дисциплины и воинского порядка в войсках. Особенно активен он был в период наступательных боев, в связи с чем его наградили орденом Отечественной войны 1-й степени.

12 августа 1943 года П. В. Баранов был утвержден прокурором 10-й армии. Менее чем через год, 5 мая 1944 года, он уже военный прокурор 2-го Белорусского фронта (утвержден в должности 1 июня 1944 года). 16 августа того же года приказом народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина Павлу Владимировичу было присвоено воинское звание полковника юстиции. В характеристике, выданной ему в это время, значилось, что борьбу с преступностью он проводил организованно, систематически изучал и обобщал данные о преступности и осуществлял через командование и подчиненных прокуроров мероприятия, приводившие к сокращению таких преступлений, как дезертирство, членовредительство, хищения военного имущества. Благодаря стараниям военного прокурора значительно улучшилась работа органов дознания и следствия, да и сама надзорная деятельность.

В мае 1944 года и. о. военного прокурора Румянцев написал в характеристике Баранова, что в период наступательных операций тот успешно проводил большой важности работу по устранению недостатков в деле материального обеспечения войск, пресечению и предупреждению отрицательных явлений среди личного состава. За этими скупыми строчками стояла напряженная жизнь военного прокурора фронта, требующая полной самоотдачи, высокой дисциплины и ответственности.

После окончания Великой Отечественной войны, в июле 1945 года, вследствие расформирования 2-го Белорусского фронта, П. В. Баранов был назначен исполняющим должность военного прокурора Северной группы войск, а 30 декабря утвержден. Во время войны, как следовало из характеристик и аттестаций, Баранов успешно справлялся со своими обязанностями, пользовался авторитетом, как твердый, смелый и решительный прокурор и всегда находился на хорошем счету у командования.

Условия же мирного времени потребовали от него совсем иных качеств. По всей видимости, Павел Владимирович не сумел вовремя перестроиться, а где-то и переоценил свои возможности. Со временем вышестоящее начальство все чаще и чаще стало замечать в его деятельности недостатки и просчеты. Войска, в которых служил Баранов, находились тогда в Польше.

Судя по официальным документам, он не учел изменившегося характера преступности, и, продолжая работать по старинке, «не сумел охватить весь масштаб разнообразной прокурорско-следственной работы», а, самое главное, не смог наладить правильных деловых отношений с командованием группы. В служебной характеристике от 24 июня 1946 года, подписанной начальником политуправления Северной группы войск генерал-лейтенантом Окороковым, делался вывод о том, что П. В. Баранова необходимо перевести на работу с меньшим объемом — прокурором небольшого военного округа. С этим мнением согласилось и командование Северной группы войск. Делался вывод, что Баранов «занимаемой должности не соответствует». (Отзыв подписан Главнокомандующим Северной группы войск Маршалом Советского Союза К. Рокоссовским и членом Военного совета генерал-лейтенантом А. Русских.)

Однако столь резкий отзыв о служебной деятельности Баранова никоим образом не бросил тень на его личные качества. Он по-прежнему считался перспективным прокурором. Некоторое время П. В. Баранов все еще продолжал руководить прокуратурой Северной группы войск. В августе 1946 года его работа была проверена бригадой военных прокуроров, которая вскрыла многие недостатки. В связи с этой проверкой военный прокурор Сухопутных войск генерал-майор юстиции Чепцов посчитал целесообразным перевести П. В. Баранова на работу в округ с меньшим объемом (отзыв от 4 октября 1946 года).

В ноябре 1946 года приказом Генерального Прокурора Союза ССР Горшенина П. В. Баранов был назначен прокурором Южно-Уральского военного округа (г. Чкалов), где прослужил полтора года. С этой должностью он справлялся хорошо: подтянул дисциплину в прокуратуре, заметно усилил надзор на всех основных участках работы, совместно с командованием округа добился сокращения таких преступлений, как дезертирство, самовольные отлучки, нарушения устава караульной службы и др.

Павел Владимирович успешно занимался (заочно) сразу в двух вузах: в Военно-юридической академии и в юридическом институте.

В органах военной прокуратуры П. В. Баранов пробыл в

общей сложности семь лет. Служба принесла ему звание полковника юстиции и несколько правительственных наград: два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени, польский орден «Крест Грюнвальда» и несколько медалей. В 1943 году командованием Ленинградского фронта он был награжден именными часами.

Весной 1948 года новый Генеральный прокурор СССР Г. Н. Сафонов рекомендовал Павла Владимировича на должность заместителя Прокурора РСФСР по общим вопросам. 19 апреля 1948 года такое назначение состоялось. В прокуратуре он непосредственно курировал один из важнейших отделов — уголовно-судебный, а также группу по делам несовершеннолетних и отделы по надзору за местами заключения и хозяйственный. Работу начал активно. В частности, по его инициативе была организована глубокая проверка деятельности органов прокуратуры по судебному надзору в Чувашской АССР. Результаты проверки впечатляющи — 10 судебных работников были отданы под суд за допущенные ими злоупотребления.

С 21 августа 1948 года Павел Владимирович Баранов стал исполнять обязанности Прокурора РСФСР, а 31 декабря был утвержден в этой должности. Прокурором республики он прослужил чуть более пяти лет.

В марте 1954 года новый Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко вошел с представлением в ЦК КПСС об утверждении государственного советника юстиции 2-го класса П. В. Баранова своим первым заместителем. В характеристике Руденко отмечал, что Баранов «требователен к себе и подчиненным, пользуется авторитетом среди работников органов прокуратуры». В здании на Пушкинской улице П. В. Баранов проработал три года. Постановлением Совета Министров СССР от 30 апреля 1957 года (подписал Н. Булганин) он был назначен первым заместителем председателя юридической комиссии при Совмине СССР. В апреле 1961 года он вышел в отставку.

После этого Павел Владимирович никакой номенклатурной должности не занимал. Скончался П. В. Баранов в апреле 1988 года, на 83 году жизни и был похоронен на Кунцевском кладбище.

П. В. Баранов был женат несколько раз. Со своей первой женой, Марией Филатовной, урожденной Катковой, он расстался во время Великой Отечественной войны. От этого брака у него осталась дочь, Инга Павловна. В 1944 году он зарегистрировал брак с Зинаидой Трофимовной Гаврилиной, с которой расстался в 1962 году. Незадолго до смерти П. В. Баранов женился в третий раз.

«ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНА ДОЛЖНЫ СТРОГО СОБЛЮДАТЬСЯ»
Генеральный прокурор Союза ССР РОМАН АНДРЕЕВИЧ РУДЕНКО

Роман Андреевич Руденко родился 17 июля 1907 года в селе Носовка Черниговской губернии в многодетной семье крестьянина-бедняка. В автобиографии он писал: «До революции мой отец имел одну четверть десятины земли, работал по найму — плотничал, мать батрачила. После Октябрьской революции отец получил земли от Советской власти». Учиться сметливому юноше, которого за склонность к верховодству товарищи прозвали Ватажком, пришлось недолго. Надо было помогать большой семье, и он пошел работать на завод. Вскоре стал комсомольцем. С 1925 года на протяжении четырех лет он находился на комсомольской и советской работе, служил в рабоче-крестьянской инспекции. Часто публиковал заметки в местной печати, доводилось ему выступать и в суде в качестве общественного обвинителя.

В 1929 году Романа Руденко, только что окончившего юридическую школу, окружной комитет партии (ее членом он стал в 19 лет) направил в органы прокуратуры. Он стал работать следователем, а затем старшим следователем в окружной прокуратуре в Черниговской области. Затем постепенно поднимался по служебной лестнице: был помощником прокурора и прокурором города, заместителем прокурора области и, наконец, возглавил прокуратуру одной из крупнейших областей — Сталинской. Р. А. Руденко пользовался довольно высоким

авторитетом в партийной среде и был на хорошем счету в Прокуратуре СССР. Когда в июне 1939 года встал вопрос о назначении нового Прокурора Союза ССР, выбор А. Я. Вышинского, уходившего на должность заместителя Председателя Совнаркома СССР, вначале пал на Руденко, но бывший в то время на Украине первым секретарем ЦК компартии Н. С. Хрущев не захотел отпускать от себя толкового прокурора, и назначение не состоялось. Прокурором Союза ССР утвердили М. И. Панкратьева.

В начале сентября 1940 года Роман Андреевич стал слушателем Высших академических курсов при Всесоюзной правовой академии, директором которых был тогда Шнейдер.

В марте 1942 года Р. А. Руденко назначили заместителем прокурора Украинской ССР, а в августе по приказу Прокурора Союза ССР В. М. Бочкова он возглавил специальную оперативную группу республиканской прокуратуры, став одновременно исполняющим обязанности Прокурора Украинской ССР. Эта группа после освобождения первых районов и городов Украины от немцев стала немедленно организовывать работу органов прокуратуры, направленную на полное восстановление правопорядка и законности. Вскоре прокуратура республики создала и другие оперативные группы прокуроров и следователей, которые входили в освобожденные местности Украины вместе с частями Красной Армии. В Киеве, например, оперативная группа стала работать уже в первый день его освобождения.

В одной из характеристик Романа Андреевича этого периода сказано: «Будучи и. о. Прокурора УССР, товарищ Руденко в сложных условиях работы в освобожденных от оккупации районах сумел правильно организовать прокурорскую и следственную работу периферии. Органы Прокуратуры УССР в специфических условиях прифронтовой обстановки активно способствовали правительственным органам и военному командованию в использовании сил и средств для разгрома врага, восстановлении народного хозяйства, ликвидации последствий оккупации».

В 1944 году Р. А. Руденко выдвинули на ответственный пост Прокурора Украинской ССР. Было ему тогда 37 лет. Забот у руководителя прокуратуры крупнейшей республики, серьезно пострадавшей от фашистского нашествия, было предостаточно. Он лично возглавил работу по расследованию фактов злодеяний, бесчинства и террора, устроенных на украинской земле против ее мирных жителей нацистами. Собранный по этому вопросу огромный документальный материал немедленно передавался в созданную Правительством СССР Чрезвычайную государственную

комиссию.

С 20 по 22 июня 1945 года военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело по обвинению генерала Л. Б. Окулицкого и других лиц (всего 15 человек), руководивших польским подпольем, действовавшим в тылу Красной Армии. В результате террористической деятельности так называемой Армии Крайовий было убито и ранено около 500 советских солдат и офицеров. По предложению И. В. Сталина процесс проходил в Колонном зале Дома союзов с широким привлечением как советской, так и зарубежной прессы, с частичной трансляцией по радио. На нем присутствовали дипломаты и корреспонденты из многих стран. Основным обвинителем был утвержден Главный военный прокурор Н. П. Афанасьев. Когда при обсуждении этого дела у Сталина возник вопрос о том, кто будет помогать обвинителю, Афанасьев назвал Прокурора Украинской ССР Р. А. Руденко. Сталин с ним согласился.

Роман Андреевич сумел показать себя на этом процессе хорошим судебным оратором, красноречивым и напористым. Поэтому нельзя считать случайным тот факт, что при определении Главного государственного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе, выбор пал именно на прокурора Украины Руденко, и он блестяще справился с поставленной задачей. Участие Р. А. Руденко в Нюрнбергском процессе — ярчайшая страница его биографии. О советском прокуроре узнал и заговорил весь мир. Его роль в этом процессе, продуманные допросы подсудимых, обстоятельные и взвешенные, солидно аргументированные заключения, блестящая обвинительная речь хорошо известны. Чего стоит только один факт. Для изобличения подсудимых Р. А. Руденко задумал использовать показания фельдмаршала Паулюса. Последнего скрытно доставили самолетом в Нюрнберг. На одном из заседаний Руденко заявил ходатайство о допросе Паулюса. Защитники подсудимых не возражали, полагая, что приезд плененного Паулюса на процесс нереален. Судьи согласились с ходатайством советского прокурора и спросили у Руденко, сколько потребуется времени, чтобы доставить Паулюса в город. «Полчаса», — кратко ответил Роман Андреевич. По словам самого Руденко, появление Паулюса в зале заседаний произвело эффект разорвавшейся бомбы.

В октябре 1951 года Р. А. Руденко выступил на судебном процессе по делу оуновца-террориста Стахура, убившего вместе с Лукашевичем в октябре 1949 года писателя Я. А. Галана. Обвинительная речь его по этому делу является образцовой. Она неоднократно публиковалась, по ней учились выступать многие советские прокуроры.

29 июня 1953 года Р. А. Руденко был срочно вызван в Москву. В тот же день он присутствовал на заседании Президиума ЦК КПСС, на котором, по предложению Н. С. Хрущева, его утвердили Генеральным прокурором СССР вместо смещенного с этого поста Г. Н. Сафонова. К этому времени уже был арестован Л. П. Берия (26 июня) и надо было организовать следствие по его делу. Как впоследствии вспоминал Хрущев, прежний Генеральный прокурор СССР Сафонов не вызывал доверия у членов Президиума ЦК. «Мы сомневались, — писал Хрущев, — что он может объективно провести следствие по делу Берии».

Так Роман Андреевич оказался на прокурорском Олимпе.

На этом же заседании Президиума ЦК было принято постановление «Об организации следствия по делу о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берии». Ведение следствия поручалось Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко. Ему предлагалось в суточный срок подобрать соответствующий следственный аппарат, доложив о его персональном составе Президиуму ЦК КПСС, и немедленно приступить, «с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний», к выявлению и расследованию «фактов враждебной антипартийной и антигосударственной деятельности Берии через его окружение (Кобулов Б., Кобулов А., Мешик, Саркисов, Гоглидзе, Шария и др.)».

Официально Р. А. Руденко был назначен Генеральным прокурором СССР 30 июня 1953 года и утвержден на сессии Верховного Совета СССР. Он сразу же приступил к выполнению возложенной на него ЦК партии миссии.

Старейший работник органов прокуратуры, прослуживший в ее рядах более 40 лет, государственный советник юстиции 2-го класса Сергей Васильевич Тюрин вспоминал: «1 июля 1953 года нас — аппарат Прокуратуры СССР — срочно собрали в Мраморном зале. В президиуме появился Р. А. Руденко, один, без всякого сопровождения, и объявил о том, что он назначен новым Генеральным прокурором СССР. Р. А. Руденко сразу же сообщил, что он уполномочен заявить: Политбюро ЦК КПСС претензий к прежнему Генеральному прокурору СССР Г. Н. Сафонову не имеет, его освобождение связано с тем, что сочтено неудобным оставление его в должности в связи с арестом Берии. Конечно, мы понимали, что после разоблачения Берии не могло не быть претензий к Генеральному прокурору СССР, и освобождение Сафонова произошло «не просто так». Но все же был и какой-то успокоительный жест в адрес Прокуратуры СССР. Им как бы подчеркивалось, что органы прокуратуры не отождествляются с бандой Берии и органами безопасности, творившими произвол».

Р. А. Руденко пришлось готовить сразу же несколько крупных процессов: над Берией, Абакумовым, Рюминым и другими лицами. Как и в сталинские времена, судьба указанных лиц решалась, конечно же, не в прокуратуре или суде, а в ЦК партии, где предварительно обсуждались и обвинительные заключения, и меры наказания. Но если дело Берии рассматривалось в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 года (без участия сторон), то Абакумова судили 14 декабря 1954 года в Доме офицеров Ленинградского военного округа (там же, где состоялся некогда процесс по так называемому «ленинградскому делу», основным из «авторов» которого и был Абакумов). Бывший Председатель Верховного суда СССР А. А. Волин рассказывал, что он, присутствуя на заседании Секретариата ЦК партии, рассматривавшего предварительно дело Абакумова, предлагал направить его для производства дополнительного расследования, так как в нем многое было еще неясным. Однако с ним не согласились. Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко лично поддерживал обвинение по этому делу. Абакумов виновным себя не признал, сказав, что его дело было сфабриковано Кобуловым и Рюминым (последний к этому времени по приговору суда был уже расстрелян). И тем не менее Абакумов был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение немедленно, не дав подсудимому даже его обжаловать. Спустя 40 лет военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела это дело и нашла в деяниях виновного только злоупотребление властью и превышение власти при наличии особо отягчающих обстоятельств, но никак не контрреволюционное преступление.

Роман Андреевич с первых же дней своей работы в Прокуратуре СССР стал расчищать авгиевы конюшни, в которые фактически превратились органы правопорядка, да и сама законность в стране. Беззаконию и произволу надо было поставить надежный заслон. Именно он начал осуществлять мероприятия по восстановлению в своих правах прокурорского надзора после долгих лет сталинской диктатуры и произвола. И не просто восстанавливать, а создавать незыблемые гарантии законности. В своих речах, выступлениях он всегда подчеркивал необходимость единства, обязательности советских законов для всех, недопустимость противопоставления законности и целесообразности, неразрывную связь законности с культурностью. Эти идеи он проводил в жизнь, конечно, в тех пределах, которые ставились политическим руководством страны.

Одновременно решались кадровые вопросы. Но самое главное — надо было принимать новое Положение о прокурорском надзоре, так как предыдущее (принятое 19 декабря 1933 года)

давно уже устарело. К этому времени была принята Конституция СССР, целый ряд других законов, которые сделали систему органов прокуратуры более стройной. И создалось парадоксальное положение, когда прокуроры, осуществляющие надзор за законностью в стране, сами не имели законодательного документа, определяющего их права и обязанности по осуществлению этого надзора.

Проект нового Положения о прокурорском надзоре в СССР готовился при непосредственном участии Р. А. Руденко, который и докладывал его на всех заседаниях Президиума Верховного Совета СССР. Проект был предварительно одобрен ЦК КПСС, а затем тщательно изучен членами Президиума Верховного Совета СССР, его юридическим отделом и всеми президиумами верховных советов союзных республик, Верховным Судом СССР, Министерством юстиции СССР. Многие замечания и предложения были учтены. Но были и принципиальные расхождения. Например, председатель Верховного суда СССР А. А. Волин и министр юстиции СССР К. П. Горшенин предлагали исключить из проекта статью 30, устанавливающую право Генерального прокурора СССР опротестовывать постановление пленума Верховного суда СССР в Президиуме Верховного Совета СССР. На заседании Президиума Руденко доложил, что основной оппонент по этому вопросу Волин считает, что постановление пленума Верховного суда СССР не может быть опротестовано, так как это высшая судебная инстанция. «При всей авторитетности Верховного суда СССР, этой высшей судебной инстанции, мы не исключаем, что она может выносить отдельные ошибочные решения, — сказал Руденко. — Было бы неправильно считать, что раз это высшая судебная инстанция, то нет другой власти в стране, которая была бы вправе поправить эту инстанцию. У нас есть такая власть — есть Президиум Верховного Совета, который, безусловно, полномочен вносить коррективы, исправления и т. д.» Правда, Р. А. Руденко согласился с тем, что, может быть, нет необходимости опротестовывать решения пленума Верховного суда СССР, но настаивал на том, чтобы в Положении определить право Генерального прокурора СССР входить в Президиум Верховного Совета об отмене постановления пленума Верховного суда. «Мы не можем исходить из измышлений буржуазных теоретиков, которые ставят суд надо всем, как суд, ни от чего не зависящий». Он просил сохранить в Положении статью 30, хотя бы в измененной редакции.

А. А. Волин, которому было предоставлено слово сразу же после выступления Руденко, пояснил, почему Верховный суд СССР, Министерство юстиции СССР да и многие ученые-юристы

возражают против предложенного проекта статьи 30 Положения о прокурорском надзоре в СССР, считая ее порочной, не соответствующей Конституции СССР. Он подчеркнул, что принятие статьи в такой редакции означало бы, что правосудие в государстве не кончается в судебных органах и что Президиум Верховного Совета СССР наделяется судебными функциями. «Установить такое положение, чтобы законодатель издавал законы, следил за их исполнением и сам их исполнял, нельзя, — сказал Волин. — Функция законодателя более высокая, нежели функция правосудия».

После долгих дебатов в Положении о прокурорском надзоре в СССР записали, что, если Генеральный прокурор СССР находит постановление пленума Верховного суда СССР не соответствующим закону, он обязан войти по этому вопросу с представлением в Президиум Верховного Совета СССР (статья 29). Положение о прокурорском надзоре в СССР 24 мая 1955 года было утверждено указом Президиума Верховного Совета СССР, а 28 декабря того же года — и сессией Верховного Совета СССР и стало законом. Оно действовало около 25 лет, вплоть до принятия Верховным Советом СССР Закона о прокуратуре СССР (30 ноября 1979 года).

Во главе Прокуратуры Союза ССР Р. А. Руденко стоял дольше всех советских прокуроров — 27 лет. У него был классный чин действительного государственного советника юстиции, высокий авторитет среди руководителей партии и правительства. Там к его мнению всегда прислушивались.

После сталинских репрессий права и законные интересы граждан, о которых любили говорить во все времена, находились под пристальным вниманием Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко. Когда речь шла о привлечении человека к уголовной ответственности, он был предельно требовательным. Он писал: «Всякое преступление во всех его обстоятельствах должно быть расследовано наиболее всесторонне и самым объективным образом, чтобы виновность лица была исчерпывающе доказана в результате самой тщательной проверки всех возможных версий совершенного преступления. Требования закона об оценке доказательств на основе всестороннего, полного, объективного расследования всех обстоятельств дела, в их совокупности, должны строго соблюдаться».

Конечно, оценивая сейчас те или иные высказывания Р. А. Руденко по вопросам соблюдения прав граждан, нельзя забывать, что он — человек своего времени — был все же проводником генеральной линии партии. Власти требовали преследования так называемых диссидентов, тунеядцев, и он это осуществлял,

направляя против таких лиц всю мощь прокурорского аппарата. Судебные и внесудебные (административные) расправы с неугодными властям лицами происходили не без участия Генерального прокурора СССР. Об этом напоминают факты преследования А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына, процессы Бродского, Синявского и Данелия, дело о событиях в Новочеркасске и многие другие.

Руденко всегда внимательно прислушивался к голосу партийных функционеров, чутко улавливая задачи, стоящие перед страной, своевременно вносил предложения по совершенствованию действующего законодательства. Ему приходилось решать множество проблем — больших и малых. В то же время это был исключительно осторожный политик, когда дело касалось его взаимоотношений с Правительством СССР или ЦК партии. Прежде чем войти к ним с каким-либо предложением, вопрос им долго изучался и согласовывался. Особенно это относилось к самому животрепещущему вопросу — материально-техническому обеспечению работников прокуратуры, которое долгое время было очень низким. Не проходило ни одного совещания, на котором прокуроры с мест не поднимали бы эти вопросы. Оклады помощников прокуроров и следователей составляли всего 100–120 рублей (после денежной реформы 1961 года), никаких доплат за классные чины или выслугу лет и вовсе не полагалось. В районных прокуратурах не было автомашин, не хватало пишущих машинок, канцелярских принадлежностей, помещения были тесными, расположенными, как правило, в старых зданиях. Все это создавало массу неудобств.

Писатель и юрист А. А. Безуглов вспоминал, что в 1960 году, работая в газете «Советская Россия», он опубликовал статью под названием «В защиту юриста», в которой впервые в печати обнажил проблему материального обеспечения прокуроров и следователей. Статья задела за живое — на нее пришло много откликов. В газету писали даже прокуроры областей. О них Безуглов доложил главному редактору М. Ф. Стрепухову, ранее работавшего в ЦК КПСС и хорошо знавшего секретаря ЦК Суслова. Редактор посоветовал молодому журналисту позвонить Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко и предложить совместно обобщить отклики на статью и войти с ходатайством в ЦК партии. Записку прокуратуры редактор обещал лично передать Суслову.

Роман Андреевич, когда ему позвонил Безуглов, сказал: «Да, это интересно. Да, это серьезно. Надо подумать». И попросил позвонить через неделю. После вторичного звонка Безуглова Руденко почти дословно повторил все ранее сказанное. Он так и

не решился воспользоваться услугами главного редактора газеты, чтобы поставить перед ЦК партии вопрос об улучшении условий работы прокуроров. Конечно, об этой проблеме он не забывал, но и не выделял ее в число главных. Условия жизни и труда работников прокуратуры при Р. А. Руденко все же улучшались: появились машины, стали строить новые здания прокуратур, подросли оклады, ввели доплату за классные чины и т. п. Но делалось все постепенно, не торопясь, маленькими шажками.

При Романе Андреевиче Руденко прокурорский надзор наполнился новым содержанием. Важное значение приобрели вопросы укрепления законности и государственной дисциплины, усилилась борьба с правонарушениями и преступностью, при этом основной упор делался на предупреждение преступлений и искоренение причин, их порождающих, а также таких сопутствующих им социальных зол, как пьянство и наркомания. Мощный импульс получила борьба с преступностью несовершеннолетних и особенно с теми, кто подстрекает и вовлекает их в преступную деятельность. Более активно стала вестись борьба с местничеством, ведомственной ограниченностью, бюрократизмом и взяточничеством. Прокуратура повернулась лицом и к таким важнейшим проблемам, как охрана природы и окружающей среды. Расширились и укрепились связи прокуратуры с общественностью и средствами массовой информации, появились новые формы и методы пропаганды права. Прокуратура одной из первых заговорила о необходимости правового воспитания граждан и, прежде всего, молодого поколения.

Генеральному прокурору СССР пришлось по существу отстаивать процессуальную самостоятельность прокуроров и следователей, в буквальном смысле слова «биться» за следствие, когда в 1970-е годы всесильным тогда министром внутренних дел СССР Н. А. Щелоковым был поставлен вопрос об изъятии всего следствия из органов прокуратуры и передаче его в органы внутренних дел. По мере своих возможностей он противился и так называемому директивному праву, попыткам вмешательства в деятельность органов прокуратуры, что вызывало раздражение в административном отделе ЦК КПСС.

При Романе Андреевиче усилилась борьба и с таким злом, как сокрытие преступлений от учета и регистрации. В одном из своих приказов (1974 год) он потребовал от прокуроров «принципиально реагировать на каждый факт сокрытия преступлений от учета… давать острую оценку бездеятельности лиц, ответственных за организацию и осуществление прокурорского надзора за следствием и дознанием в органах

внутренних дел».

Р. А. Руденко был непримирим, когда дело касалось очищения органов прокуратуры от нечистоплотных работников, лиц, злоупотребляющих своим высоким положением. В этом отношении характерно дело, возбужденное в начале 1960-х годов в отношении большой группы работников прокуратуры и министерства внутренних дел Киргизской ССР. На скамье подсудимых оказались прокуроры, занимавшие ответственные должности в аппарате республиканской прокуратуры и прокуратуре г. Фрунзе, которые совместно с оперативными работниками республиканского министерства внутренних дел за взятки освобождали преступников от заслуженного наказания, а иногда обирали невиновных граждан, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности. Были установлены факты пьянок отдельных прокуроров, следователей и работников милиции с «преступным элементом», семейственности и панибратства во взаимоотношениях между работниками республиканского аппарата прокуратуры и милиции и их нижестоящих органов и т. п. По делу было привлечено к уголовной ответственности 30 человек, из них 17 работников прокуратуры и органов внутренних дел. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело, приговорила 7 человек к высшей мере наказания — расстрелу, а остальных — к длительным срокам лишения свободы и иным мерам.

Роман Андреевич многократно выступал с докладами и сообщениями на сессиях Верховного Совета СССР и заседаниях его Президиума, а также на многочисленных форумах юристов по самым разнообразным вопросам. Не чуждался он и судебной трибуны, поддержав государственное обвинение по ряду громких дел. В частности, в августе 1960 года выступил на заседании военной коллегии Верховного суда СССР, рассматривавшей в Москве, в Колонном зале Дома союзов дело американского летчика-шпиона Ф. Г. Пауэрса.

После Нюрнбергского процесса вопросы справедливого наказания нацистских преступников, на которых не распространялись сроки давности, всегда были в поле зрения Руденко. Он посвятил этим вопросам немало ярких выступлений в различных аудиториях. В марте 1969 года он был одним из организаторов и генеральным докладчиком на Московской международной конференции по преследованию нацистских преступников. Помимо министров юстиции, генеральных прокуроров и ученых европейских социалистических стран на этом представительном форуме выступили видные общественные

деятели Австрии, Англии, Бельгии, Греции, Дании, Италии, Нидерландов, Норвегии, ФРГ, Франции и Швеции.

Р. А. Руденко неоднократно возглавлял советские делегации на конгрессах и конференциях Международной ассоциации юристов-демократов. Он побывал во многих зарубежных странах, в том числе Венгрии, Болгарии, Германии, Монголии, Польше и других. Роман Андреевич был удостоен многих наград социалистических стран, являлся почетным доктором юридических наук Берлинского университета имени Гумбольдта (ГДР) и Карлова (Пражского) университета в Чехословакии.

На XX съезде КПСС Р. А. Руденко был избран кандидатом в члены ЦК, а на XXII–XXV съездах КПСС — членом Центрального Комитета партии. Он являлся депутатом Верховного Совета СССР нескольких созывов. Роману Андреевичу было присвоено звание Героя Социалистического труда, он награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом Трудового Красного Знамени и многими медалями.

Скончался Р. А. Руденко в январе 1981 года и похоронен на Новодевичьем кладбище. Его имя было присвоено Свердловскому юридическому институту. На здании Прокуратуры СССР, где многие годы трудился Роман Андреевич Руденко, установлена мемориальная доска.

«ЦЕНИЛ ЧЕСТНОСТЬ И ПРАВДИВОСТЬ» Прокурор республики АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ КРУГЛОВ

Алексей Андреевич Круглов родился 5 октября 1907 года в деревне Семкино Высокиничской волости Тарусского уезда Калужской губернии. Он был третьим, самым младшим, ребенком в семье крестьянина Андрея Никитича и его жены Феклы Ивановны. Сестры Мария и Пелагея были старше его на три и на два года. Отец большей частью отсутствовал — ему приходилось постоянно уезжать в Москву на заработки, и все хозяйство лежало на плечах матери. Андрей Никитич умер в 1914 году, когда сыну было всего 7 лет. До 17-летнего возраста Алексей проживал с матерью и сестрами и учился в местной школе. Работать стал с 1924 года. Первые три года он был грузчиком на подъездных путях хлопчатобумажного треста в городе Серпухове Московской области, а затем, вплоть до 1930 года, в Высокиничском леспромхозе занимался заготовкой дров.

В 1931 году комсомолец Алексей Круглов (вступил в члены ВЛКСМ в 1927 году) был мобилизован на работу в милицию. Первое время он состоял младшим милиционером, а чуть позднее — участковым инспектором в отделении милиции Угодско-Заводского района Калужской области. На следующий год его повысили в должности — в том же районе он стал начальником отделения исправительно-трудовых работ. Вскоре инициативного, очень оперативного и любознательного милиционера приметили в прокуратуре и пригласили на следственную работу. Начиная с 1932 года в течение последующих семи лет Алексей Андреевич служил народным следователем в различных районах Калужской и Московской областей: Угодско-Заводском, Воловском, Михневском, Детчинском и Красногорском.

Работалось трудно — сказывалось отсутствие юридических знаний. Поэтому, когда появилась возможность, он стал учиться. В сентябре 1934 года Круглов был направлен на Московские областные юридические курсы Наркомюста РСФСР. Они располагались в то время в Москве, на улице Воровского. В течение шести месяцев он постигал премудрости уголовного,

уголовно-процессуального, хозяйственного, колхозного, трудового законодательства, изучал методику и тактику расследования преступлений и другие специальные дисциплины, проходил практику в народном суде и прокуратуре. В марте 1935 года курсы были окончены. И вновь он окунулся в будни напряженной, но интересной и захватывающей следственной работы.

В 1939 году А. А. Круглова взяли на работу в аппарат прокуратуры Московской области, предоставив ему вначале должность прокурора уголовно-судебного отдела, а затем следственного. В характеристиках Круглова, относящихся к тому периоду, неизменно отмечалось, что он инициативен, энергичен, дисциплинирован, политически и юридически грамотен, обладает большим опытом работы. Именно эти качества Алексея Андреевича позволили прокурору Московской области Болдыреву рекомендовать его на должность начальника уголовно-судебного отдела, так как надзор за рассмотрением в суда х уголовных дел находился тогда, как отмечалось в многочисленных справках, «на низком уровне». Такое назначение состоялось 22 августа 1942 года. А. А. Круглов, учитывая обстоятельства военного времени, сразу же принял энергичные меры к исправлению положения дел на этом важнейшем участке, провел целый ряд организационных мероприятий. Уже первые месяцы его работы показали, что судебный надзор в прокуратуре области усилился, значительно больше дел стало рассматриваться с участием прокуроров (а это обеспечивало законность приговоров), чаще стали проводиться процессы с выездом на предприятия и в колхозы. Городским и районным прокурорам оказывалась теперь более действенная практическая и методическая помощь, их деятельность постоянно изучалась и контролировалась. При необходимости, А. А. Круглов вызывал прокуроров на личные собеседования, проводил с ними оперативные совещания. Это способствовало тому, что районные прокуроры стали чаще опротестовывать незаконные приговоры по уголовным делам, не допускать необоснованного осуждения лиц.

Уголовно-судебный отдел под руководством Круглова постоянно изучал практику рассмотрения в суда х уголовных дел о хищениях, нарушениях трудовой дисциплины (что во время войны было очень актуально) и другим проблемам. По результатам вносились аргументированные представления в исполком Московского областного Совета депутатов трудящихся, в управление Наркомюста РСФСР по Московской области и Народный комиссариат юстиции республики. А. А. Круглову приходилось часто поддерживать обвинение по уголовным делам в первой инстанции Московского областного суда, выступать с

сообщениями и докладами на совещаниях прокурорских и судебных работников.

В октябре 1943 года, когда в органах прокуратуры впервые установили классные чины, Алексей Андреевич, окончивший к этому времени два курса Всесоюзной правовой академии, был представлен прокурором области к классному чину советника юстиции. Однако аттестационная комиссия при Прокуроре РСФСР, предварительно рассматривавшая этот вопрос, посчитала, что ему полагается только чин младшего советника юстиции, что и было оформлено приказом Прокурора Союза ССР от 5 ноября 1943 года. Чин советника юстиции (то есть подполковника) он получил только в июле следующего года.

В ноябре 1944 года Болдырев, по согласованию с Московским комитетом ВКП(б), направил Прокурору РСФСР А. А. Волину представление о назначении А. А. Круглова заместителем прокурора области по общим вопросам. Это предложение Волиным было поддержано и, соответствующий вопрос был поставлен Прокурором Союза ССР К. П. Горшениным перед секретарем ЦК ВКП(б) Г. М. Маленковым, так как должность заместителя прокурора области входила уже в номенклатуру Центрального Комитета. Получив «добро» от ЦК ВКП(б) (решение от 25 декабря 1944 года), Горшенин издал приказ о назначении А. А. Круглова на новую высокую должность. На Алексея Андреевича было возложено, в основном, руководство группой по делам несовершеннолетних и гражданско-судебным отделом.

Работа по предупреждению детской безнадзорности и беспризорности была тогда наиболее актуальной. Сотни тысяч обездоленных войной детей и подростков, потерявших своих родителей, скитались по стране, нередко совершая тяжкие преступления. А. А. Круглов организовал ряд серьезных проверок выполнения постановлений Совнаркома СССР об устройстве детей, оставшихся без родителей, о борьбе с разбазариванием продуктов в детских учреждениях и по другим важнейшим проблемам, направленным на защиту прав несовершеннолетних. По выявленным нарушениям им вносились представления в советские и хозяйственные органы, информировался обком партии. Он много внимания уделял повышению качества расследования уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

В должности заместителя прокурора Московской области Алексей Андреевич работал около трех лет. В характеристике, данной ему прокурором области, отмечалось, что он является «квалифицированным и опытным прокурорским работником, в работе инициативен и дисциплинирован». За достигнутые на этом

поприще успехи он был награжден орденами «Знак Почета» (март 1945 года), Трудового Красного Знамени (май 1947 года), несколькими медалями, не раз поощрялся Прокурором РСФСР и Прокурором СССР.

Через два года после окончания Великой Отечественной войны, 17 сентября 1947 года, А. А. Круглов был назначен заместителем начальника отдела по спецделам Прокуратуры Союза ССР. На этом посту он руководил работой прокуратур республик, краев и областей по расследованию и рассмотрению в суда х дел о так называемых контрреволюционных преступлениях (статья 58 Уголовного кодекса РСФСР), а с июля 1948 года стал осуществлять надзор за рассмотрением дел в Особых совещаниях и за расследованием дел, которые вели следователи центрального аппарата Министерства государственной безопасности СССР. Фактически же никакого надзора тогда за политическими делами не было. Прокуроры, как признавался бывший Генеральный прокурор СССР Г. Н. Сафонов, лишь проштамповывали постановления и обвинительные заключения, составленные в недрах бериевских ведомств. Массовые нарушения законности здесь стали нормой. Приведем в подтверждение несколько официальных цифр. За первую половину 1949 года группой прокуроров, которой руководил А. А. Круглов, были даны заключения на Особых совещаниях по 5352 делам и рассмотрено 5581 уголовное дело, а внесено всего лишь 13 протестов.

Тем не менее в те годы работа А. А. Круглова получила хорошую оценку руководителей Прокуратуры Союза ССР. В июне 1949 года его выдвинули на солидную должность, доверив пост прокурора Московской области. К этому времени он закончил обучение во Всесоюзном юридическом заочном институте, куда перевелся из правовой академии, и готовился к государственным экзаменам (диплом получил в 1952 году).

В течение пяти лет А. А. Круглов возглавлял прокуратуру Московской области. Он получил чин государственного советника юстиции 3-го класса (август 1949 года), а в 1951 году приказом Генерального прокурора СССР Сафонова был награжден именными золотыми часами.

13 апреля 1954 года Генеральный прокурор Союза ССР Р. А. Руденко (после предварительного решения ЦК КПСС) назначил Алексея Андреевича Прокурором РСФСР сроком на пять лет. Одновременно с этим ему был присвоен чин государственного советника юстиции 2-го класса.

Это было время, когда в стране принимались меры по восстановлению законности и правопорядка, преодолению последствий сталинщины. Необходимо было повысить авторитет

органов прокуратуры, усилить надзор за государственными органами, ведомствами и общественными организациями и, особенно, за органами, осуществляющими борьбу с так называемыми контрреволюционными преступлениями. Много негативных явлений было тогда и в аппарате прокуратуры республики, которые необходимо было срочно устранить. Прежде всего приучить прокуроров к неприятию каких-либо отступлений от закона, заставить их думать прежде всего о человеке и его судьбе. Инертности в работе республиканского аппарата тогда еще хватало. Поэтому А. А. Круглов обратил особое внимание на укрепление кадрового состава прокуратуры. Он смело выдвигал на ответственные посты молодых, инициативных людей, контролируя их работу.

В личных отношениях Алексей Андреевич был, по отзывам знавших его людей, общительным, простым и доступным. В то же время он был очень строгим со своими подчиненными, требуя своевременного, точного и безупречного выполнения всех заданий и поручений. Его критические замечания были подчас резки и остры, но никто не мог пожаловаться на то, что они были несправедливы. Сам он работал всегда исключительно много — к этому он привык за годы войны и трудные послевоенные годы, когда нельзя было ни на минуту расслабляться.

Среди других важных забот прокурора республики Круглова на одном из первых мест стояла начавшаяся реабилитация необоснованно репрессированных лиц и членов их семей, восстановление, насколько это было тогда возможно, их законных прав и интересов. Благодаря ему, были восстановлены добрые имена многих людей, безвинно пострадавших в годы культа личности.

А. А. Круглов быстро подхватывал все то новое, что внедряла тогда Прокуратура Союза ССР в практику работы: связи с общественностью, отчеты прокуроров на сессиях и перед трудовыми коллективами, выезды на места с оказанием практической помощи и т. п. «А. Круглов был нетерпим к малейшим проявлениям очковтирательства и приукрашивания положения дел на местах, — писал старейший работник органов прокуратуры И. Осипенко. — Вспоминается такой факт. Прокурор одной из областей, выступая на коллегии с отчетом, утаил, что в тюрьме находятся два человека с нарушением установленных законом сроков. Даже когда его прямо спросили об этом, стал отрицать. Тогда Круглов внес предложение провести проверку. Было установлено, что двое подследственных содержались в тюрьме свыше двух месяцев без соответствующей санкции. Этот факт стал предметом повторного обсуждения на коллегии

Прокуратуры РСФСР и получил острую оценку. Прокурор области понес строгое наказание».

В ноябре 1959 года А. А. Круглов был утвержден в должности прокурора республики на второй конституционный срок и стал государственным советником юстиции 1-го класса (генерал-полковником). В октябре 1957 года, в связи с 50-летием со дня рождения, его наградили вторым орденом Трудового Красного Знамени.

19 августа 1963 года А. А. Круглов был освобожден от должности прокурора республики. На заседании коллегии Прокуратуры Союза ССР, рассматривавшей этот вопрос, Р. А. Руденко доложил, что Алексей Андреевич утвержден председателем юридической комиссии при Совете Министров РСФСР (созданной при Н. С. Хрущеве вместо Министерства юстиции РСФСР). Исполнение обязанностей Прокурора РСФСР было возложено на Б. В. Кравцова.

В юридической комиссии Круглов работал все так же ответственно и напряженно. Большое внимание им уделялось кодификации и систематизации российского законодательства. Под его редакцией было подготовлено и издано «Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР» в 15 томах, где нашли отражение все нормативные акты республики, принятые с 1917 по 1969 год. Он редактировал также «Справочник по законодательству для исполкомов Советов депутатов трудящихся» и другую юридическую литературу, подготовленную аппаратом комиссии, часто выступал со статьями и заметками по различным вопросам права в периодической печати.

Когда вновь было воссоздано Министерство юстиции РСФСР (1970 год), места в нем для А. А. Круглова не оказалось, и он вышел в отставку.

Работавший вместе с Алексеем Андреевичем Кругловым более 17 лет в Прокуратуре РСФСР и юридической комиссии И. Осипенко вспоминал: «Никогда он не допускал поверхностного, легкого подхода к решению вопросов. Глубокий анализ, законность, юридическая грамотность — главные условия, которые, по его мнению, должны были сопутствовать рассмотрению любого дела. Меня восхищало то, как хорошо он понимал людей. Алексей Андреевич очень ценил в сотрудниках честность и правдивость, но строго поступал с теми, кто проявлял двуличие и безнравственность. Скромный и требовательный к себе, он умел ценить и беречь добросовестных работников».

А. А. Круглов был женат дважды, вначале на Екатерине Ивановне, а затем на Марии Павловне, урожденной Мартыновой.

От этих браков у него было трое детей: сыновья Анатолий и Владимир, а также дочь Лидия.

Скончался Алексей Андреевич Круглов в 1974 году.

«ТРЕБОВАТЕЛЕН К СЕБЕ И ПОДЧИНЕННЫМ»
Прокурор республики ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ БЛИНОВ

Владимир Михайлович Блинов родился 19 февраля 1918 года в Иваново-Вознесенске в рабочей семье. Его отец, Михаил Григорьевич, работал слесарем на текстильной фабрике «Компания». Там же трудилась ткачихой и мать, Пелагея Николаевна, урожденная Касаткина. После Октябрьской революции Михаил Григорьевич сменил профессию. Обладавший разносторонними талантами, он стал выступать на сцене, а затем до конца своей жизни (умер в 1959 году) работал в сфере культуры: был администратором, режиссером и директором в различных театрах страны.

Владимир Блинов учился в школе-семилетке, после окончания которой в 1933 году поступил в Ивановский энергетический техникум. Получив в 1937 году специальность техника-электрика, он тем не менее работать на производство не пошел, а выбрал для себя военную стезю. По просьбе юноши ЦК ВЛКСМ направил его на учебу в Ленинград, в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, которое он окончил весной 1941 года. С самого начала Великой Отечественной войны В. М. Блинов находился на фронте, командуя подразделением в частях Краснознаменного Балтийского флота и ротой морской пехоты на Северо-Западном фронте. После тяжелого ранения, полученного в 1943 году, он длительное время лечился в госпиталях Иванова и Ярославля. Выйдя оттуда инвалидом 3-й группы, Владимир Михайлович первое время работал начальником пионерского лагеря, а в конце 1943 года его назначили заместителем директора Ивановской трикотажно-красильной фабрики. В следующем году он возглавил жилищное управление Фрунзенского района города Иваново.

В 1945 году ЦК ВЛКСМ направил молодого коммуниста (Блинов только что вступил в партию) на комсомольскую работу в Молдавию. Там он некоторое время возглавлял Дубоссарский райком комсомола, а затем стал руководить оргинструкторским отделом Дубоссарского райкома партии. В 1946 году его наградили орденом Отечественной войны 2-й степени.

Спустя два года В. М. Блинов снова вернулся в Иваново. Первое время он занимал незаметную должность помощника

директора по культурно-воспитательной работе ремесленного железнодорожного училища № 1. Однако уже в 1949 году он вновь попадает в «партийную номенклатурную обойму». Ему поручили руководить отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Ленинского райкома партии города Иваново. Через некоторое время повысили — взяли инструктором аналогичного отдела в Ивановский обком ВКП(б). В аппарате обкома он пробыл десять лет, проходя одну за другой ступеньки партийной иерархии: был заместителем заведующего и заведующим различных отделов. В 1953 году В. М. Блинов поступил во Всесоюзный юридический заочный институт и, спустя пять лет, успешно его окончил.

В 1959 году дипломированного юриста выдвинули на работу в аппарат ЦК КПСС, где он стал заведующим сектором административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР, а впоследствии — заместителем заведующего этого отдела.

29 ноября 1963 года Владимир Михайлович Блинов был назначен Прокурором РСФСР сроком на пять лет, одновременно возглавив и коллегию прокуратуры республики. Ему сразу же был присвоен чин государственного советника юстиции 1-го класса. На столь высокой должности он прослужил около семи лет. За это время стал членом коллегии Прокуратуры Союза ССР (1966 год), депутатом Верховного Совета РСФСР (1967 год), получил орден Трудового Красного Знамени (1967 год), неоднократно поощрялся Генеральным прокурором СССР.

В. М. Блинов начал руководить республиканской прокуратурой в то время, когда существенно изменилось уголовное и гражданское законодательство, стали действовать новые кодексы РСФСР. Приходилось изживать старые, накопившиеся годами недочеты, с которыми не успели справиться его предшественники. Прокуратура Союза ССР в то время отмечала, что основными недостатками в уголовной практике были ничем не оправданные крайности и шараханья в применении мер наказания. В одних местах применялось лишение свободы чуть ли не за все преступления, в том числе за малоопасные, в других, напротив, — либерально подходили даже к очень опасным преступникам, освобождая их от ответственности. Многие прокуроры недооценивали большое воспитательное и предупредительное значение публичных судебных процессов, проводимых непосредственно на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах с участием государственных обвинителей и представителей общественности. Особенно неблагополучно обстояло дело с работой следственного

аппарата, органов дознания и розыска. Низкая раскрываемость преступлений, волокита в проведении следственных и розыскных мероприятий, низкое качество расследования — были настоящим бичом тех лет. Руководители органов прокуратуры проходили мимо грубейших нарушений законности, допускали необоснованные аресты и осуждения граждан.

Со всеми этими да и другими многочисленными болячками надо было бороться новому прокурору республики. Для этого приходилось в ряде случаев принимать довольно строгие меры. Так, в феврале 1964 года В. М. Блинов издал приказ «О безответственном отношении некоторых работников аппарата Прокуратуры РСФСР к рассмотрению жалоб и уголовных дел». Основанием для его принятия послужили вопиющие факты, когда в Коми АССР невиновные лица были привлечены к уголовной ответственности за убийство и осуждены: Л. к высшей мере наказания — расстрелу, а П. — к длительному сроку лишения свободы. Как показало дополнительное расследование, это обвинение было основано на фальсифицированных доказательствах. Впоследствии Л. и П. из-под стражи освободили, и их дело было прекращено. Аналогичные факты имели место и по другим делам.

За фальсификацию доказательств некоторых работников прокуратуры и органов внутренних дел отдали под суд. Блинов посчитал, что в неправосудном приговоре во многом повинны и сотрудники аппарата прокуратуры республики, которые, занимаясь надзором за расследованием, не обратили внимание на сигналы о «подтасовке». А ведь о них сообщали не только подследственные, но даже и прокурор Печерского района. Блинов снял с работы одного прокурора следственного управления Прокуратуры РСФСР и наказал других.

Владимир Михайлович был строг и к тем, кто использовал свое служебное положение не в целях защиты закона. Однажды в прокуратуру республики поступило сообщение из Главрыбвода о неправильном поведении одного из районных прокуроров Якутской АССР. Было установлено, что прокурор с большой группой лиц участвовал в хищническом отлове рыбы, применяя запрещенные орудия лова. Задержанный инспекторами рыбоохраны, он вместе со всеми соучастниками был оштрафован на 10 рублей. Обиженный такой «несправедливостью» прокурор, используя свое влияние, добился в народном суде освобождения от уплаты штрафа. Когда служебная проверка подтвердила все эти факты, Блинов снял прокурора с работы, а прокурору автономной республики объявил выговор.

Следует заметить, что только за первый год руководства

Блиновым прокуратурой республики из ее органов за аморальные поступки и нарушения законности было уволено более 170 человек, а некоторые прокуроры и следователи сами попали под суд за взятки и злоупотребления служебным положением.

На одном из заседаний коллегии Прокуратуры РСФСР, состоявшемся в июне 1964 года, отмечалось, что прокуроры ряда областей, краев и автономных республик не уделяют должного внимания работе с кадрами, увлекаются администрированием, не дают острой оценки фактам недостойного поведения подчиненных. Аттестование порой проводится формально. Незнание людей и отсутствие резерва приводит к поспешному выдвижению недостаточно подготовленных и проверенных работников, которые допускают грубые ошибки и провалы в своей деятельности.

В целях повышения культуры в работе аппарата прокуратуры республики и привлечения более широкого круга прокуроров и следователей к решению этой задачи, В. М. Блинов своим приказом утвердил новый состав методического совета при Прокуратуре РСФСР, поставив во главе его своего заместителя Н. А. Горшеневу (в дальнейшим им стал руководить первый заместитель прокурора республики Б. В. Кравцов).

На коллегии Прокуратуры РСФСР уже в первые годы, по инициативе Блинова, были заслушаны самые разнообразные вопросы: о состоянии и мерах по улучшению прокурорского надзора за соблюдением законности в органах следствия и дознания, о культуре в работе аппарата, о результатах изучения представлений, вносимых следователями и прокурорами по уголовным делам, о разрешении жалоб о порочащих поступках прокурорско-следственных работников, о результатах обобщения работы по подготовке резерва для выдвижения в прокуратурах автономных республик, краев и областей и другие.

После принятия ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановления от 23 июля 1966 года «О мерах по усилению борьбы с преступностью» прокурор республики В. М. Блинов провел целый комплекс мероприятий, направленных на его выполнение. Основное внимание уделили работе на местах. Углубленные проверки работы прокуратур проводили заместители Прокурора РСФСР Кравцов, Шейкин, Горшенева. Только во втором полугодии 1966 года выезды были осуществлены в прокуратуры Чувашской и Удмуртской АССР, Кировской, Калининской, Новосибирской, Курганской и других областей.

В характеристиках и аттестациях В. М. Блинова неизменно отмечалось, что он «зарекомендовал себя энергичным и

инициативным прокурором, обладает необходимой принципиальностью и настойчивостью, умеет мобилизовать подчиненных на выполнение задач по борьбе с преступностью и нарушениями законности. Правильно строит свои взаимоотношения с коллективом прокуратуры республики и прокурорами автономных республик, краев и областей, требователен к себе и подчиненным, пользуется авторитетом».

Одновременно с выполнением ответственных прокурорских функций Блинов активно занимался и научной работой. Он являлся автором многих актуальных статей по вопросам права и правоприменительной деятельности, входил в редакцию журнала «Социалистическая законность».

В сентябре 1970 года Владимир Михайлович был освобожден от должности прокурора республики, в связи с назначением его на пост министра юстиции РСФСР. В органах юстиции он прослужил 14 лет.

Люди, хорошо знавшие В. М. Блинова и работавшие под его руководством в прокуратуре республики или Министерстве юстиции, отмечали его высокий профессионализм, умение правильно организовать работу, высокую требовательность за выполнение всех поручений. У него был цепкий ум и хорошая память. Своих сотрудников, даже молодых и только что назначенных на должность, знал по именам и фамилиям, интересовался их учебой, жизнью. Но в нем наиболее ярко проявились и все замашки партийного функционера, выработанные годами аппаратной работы в ЦК КПСС. Он держал своих подчиненных, что называется «в черном теле», не позволяя им расслабиться ни на минуту, строго следил за дисциплиной и порядком. При нем праздные «шатания» по коридору были невозможны. Не считал он зазорным для себя по утрам иногда стоять в дверях прокуратуры или минюста, «подкарауливая» опаздывающих сотрудников. Он даже заставлял всех ежедневно заниматься по десять минут производственной гимнастикой. В разговоре с подчиненными мог допустить резкость, даже грубость.

В 1984 году В. М. Блинов вышел в отставку, но еще несколько лет занимался педагогической и научной деятельностью, будучи доцентом Всесоюзного юридического заочного института.

Владимир Михайлович был женат на Александре Дмитриевне, от этого брака имел дочь Татьяну.

Скончался В. М. Блинов в 1990 году.

«ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ»
Генеральный прокурор Союза ССР
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ РЕКУНКОВ

Александр Михайлович Рекунков родился 27 октября 1920 года на хуторе Стоговский Верхнедонского района Ростовской области. Его отец, Михаил Иванович, и мать, Евдокия Абрамовна, которым тогда было по 19 лет, вели крестьянское хозяйство и по своему достатку причислялись к середнякам. Вскоре после рождения сына Михаила Ивановича призвали в армию. Демобилизовавшись, он занялся сельским хозяйством, а в 1929 году после коллективизации вступил в колхоз. С 1932 года он стал работать токарем на Казанской машинно-тракторной станции. Евдокия Абрамовна вела домашнее хозяйство. В 1926 году у них родился второй сын, Иван.

Александр Рекунков учился в средней школе в станице Казанская, после ее окончания решил связать свою судьбу с армией. В 1939 году Верхнедонской райвоенкомат направил его в Тбилиси, в артиллерийское училище. Более года молодой курсант постигал военную премудрость, здесь же вступил в партию и, вероятно, стал бы вскоре офицером, но в декабре 1940 года заболел и ему пришлось оставить училище. В течение двух месяцев Александр Рекунков лечился в санатории тихого старинного русского городка Троицк в Челябинской области и, чуть только оправился от болезни, сразу возвратился к родителям в свою станицу.

В марте 1941 года райком партии рекомендовал Александра Рекункова на комсомольскую работу — заведующим отделом учета Верхнедонского РК ВЛКСМ. На этой должности он пробыл всего три месяца, и в июне того же года возглавил районный совет Осоавиахима. В октябре его призвали на службу в Красную Армию и назначили инструктором Всеобуча Верхнедонского военкомата, а вслед за тем повысили — он стал начальником 2-й части. В военном комиссариате Александр Рекунков задержался более двух лет. Шла война, и он всей душой стремился на фронт. Наконец, в феврале 1944 года он попал в 336-й гвардейский стрелковый полк 120-й гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в 3-ю армию 2-го Белорусского фронта.

Александр Рекунков командовал взводом, ротой и батальоном. С боями прошел Польшу и Восточную Пруссию. Насколько храбро и отважно сражался с врагами Александр Михайлович, можно судить по его боевым наградам. В течение только 1944 года молодой командир получил один за другим четыре ордена: два Отечественной войны 2-й степени (июнь и август), Отечественной войны 1-й степени (октябрь) и Красной Звезды (декабрь). Война для Александра Рекункова закончилась ровно через год поле того, как он попал на фронт — в феврале 1945 года. Тяжелое ранение вывело его из боевого строя. Лечился он в госпитале в станице Рачейка Куйбышевской области, откуда выписался в начале лета инвалидом 2-й группы. К его боевым наградам за это время добавились еще две медали: «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией».

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны Александр Михайлович Рекунков женился на Антонине Ивановне (урожденной Сучковой), с которой познакомился в госпитале. В 1946 году у них родилась дочь Наталья, а в 1958 году — сын Владимир.

После госпиталя Александр Рекунков поехал долечиваться к себе на родину. Послевоенная жизнь была тяжелой, поэтому долго лечиться ему не пришлось. В августе 1945 года боевой офицер по рекомендации Верхнедонского райкома партии был направлен на работу в органы прокуратуры. А. М. Рекунков стал помощником прокурора Верхнедонского района Ростовской области. С этого времени вся его жизнь была связана с деятельностью органов прокуратуры. Он прошел большой и славный путь от помощника районного прокурора до Генерального Прокурора Союза ССР, отдав бескорыстному служению закону полвека.

Вспоминая те далекие годы, Александр Михайлович говорил:

«В августе 1945 года я, как и многие мои сверстники,

прошедшие тяжкие годы войны, пришел в прокуратуру и попал, как иногда говорят, на другой фронт — борьбы с преступностью и другими нарушениями законности. Обстановка была сложной. Но помогала фронтовая закалка.

Наше поколение составило в те годы ядро прокурорских кадров, тот золотой фонд, который задавал тон в работе. Мы привыкли проявлять инициативу, быть решительными, брать ответственность на себя, не прячась за спины подчиненных или начальства, добиваться положительных результатов, и если убеждены в правоте, отстаивать дело до конца. Привыкли к дисциплине, что не означало слепого и бездумного подчинения, к порядку во всем — в отношениях к людям, к делу, а также, считаю уместным это сказать, к имуществу, к содержанию помещения. Даже внешний вид здания, чистота и порядок в нем создают определенное впечатление о стиле работы… Вспоминаю, как мы старались держать в чистоте здание моей первой районной прокуратуры… Запомнилась даже такая деталь: посетители, приходя в прокуратуру, снимали галоши еще в вестибюле и шли по коридору в чистой обуви. Граждане проникались уважением к учреждению, его сотрудникам. С другой стороны, и работников прокуратуры это обязывало быть собранными, внимательными, чуткими, что обеспечивало доверительный тон разговора, утверждало уверенность, что здесь найдешь защиту».

С самого начала работы в прокуратуре А. М. Рекунков остро ощутил отсутствие профессиональных знаний. Поэтому, почти сразу же после назначения, он поступил на трехмесячные курсы при Ростовской юридической школе, а в 1946 году — в Ростовский филиал Всесоюзного юридического заочного института, который окончил в 1952 году, сдав государственные экзамены на отлично.

28 декабря 1946 года А. М. Рекунков был переведен на должность помощника прокурора Целинского района. Он выступал в суде: по уголовным делам в качестве государственного обвинителя, по гражданским — давал заключения, готовил протесты на неправосудные приговоры, надзирал за расследованием дел, проверял обоснованность задержания подозреваемых в преступлениях лиц в камерах предварительного заключения, вел прием и рассматривал жалобы граждан и занимался другой работой.

В октябре 1947 года Александра Михайловича назначили на самостоятельную работу — прокурором небольшого Константиновского района Ростовской области. Характер его деятельности несколько изменился. Теперь надо было не только

осуществлять надзорные функции, но и правильно организовать работу коллектива, самому принимать ответственные решения, давать санкции на арест людей. Как правило, он всегда лично допрашивал подозреваемых, перед тем как решить, отправлять их в тюрьму или нет. Много времени отнимала общенадзорная работа: проверки на предприятиях и в организациях, в колхозах и на машинно-тракторных станциях, выступления перед населением и в трудовых коллективах. Он участвовал в заседаниях исполкома райсовета, когда нужно — опротестовывал их незаконные решения. Много поручений стало и по партийной линии, ведь он был членом райкома партии. Так что ни одной свободной минуты не оставалось.

Прокурора Ростовской области Полозкова работа А. М. Рекункова вполне устраивала, и он зачислил его в резерв на выдвижение. Спустя пять лет, Рекунков возглавил прокуратуру более крупного района той же области, Азовского. Он все так же был решителен и инициативен, строг и требователен к нарушителям закона. Он не давал спуску никому и карал, невзирая на должности. Известно, что в советское время партия была «руководящей и направляющей» силой общества, а авторитет партийцев, входивших в бюро даже районного комитета — непререкаем. Они всегда и во всем диктовали свои условия. Редко кто из прокуроров отваживался вступать с ними в открытую борьбу. А Рекунков, став прокурором Азовского района, не побоялся возбудить против некоторых членов бюро райкома уголовное дело, обвиняя их в хищениях. На такой шаг не всегда отваживались даже опытные областные прокуроры. Началось давление, звонки в Прокуратуру Союза ССР, откуда приехала специальная бригада во главе с заместителем Генерального прокурора СССР Н. И. Хохловым. Представительная комиссия признала, что дело было возбуждено обоснованно. Однако до суда Рекунков это дело не довел. После смерти Сталина была объявлена широкая амнистия, и его пришлось прекратить. Но виновные все же понесли наказание — они были исключены из партии.

Горячность молодого прокурора иногда его подводила. В октябре 1953 года прокурор Ростовской области Иванов в своем приказе указал ему на то, что он «несерьезно относится к привлечению граждан к судебной ответственности». Поводом для такого «разноса» послужило прекращение уголовного дела в отношении двух возчиков угля, арестованных Рекунковым, а также оправдание судом троих граждан, обвинявшихся в хищениях. Однако такие случаи в практике А. М. Рекункова были крайне редки.

Несмотря на случавшиеся отдельные «проколы», Рекунков твердо руководил районной прокуратурой. Новый прокурор Ростовской области Иванов был о нем самого хорошего мнения, считая грамотным юристом и квалифицированным прокурором, дисциплинированным, инициативным и принципиальным. Поэтому не случайно Рекункова, набравшего солидный опыт работы в 1958 году назначили заместителем прокурора Брянской области. А уже через два года он возглавил эту прокуратуру. Распределяя обязанности, Александр Михайлович оставил за собой самые ответственные участки: руководство отелами общего надзора, по надзору за рассмотрением в суда х уголовных и гражданских дел, а также за исполнением законов по делам несовершеннолетних и в местах лишения свободы.

В 1966 году А. М. Рекункова перевели на должность прокурора Воронежской области. И здесь ему не раз приходилось проявлять характер. Во время одного из заседаний бюро обкома партии, на котором делал сообщение Рекунков, некоторые лица попытались оказать на него давление, требуя прекращения неприятного для руководства области уголовного дела. Когда Александр Михайлович исчерпал все доводы, приведенные в обоснование позиции следствия, но так и не смог убедить членов бюро, что дело надо расследовать до конца, то он встал, положил на стол перед первым секретарем обкома это дело и заявил, что если они так считают, то пусть ведут следствие по этому делу сами. Демарш произвел впечатление, и после этого случая никто уже не пытался так откровенно нажимать на прокурора области.

Прокурором Воронежской области А. М. Рекунков пробыл один конституционный срок, получив за работу орден Трудового Красного Знамени, а затем был переведен в центральный аппарат на должность первого заместителя прокурора республики. Одновременно он стал и членом коллегии Прокуратуры РСФСР. В аппарате он осуществлял контроль за работой отдела по надзору за рассмотрением в суда х уголовных дел, а также хозяйственного и финансового отделов и многое сделал для улучшения их деятельности. По наиболее сложным и актуальным делам он сам поддерживал государственное обвинение в Верховном Суде РСФСР. Часто выезжал в регионы с проверками и для оказания практической помощи. Не раз руководил семинарами городских и районных прокуроров, различными совещаниями. Он был членом редакционной коллегии журнала «Советская юстиция». В 1970 году указом Президиума Верховного Совета РСФСР ему было присвоено звание «Заслуженный юрист РСФСР», а через два года за заслуги в укреплении законности и правопорядка вручен второй орден Трудового Красного Знамени.

В 1976 году Генеральный прокурор Союза ССР Р. А. Руденко назначил Александра Михайловича своим первым заместителем. После смерти Р. А. Руденко указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1981 года А. М. Рекунков был назначен Генеральным Прокурором Союза ССР. В тот же день ему присвоен классный чин действительного государственного советника юстиции.

А. М. Рекункову пришлось руководить органами прокуратуры после принятия очень важного для нее закона «О прокуратуре СССР», который значительно расширил функции и полномочия прокуроров. Заканчивалось так называемое застойное время — время взяточничества и коррупции. После смерти Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева появилась возможность возбудить и провести расследования по целому ряду дел, вызвавших большой общественный резонанс, например, таких как «краснодарское дело». Характерен для этого времени эпизод, рассказанный писателем А. А. Безугловым со слов бывшего начальника следственной части Прокуратуры Союза ССР Г. П. Каракозова. Когда заканчивалось это «краснодарское дело» и Каракозов докладывал о нем Генеральному прокурору СССР А. М. Рекункову, то Александр Михайлович сказал ему, что теперь пора заняться «ставропольским делом». Каракозов заявил, что по «краснодарскому делу» нужно кое-что доделать. Решение о возбуждении громкого дела по Ставропольскому краю тогда не состоялось. Спустя несколько месяцев, когда секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству был избран М. С. Горбачев, бывший до этого первым секретарем Ставропольского крайкома партии, А. М. Рекунков, встретив Г. П. Каракозова сказал: «Ну, ты что же, как в воду смотрел», имея в виду, что тот не согласился возбуждать уголовное дело по Ставропольскому краю.

Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков провел сотни коллегий, совещаний, активов, координационных заседаний и других мероприятий, направленных на укрепление законности и правопорядка в стране, усиление прокурорского надзора во всех сферах деятельности. Им были подписаны многие основополагающие приказы и указания о коренной перестройке деятельности органов прокуратуры на всех участках, в том числе, о надзоре за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел в суда х, о подборе, расстановке, профессиональной подготовке и воспитании кадров, о повышении роли общего надзора в обеспечении социалистической законности и другие. При нем было введено и «Обязательство работника советской прокуратуры», которое стало приниматься в торжественной обстановке, в условиях широкой гласности.

За время руководства Рекунковым органами прокуратуры были проведены глобальные проверки во всех ведущих союзных министерствах и ведомствах, комплексно изучена работа прокуратур всех союзных республик, многих автономных республик, краев и областей, с заслушиванием результатов на заседаниях коллегии Прокуратуры СССР. А. М. Рекунков неоднократно выступал с сообщениями на сессиях Верховного Совета СССР и отчитывался о проделанной работе перед его Президиумом. Он контролировал все «громкие» дела.

В конце апреля 1986 года произошла авария на Чернобыльской атомной электростанции, ставшая первой крупномасштабной радиационной аварией в истории мировой атомной энергетики. Тепловой взрыв повлек гибель работников, привел к радиационному облучению значительного количества людей, загрязнению большой территории страны. По этому трагическому событию прокуратурой сразу же было возбуждено уголовное дело. Для решения многих сложных задач, возникших после аварии, была создана вахтовая прокуратура Чернобыльского района, которая занималась надзором за исполнением законодательства об охране здоровья граждан, работающих или проживающих в зоне аварии, о выплате им компенсаций и предоставлении льгот. Прокуратура проделала большую работу. Только за два первых года было проведено почти 200 проверок, по требованию прокуроров к дисциплинарной и материальной ответственности привлечено почти 500 человек, направлены сотни представлений, информаций, предписаний и предостережений должностным лицам, отвечающим за ликвидацию последствий аварии. За грубые нарушения правил ядерной безопасности привлечены к уголовной ответственности и осуждены директор и главный инженер Чернобыльской атомной электростанции и другие виновные (всего 6 человек). Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков держал под неослабным вниманием все проводимые прокуратурой мероприятия.

Александр Михайлович с большим энтузиазмом воспринял идеи перестройки. Он искренне желал перемен и требовал от своих подчиненных творческого переосмысления пройденного пути, коренного изменения форм, стиля и методов работы. В его выступлениях последних лет часто звучали жесткие нотки, острая критика в адрес тех, кто не хотел (или не умел) работать по-новому. На расширенном заседании коллегии Прокуратуры СССР в июле 1987 года он, например, говорил: «Оглядываясь назад, мы должны со всей прямотой признать, что руководство Прокуратуры Союза, коллегия, я как Генеральный прокурор не смогли

должным образом оценить, насколько серьезно под воздействием местничества многие прокуроры стали отходить от принципа единства законности, как в угоду ведомственности и личному благополучию скатывались с партийных позиций. Беспринципность разъедала, как ржавчина». И далее: «Демократизация общества, гласность обнажили наши прорехи. Состояние растерянности, чуть ли не страха, у многих прокуроров особенно проявилось после того, как на страницах печати стали появляться критические статьи, острые отклики людей, в которых гневно обличаются допускаемые в правоохранительных органах беззакония. Оказалось, что критика и самокритика среди работников прокуратуры настолько были принижены, что утрачивалась объективная оценка собственной работы. Так постепенно укоренился бюрократический стиль, который сводил дело к одному — как бы получше выглядеть за счет количества проведенных мероприятий».

А. М. Рекунков оставался Генеральным Прокурором Союза ССР до 26 мая 1988 года.

В конце 1980-х годов кое у кого возникло желание очернить доброе имя принципиального прокурора. В уголовном деле, которым тогда занималось управление Прокуратуры Союза ССР по расследованию дел особой важности, вдруг появились сведения о передаче крупной суммы денег А. М. Рекункову. Такие показания дал арестованный и содержащийся в «Матросской тишине» бывший первый секретарь ЦК компартии Узбекистана Усманходжаев, обвинявшийся в неоднократном получении взяток от различных лиц. Бывший начальник управления по расследованию особо важных дел А. В. Сбоев рассказывал:

«Рекунков отрицал получение денег и страшно возмущался, как он говорил, «оговором». Генеральным прокурором к этому времени был назначен Александр Яковлевич Сухарев, который, посоветовавшись с коллегами, принял решение о проведении очной ставки между Рекунковым и Усманходжаевым. Это было непростое решение. Зная жесткий характер Рекункова, можно было ожидать, что он откажется от этого позорного для него следственного действия. Однако он, не задумываясь, мужественно согласился, заявив, что заинтересован в установлении истины и бояться ему нечего. Думаю, что на такой шаг пошел бы не каждый Генпрокурор, так как кроме голословного заявления Усманходжаева, следствие ничем не располагало. Теоретически предъявить обвинение в получении взятки А. М. Рекункову было невозможно, но грязное пятно на его честном имени могло пробыть долгое время.

Именно это обстоятельство привело к решению о проведении

очной ставки. Выехали утром на одной автомашине «Волга» и около 10 утра подъехали к тюрьме. После доставки в кабинет Усманходжаева и выполнения всех формальностей, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, заключенному Усманходжаеву было предложено дать показания на очной ставке по существу выдвинутых им обвинений Рекункова в получении взятки.

Усманходжаев, вскинув руки и упав на колени, со слезами и надрывно стал просить у Рекункова прощения, заявив, что оговорил его под влиянием следователя, а в дальнейшем боялся изменить показания, что могло, как он считал, повлиять на условия его содержания.

Александр Михайлович сказал буквально следующее: «Как же вы могли на меня такое наплести? Где же ваша совесть, сколько же вы причинили мне бессонных ночей?»

После оформления протокола мы с облегчением покинули тюрьму… Эпизод с обвинением бывшего Генерального прокурора Союза ССР А. М. Рекункова был прекращен за отсутствием события преступления, а с его мундира были сняты грязные и лживые пятна».

После отставки А. М. Рекунков не прерывал связи с органами прокуратуры. Через несколько лет он стал работать простым прокурором в отделе по реабилитации жертв политических репрессий Прокуратуры Союза ССР (с октября 1992 по сентябрь 1994 года), а затем стал помощником Генерального прокурора Российской Федерации по особым поручениям.

За время службы в прокуратурах РСФСР и СССР А. М. Рекунков побывал во многих странах. Он выезжал с визитами в Болгарию, Германию, Польшу, Румынию, Вьетнам, Венгрию, на Кубу и в другие страны.

А. М. Рекунков избирался депутатом Верховного Совета СССР, был членом ЦК КПСС, делегатом XXVI и XXVII съездов партии. За годы работы в органах прокуратуры к его боевым наградам, кроме отмеченных, добавились также ордена Октябрьской революции, Отечественной войны 1-й степени и медали. Он награжден знаком «Почетный работник прокуратуры».

Когда в 1992 году редакция журнала «Законность», готовя материалы к 70-летию советской прокуратуры, обратилась к А. М. Рекункову с просьбой коротко сказать о своей работе, о том, что больше всего приносило удовлетворение, что тревожило и беспокоило, с каким чувством встречает юбилей, Александр Михайлович сказал: «Мне очень сложно выделить какое-то одно направление прокурорской деятельности, ведь это дело всей трудовой жизни. Не говоря уже о том, что кроме прокурорских

обязанностей приходилось заниматься и другими делами, связанными так или иначе с прокурорскими функциями (государственными, депутатскими, общественными)… Главной заботой всегда было — делать все, чтобы соблюдались законы, защищались права и интересы людей, а если закон нарушен, добиваться восстановления справедливости. Конечно, как и во всяком деле, были и ошибки, промахи, отступления, но в целом считаю, что прокуратура как орган надзора за законностью выдержала испытание временем… Действенность и жизнеспособность прокурорской системы, как одного из гарантов соблюдения законности и охраны прав и интересов граждан, доказана жизнью. И я горжусь тем, что внес и свою лепту в это общее дело, и верю, что прокуратура и впредь будет опорой правового государства, общества, гарантом охраны прав личности».

Александр Михайлович Рекунков был исключительно эрудированным, очень требовательным, иногда резковатым, но справедливым человеком. Высокий, красивый, со строевой выправкой, — он получил дружеское и доброжелательное прозвище Монумент.

А. М. Рекунков скончался 2 мая 1996 года и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

«ПОЛЬЗУЕТСЯ УВАЖЕНИЕМ ПОДЧИНЕННЫХ»
Прокурор республики БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ КРАВЦОВ

Борис Васильевич Кравцов родился 28 декабря 1922 года в Московском Кремле, где и проживал до 5-летнего возраста. Его отец, Василий Алексеевич, состоял курьером при В. И. Ленине, а после окончания рабфака занимал хозяйственные должности в Совнаркоме РСФСР. Мать, Гликерия Львовна, вела домашнее хозяйство. В семье было еще двое детей, старшая дочь Валентина и младший сын Анатолий. В 1930 году Борис поступил в 131-ю московскую среднюю школу, которую окончил накануне войны. 18 августа 1941 года вчерашнего выпускника призвали на службу в Красную Армию. Его направили в Челябинскую область и там в городе Чебаркуль он месяц служил рядовым 910-го саперного полка. Вскоре его зачислили в Одесское артиллерийское училище, дислоцированное в городе Сухой Лог Свердловской области. Через восемь месяцев, в мае 1942 года, молодой офицер был направлен на Юго-Западный фронт. В составе 2-го дивизиона 822-го артиллерийского полка Борис Кравцов два месяца командовал взводом топографической разведки, а затем был командиром взвода 132-го гвардейского артиллерийского полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии. Полк участвовал в боях на Юго-Западном, Сталинградском и Донском фронтах. В августе

1943 года коммуниста Б. В. Кравцова (принят в члены ВКП(б) в июне) назначили начальником разведки 132-го полка, который к этому времени вел бои на 3-м Украинском фронте.

В октябре 1943 года советские войска освободили Запорожье, выбив оттуда немцев, но они переправились на хорошо укрепленный остров Хортица, который рассекал Днепр на два русла. Небольшое подразделение пехоты получило приказ форсировать реку, высадиться на острове и оттянуть на себя основные силы противника, тем самым давая возможность переправиться основным частям. Артиллерия должна была поддержать десант огнем. Корректировать огонь батарей было приказано группе разведчиков во главе со старшим лейтенантом Кравцовым. На острове разведчики укрепились в блиндаже. Всю ночь до рассвета они передавали нашим артиллеристам координаты, где засели фашисты. А когда немцы полностью окружили блиндаж, и у бойцов не осталось ни одного патрона, чтобы отстреливаться, Борис Кравцов приказал радисту Мозгунову вызвать огонь батарей на себя. Вот как рассказывал потом об этом сам Кравцов: «Исполнят ли наши артиллеристы команду?. А тут — разрыв у самого входа: в проход влетела граната. Меня ранило, взрывной волной сорвало провода и повредило рацию. Поднял ее Мозгунов, повертел, встряхнул и бросил. Теперь уж не повторишь команду. А огня-то нет… Но что это? Я услыхал знакомый звук полета снарядов. Наших снарядов, с левого берега. Согнулись мы в три погибели. Первый залп — перелет, второй — недолет, а третий — прямо по блиндажу. Немцев смыло, как грязь с крыши проливным дождем. И нам досталось. В потолке — дыра. Рухнули на нас бревна, ветви, груды песка. И дыма столько набралось, что нечем дышать. Мы с Мозгуновым выбрались кое-как и — к своим, к левому флангу. А там положение отчаянное. Патроны на исходе, людей осталось мало. Теснят их гитлеровцы к реке. Хорошо еще, телефонная связь не повреждена. Связался с командиром дивизиона. Тот ушам не верит: «Жив, Борис?!» И снова корректирую огонь…»

За этот подвиг старшему лейтенанту Борису Кравцову указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и Золотой Звезды. Узнал он о награждении уже в госпитале, куда был направлен после тяжелого ранения в ногу, полученного 31 декабря 1944 года. По словам Кравцова, первой его поздравила мать, по телеграфу из Москвы.

В течение длительного времени Борис Васильевич лечился в госпиталях Запорожья, Славянска и Ленинакана. В июне 1944 года его признали инвалидом 2-й группы и демобилизовали из

армии. Так разом рухнули все его мечты о военной академии. 22-летний Герой Советского Союза вернулся в Москву. Почти четыре месяца долечивал раны. Даже работать не мог. Проживал с матерью. Война отняла у него отца — Василий Алексеевич пропал без вести еще в 1941 году. Осенью 1944 года Б. В. Кравцов поступил в Московский автодорожный институт, однако из-за обострившейся болезни учебу вскоре пришлось оставить. И вновь полгода вынужденного безделья. Болезнь отступала медленно. В сентябре 1945 года, когда боли немного поутихли, он по направлению Коминтерновского райкома партии поступил в Московскую юридическую школу, которая находилась тогда на 1-й Брестской улице. Спустя два года окончил ее с отличием. В 1946 году Борис Васильевич женился на Татьяне Ивановне. В следующем году у них родилась дочь Наталья, а в 1957 году — вторая дочь, Ольга.

С июля 1947 года Б. В. Кравцов стал работать в органах юстиции. В течение трех лет он был членом линейного суда Московско-Окского речного бассейна. Дела он разбирал дотошно, пытаясь вникнуть в самую их суть. В каждом подсудимом старался видеть прежде всего человека. Особенно сжималось его сердце, когда перед судом представали бывшие фронтовики. В таких случаях он чрезвычайно бдительно разбирался во всех деталях. Даже в тех суровых условиях, когда известный указ от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», жесткий и беспощадный, значительно усилил наказание за воровство, он не боялся оправдывать лиц, совершивших преступления под давлением тяжелых жизненных обстоятельств (нужда, голод и т. п.).

В июле 1950 года Б. В. Кравцова перевели на работу в аппарат Министерства юстиции СССР, где он занял должность старшего ревизора отдела транспортных судов. В 1952 году без отрыва от основной работы он окончил Всесоюзный юридический заочный институт. В сентябре 1955 года Борис Васильевич был избран освобожденным секретарем парткома аппарата Министерства юстиции СССР, а через год его выдвинули на работу в Центральный комитет КПСС. В должности инструктора отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР он работал до января 1960 года. Приказом Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко от 28 января 1960 года Б. В. Кравцов был назначен первым заместителем Прокурора РСФСР. В марте того же года указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоен чин государственного советника юстиции 3-го класса, а 5 июня 1962 года — государственного советника

юстиции 2-го класса.

В 1963 году Борис Васильевич поступил в заочную аспирантуру Саратовского юридического института на кафедру советского гражданского процесса. Его научным руководителем стал профессор Н. Б. Зейдер.

В прокуратуре республики на Б. В. Кравцова было возложено руководство отделами по надзору за рассмотрением в суда х гражданских дел, по делам несовершеннолетних, по надзору за местами лишения свободы, а также аттестационной комиссией и методическим советом. В дальнейшем вместо отдела по надзору за местами лишения свободы он курировал работу канцелярии и приемной Прокуратуры РСФСР. В последующие годы — направлял работу двух ведущих отделов прокуратуры: по надзору за рассмотрением в суда х уголовных и гражданских дел. По роду своей деятельности Б. В. Кравцов организовывал совещания по проблемам, связанным с рассмотрением в суда х дел, по предупреждению преступности, безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, охране их трудовых, жилищных и иных прав, рассмотрению жалоб и заявлений граждан; систематически вел прием населения. Часто ему приходилось возглавлять бригады по проверке надзорной деятельности прокуратур автономных республик, краев и областей. А в отсутствие прокурора республики он не раз исполнял его обязанности.

В октябре 1967 года Б. В. Кравцов был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Приказом Генерального прокурора СССР Руденко от 21 января 1971 года Борис Васильевич Кравцов был назначен Прокурором РСФСР сроком на пять лет и утвержден председателем коллегии прокуратуры республики. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1971 года ему был присвоен чин государственного советника юстиции 1-го класса. 31 августа 1971 года Президиум Верховного Совета СССР вторично наградил Б. В. Кравцова орденом Трудового Красного Знамени, а указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 декабря 1972 года ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР».

Забот у прокурора крупнейшей республики было множество: участие в заседаниях, выступления и доклады в Совете Министров РСФСР, в Президиуме и на сессиях Верховного Совета РСФСР, коллегиях Прокуратуры СССР, проведение коллегий прокуратуры республики, многочисленные поездки по регионам, рабочие встречи с прокурорами автономных республик, краев и областей, подготовка многочисленных информационных записок и представлений в государственные органы, министерства и

ведомства России и масса других спешных и неотложных дел и мероприятий. За годы его руководства органами прокуратуры были проведены десятки различных конференций, семинаров и совещаний с прокурорско-следственными работниками по самым разнообразным вопросам правоохранительной деятельности. Наиболее масштабная из них — конференция лучших следователей Российской Федерации, состоявшаяся во второй половине 1973 года.

В то время в республике работало немало опытнейших криминалистов, подлинных мастеров своего дела, которым было по плечу раскрытие самых сложных и запутанных преступлений. Это — следователь по особо важным делам при Прокуроре РСФСР В. Ф. Ладейщиков; старшие следователи прокуратур: А. И. Тихонов (Москва), М. Ф. Морозова (Ленинград), В. Е. Задорожный (Павловский Посад Московской области), Н. З. Шевченко (Магаданская область); следователь прокуратуры Сормовского района города Горького А. Н. Афанасьева; прокурор-криминалист прокуратуры Ростовской области В. П. Кисляков и др.

Следователи обменялись опытом организации работы, обсудили наиболее интересные формы взаимодействия с органами дознания и розыска по раскрытию преступлений и изобличению виновных. Особое внимание было уделено применению криминалистической техники при расследовании преступлений.

Прокурор республики Б. В. Кравцов не чуждался и судебной трибуны. Легких дел он для себя не выбирал. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР рассматривала по первой инстанции наиболее сложные дела. На одной из выездных сессий в Ленинградском клубе железнодорожников слушалось дело по обвинению машиниста электровоза, по вине которого произошла серьезная авария: товарный поезд сошел с рельсов. Цистерны с горючим, бывшие в сцепке, опрокинулись, а нефть вылилась, чем был причинен значительный ущерб окружающей среде. Государственное обвинение по этому делу поддерживал Б. В. Кравцов.

Раз в неделю Борис Васильевич обычно вел прием граждан. Каждого посетителя выслушивал терпеливо и внимательно, зная, что тот пришел к нему не случайно, а принес свою боль, свои проблемы. Что и говорить, много у нас творилось, да и сейчас творится, беззакония и произвола, от которых страдают прежде всего простые люди. Кравцов по возможности помогал каждому несправедливо обиженному, чьи претензии считал правильными. Но к нему приходили и другие люди — самоуверенные, наглые, напористые, требовавшие удовлетворения своих просьб (чаще

всего необоснованных) в обязательном порядке. После тщательной проверки всех доводов таким жалобщикам прокурор отказывал в помощи. Однажды Борис Васильевич отказал в принесении протеста на решение Дербентского народного суда и определение Верховного суда Дагестанской АССР по делу о взыскании долга. И вот это справедливое решение по довольно заурядному гражданскому делу едва не стоило ему жизни. Озлобленный ответчик, который обязывался судом возвратить взятые в долг деньги, явился к зданию прокуратуры республики с револьвером, дождался приезда Б. В. Кравцова и хладнокровно выстрелил в прокурора. Пуля угодила в правое плечо. Второго выстрела не последовало. Мгновенно среагировавший водитель прокурора республики Ю. Карпов выбил оружие из рук преступника.

В одной из аттестаций Б. В. Кравцова, подписанной заместителем Генерального прокурора СССР А. С. Панкратовым, отмечалось, что он является «требовательным, инициативным руководителем, обладающим большим опытом партийной и прокурорской работы. Активно участвует в общественной жизни, избран депутатом Верховного Совета РСФСР. Он скромен, внимателен к подчиненным и пользуется их уважением. Уделяет много внимания совершенствованию стиля работы аппарата прокуратуры республики и повышению уровня руководства подчиненными прокуратурами. С этой целью деятельность прокуроров АССР, краев и областей всесторонне анализируется, им оказывается практическая помощь». И далее: «Повышено внимание качеству следственной работы и усилению прокурорского надзора за следствием и дознанием в органах МВД. Однако рост преступности в республике и недостатки в работе по раскрытию преступлений требуют дальнейшего совершенствования деятельности следственного аппарата и улучшения руководства подчиненными органами прокуратуры. Проведенные во всех АССР, краях и областях Российской Федерации глубокие проверки регистрации и обоснованности разрешения органами милиции заявлений и сообщений о совершенных преступлениях позволили выявить серьезные нарушения закона и принять меры к их устранению… Значительная работа проведена Прокуратурой РСФСР и лично т. Кравцовым Б. В. по подбору, расстановке и воспитанию прокурорско-следственных кадров».

В январе 1976 и 1981 годов приказами Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко Б. В. Кравцов назначался Прокурором РСФСР на следующие конституционные сроки полномочий. С 14 ноября по 5 декабря 1978 года он прошел

обучение по специальной программе в Институте повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР.

Приказом нового Генерального прокурора СССР А. М. Рекункова от 14 апреля 1981 года Борис Васильевич был награжден нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры», а указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1982 года — орденом Октябрьской Революции.

В составе различных делегаций юристов и ветеранов Великой Отечественной войны Б. В. Кравцов неоднократно выезжал за рубеж. Он посетил Венгрию, Польшу, Люксембург, ФРГ, Острова Зеленого Мыса, Индию и другие страны.

12 апреля 1984 года Б. В. Кравцов был освобожден от должности Прокурора РСФСР. После этого он в течение пяти лет работал министром юстиции СССР. Борис Васильевич избирался делегатом XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС. После выхода на пенсию в 1990 году Б. В. Кравцов стал заниматься общественной и адвокатской деятельностью.

«ПРОКУРОРЫ ОБЯЗАНЫ БЫТЬ БЛИЖЕ К ЖИЗНИ»
Генеральный прокурор Союза ССР АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ СУХАРЕВ

Александр Яковлевич Сухарев родился 11 октября 1923 года в селе Малая Трещевка Землянского района Воронежской области и был старшим ребенком в семье Якова Тихоновича и Марии Михайловны. Брат Николай родился в 1925, а сестра Мария — в 1930 году. На благодатной воронежской земле прошли его детские и юношеские годы. Окончив восемь классов землянской средней школы, Александр Сухарев уехал в Воронеж и стал работать слесарем на авиационном заводе № 18. Одновременно учился в вечерней школе рабочей молодежи, которую окончил накануне войны. Несколько ранее, в феврале, он перешел на другой военный завод № 16, где работал до 5 июня 1941 года.

Сразу после окончания десятилетки Александр поступил в Воронежское военное училище связи, однако завершать учебу ему пришлось уже в Самарканде, куда вскоре было эвакуировано училище. В декабре 1941 года молодой лейтенант стал

командиром взвода связи 237-го стрелкового полка 69-й стрелковой дивизии 50-й армии, который тогда дислоцировался в узбекском городке Чирчик. Через два месяца в составе полка он был направлен на Западный фронт. Там в июле 1942 года вступил в партию. Более двух с половиной лет Александр Яковлевич воевал на различных фронтах: после Западного — были Центральный, 1-й и 2-й Белорусские. С боями прошел тернистый путь от Москвы до Вислы. Он командовал взводом, ротой, был начальником связи полка, а последние три месяца перед ранением исполнял обязанности начальника штаба полка.

За участие в боях и проявленные при этом незаурядные храбрость и мужество молодой офицер получил свои первые награды: ордена Отечественной войны II степени (октябрь 1942 года), Отечественной войны I степени (июль 1943 года), Красной Звезды (декабрь 1943 года) и Красного Знамени (июль 1944 года). В сентябре 1944 года после тяжелого ранения, полученного при форсировании реки Нарев в Польше, А. Я. Сухарев был отправлен в тыл. В течение года он лечился в госпиталях городов Сумы и Харьков. В родные воронежские места он вернулся только в сентябре 1945 года. Там проживали его мать, брат и сестра. Отец погиб на фронте в 1942 году.

Несколько месяцев А. Я. Сухарев, числясь еще на военной службе, занимал должность начальника отдела Воронежского военного окружного управления связи. После демобилизации в июле 1946 года он устроился на строительный участок № 2 Вагоноремонтного завода имени Тельмана, где занимался воспитательной работой среди молодежи. В марте 1947 года его направили на комсомольскую работу. К этому времени А. Я. Сухарев был уже студентом Всесоюзного юридического заочного института.

В течение последующих одиннадцати лет Александр Яковлевич постепенно поднимался по ступеням комсомольской аппаратной иерархии: был заведующим отделом пионеров и вторым секретарем Железнодорожного райкома комсомола г. Воронежа, инструктором и заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Воронежского обкома ВЛКСМ. В сентябре 1950 года его переводят в Москву, в Центральный Комитет ВЛКСМ. Через два месяца после этого он окончил ВЮЗИ и получил диплом юриста. В аппарате Центрального Комитета комсомола Александр Яковлевич занимал должности инструктора, ответственного организатора, заведующего сектором, заместителя заведующего отделом комсомольских органов и, наконец, в апреле 1958 года, стал заведующим международным отделом ЦК ВЛКСМ. На этой должности он

пробыл полтора года. А. Я. Сухарев принимал активное участие в подготовке всех крупнейших мероприятий, проводившихся под эгидой Центрального Комитета, в том числе VI (Москва, 1957 год) и VII (Вена, 1959 год) Всемирных фестивалей молодежи и студентов, за что получил несколько Почетных грамот ЦК ВЛКСМ. В 1956 году он был награжден орденом «Знак Почета» за участие в освоении целинных земель.

В декабре 1959 года А. Я. Сухарева выдвинули на еще более высокий пост — в аппарат Центрального Комитета КПСС. Здесь он работал более десяти лет, первое время занимая должность инструктора, а затем заместителя заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС по РСФСР. В 1966 году он стал заведующим сектором отдела административных органов ЦК КПСС.

В сентябре 1970 года Александр Яковлевич переходит на работу в органы юстиции. Тогда только что было воссоздано Министерство юстиции СССР, ликвидированное еще в середине 1950-х годов по инициативе Н. С. Хрущева. Вместо него долгое время существовала безликая и фактически бесправная юридическая комиссия при Совете Министров СССР. Министерство юстиции СССР возглавил В. Теребилов, работавший до этого в Прокуратуре Союза ССР, а впоследствии — заместителем Председателя Верховного суда СССР. Постановлением Совета Министров СССР от 22 сентября 1970 года А. Я. Сухарев назначается первым заместителем министра и членом коллегии Министерства юстиции СССР. Одновременно с ним заместителями министра стали также председатель Московского городского суда Н. А. Осетров и начальник отдела общего надзора Прокуратуры Союза ССР А. А. Холявченко.

Александр Яковлевич, имевший к этому времени солидный партийный опыт, занимался в министерстве кадровой работой, организацией правовой пропаганды и установлением связей с партийными и советскими органами. Он возглавлял также Межведомственный координационный совет по правовой пропаганде при Министерстве юстиции СССР. При его содействии был основан популярнейший журнал «Человек и закон», членом редакции которого он был долгое время (тираж достигал 12 миллионов), появилась телевизионная передача с таким же названием (особенно популярной она была, когда ее вел известный писатель, доктор юридических наук, профессор А. А. Безуглов). Именно в те годы в школах и профтехучилищах стали в обязательном порядке изучать основы советского права. Активно шла также демократизация судопроизводства, повышалась культура судебных процессов, преодолевались остатки культа

личности в правовой науке. Ко всем этим процессам Александр Яковлевич имел самое непосредственное отношение.

В системе министерства юстиции А. Я. Сухарев прослужил почти 18 лет. До 1984 года он был первым заместителем министра юстиции СССР, а затем — министром юстиции РСФСР. За это время он защитил диссертацию в Академии общественных наук и получил ученую степень кандидата юридических наук (1978 год). К его наградам прибавились новые. В 1967 и 1971 годах он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, а затем удостоился орденов Октябрьской Революции (декабрь 1977 года), Дружбы народов (сентябрь 1983 года) и Отечественной войны 1-й степени (1985 год). В октябре 1973 года Президиум Верховного Совета РСФСР наградил его Почетной грамотой, а в апреле 1987 года присвоил почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР». Он избирался также депутатом Верховного Совета РСФСР (1984 год).

В Министерстве юстиции СССР А. Я. Сухарев много внимания уделял развитию связей советских юристов со своими зарубежными коллегами. Он был избран членом правления Ассоциации советских юристов (в июне 1986 года стал ее президентом), способствовал вхождению ее в Международную ассоциацию юристов-демократов и был избран там первым вице-президентом. Сухарев часто возглавлял делегации юристов страны в зарубежных поездках, занимался подготовкой и проведением международных конференций юристов, выступал на них с докладами и сообщениями. За эти годы он посетил Испанию, Францию, Йемен (был организатором и председателем Общества советско-йеменской дружбы), США, Болгарию, Монголию, Швецию, Венесуэлу, Польшу, Чехословакию и другие страны.

А. Я. Сухарев всегда вел большую общественную работу. Он являлся сопрезидентом Всемирной ассоциации юристов против ядерного оружия («ИАЛАНА»), членом ученого совета Института государства и права Академии наук СССР, президиума Всесоюзного общества «Знание». Возглавлял общественный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

В 1988 году, в самый разгар перестройки, Александр Яковлевич Сухарев был направлен на работу в Прокуратуру Союза ССР. Президиум Верховного Совета СССР своими указами от 26 февраля 1988 года назначает его первым заместителем Генерального прокурора СССР, утверждает членом коллегии Прокуратуры Союза ССР и присваивает чин государственного советника юстиции 1-го класса. Спустя ровно три месяца, 26 мая

1988 года постановлением Верховного Совета СССР, подписанным Председателем Президиума А. Громыко, А. Я. Сухарев назначается Генеральным Прокурором Союза ССР. В 1989 году он стал народным депутатом. Избирался делегатом XXVII съезда КПСС. В бурное перестроечное время А. Я. Сухарев смог продержаться в кресле Генерального прокурора СССР чуть более двух лет.

В те годы в стране предпринимались меры по преодолению так называемого «застойного периода», происходило раскрепощение экономической инициативы, расширение политической демократии, обогащение правового статуса личности. Именно на этом магистральном направлении совершенствовалось законодательство. Богаче и содержательнее становился и прокурорский надзор. На одном из заседаний коллегии Прокуратуры СССР А. Я. Сухарев говорил: «Вместо приверженности курсу «держать и не пущать» острие надзора фокусируется на предупреждении и пресечении командно-бюрократических препон, защиты прав и свобод человека, воплощение концепции «разрешено все, что не запрещено». И еще: «Нам предстоит заметно раздвинуть границы надзорной работы, настраиваясь на принцип: там, где действует закон, должен быть и надзор за законностью… Вырабатывая совершенную концепцию прокурорского надзора, мы должны четко представлять его юридическую природу. Прокуратура — не орган управления, а высшая контрольная власть за соблюдением законов».

Надо признать, что тогда органы прокуратуры, по выражению Сухарева, оказались еще «недостаточно подкованными» по целому ряду практических аспектов прав человека. В Молдавии, на Украине, в Прибалтике и Закавказье, в ряде республик и областей Российской Федерации грубо нарушались права людей, в том числе и верующих, а прокуроры на это вовсе не реагировали. В Херсонской области прокурор признал правомерным факт изъятия у верующего Библии, и по этой причине отказал в удовлетворении его жалобы. В Чувашии один человек был осужден за хранение книг «Котлован» Платонова и «Собачье сердце» Булгакова. И это было тогда, когда указанные произведения не только широко издавались, но и ставились на сцене. Прокуроры нередко смотрели на всех манифестантов (шествия и демонстрации тогда шли с размахом), как на смутьянов и нарушителей порядка.

Со всеми этими перегибами в органах прокуратуры А. Я. Сухарев повел решительную борьбу. Он говорил: «Во всем, что касается прав человека, прокуроры обязаны быть ближе к жизни,

всемерно поддерживать и защищать людей с активной и здоровой социальной позицией, изучать новые явления общественной жизни».

В самый разгар перестройки начали поднимать головы экстремизм и национализм. Уже пролилась кровь в Сумгаите, завязался «карабахский узел», начались многомесячные забастовки. Все это наносило колоссальный ущерб стране. В новых условиях не на высоте оказались органы прокуратуры и внутренних дел. На заседании коллегии Прокуратуры Союза ССР А. Я. Сухарев признал, что прокуроры «проглядели националистический нарыв, не упредили разгула беспорядков». Особенно это относилось к Закавказью и Прибалтийским республикам. Некоторых прокурорских работников ему пришлось снимать с работы. «Такая политическая беспринципность и близорукость дала возможность экстремистам и некоторым номенклатурным преступникам направить недовольство людей от действительно социальных проблем, взяточничества и коррупции в русло националистического угара», — говорил А. Я. Сухарев.

Спустя несколько лет после начала перестройки в стране резко обострилась ситуация с преступностью. В первом полугодии 1989 года впервые за последние 20 лет было зарегистрировано свыше одного миллиона преступлений (на треть больше, чем за аналогичный период 1988 года). Преступность росла тогда невиданными темпами во всех союзных республиках. При этом резко увеличилось число убийств, тяжких телесных повреждений, изнасилований, разбоев и грабежей. Опасно нарастала корыстная преступность, во многом определяющая устойчивость преступных группировок как в сфере экономики, так и в уголовной среде. Участились случаи применения преступниками оружия, технических средств, их более активного противодействия правоохранительным органам. Все больше и больше стало заявлений и жалоб об угрозах и вымогательстве со стороны рэкетиров. Экономика все теснее сращивалась с преступной средой. В то же время в структуре наказаний тогда произошли кардинальные перемены. Если раньше до 70 процентов осужденных отправлялись в исправительно-трудовые колонии, то теперь эти цифры уменьшились наполовину. Получалось, что как минимум каждый второй вчерашний кандидат в тюрьму, теперь гулял на свободе.

Политбюро ЦК КПСС, Правительство СССР, рассматривая положение дел с преступностью, признавали его критическим. Правоохранительные органы, в их числе и прокуратура подверглись резкой критике. Верховный Совет СССР в своем постановлении «О решительном усилении борьбы с

преступностью» признал возможным образовать для этого временные комитеты.

А. Я. Сухарев понимал, что в таких условиях нужны новые, нетрадиционные подходы к работе. На это он и настраивал своих подчиненных. Генеральный прокурор напоминал им, что от них требуется «особая проницательность и бдительность».

«Есть много симптомов бесконечного попустительства по признакам малозначительности преступлений, — говорил он, — и оно стало распространяться не только на молодежь, но и на рецидивистов». И далее: «Я понимаю, что рискую впасть в крайность, но экстремальная обстановка требует решительных мер. Мы обязаны найти адекватный ответ на стихию паразитизма и уголовщины, дать почувствовать трудящимся, что правоохранительные органы способны оградить от преступных посягательств правопорядок в наших городах, жизнь, здоровье и имущество граждан.

Мое видение ситуации таково, что до подхода основных профилактических резервов, которые, я уверен, будут сформированы на базе общегосударственной программы, надо подтянуть все юридические рычаги контроля и ответственности, широко использовать для этого гласность и общественное мнение».

Для того, чтобы выработать концепцию прокурорского надзора в условиях «революционного преобразования общества», по инициативе Генерального прокурора СССР А. Я. Сухарева 1–2 декабря 1989 года в Прокуратуре Союза ССР состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция на тему: «Прокуратура в системе политических и правовых институтов общества». На ней присутствовали более 400 человек, представляющих все звенья и все профессии правовой системы. За два дня выступили 52 участника, в том числе 20 ученых. Среди выступивших были заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. Абалкин, член-корреспондент Академии наук СССР Д. Керимов и др.

Рекомендации, выработанные конференцией, А. Я. Сухарев, насколько успел, претворял в практику прокурорской деятельности. С этой целью было проведено несколько коллегий по наиболее актуальным проблемам, началась радикальная перестройка функциональных обязанностей. В частности, на базе управления общего надзора были сформированы надзорные структуры в экономической, социальной и экологической сферах, создана подчиненная непосредственно центру Волжская природоохранная прокуратура и т. п.

При Генеральном прокуроре СССР А. Я. Сухареве произошло

еще одно знаменательное событие — была изменена форменная одежда и введены новые знаки различия для прокурорско-следственных работников. Еще в 1954 году погоны (введены в 1943 году) были заменены плечевыми петлицами на воротнике, а лампасы исключены из формы. И вот спустя 35 лет в форменной одежде прокуроров и следователей вновь появились погоны и лампасы, правда, уже другого цвета.

Постановлением Верховного Совета СССР от 15 октября 1990 года, подписанного Председателем Верховного Совета СССР А. Лукьяновым, Алексей Яковлевич был освобожден от обязанностей Генерального прокурора СССР в связи с уходом на пенсию. В постановлении отмечено: «Поддержать внесение данного вопроса Президентом СССР на утверждение Съезда народных депутатов СССР». После соответствующего решения Съезда народных депутатов, он приказом и. о. Генерального прокурора СССР А. Д. Васильева назначается заместителем директора по науке Всесоюзного института проблем укрепления законности и правопорядка Прокуратуры СССР. В июле 1996 года Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. И. Скуратов назначил А. Я. Сухарева директором института, который к этому времени именовался уже НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

В декабре 1995 года А. Я. Сухарев был награжден нагрудным знаком «Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации». В мае 1996 года Александр Яковлевич стал доктором юридических наук. Его перу принадлежат такие работы, как «Кризис законности грозит реформам», «Криминальная цена социальной профилактики» и другие (всего им опубликовано в России и за рубежом свыше 150 работ).

Под редакцией А. Я. Сухарева вышли «Юридический энциклопедический словарь» (1984 год), «Большой энциклопедический юридический словарь» (1997 год) и, наконец, фундаментальная «Российская юридическая энциклопедия» (1999 год), включившая в себя более 4 тысяч статей. Он принимал деятельное участие в разработке множества законодательных актов, в их числе Федерального закона о прокуратуре Российской Федерации. В 1998 году за большой вклад в дело укрепления законности, активную общественно-политическую деятельность и в связи с 75-летием со дня рождения Александр Яковлевич удостоился очередной награды — ордена «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени.

А. Я. Сухарев женат на Марии Матвеевне. Его сын Сергей работает в системе Министерства иностранных дел Российской

Федерации.

«ОБАЯТЕЛЬНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК» Прокурор республики СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ ЕМЕЛЬЯНОВ

Сергей Андреевич Емельянов родился 11 августа 1936 года в Велижском районе Смоленской области в семье работников совхоза «Сивец» Андрея Семеновича и его жены Прасковьи Стефановны. Незадолго до войны родители переехали на жительство в совхоз «Кайдановский», расположенный в соседнем Семлевском районе. В 1944 году Сергей поступил в кайдановскую семилетнюю школу, а после ее окончания — в вяземскую среднюю школу № 1. Сразу же после получения в 1954 году аттестата зрелости он подал документы на юридический факультет Московского государственного университета. В 1959 году после его окончания Сергея Емельянова распределили в вяземскую межрайонную прокуратуру, где он стажировался в течение года, в основном, занимаясь следствием. Старательный и активный стажер заслужил несколько благодарностей от прокурора Смоленской области. В год окончания университета Сергей Андреевич женился на Ирине Валентиновне. В 1960 году у них родился сын Анатолий, а в 1971 году — второй сын, Юрий. В сентябре 1960 года С. А. Емельянов перешел на работу в органы прокуратуры города Москвы. Его назначили следователем прокуратуры Октябрьского района. Наряду с выполнением сложных служебных обязанностей (а дел у следователя всегда было невпроворот), он активно включился и в общественную работу, став внештатным пропагандистом Октябрьского райкома партии. К расследованию преступлений молодой юрист подходил всегда тщательно и скрупулезно. Сергей Андреевич хорошо освоил основные формы и методы следственной работы, криминалистическую технику, что позволяло ему заканчивать в месяц до 8 уголовных дел. Среди преступлений, которые расследовал Сергей Емельянов, было немало сложных: убийства, крупные хищения и другие. Вскоре, 16 сентября 1961 года, он получил свой первый чин — юрист 3-го класса. Прокурор

Октябрьского района П. Прохоров был очень доволен молодым и инициативным сотрудником и вскоре выдвинул его на должность старшего следователя. 18 марта 1962 года Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, в порядке поощрения, «за успешную работу по борьбе с особо опасными преступлениями» досрочно присвоил Сергею Андреевичу чин юриста 1-го класса.

В августе 1963 года энергичного и квалифицированного следователя пригласили на работу в аппарат прокуратуры города Москвы, где он стал прокурором отдела по надзору за следствием в органах охраны общественного порядка (так в те годы назывались органы внутренних дел). Ему приходилось проверять уголовные дела, находившиеся в производстве следственных отделов Управления охраны общественного порядка (УООП) Мосгорисполкома по Свердловскому, Первомайскому и Фрунзенскому районам. В ноябре 1963 он изучил организацию работы следственного отдела Первомайского района по борьбе с хищениями, а в декабре того же года по поручению райкома партии проверил деятельность прокуратуры и органов охраны общественного порядка этого же района по борьбе с правонарушениями. В марте 1964 года С. А. Емельянову был присвоен очередной классный чин младшего советника юстиции.

В сентябре 1964 года С. А. Емельянова выдвинули на должность прокурора отдела кадров. Прокурор города Москвы М. Г. Мальков характеризовал его как «добросовестного, дисциплинированного и исполнительного работника, умеющего правильно и принципиально решать вопросы подбора, расстановки и воспитания кадров». Обладая хорошими ораторскими данными, он часто поддерживал государственное обвинение в Московском городском суде по наиболее сложным уголовным делам, охотно выступал с лекциями и беседами в трудовых коллективах. Его избрали в партийное бюро парторганизации прокуратуры города Москвы. Будучи исключительно честным, скромным и чутким человеком, он пользовался неподдельным авторитетом среди сотрудников прокуратуры.

14 июля 1965 года приказом Прокурора РСФСР С. А. Емельянов был назначен прокурором города Зеленограда, основанного в 1963 году и вошедшего в состав Москвы. Через пять дней Генеральный прокурор СССР утвердил его в этой должности. Прокурором города он пробыл три года. За это время стал советником юстиции (классный чин ему присвоен 27 марта 1967 года). С. А. Емельянов уделял большое внимание правильной организации работы небольшого коллектива прокуратуры, занимаясь всеми участками работы. Следователи

прокуратуры и органов внутренних дел расследовали до сотни преступлений в год, и за каждым делом был установлен настолько жесткий контроль, что грубые ошибки, процессуальные нарушения не допускались. Поэтому суд при новом прокуроре никогда не возвращал дела на дополнительное расследование. По трети всех уголовных дел, рассматривавшихся Зеленоградским судом, Сергей Андреевич лично поддерживал государственное обвинений, еще больше — проверял в кассационном и надзорном порядках. Кроме того, он часто выступал на заседаниях исполкома и сессиях Зеленоградского Совета народных депутатов не только как прокурор, но и как депутат, а также на бюро райкома партии, членом которого он состоял.

В июне 1968 года С. А. Емельянов был назначен на должность начальника отдела общего надзора прокуратуры города Москвы. В январе 1969 года Генеральный прокурор СССР присвоил ему классный чин старшего советника юстиции. Сергей Андреевич еще со студенчества всегда был склонен к творческой и научной работе, а потому и поступил в заочную аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР.

Отдел общего надзора под руководством Емельянова проводил большую работу по обеспечению законности в столице. Постоянно организовывались хорошо подготовленные, целенаправленные проверки в городских организациях, на крупнейших предприятиях столицы, а также в исполнительных органах власти. Незаконные правовые акты, в том числе изданные исполкомом Мосгорсовета, незамедлительно опротестовывались. По материалам общего надзора возбуждалось не мало уголовных дел, которые после соответствующего расследования, как правило, направлялись в суд. С помощниками районных прокуроров проводились методические семинары, им оказывалась квалифицированная помощь в работе, что сразу же сказалось и на результативности их работы. За успешное руководство отделом Сергей Андреевич неоднократно поощрялся Генеральным прокурором СССР.

27 июля 1971 года С. А. Емельянов был назначен заместителем прокурора города Москвы. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 мая 1972 года в связи с 50-летием советской прокуратуры он был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

В сентябре 1973 года Сергей Андреевич назначается на вновь образованную должность заместителя прокурора города Москвы — начальника отдела кадров. На этом посту он прослужил около

пяти лет. За это время стал кандидатом юридических наук. Ученая степень ему была присуждена решением совета при Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности 23 мая 1977 года после блестяще защищенной диссертации (диплом выдан 1 февраля 1978 года Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров СССР). Успешно шли и служебные дела. Приказом Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко от 27 декабря 1977 года С. А. Емельянов был награжден подарком за умелое руководство расследованием уголовного дела о выпуске недоброкачественной продукции Заводом резиновых изделий № 1 и квалифицированное поддержание государственного обвинения. Вместе с ним отмечена также работа старшего следователя прокуратуры города Москвы Николая Остаповича Боровика и прокурора отдела Александры Алексеевны Колесниковой.

В январе 1978 года С. А. Емельянов был выдвинут на должность первого заместителя прокурора города Москвы. В ходатайстве перед Прокуратурой СССР заместитель Прокурора РСФСР А. С. Побежимов отмечал, что он является «опытным, квалифицированным, инициативным прокурором, требовательным и принципиальным руководителем. Обладает организаторскими способностями, умело координирует работу административных органов по борьбе с преступностью, постоянно занимается воспитанием прокурорско-следственных кадров, пользуется заслуженным авторитетом среди партийно-советского актива и коллектива прокуратуры, принимает активное участие в общественной жизни». Вскоре после этого Генеральный прокурор СССР Руденко своим приказом от 26 июля 1978 года поощрил С. А. Емельянова за успешное выполнение специального задания (расследование, надзор и поддержание обвинения в суде по сложному делу). Вместе с ним благодарность заслужили прокурор Калужской области В. В. Савкин, заместитель прокурора города Москвы Г. И. Скаредов и старшие помощники прокуроров города Москвы и Калужской области Н. И. Фунтов и К. Э. Кагаров.

В должности первого заместителя прокурора города Москвы Сергей Андреевич работал до сентября 1980 года, после чего перешел на работу в Центральный Комитет партии инструктором отдела административных органов. В аппарате ЦК КПСС он пробыл два с половиной года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1982 года, подписанного Л. И. Брежневым, С. А. Емельянов в связи с 60-летием советской прокуратуры был награжден орденом «Знак Почета».

Приказом Генерального прокурора СССР А. М. Рекункова от 5 апреля 1983 года С. А. Емельянова назначили прокурором города

Москвы сроком на пять лет. Вскоре указом Президиума Верховного Совета СССР ему был присвоен чин государственного советника юстиции 3-го класса. Следует заметить, что еще в 1979 году проверкой, проведенной бригадой Прокуратуры СССР, в деятельности органов прокуратуры Москвы были вскрыты серьезные недостатки, в связи с чем Генеральный прокурор СССР 13 сентября 1979 года издал приказ. Контрольная проверка в 1982 году показала, что не все отмеченные недостатки были устранены. С первых же дней работы прокурором города С. А. Емельянову пришлось энергично заняться наведением порядка, особенно при организации борьбы с правонарушениями. Он был избран членом Московского городского и Москворецкого районного комитетов партии, депутатом Московского городского Совета народных депутатов.

Из пятилетнего конституционного срока Сергей Андреевич пробыл прокурором города немногим более года. Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков 26 июня 1984 года назначил его Прокурором РСФСР и утвердил председателем коллегии прокуратуры республики. Этот вопрос предварительно рассматривался на заседании коллегии Прокуратуры СССР. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1984 года С. А. Емельянов утвержден членом коллегии Прокуратуры Союза ССР. В тот же день указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоен чин государственного советника юстиции 2-го класса, а в ноябре 1987 года — государственного советника юстиции 1-го класса.

В должности прокурора республики С. А. Емельянов работал около шести лет. Он избирался депутатом Верховного Совета РСФСР, являлся делегатом XXVII съезда партии и XIX Всесоюзной партийной конференции. Он со знанием дела организовал работу аппарата Прокуратуры РСФСР и подчиненных прокуратур, нацеливая их на укрепление законности и правопорядка. При нем в прокуратуре была, пожалуй, самая теплая обстановка. Интеллигентный, благожелательный прокурор полюбился всему коллективу. Он сам готовил свои многочисленные выступления на различных заседаниях, совещаниях и коллегиях, в прессе. Речь его была не просто грамотной, но еще и красивой. Когда ему приходилось отрываться от текста, «говорить от себя», то это никак не влияло на качество произносимой речи — она текла все так же ровно, без запинки. При этом она была всегда быстрой, может быть, даже несколько торопливой, искрометной. Иногда казалось, что слова не поспевают за мыслью. Он умел захватывать внимание слушателей. Когда он выступал в какой-либо аудитории, то шушукающихся и скучающих в зале не было.

Сергей Андреевич не считал зазорным для себя запросто зайти в любой отдел, попросить (а он всегда именно просил, а не требовал) какой-то документ, сведения, статистику для подготовки того или иного выступления. В то же время он был достаточно строгим руководителем, не любил расхлябанность, неорганизованность, необязательность. За исполнение своих поручений всегда жестко спрашивал с подчиненных. Когда же они допускали какие-либо ошибки или существенные промахи, то он переживал всегда так, как будто сам это сделал. Все знавшие Сергея Андреевича называли его «обаятельнейшим человеком».

В августе 1986 года в связи с 50-летием со дня рождения С. А. Емельянов был удостоен ордена Трудового Красного Знамени, а 31 мая 1990 года приказом и. о. Генерального прокурора СССР А. Д. Васильева награжден нагрудным знаком «Почетный работник прокуратуры».

25 апреля 1990 года Емельянов обратился с рапортом к Генеральному прокурору СССР А. Я. Сухареву, в котором писал, что в связи с ухудшением состояния здоровья после перенесенного серьезного заболевания (инфаркт) просит освободить его от должности Прокурора РСФСР и члена коллегии Прокуратуры СССР и перевести на научно-педагогическую работу в Институт повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР. «Весьма признателен, что мне была доверена столь ответственная работа», — так закончил он свое заявление. После этого приказом Генерального прокурора СССР А. Я. Сухарева от 28 мая 1990 года он был освобожден от должности Прокурора РСФСР и обязанностей председателя коллегии прокуратуры республики в связи с переводом на другую работу. По ходатайству Прокуратуры Союза ССР постановлением комиссии при Совете Министров СССР от 25 июля 1990 года ему была установлена персональная пенсия союзного значения. После ее оформления С. А. Емельянов стал работать научным сотрудником Института повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР. Он читал лекции прокурорам и следователям, обучавшимся в институте, выступал со статьями и заметками в научных юридических и иных журналах и газетах, выпустил несколько монографий.

17 февраля 1995 года С. А. Емельянов обратился с заявлением к и. о. Генерального прокурора Российской Федерации А. Н. Ильюшенко, в котором просил изменить формулировку приказа от 28 мая 1990 года о его увольнении, дополнив ее указанием на то, что он освобожден от должности Прокурора РСФСР и переведен на другую работу по состоянию здоровья. «Это будет отражать действительные причины моего

перевода в 1990 году», — писал он.

Сергей Андреевич Емельянов скончался в апреле 1995 года.

ПОСЛЕДНИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Генеральный прокурор Союза ССР НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ТРУБИН

Николай Семенович Трубин родился 23 сентября 1931 года в селе Бурдыгино Сорочинского района Оренбургской области. Когда мальчику было два года, он лишился матери — Анна Степановна умерла в возрасте 24 лет. В начале 1950-х годов его отец, Семен Афанасьевич, женился вторично. Мачеха, Анна Тимофеевна, была старше пасынка всего на три года. В семье появилось еще трое детей — дочь Нина и сыновья Сергей и Александр. В 1939 году Николай Трубин стал учеником начальной школы 2-го отделения совхоза «Родина», где проучился четыре года, а затем перевелся в Гамалеевскую среднюю школу в том же Сорочинском районе.

В 1946 году Николай стал комсомольцем. Вскоре вдумчивого, серьезного юношу избрали заместителем секретаря комитета ВЛКСМ, а через некоторое время он сам возглавил школьную комсомольскую организацию. В 1949 году школа была успешно окончена, и перед 18-летним выпускником встал вопрос о дальнейшей учебе. Его привлекла профессия юриста, поэтому в том же году он уехал в Свердловск и поступил в юридический институт. В институте он так же активно участвовал в общественной жизни, был комсоргом группы, членом курсового комитета ВЛКСМ и профкома. Там же Николай Семенович встретил и спутницу своей жизни — Эмилию Дмитриевну, с

которой они поженились в 1953 году. В том же году ему торжественно вручили диплом юриста, а в 1955 году у них родился сын, Сергей.

После окончания института Н. С. Трубин получил назначение на работу в органы прокуратуры. Он переехал на жительство в город Печора Коми АССР, где в июле 1953 года стал помощником прокурора Северо-Печорского исправительно-трудового лагеря (10 октября заместитель Генерального Прокурора Союза ССР утвердил его в этой должности). Первый свой классный чин, младшего юриста, он получил в августе 1954 года, а на следующий год стал юристом 3-го класса. Помощником прокурора лагеря Николай Семенович прослужил свыше двух лет. Он непосредственно осуществлял надзор за следствием, проводившемся первым спецотделением управления исправительно-трудового лагеря, а также за рассмотрением этих дел в суде. Трубин изучал уголовные дела перед утверждением обвинительных заключений, когда было необходимо — давал по ним письменные указания, поддерживал государственное обвинение, высказывал свое мнение о возможности досрочного освобождения заключенных, готовил проекты протестов и представлений, рассматривал жалобы заключенных. Иногда ему приходилось лично расследовать уголовные дела, проводить проверки соблюдения законности в подразделениях лагеря. Хотя время помощника прокурора было заполнено делами до предела, он все же успевал заниматься общественной работой, являясь секретарем комсомольской организации управления лагеря и членом бюро Печорского райкома ВЛКСМ. Николай Семенович состоял также в лекторской группе политического отдела лагеря.

Активность и настойчивость молодого юриста вскоре были замечены прокуратурой автономной республики. В феврале 1956 года прокурор Коми АССР Лошкарев выдвинул его на самостоятельную работу. Он обратился с представлением к прокурору РСФСР А. А. Круглову о назначении Николая Семеновича прокурором Усть-Цилемского района. Прокурор республики с этим предложением согласился, а заместитель Генерального Прокурора Союза ССР Болдырев утвердил Трубина в должности. Так не достигший еще и 25-летнего возраста Николай Трубин возглавил районную прокуратуру.

В селе Усть-Цильма, где располагалась прокуратура, Н. С. Трубин проживал и работал более четырех лет. За это время он стал юристом 1-го класса, приобрел солидный опыт и, если ранее занимался, в основном, следствием, то теперь освоил все участки прокурорской деятельности, в том числе такие сложные, как общий и гражданско-судебный надзоры. В характеристике этого

периода неизменно отмечается его дисциплинированность, исполнительность, трудолюбие, скромность. В районе Николай Семенович пользовался авторитетом, был избран в члены бюро райкома партии.

И все же, несмотря на хорошие показатели в работе и благоприятные отзывы, Николаю Семеновичу пришлось расстаться с этой должностью. Его 5-летний сынишка, Сергей, заболел, и врачи настойчиво рекомендовали Трубину переменить место жительства. Условия Крайнего Севера неблагоприятно сказывались на здоровье мальчика. Тогда Н. С. Трубин обратился с просьбой к руководству Прокуратуры РСФСР о переводе его на работу в район юга или средней полосы России. Просьбу поддержал и прокурор Коми АССР Лошкарев, хотя ему, конечно, не хотелось расставаться с инициативным сотрудником.

В июне 1960 года Н. С. Трубин покинул республику Коми, где он прожил семь лет, сдав свои полномочия временно назначенному на должность прокурора района И. Ф. Игнатову. Он выехал в Краснодар. Там в краевой прокуратуре должны были подыскать ему подходящую должность. Однако руководящей работы для него не оказалось, и Николай Семенович занял скромное место следователя Новотитаровского района. Работать приходилось день и ночь. Только за один год он закончил расследование по 72 уголовным делам, причем по всем преступлениям следствие было проведено настолько скрупулезно и добросовестно, что ни одно из них не было возвращено судом на дополнительное расследование. Он не только отдавал под суд преступников, но и тщательно выяснял причины, толкнувшие их на нарушения закона, обстоятельства, способствовавшие преступлению, а затем вносил представления об их устранении. Его часто можно было видеть на предприятиях и в организациях, где он читал лекции и проводил беседы. Неоднократно выступал и в печати с острыми статьями, за что райком партии даже наградил его Почетной грамотой.

Только спустя год, в августе 1961 года, Н. С. Трубин получил повышение — он возглавил прокуратуру Новотитаровского района. С этого времени и начинается его неспешное, но уверенное восхождение на прокурорский Олимп. Не прошло и двух лет, как он был выдвинут на работу в аппарат краевой прокуратуры. В марте 1963 года он становится прокурором следственного отдела, а уже в августе — старшим помощником прокурора края по кадрам. В сентябре 1964 года ему присвоили очередной классный чин — советника юстиции.

Николай Семенович с головой ушел в новую для него работу. Если раньше он сам отвечал за то, как осуществлялся надзор за

исполнением законов, то теперь ему пришлось больше приглядываться к людям, вникать в их заботы, ведь в прокуратуре края тогда насчитывалось почти 260 человек. Для пополнения ее квалифицированными юристами, способными по своим моральным и волевым качествам к трудной прокурорско-следственной деятельности, он установил тесную связь с Краснодарским факультетом Всесоюзного юридического заочного института. Студенты старших курсов (4-го и 5-го), соответствующие, по его мнению, этим требованиям, брались им на заметку. Он беседовал с каждым из них, а лучших приобщал к работе в прокуратуре на общественных началах, создавая тем самым резерв для замещения вакантных должностей. Только за 1965 год из этого резерва были приняты на работу 18 человек. Такая практика вполне себя оправдывала. Постепенно увеличивалась прослойка работников прокуратуры с высшим и незаконченным высшим юридическим образованием (их стало более 90 процентов). Однако проблемы с кадрами оставались. Не все выдерживали напряженный ритм работы в органах прокуратуры, поэтому почти 30 человек ежегодно увольнялись и не все по «собственному желанию».

И все же работа с кадрами не вполне удовлетворяла Н. С. Трубина. Его больше привлекала та сторона деятельности прокуратуры, которая была связана с расследованием преступлений. И когда представилась возможность, он обратился с просьбой к прокурору края Корсакову о переводе его на следствие. В январе 1966 года Николай Семенович возглавил следственный отдел прокуратуры края. В этой должности он задержался дольше всего — шесть лет. Весной 1967 года Н. С. Трубин как молодой еще руководитель стажировался в следственном управлении Прокуратуры РСФСР, причем знакомился не только с аппаратной работой, но и побывал на местах — в Свердловске, где некогда прошла его юность, и в прокуратуре Московской области. Все это ему помогло в дальнейшем. Отдел, возглавляемый Трубиным, был на хорошем счету, а инициативного начальника приметили в союзной прокуратуре.

В январе 1972 года начальник отдела по надзору за следствием и дознанием в органах МВД следственного управления Прокуратуры Союза ССР Г. П. Каракозов обратился к заместителю Генерального прокурора СССР А. С. Панкратову с рапортом о назначении Н. С. Трубина прокурором отдела. С этим был согласен и заместитель Генерального прокурора СССР — начальник следственного управления Н. В. Жогин. Взяли Трубина с явным намерением на выдвижение, так как уже через четыре

месяца он стал заместителем начальника отдела. С января 1974 года Н. С. Трубин одновременно выполнял и обязанности помощника Генерального прокурора СССР. Ему присвоили чин государственного советника юстиции 3-го класса. Прошел еще год, и Николай Семенович получил уже солидную должность — заместителя начальника следственного управления Прокуратуры Союза ССР.

В апреле 1976 года Н. С. Трубин, как один из опытнейших криминалистов страны, был направлен в заграничную командировку — на Кубу. Там он выполнял обязанности советника Генерального прокурора Республики Куба, Сантьяго Куба Фернандеса. На острове Свободы Николай Семенович прожил чуть более года, завоевав любовь и признательность не только работников прокуратуры, но и представителей партийных и государственных органов республики. Он вел там обширную педагогическую деятельность — читал лекции по криминалистике, уголовному, уголовно-процессуальному, исправительно-трудовому праву (впоследствии они были опубликованы в кубинских методических сборниках), участвовал в подготовке проектов законов о прокурорском надзоре в Республике Куба и об уголовном судопроизводстве, консультировал Генерального прокурора. В письме, адресованном Н. С. Трубину, представители общественных организаций Генеральной прокуратуры писали:

«Уважаемый товарищ, Николай Трубин.

Разрешите нам этими скромными строками от имени партийной, комсомольской (СМК) и массовых организаций Генеральной прокуратуры Республики, а также от имени всех ее сотрудников выразить глубокое уважение, которое мы питаем к Вам лично. Это чувство по праву заслужено Вами ежедневной работой и человеческой теплотой, которая проявлялась постоянно.

Было бы некорректно попрощаться с Вами, не сказав до этого о высокой оценке Вашей работы в качестве советника Генерального прокурора и о ее полезности.

Мы считаем, что как Ваша педагогическая работа, которую без преувеличения можно назвать обширной, так и Ваши предложения в области законодательства способствовали тому, чтобы для прокурорской деятельности у нас на родине открылись новые перспективы…»

А вот строки из письма работников прокуратуры провинции Гавана: «В Вашем лице мы видели великолепный пример человека труда, дисциплинированного и очень озабоченного тем, чтобы тот опыт, которым Вы обладаете, был полезен нам. Мы уверены, что

чувство Вашего присутствия среди нас остается и после слов прощания, т. к. у нас остается Ваше ясное понимание и разъяснение наших проблем и, особенно, человеческая теплота, которая была одним из самых неотъемлемых Ваших качеств».

Следует отметить и такой факт. На Кубе Николай Семенович сделал доклад об Октябрьской революции на испанском языке, причем говорил он на чистейшем кастильском наречии.

После завершения командировки Н. С. Трубин продолжал выполнять обязанности заместителя начальника следственного управления Прокуратуры Союза ССР. По распределению обязанностей он занимался непосредственно надзором за следствием, производящимся органами Прокуратуры РСФСР, Белорусской ССР, республик Советской Прибалтики и Средней Азии. Он часто выезжал в командировки в подконтрольные прокуратуры, обстоятельно разбирался на месте с состоянием преступности и организацией следствия и, имея солидный опыт, оказывал прокурорам и следователям большую практическую помощь. За свою работу он не раз поощрялся Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко. В характеристике Н. С. Трубина, подписанной первым заместителем Генерального прокурора СССР А. М. Рекунковым в январе 1978 года, отмечалось, что он «зарекомендовал себя политически зрелым, высококвалифицированным и принципиальным работником, хорошим организатором, требовательным к себе и подчиненным… По характеру выдержан, скромен, трудолюбив, в общении с людьми внимателен, пользуется заслуженным уважением и авторитетом… Способен обеспечить участок работы с большим объемом».

Последняя фраза была не случайной. Дело в том, что 13 января 1978 года Прокурор РСФСР Б. В. Кравцов обратился с письмом к Генеральному прокурору СССР Руденко о назначении Н. С. Трубина заместителем прокурора республики — начальником следственного управления. Этот вопрос был рассмотрен 18 января на заседании коллегии Прокуратуры Союза ССР, а 31 января Руденко подписал приказ о назначении Н. С. Трубина на новую должность. Николай Семенович принял на себя тяжкое бремя руководства всей следственной работой в Российской Федерации, которое он нес более четырех лет.

В июне 1979 года Н. С. Трубин успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. В мае 1981 года за свою трудовую деятельность он был награжден орденом «Знак Почета».

Хотя Николай Семенович старался всеми силами улучшить организацию следственной работы в республике, часто выезжал на места (в год посещал около 10 прокуратур автономных республик, краев и областей), изжить все недостатки, присущие следствию, не удавалось. То в одном, то в другом месте, что называется, прорывало. Следователи прокуратуры то затягивали расследование дел, то допускали нарушения при аресте граждан, то несвоевременно истребовали ходатайства о продлении срока следствия. На все эти недостатки указывалось Н. С. Трубину, как руководителю следственного управления.

Несмотря на загруженность по основной работе, Николай Семенович, ухитрялся по совместительству еще и преподавать. Он читал лекции в Институте повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры Союза ССР. В апреле 1982 года решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР ему было присвоено ученое звание доцента по кафедре прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием.

В июне 1982 года Н. С. Трубин сдал свои полномочия другому прокурору, а сам в качестве заместителя прокурора республики стал заниматься организацией работы управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в суда х и отдела по надзору за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. Он лично поддерживал обвинение по многим уголовным делам, в том числе и по нашумевшему делу об аварии теплохода «Александр Суворов».

В июле 1986 года по представлению Генерального прокурора СССР А. М. Рекункова Николай Семенович был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в следующем году его назначили первым заместителем Прокурора РСФСР. Вскоре ему был присвоен чин государственного советника юстиции 2-го класса.

16 апреля 1990 года Президиум Верховного Совета РСФСР «за заслуги в деле укрепления социалистической законности и многолетнюю добросовестную работу» (стаж его прокурорской деятельности приближался к 40 годам) присвоил Н. С. Трубину звание «Заслуженный юрист РСФСР». Спустя месяц, 28 мая 1990 года Николай Семенович возглавил Прокуратуру РСФСР, сменив на этом посту С. А. Емельянова. Указом Президента СССР от 25 октября 1990 года ему был присвоен чин государственного советника юстиции 1-го класса.

К этому времени заметно поколебалась целостность централизации прокуратуры. Утрата единства прокурорской системы приняла довольно отчетливые очертания. Все громче и

настойчивее раздавались голоса о предоставлении большей самостоятельности прокурорам союзных республик, пересмотра порядка их назначения (руководители республик считали, что это должна быть их прерогатива). Н. С. Трубин считал, что для сохранения единства системы, Прокуратура Союза ССР должна была сделать кардинальные шаги. «Судьба прокуратуры, ее будущее тревожит всех нас, — писал он. — Хотелось бы надеяться, что еще не поздно изменить сложившуюся в прокурорской системе ситуацию. Что можно сделать уже теперь? Безотлагательно передать в компетенцию прокуроров союзных республик решение всех вопросов, связанных с назначением прокуроров районов и городов, а может быть, даже и областных прокуроров, присвоения классных чинов вплоть до советника юстиции, маневрирование штатами, материальными и иными ресурсами, утверждение структурных изменений. А главное — надо пересмотреть порядок назначения прокуроров союзных республик, согласившись с тем, чтобы они утверждались верховными советами республик или согласовывались с ними. Не надо делать вид, что ранее такие назначения ни с кем на местах не согласовывались. Понятно, чтобы рассматривать такие предложения, нужно внести изменения в Конституцию СССР и закон о Прокуратуре СССР».

Органы прокуратуры все более и более втягивались в выполнение несвойственных им функций. Это засасывало, как болото. Силы распылялись, прокуроры, по выражению Трубина, превращались в обычных управленцев. Поэтому на одном из заседаний коллегии прокуратуры республики, проводившемся под председательством Трубина, было решено считать приоритетной задачей защиту законных прав и интересов граждан и прежде всего от преступных посягательств. В условиях перехода страны к рыночным отношениям главное внимание сосредоточить на надзоре за законностью правовых актов и законностью рассмотрения материалов контролирующими органами, а также за разрешением писем, заявлений и жалоб на неправильные действия органов управления, учреждений, организаций и должностных лиц.

Возглавлять прокуратуру республики Н. С. Трубину довелось всего полгода. Бурные процессы, происходившие в стране, породили и кадровую чехарду. Президенту СССР М. С. Горбачеву показалось, что А. Я. Сухарев не вполне справляется с обязанностями Генерального прокурора СССР. Репутацию ему во многом подпортили следователи Гдлян и Иванов, расследовавшие тогда громкое, так называемое узбекское дело. Все это было не по нраву Президенту СССР, и он принял решение

сменить Генерального прокурора, предложив этот пост Н. С. Трубину. Правда, А. Я. Сухарев и сам не очень держался за это место. Об этом он не раз говорил своим коллегам.

11 декабря 1990 года постановлением Верховного Совета СССР Н. С. Трубин был назначен Генеральным прокурором Союза ССР, а 27 декабря Съезд народных депутатов СССР утвердил его в этой должности (постановление подписал Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов). Ему был присвоен классный чин действительного государственного советника юстиции.

Николаю Семеновичу Трубину довелось оказаться последним Генеральным прокурором Советского Союза. В своем выступлении на том съезде Николай Семенович говорил о том, почему меры, осуществленные прокуратурой и другими правоохранительными органами, не влияли на оздоровление обстановки в стране; о пресловутой «войне законов», по существу парализовавшей деятельность органов исполнительной власти; о правовом нигилизме республиканских законодателей, чем не преминули воспользоваться и местные органы власти, особенно в автономных республиках; о прямом и бесцеремонном вмешательстве в деятельность прокуратуры и т. п. Выступая, он еще раз подчеркнул, что прокуратура должна быть освобождена от несвойственных ей функций и что прокурорский надзор не должен подменять органы управления и контроля.

«Концепция обновления нашего Союза, — говорил на съезде Трубин, — исходит из признания суверенитета республик, из признания необходимости разграничения полномочий между Союзом и республиками. Между тем Конституция СССР до последнего времени удерживала Прокуратуру Союза ССР на позиции строгой централизации прокурорской системы. Это привело к тому, что стихийно начавшиеся в республиках процессы по изменению статуса республиканских прокуратур оказались неурегулированными и Прокуратура Союза ССР не могла никак на них влиять. Прокуратуре Союза пришлось плестись в хвосте событий либо принимать какие-то ошибочные организационные решения».

IV съезд народных депутатов СССР по предложению Н. С. Трубина внес поправку в Конституцию СССР, которая предоставляла право высшим органам государственной власти республик назначать прокуроров и требовать от них отчета об их деятельности.

Президент и правительство СССР готовились подписать новый Союзный договор, но в связи с начавшимися событиями 19–21 августа 1991 года (время действия ГКЧП) этот процесс был сорван. Созданный спешно Государственный совет СССР признал

независимость Прибалтийских республик. Союз начал планомерно разрушаться. Тогда было еще не ясно, что будет: Союз республик или Союз суверенных государств, кто в них войдет, каковы будут союзные структуры. Ясно было только одно — прежнего Союза уже нет.

Положение самого Н. С. Трубина оказалось сложным и неустойчивым. Во время «правления» ГКЧП его не было в Москве — он находился с визитом на Кубе. После разгрома гекачепистов часть прессы обвинила руководителей союзной прокуратуры в поддержке переворота и потребовала их смещения. Хотя Прокуратура Союза ССР — один из немногих правоохранительных институтов — в те дни официально не выступала в прессе в поддержку ГКЧП. Чтобы снять Н. С. Трубина, в газетах стали распространяться сведения о том, что якобы он в каком-то интервью на Кубе высказался в поддержку ГКЧП. Трубин все же устоял, правда, он вынужден быть уволить своих заместителей, остававшихся тогда без него: А. Д. Васильева, И. П. Абрамова и А. Ф. Катусева.

В этих до конца так и не прояснившихся условиях, прокуроры обсудили концепцию реформирования союзной прокуратуры на так называемый переходный период. 24 сентября 1991 года Генеральный прокурор Союза ССР Н. С. Трубин пригласил на встречу (она носила неофициальный характер) всех прокуроров фактически уже суверенных республик. В качестве наблюдателей прибыли даже представители признанных уже независимыми Латвии и Литвы. Прокуроры высказались за необходимость постоянного сотрудничества и координации действий прокуратур суверенных государств, обмена мнениями и опытом. По принятой концепции Прокуратура СССР должна была тогда быть преобразована в межреспубликанский орган прокурорского надзора. Предполагалось, что выработкой совместных решений будет заниматься Совет генеральных прокуроров в составе Генерального прокурора СССР (председатель) и генеральных прокуроров республик (по должности). Что касается органов военной прокуратуры, то предлагалось Главную военную прокуратуру упразднить, а ее функции передать гражданскому подразделению Прокуратуры Союза ССР (в то время уже была упразднена коллегия Главной военной прокуратуры, а руководство военными прокурорами возложено на заместителя Генерального прокурора СССР Я. Э. Дзенитиса). Считалось необходимым и упразднение 2-го управления союзной прокуратуры, осуществлявшей руководство спецпрокуратурами режимных объектов.

После самороспуска Съезда народных депутатов СССР,

беловежского соглашения Президента РСФСР и руководителей Украины и Белоруссии и последовавшего вслед за этим развала СССР в декабре 1991 года Н. С. Трубин автоматически потерял свою должность. В приказе было записано, что он освобождается от занимаемой должности «в связи с постановлением Совета Республик Верховного Совета СССР от 26 декабря 1991 г. о прекращении деятельности Союза ССР».

Когда правительство Российской Федерации утвердило Положение о порядке назначения и выплаты пенсий прокурорам, следователям, научным и педагогическим работникам органов и учреждений прокуратуры и их семьям, бывший Генеральный прокурор Союза ССР Н. С. Трубин получил пенсионное удостоверение за первым номером.